

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

11

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Хохлова О.М., Зиборева О.Ю. Креативные индустрии в России и их влияние на укрепление общероссийской гражданской идентичности 6

Деханова Н.Г. Риски цифрового развития: социологический анализ 13

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ардашев Р.Г. Полиграф в оценках молодежи 22

Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь 27

Заварзина Ю.В., Попова М.В. Социальное моделирование экогородского развития: случай Байкальска 32

Иванов Р.В. Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского эко-региона 40

Леденева В.Ю. Китайская студенческая молодежь о российско-китайском стратегическом партнерстве: социологический анализ восприятия 45

Полушкевич О.А. Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов 53

Фарахутдинов Ш.Ф., Амбрушкевич К.В. Предпринимательские намерения студенческой молодежи 59

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Ермолаев Т.С. Пандемия и северный город: социальное самочувствие населения 65

Колесникова Е.Ю. Государственно-гражданская интеграция населения Ростовской области в условиях новой территориальности: концепция, индикаторы оценки, результаты исследования 70

Топал Н.М., Сухотерина Е.Г., Ташлыкова Н.Ю., Сухотерин Д.М., Кондратенко Т.Е. Терроризм как социальное явление: диагностика и пути предотвращения 79

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Блошко В.В. Трансформация управленческих практик в условиях цифровизации: социологический анализ 84

Вельмисова Д.В. Сбалансированность функциональной деятельности работников с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие 91

Даценко С.В. Что не так с KPI? Эффективна ли такая мотивационная стратегия для сотрудников? Административные и психологические аспекты в использовании KPI-подхода 100

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус

Тел.: (495)939-24-05;

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добренков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организации и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силласте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Гральных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренкова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории

Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Луиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думаличевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзусев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромьнка Принт», Москва, ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Ерёмина Е.В.</i> Особенности миграционной политики в России.....	107
<i>Кобыляцкий М.К.</i> Социологические инструменты адаптации гибких методов обучения персонала цифровым технологиям.....	113
<i>Леусенко И.В.</i> Транснациональные корпорации, современный капитализм и будущее общества в эпоху генетических технологий.....	120
<i>Шумилина П.Д.</i> Сравнительный анализ факторов доверия к медиа у аудитории Y и Z: поколенческий аспект.....	130
<i>Шутова М.В.</i> Ценности как фактор формирования профессиональной репутации (в контексте теории графов).....	136

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Кравченко А.И.</i> Теория-театр-зрелище-перформанс.....	146
<i>Лукьянец А.С.</i> Меры поддержки семей с детьми в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральном округе.....	153
<i>Лю Гуолян.</i> Социокультурное значение классических фортепианных произведений в современном образовательном пространстве.....	161
<i>Нанда Марларланкара, Михайлова М.В.</i> Буддийский взгляд на истоки социальных конфликтов и их разрешение.....	166
<i>Ханова Р.В.</i> Информационная культура личности как социальное явление.....	172
<i>Чжан Хэ.</i> Исследование феномена кросс-культурной торговли в научном дискурсе: аспекты оценки влияния социальных процессов Китая на мировую экономику.....	175

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Березовская И.П.</i> Влияние цифровизации на существенные изменения в структуре научного знания.....	183
---	-----

<i>Чан Тхи Нгок, Кожурин А.Я.</i> Применение идей Хо Ши Мина о всестороннем развитии человека в период перехода к социализму в современном Вьетнаме.....	188
<i>Челозерцев Д.А.</i> Симбиоз человека и космоса: роль искусственных спутников Земли в современной научно-технической эволюции.....	194

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Прохоров-Малясов Г.С.</i> К проблеме искусственного интеллекта: философско-мировоззренческие аспекты.....	201
<i>Пэй Цзиньи.</i> Теория молитвы Евагрия Понтийского в контексте русской исихастской практики.....	206

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Луценко А.В.</i> Трансформация «мифа о Ленине» в советском кинематографе эпохи «оттепели».....	214
<i>Плужникова Н.Н., Матвеев Е.А.</i> Актуализация идей технократизма в современном контексте политического лидерства.....	220
<i>Сирин С.А.</i> Правовой нигилизм и современность: ретроспектива и взгляд в будущее.....	225
<i>Тумин А.Ю.</i> Патриотизм как мировоззренческая самоидентификация российской личности.....	229

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рахконен М.Е., Каратаева Т.А., Александрова И.Б., Абоимова И.С., Шаповалова Е.В.</i> Влияние интернета на личность человека в современном обществе.....	234
<i>Чудакова Н.М., Ракитянская А.И., Александрова И.Б., Свиринов М.Г., Дутчина О.Б.</i> Влияние интернета и электронных гаджетов на формирование личности.....	238

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Hohlova O.M., Ziboreva O.Y. Creative industries in Russia and their influence on strengthening the all-Russian civic identity 6

Dekhanova N.G. Risks of digital development: a sociological analysis 13

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G. Polygraph in assessments of young people ... 22

Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people..... 27

Zavarzina Yu.V., Popova M.V. Social modeling of eco-urban development: the case of Baikalsk..... 32

Ivanov R.V. Problems of formation of ecological consciousness as a basis of patriotism in the territory of the Baikal eco-region 40

Ledeneva V.Yu. Chinese students on the russian-chinese strategic partnership: sociological analysis of perception..... 45

Polyushkevich O.A. Eco-city: prosocial behavior of «green» activists..... 53

Farakhutdinov Sh.F., Ambrushkevich K.V. Informal communications in an organization: theoretical foundations and methodological guidelines 59

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Ermolaev T.S. Pandemic and the northern town: social well-being of the population 65

Kolesnikova E.Y. State-civil integration of the population of the Rostov region in the context of new territoriality: concept, assessment indicators, research results 70

Topal N.M., Sukhoterina E.G., Tashlykova N.Yu., Sukhoterin D.M., Kondratenko T.E. Terrorism as a social phenomenon: diagnostics and ways of prevention..... 79

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Bloshko V.V. Transformation of management practices in the context of digitalization: a sociological analysis..... 84

Velmisova D.V. Balance of functional activities of employees with the orientation of value-motivational meanings on innovative development..... 91

Dotsenko S.V. What's wrong with KPI? Is such a motivational strategy effective for employees? Administrative and psychological aspects of using the KPI approach 100

Eremina E.V. Features of migration policy in Russia..... 107

Kobylyatskiy M.K. Sociological tools for adapting flexible methods of training staff in digital technologies..... 113

Leusenko I.V. Transnational corporations, modern capitalism and the future of society in the era of genetic technologies 120

Founded in March 2004. Published 12 times a year
 Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Russian Sociological Association**
 The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.
 Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226
 Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building
 Tel.: (495)9392405;
 email: socjournal.msu@gmail.com
 http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto Viktor Vasilevich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhsutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal “Social Sciences Abroad”; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadiyevna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal Social Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned: The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
 Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 11/30/2024 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 “On the protection of children from information harmful to their health and development.”

<i>Shumilina P.D.</i> Comparative analysis of media trust factors in audience y and z: generational aspect.....	130
<i>Shutova M.V.</i> Values as a factor of professional reputation formation (in the context of Cities theory)	136

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Kravchenko A.I.</i> Theory-theatre-spectacle-performance.....	146
<i>Lukyanets A.S.</i> Measures to support families with children in the north Caucasus and far eastern federal districts.....	153
<i>Liu Guoliang.</i> Socio-cultural significance of classical piano works in modern educational space.....	161
<i>Nanda Marlalankara, Mikhailova M.V.</i> Buddhist Perspective on the Origins of Social Conflict and Its Resolution.....	166
<i>Khanova R.V.</i> Personal information culture as a social phenomenon.....	172
<i>Zhang He.</i> Study of the phenomenon of cross-cultural trade in scientific discourse: aspects of assessing the influence of Chinese social processes on the world economy.....	175

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Berezovskaya I.P.</i> Influence of digitization on essential changes in the structure of scientific knowledge.....	183
<i>Tran Thi Ngoc, Kozhurin A.Ya.</i> Application of Ho Chi Minh's ideas on comprehensive human development during the transition to socialism in modern Vietnam	188

<i>Chelozertsev D.A.</i> The symbiosis of man and space: the role of artificial earth satellites in modern scientific and technological evolution.....	194
--	-----

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE, PHILOSOPHY OF RELIGION

<i>Prokhorov-Malyasov G.S.</i> On the Problem of Artificial Intelligence: Philosophical and Ideological Aspects.....	201
<i>Jingyi Pei.</i> The theory of prayer of Evagrius Ponticus in the context of Russian hesychastic practice	206

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Lutsenko A.V.</i> Transformation of the “myth of Lenin” in Soviet cinema of the “Thaw” era.....	214
<i>Pluzhnikova N.N., Matveev E.A.</i> Technocrat in modern culture: image and political realities.....	220
<i>Sirin S.A.</i> Legal nihilism and modernity: retrospective and a glimpse into the future	225
<i>Tumin A.Yu.</i> Patriotism as a worldview self-identification of a Russian personality	229

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Rakhkonen M.E., Karataeva T.A., Alexandrova I.B., Aboimova I.S., Shapovalova E.V.</i> The influence of the Internet on the personality of a person in modern society...	234
<i>Chudakova N.M., Rakityanskaya A.I., Alexandrova I.B., Svirin M.G., Dutchina O.B.</i> The influence of the Internet and electronic gadgets on the formation of personality.....	238

Креативные индустрии в России и их влияние на укрепление общероссийской гражданской идентичности

Хохлова Ольга Михайловна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: olgamikhaylovnak@bk.ru

Зиборева Ольга Юрьевна,

к.э.н., доцент, доцент, Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: olga.ziboreva@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития креативных индустрий в Российской Федерации, их влияние на укрепление общероссийской гражданской идентичности через формирование опыта российского предпринимательства, осуществляющего свою деятельность по видам креативных индустрий. Авторы подчеркивают роль и значение креативных индустрий в укреплении общероссийской гражданской идентичности. В статье объясняется актуальность и своевременность обеспечения креативного суверенитета нашей страны, дается определение понятия «креативный суверенитет».

Ключевые слова: креативные индустрии, креативный суверенитет, гражданская идентичность, народные художественные промыслы, предпринимательство, экономическая деятельность.

Официально в России первый раз понятие «креативные индустрии» было включено в Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [10], далее в «Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [8]. Затем оно было отражено и в Федеральном законе «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» № 330-ФЗ от 08.08.2024, который вступает в силу в следующем году [11].

По своей сути креативная (творческая) индустрия представляет собой экономическую деятельность, непосредственно связанную с созданием, продвижением на внутреннем и внешнем рынках, распространением и (или) реализацией креативного продукта, обладающего уникальностью и экономической ценностью [6].

Креативные индустрии имеют многоуровневую классификацию и основываются:

- на историко-культурное наследие, которое включает в себя: народные художественные промыслы, деятельность галерей, ремесла, предоставление музейных предметов обществу, а также музейных коллекций, производство продукции с изображением музейных коллекций и предметов, а также зданий музеев и других объектов;
- произведения литературы и искусства, включающие в себя: литературные, драматические, аудиовизуальные, музыкально-драматические, музыкальные, хореографические, фотографические и другие, а также на результаты издательской, исполнительской (артистической) деятельности и фонограммы;
- информационно-телекоммуникационные технологии, в числе которых: обработка данных, разработки программного обеспечения, включающие технологии дополненной, виртуальной реальности, создание компьютерных игр, видеоигр, создание и распространение информации, рекламную деятельность, деятельность аудиовизуального сервиса;
- разработки интеллектуальной деятельности для использования в информационно-телекоммуникационных сетях и средствах массовой информации, включая связи с ответственностью;

– прикладное творчество, включающее: производство одежды и аксессуаров, сценографическое и декоративно-прикладное искусство, гастрономию, дизайн и архитектуру.

Субъектами креативных индустрий выступают физические лица, уплачивающие налоги на профессиональные доходы, занимающиеся креативными видами деятельности, и, юридические лица и индивидуальные предприниматели, связывающие с креативными индустриями свою деятельность.

Особенности креативных индустрий изучает Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, анализ его исследований отчетливо демонстрирует, что, креативные индустрии как новый и особый сектор российской экономики растет наиболее быстро, чем экономика в целом, но рост является неравномерным, а также наблюдается влияние отраслевой, географической концентрации предпринимателей в креативных индустриях страны. В работах О.А. Полюшкевич прослеживается анализ динамики креативности в городах Сибири [12–20].

По исследуемым данным 2022 года, в РФ в креативных индустриях работают ориентировочно почти 2,3 млн человек. С 2020 г. (за два года работы) численность занятых в креативной индустрии увеличилась почти на 11%, в сравнении, например, с другими видами экономической деятельности это увеличение за тот же период выросло всего на 5%. Самое большое увеличение произошло в столице: в Москве темпы прироста составили + 24,4% от численности всех занятых в креативных индустриях, что представляет собой увеличение более чем в 2 раза по средним российским показателям. Концентрация в Москве и Санкт-Петербурге в креативных индустриях составляет почти 42% занятых, в остальных городских округах сконцентрировано чуть больше – 43,8%.

В городах – миллионниках, не учитывая Москву и Санкт-Петербург, работает 13,2% общей численности всех занятых в этой индустрии. Наибольшая доля занятых – 30,6% сконцентрирована в городских округах с населением меньше 1 млн человек. Необходимо отметить, что, почти в два раза медленнее увеличиваются показатели числа занятых в креативной индустрии, сконцентрированных в городских округах с численностью населения меньше 1 млн человек, в других населенных пунктах – на 4,5 и 3,9%. В небольших по численности населенных пунктах, численность которых составляет от 100 тыс. до 250 тыс. человек, и меньше 50 тыс. человек, соответственно занятость в креативных индустриях гораздо ниже и составляет снижение на 1,4 и 0,2%.

Имеется и существенное различие в приоритетных направлениях, в Москве и Санкт-Петербурге самым приоритетным направлением являются информационно-коммуникационные технологии,

в столице их численность в ИТ и видеоиграх выше более, чем в 3 раза, из расчёта на единицу работающего в разных отраслях экономики, чем в среднем по российским показателям, в телерадиовещании также в 3 раза, в рекламной деятельности и пиар-индустрии чуть меньше 3 (в 2,9) раза [1].

Креативные индустрии развиваются и благодаря предприятиям народных художественных промыслов (НХП). В 2023 году суммарный годовой доход таких предприятий в Российской Федерации был более 24 млрд рублей, и можно отметить, что это значимый показатель для креативных индустрий, в которой работает около 1,3 тыс. малых и средних предприятий НХП [2].

Надо отметить, что креативные индустрии, основанные на историко-культурном наследии, произведениях литературы и искусства, прикладном творчестве влияют на развитие общенациональных, этнических традиций в разных регионах Российской Федерации. Например, в Иркутской области издавна существуют и развиваются сибирские школы живописи, литературы и искусства.

Озеро Байкал привлекает множество путешественников – туристов к своим берегам. На территории Иркутской области (в г. Иркутске, Иркутском и Слюдянском районах) свою креативную деятельность успешно осуществляют в сфере культуры и культурно-досуговой сфере негосударственные организации, среди них: 5 театральных организаций, 11 частных музеев, 74 кинозала, 6 галерей художественного творчества, 3 негосударственных культурно-досуговых учреждения. Все они за годы работы не раз демонстрировали на своих площадках свою индивидуальность, профессионализм и заинтересованность выбранным делом.

Иркутск по праву считается культурным центром региона, демонстрирует и России свою насыщенную культурную жизнь: иркутские творческие деятели, среди которых: художники, артисты, литераторы и музыканты оставляют свой след в истории, создавая картины, музыкальные произведения, памятники, ставя спектакли и издавая книги. Они творят в творческих мастерских, на художественных площадках, на сцене, на фестивалях и концертах. За проведением ярких праздников стоят команда организаторов, руководителей, исполнителей. разрабатывающих проект мероприятия для самых разных по возрасту и художественному вкусу аудиторий: от детей и молодежи до взрослых, от любителей классики и старины до современных ее интерпретаций.

Многие проекты давно полюбили иркутянам и стали ежегодной традицией, еще больше укрепив связь человека с культурой, традициями, обычаями и особенностями своего народа. Международный музыкальный фестиваль «Звезды на Байкале», который впервые прошел на байкальской земле в 2004 году по инициативе нашего земляка Дениса Мацуева – народного артиста России,

известного музыканта, лауреата Государственной премии, инициатора этого фестиваля, поставившего двадцать лет назад цель – знакомить иркутян и жителей нашего региона со своим творчеством и лучшими музыкальными произведениями.

Притягателен и другой международный фестиваль – «Джаз на Байкале» который начал проводиться в Иркутске с 2006 года под руководством Александра Филиппова, возглавляемого фонд «Джаз на Байкале», руководителя ансамбля «Доктор Джаз» в Иркутском музыкальном театре им. Н.М. Загурского. Фестиваль собирает именитых музыкантов с мировыми именами со всего мира, неоднократно посещавших Иркутскую область [3, с. 148–149]. Главный символ и приз этого фестиваля – нерпеноч, играющий на саксофоне, этот символ знаком в разных уголках мира, он идентифицируется как символ музыкального фестиваля и великого озера Байкал.

В креативной индустрии Иркутской области и другие фестивали, среди которых: международный фестиваль оперной музыки «Дыхание Байкала», международный театральный фестиваль современной драматургии им. Александра Вампилова, Всероссийский фестиваль народной музыки «Байкальские струны», фестиваль органной и камерной музыки «Вселенная звука» и другие [4].

Надо отметить, что Сибирь становится одним из центров в стране, где развиваются креативные индустрии. По информации СПАРК-Интерфакс Сибирский федеральный округ насчитывает на 10 января 2023 года более 20 000 организаций, а больше 27 000 творческих личностей заявили о реализации своей деятельности в креативных индустриях [9].

Иркутская область занимает одно из ведущих мест в креативной экономике Сибирского федерального округа (СФО). Распределение долей креативных предприятий по регионам СФО сведено в табл. 1 [9].

Таблица 1. Доля регионов в креативной экономике СФО в 2022 г.

Регион	Доля региона, %	Доля выручки креативных предприятий в общем показателе выручки, %
Новосибирская область	26	40
Красноярский край	17	16
Иркутская область	14	8
Кемеровская область	11	7
Омская область	10	11
Алтайский край	9	6
Томская область	7	9
Республика Хакасия	3	1
Республика Тыва	2	3
Республика Алтай	1	0
Всего:	100	100

Лидерами креативных индустрий среди регионов в Сибирском федеральном округе выступает Новосибирская область, с долей 26% по СФО. Далее можно отметить Красноярский край, на долю которого приходится 17%, и замыкает тройку лидеров Иркутская область, с долей 14%. Наименьшую долю в креативной экономике СФО имеют Республики: Хакасия (3%), Тыва (2%), Алтай (1%).

По показателю выручки лидерами являются: Новосибирская область, дающая 40% выручки; Красноярский край, с долей выручки 16%, и Омская область, с долей выручки 11%. Незначительная доля выручки приходится на Республики: Алтай, которая в общем показателе обозначена 0%; Хакасия (1%); Тыва (3%).

Участие креативных предпринимателей в достижении стратегических целей в регионах, а также их усиленное взаимодействие с различными предприятиями разных отраслей может дать положительный экономический эффект развитию регионов, сплотить граждан в Российской Федерации. Компании креативных индустрий Дальневосточного федерального округа (ДФО) по регионам регистрации за 2022 г. (база СПАРК – Интерфакс) представлены в табл. 2 [5].

Таблица 2. Компании креативных индустрий ДФО в 2022 г.

Регион	Всего, ед.	Кол-во предприятий (ед.) с выручкой, млн руб.			Доля компаний от общего количества, %
		до 2	2-18	более 18	
Приморский край	907	183	363	186	33
Хабаровский край	610	133	235	121	22
Республика Саха (Якутия)	274	41	84	65	10
Амурская область	223	48	104	34	8
Республика Бурятия	218	55	82	37	8
Сахалинская область	190	30	87	40	7

Окончание

Регион	Всего, ед.	Кол-во предприятий (ед.) с выручкой, млн руб.			Доля компаний от общего количества, %
		до 2	2-18	более 18	
Забайкальский край	164	34	67	23	6
Камчатский край	97	12	38	25	4
Магаданская область	34	5	16	7	1
Еврейская автономная область	26	3	12	6	1
Чукотский автономный округ	5	1	2	1	0,2
Всего	2748	545	1090	545	100

Из табл. видно, что лидером креативных индустрий является Приморский край, в котором в 2022 году осуществляло деятельность 907 предприятий (33% от общего количества всех креативных предприятий). В этом же регионе находилось наибольшее количество предприятий, у которых выручка составила более 18 млн руб. Наименьшее количество (5 компаний) зарегистрировано в Чукотском автономном округе, что составило 0,2% от общего количества креативных компаний Дальневосточного федерального округа.

Таблица 3. Структура сектора креативных индустрий: Сибирский федеральный округ, 2022 г.

Виды деятельности креативных индустрий	Доля в отрасли, %	Выручка, %
Дополнительное образование	15	2
Реклама	15	13
Программное обеспечение, в т.ч. развлекательное	14	29
Культурные институции	14	1
Издательское дело	12	20
Архитектура	8	13
ТВ, радио, интернет-вещание	6	3
Мода	4	6
Дизайн	4	9
Event	3	1
Исполнительские искусства	2	0
Кино, видео, мультимедиа	2	2
Фото	1	0
Арт-рынок	1	0
Ремесла	0	0
Музыка	0	1

Целевым показателем, по оценке правительства Российской Федерации, является доля творческой деятельности, представленная в производственном секторе экономики РФ, которая должна увеличить свои показатели с 4,6 до 15% к 2030 году. Представим каким образом распределились активно развивающиеся креативные отрасли в 2022 году по структуре видов деятельности в Си-

бирском федеральном округе в нижеприведенной таблице 3 [9].

По показателям статистики видно, что в 2022 году выделяются 16 видов деятельности в составе сектора экономики креативных индустрий. В начале табл. 3 расположены наибольшие доли организаций по видам деятельности: наибольшие доли приходятся на организации дополнительного образования и рекламу (по 15%), чуть меньше – на программное обеспечение и культурные институции (по 14%), а также издательское дело (12%).

Виды деятельности, связанные с исполнительским искусством, кино, видео, мультимедиа, фото, арт-рынком, ремеслами и музыкой не развиты в Сибирском федеральном округе и имеют доли от 0 до 2%. Мода, дизайн, Event (публичные, рекламные мероприятия) составляют от 3 до 4% в структуре сектора креативных индустрий. Чуть более развитыми являются ТВ, радио, интернет-вещание и архитектура (6 и 8% соответственно).

Если рассматривать показатель выручки, то наблюдается неравномерное ее получение и нет прямой взаимосвязи у лидирующих по долям организаций в видах деятельности креативных индустрий с их выручкой. Так, например, видно, что организации, разрабатывающие программное обеспечение, в том числе развлекательное, являются лидерами по доходам, их выручка составляет почти треть всей выручки креативных индустрий (29%) СФО.

Издательское дело в 2022 году получило 20% выручки, что тоже является хорошим показателем для этого вида деятельности. Реклама и архитектура выручили по 13% дохода в 2022 году. Несмотря на то, что дополнительное образование имеет 15% организаций в общем их количестве в креативных индустриях, их выручка составляет всего лишь 2%. Возможно, это связано с социальной значимостью данного вида деятельности, и небольшими ценами на услуги. Исполнительские искусства, фото, арт-рынок, ремесла получают мизерную выручку, не дотягивающую до 1% по креативным индустриям в целом, и обозначены 0.

Проведенное социологическое исследование в Иркутской области «развитие креативных индустрий»

стрий в Иркутской области в 2024 году», где участвовало 665 респондентов разных возрастных групп (старшеклассники, студенты, работающая молодежь, сотрудники организаций и учреждений, пенсионеры) отчетливо продемонстрировало, что положительные изменения в своем регионе от мероприятий креативных индустрий видят 87% респондентов, из них 56% считают, что креативные индустрии ярко и эффективно проявят себя в недалеком будущем, что означает необходимость их продвижения. Особенно положительную оценку их выделили молодежь 27% и студенчество 33%, и представители творческих профессий 27%. Исследование показало, что необходимо проводить ежегодные мониторинги в разных российских регионах, и поддерживать творческую часть населения, представляющих основу креативных индустрий и креативной экономики региона. Необходимо также поддерживать участие в единственной в мире премии, охватывающей все креативные отрасли. Для творческого сообщества нашей страны – это высшая награда!

Необходимо креативное прогнозирование, поскольку есть интерес, как будет развиваться та или иная креативная индустрия в будущем.

В российском правовом поле понятие «креативная индустрия» идеальным образом еще не сформулировано, нормативно-правовая база по этому направлению только формируется и уточняется, для реализации заданных параметров в ближайшей перспективе необходимо создание реестра, обозначение методологии расчета вклада в ВВП, необходимость учета экспортного и импортного потенциала креативных индустрий.

Ситуацию в креативных индустриях, на наш взгляд, существенно осложняет разрозненность сегментов в этом понятии, методике их управления, регулирование и финансирование, и кадровый голод, который обозначился в связи с эмиграцией большого количества творческих представителей нашего сообщества с начала специальной военной операции на Украине. Проведенное исследование показало, что возникла необходимость привлечения молодежи в творчество и профессиональную деятельность с ним связанную, за эту инициативу проголосовало 76% респондентов. 97% выступили за дальнейшее развитие и совершенствование креативных индустрий, 65% предложили эту деятельность расширять на всем региональном пространстве.

Прошедший с 5 по 8 июня 2024 года XXVII Петербургский международный экономический форум взял курс на креативные индустрии, многополярный мир и развитие регионов России. Уже почти три десятка лет он представляет собой главную площадку для обсуждения ключевых вопросов глобальной экономики и обмена лучшими мировыми практиками и компетенциями. На этом форуме обсуждаются креативная экономика, культу-

ра и творческие виды деятельности, что очень актуально и своевременно в условиях многополярного мира для формирования новых точек роста.

От указанных выше перспектив будет напрямую зависеть добьется ли Россия технологического суверенитета, сможет ли создать все необходимые условия для развития креативных индустрий, создать несырьевую экономику. Все эти факторы развития напрямую связаны с защитой национальной безопасности нашей страны, что в условиях многополярного мира является первоочередной задачей государства [15].

Актуальным и своевременным выглядит в этом случае обеспечение креативного суверенитета нашей страны, который призваны обеспечить представители бизнес-элиты, образования и федеральной власти и деятели культуры. Под креативным суверенитетом мы понимаем поддержку своих медиа, кино- и мультипликационных фильмов, контентов для соцсетей в интернет-пространстве, книжных издательств, индустрии моды, программного обеспечения, т.е. продвижение и рекламную деятельность своих отечественных креативных индустрий [21, 24].

Санкционное давление и очищение нашего внутреннего рынка предоставляет огромные возможности для этой деятельности, поэтому государству необходимо создавать условия для развития российских креативных индустрий, а задача креативного бизнеса – эти ниши занять, создать новые и обеспечить их эффективную созидательную деятельность. Эффективность креативной индустрии – это способность быть экономически востребованными и успешными. Здебсь, на наш взгляд, важны не только экономические показатели, сколько социальный эффект от этой деятельности.

Таким образом, организации, создающие программное обеспечение, являются наиболее востребованными в этом секторе экономики, и наполняют рынок интеллектуальными разработками. Большое количество видов деятельности в креативных индустриях говорит о том, что в российском обществе у граждан существует творческое начало, способность реализовывать свой потенциал, большое желание быть полезным обществу и зарабатывать на этом. Одновременно, это ведет к укреплению общероссийской гражданской идентичности, общественному согласию [22] и гражданской сплоченности общества [23], что является актуальным и необходимым условием в его современном развитии.

Литература

1. Босс В. Креативный сектор России демонстрирует концентрированный рост // 11.04.2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://issek>.

- hse.ru/news/913623863.html (дата обращения: 02.11.2024).
2. В РФ ремесленники народных промыслов в 2023 году заработали более 24 млрд рублей // 23.07.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39183-v (дата обращения: 02.11.2024).
 3. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. – № 5. – 2020. – С. 145–150.
 4. Иркутская область. Официальный портал. Культура Иркутской области // дата изменения 23.10.2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://irkobl.ru/region/kultura> (дата обращения: 27.10.2024).
 5. Креативные индустрии Дальнего Востока. – Москва. – Хабаровск. – 2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest-creative_dfo.pdf. (дата обращения: 02.11.2024).
 6. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 08.08.2024 № 330-ФЗ; принят Государственной Думой 30.07.2024; одобрен Советом Федерации 02.08.2024 // Российская газета – 2024. – 16 августа. – ст. 3.
 7. Полунов А.Ю. Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 96. – Февраль. – 2023. – С. 124–131.
 8. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 02.11.2024).
 9. Стратегия развития креативных индустрий в Сибирском федеральном округе. Анализ и перспективы развития. – Февраль. – 2023 // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/1cd/iat3p3lek_1kdte4_ytip_kgu_6n8_vw_5ухтj.pdf. (дата обращения: 02.11.2024).
 10. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 (ред. от 25.01.2023) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/. (дата обращения: 02.11.2024).
 11. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/. (дата обращения: 02.11.2024).
 12. Полюшкевич О.А. Коллаж публичного пространства города // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 331–334.
 13. Полюшкевич О.А. Креативный потенциал городов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 116–122.
 14. Полюшкевич О.А. Креативная среда городского пространства // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы IV международной научно-практической конференции. Иркутск, 2022. С. 230–238.
 15. Полюшкевич О.А. Креативность публичного пространства провинциальных городов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 30–35.
 16. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
 17. Полюшкевич О.А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019. № 4. С. 143–149.
 18. Полюшкевич О.А. Креативное измерение публичного пространства Иркутска // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научно-практической конференции. 2019. С. 154–160.
 19. Полюшкевич О.А. Креативный город: условия развития (случай Иркутска) // Управление городом: теория и практика. 2019. № 2 (33). С. 3–8.
 20. Полюшкевич О.А. Креативная культурная среда современных городов Сибири // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса. Материалы Первой региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. 2018. С. 52–56.
 21. Федякин А.В. Приоритеты государственной культурной политики Российской Федерации и императивы укрепления общероссийской национальной идентичности // Вестник российской нации – № 4. – 2021. – С. 9–45.

22. Хохлова О.М. Общественное согласие как условие развития современной России. – Социология. – 2024. – № 2. – С. 21–28.
23. Хохлова О.М. Гражданское общество в современной России. – Миссия Конфессий. Том 11. Часть 4. – 2022. – № 61. – С. 60–67.
24. Хохлова О. М., Катунцева А.В. Информационная безопасность современной России как компонент национальной безопасности. Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: Материалы XXX молодёжной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2024. С. 206–212.

CREATIVE INDUSTRIES IN RUSSIA AND THEIR INFLUENCE ON STRENGTHENING THE ALL-RUSSIAN CIVIC IDENTITY

Hohlova O.M., Ziboreva O.Y.

Irkutsk State University, Russian State University of Justice

The article examines current issues of creative industries development in the Russian Federation, their impact on strengthening the all-Russian civil identity through the formation of experience of Russian entrepreneurship, operating in types of creative industries. The authors emphasize the role and importance of creative industries in strengthening the all-Russian civil identity. The article explains the relevance and timeliness of ensuring the creative sovereignty of our country, and defines the concept of «creative sovereignty».

Keywords: creative industries, creative sovereignty, civil identity, folk arts and crafts, entrepreneurship, economic activity.

References

1. Boss V. Russia's creative sector demonstrates concentrated growth // 11.04.2024. [Electronic resource]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/913623863.html> (date of access: 02.11.2024).
2. In the Russian Federation, folk craftsmen earned more than 24 billion rubles in 2023 // 23.07.2024. [Electronic resource]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39183-v (date of access: 02.11.2024).
3. Ivanov R.V. Civic activity of the population in the public space of Irkutsk // *Sociology*. – No. 5. – 2020. – P. 145–150.
4. Irkutsk region. Official portal. Culture of the Irkutsk region // date of change 23.10.2023 [Electronic resource]. – URL: <https://irkobl.ru/region/kultura> (date of access: 27.10.2024).
5. Creative industries of the Far East. – Moscow. – Khabarovsk. – 2023 [Electronic resource]. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/digest-creative_dfo.pdf. (date of access: 02.11.2024).
6. On the development of creative industries in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 08.08.2024 No. 330-FZ; adopted by the State Duma on 30.07.2024; approved by the Federation Council on 02.08.2024 // *Rossiyskaya Gazeta* – 2024. – August 16. – Art. 3.
7. Polunov A. Yu. All-Russian civic identity: conceptual foundations and regional embodiment // *Public administration. Electronic Bulletin*. – Issue No. 96. – February. – 2023. – P. 124–131.
8. Order of the Government of the Russian Federation of 20.09.2021 No. 2613-r (as amended on 21.10.2024) “On approval of the Concept for the development of creative (creative) industries and mechanisms for implementing their state support until 2030”. [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (date of access: 02.11.2024).
9. Strategy for the Development of Creative Industries in the Siberian Federal District. Analysis and Development Prospects. – February. – 2023 // [Electronic resource]. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/1cd/iat3p3lek1kdte4ytipkgu6n8vw5yxmj.pdf>. (Accessed: 02.11.2024).
10. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 (as amended on 25.01.2023) “On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy” [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/. (Accessed: 02.11.2024).
11. Federal Law of 08.08.2024 No. 330-FZ “On the Development of Creative Industries in the Russian Federation”. [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/. (date of access: 02.11.2024).
12. Polyushkevich O.A. Collage of public space of the city // *Modern urban studies: social well-being and digital transformation of the city*. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Minsk, 2024. Pp. 331–334.
13. Polyushkevich O.A. Creative potential of cities // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. Pp. 116–122.
14. Polyushkevich O.A. Creative environment of urban space // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Proceedings of the IV international scientific and practical conference. Irkutsk, 2022. Pp. 230–238.
15. Polyushkevich O.A. Creativity of public space of provincial cities // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Proceedings of the Third regional scientific and practical conference. Irkutsk, 2021. Pp. 30–35.
16. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in a provincial town: creativity and profaneness of public space // *Sociology*. 2021. No. 4. Pp. 129–135.
17. Polyushkevich O.A. Creativity and openness of the public space of Irkutsk // *Sociology*. 2019. No. 4. Pp. 143–149.
18. Polyushkevich O.A. Creative dimension of the public space of Irkutsk // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Proceedings of the Second regional scientific and practical conference. 2019. Pp. 154–160.
19. Polyushkevich O.A. Creative city: conditions for development (the case of Irkutsk) // *City management: theory and practice*. 2019. No. 2 (33). Pp. 3–8.
20. Polyushkevich O.A. Creative cultural environment of modern Siberian cities // *Creative industries in the regional space of social services and business*. Proceedings of the First Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th Anniversary of Irkutsk State University and the 20th Anniversary of the Institute of Social Sciences. 2018. Pp. 52–56.
21. Fedyakin A.V. Priorities of the State Cultural Policy of the Russian Federation and the Imperatives of Strengthening the All-Russian National Identity // *Bulletin of the Russian Nation* – No. 4. – 2021. – Pp. 9–45.
22. Khokhlova O.M. Public Harmony as a Condition for the Development of Modern Russia. – *Sociology*. – 2024. – No. 2. – Pp. 21–28.
23. Khokhlova O.M. Civil Society in Modern Russia. – *Mission of Confessions*. Volume 11. Part 4. – 2022. – No. 61. – Pp. 60–67.
24. Khokhlova O. M., Katuntseva A.V. Information security of modern Russia as a component of national security. Russian civilization: history, problems, prospects: Proceedings of the XXX youth scientific and practical conference. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2024. Pp. 206–212.

Риски цифрового развития: социологический анализ

Деханова Наталья Геннадьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: dekhanovang@my.msu.ru

В статье рассматриваются основные подходы к анализу неоднозначности процесса цифровизации, которая несет в себе как массу новых возможностей для общества, так и новые риски. В частности, акцент делается на уровнях нового вида неравенства – цифрового. Рассматриваются оценки рисков цифровизации в современном обществе как экспертами, так и населением.

Автор приходит к выводу, что успех цифровой трансформации и минимизация рисков цифрового развития во многом зависит не только от государства, но и от удачного сотрудничества государственных структур с участниками процесса цифровизации: бизнесом, гражданами, институтами гражданского общества. В данной связи самым сложным, но одновременно необходимым представляется найти баланс между установлением новых правил игры, отвечающим запросам по минимизации цифровых рисков и развитием информационных технологий.

Ключевые слова: цифровизация, информационное общество, цифровое неравенство, цифровой разрыв, риски цифровизации, искусственный интеллект, цифровое государство, цифровой капитал.

Сегодня в мировой социологической науке и практике в эпоху динамизма социальных трансформаций – времени «ускользающего мира» в терминологии Э. Гидденса [5], – усложнения общественной организации, интенсификации культурных и экономических связей и обменов, возрастающей неопределенности будущего общества и человечества вообще, когда информационная революция породила качественно новое информационное пространство и одновременно новые социальные проблемы, в том числе – «digital divide» («цифровой разрыв»), цифровое неравенство, относящееся к одному из современных видов неравенства и последствия для общества процесса цифровизации, становятся ключевыми темами дискуссий в социологической науке.

В данном контексте нельзя не согласиться с тезисом о том, что: «Общее, что связывает разные виды неравенств – это возможность их институционального регулирования, но инструменты регулирования разные» [23]. К институтам, способным воздействовать на цифровое неравенство, можно отнести и бизнес, и НКО, и, конечно, государство.

Не отрицая бесспорные положительные последствия цифровизации, выражающиеся в социальных и экономических эффектах, повышении качества жизни, нивелирование географического фактора при доступе к ряду услуг, доступ к информации, новые возможности для развития науки, искусственного интеллекта и пр. остановимся подробнее на отдельных рисках данного процесса.

Практически все исследователи сходятся во мнении о неоднозначности как процесса цифровизации, которая, с одной стороны, может нивелировать определенные виды неравенства, но с другой стороны, породить новые; так и информационного общества, представляющего не только новые возможности, но и новые проблемы и риски. Более того, цифровое неравенство часто выступает синонимом информационного неравенства, цифрового разрыва или раскола, неравенством, относительно которого нет единого понимания, концептуальной и методологической согласованности, а существует множество подходов, предлагаемых с конца XX века.

И если понятие «информационного общества» было введено в научный оборот Д. Беллом во второй половине XX века [28], термин «цифровизация» всё ещё является новым для социологической науки [9]. Считается, что впервые данный термин был использован американским ученым Николасом Негропonte в его работе «Being Digi-

tal» (1995), где он употреблял слово «digitization» при описании преимуществ выражения аналоговой информации (картинка, музыка, текст) в числовом формате [31].

В широком понимании цифровизация – это «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [24]. Цифровизация, или «digitalization», есть интеграция цифровых технологий во все сферы повседневной жизни, которые впоследствии могут быть оцифрованы, в результате чего образуется техно-социальная окружающая среда цифрового общества [30].

Соединенные между собой устройства разного рода образуют различные сети, что отсылает нас к М. Кастельсу и его сетевому обществу. Сетевое общество – «это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [14].

Популярность и распространение четырех технологий – сетевизации, датификации, алгоритмизации и платформизации – повлекла существенные социальные изменения. Социологический анализ вышеуказанных технологий позволяет сформулировать основные характеристики, которые присущи современному цифровому обществу. Изменения касаются всех сфер жизни: образования, работы и отдыха. Таким образом, понятие цифрового общества представляет собой общество, чья инфраструктура работает посредством цифровых технологий, где сеть и платформы являются ключевой формой социального взаимодействия и организации [8]. Основу каждой из вышеуказанных технологий формируют элементы цифровой инфраструктуры, которая реализует связность и мобильность современного цифрового мира и комплексность цифрового общества. Этими элементами служат алгоритмы, сети, платформы и технологии больших данных [8].

Следует отметить несколько аспектов, связанных с рассматриваемой проблематикой: во-первых, в социологии наблюдается ряд терминологических трудностей и разграничений понятия цифрового неравенства [21]: в широком смысле оно указывает на различия в доступе к накопленным человеческим знаниям и информации; в узком смысле некоторые авторы понимают его как идентичное термину «информационное неравенство» и шире «цифрового разрыва», как социальную дисфункцию, базирующуюся на различиях в доступе к разного рода ИКТ.

В научной литературе отдельно выделяется проблема «цифрового неравенства, которая возникает в том числе из-за отсутствия необходимой инфраструктуры, из-за физических ограничений,

низкого уровня цифровой грамотности граждан» [21]. Согласно подходам ряда исследователей цифровое неравенство рассматривается как один из аспектов современного социального неравенства, и именуется цифровым разрывом [3, 4, 10, 11, 35, 36].

В виду эволюции цифрового неравенства и изменений в концептуализации этого явления, в научном сообществе общепризнана идея выделять уровни цифрового разрыва, особенно из-за специфики и масштаба доступа использования цифровых технологий. Термин «цифровой разрыв» используется в разных трактовках, так, например, организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяет его как «разрыв между отдельными лицами, домашними хозяйствами, предприятиями и географическими районами на различных социально-экономических уровнях с учетом их возможностей доступа к ИКТ и широкого спектра деятельности» [33].

Исследователи выделяют три уровня цифрового разрыва. Первый уровень фиксирует «разницу в доступе к новейшим информационным технологиям (наличие или отсутствие материальной базы) и включает в себя не только владение специальными устройствами (смартфонами, компьютерами и др.), но и наличие доступа к Интернету, а также его качество (скорость, стоимость и др.)» [20]. Анализ первого уровня цифрового разрыва с акцентом на политэкономическую составляющую (разный уровень экономического развития стран, социокультурные особенности, роль государства в регулировании процессов цифровизации) был характерен для исследований начала XXI века: цифровые технологии в обществе – ««ящик Пандоры, открывающий новые неравенства власти и богатства, что углубляет различия между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» [32]. Несмотря на усилия международных организаций и множества государств преодолеть проблему доступа, неравенства, обозначенные на первом этапе изучения цифрового неравенства, все еще сохраняют актуальность [4]. Вместе с тем стоит отметить, что Россия обладает высоким показателем доступа к Интернету, а к 2030 году в соответствии с показателями реализации национальной цели «Цифровая трансформация», закрепленными Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474, 97% домохозяйств должны обеспечены доступом в Интернет, а 95% популярных госуслуг должны быть доступны гражданам в электронном виде [2].

«Второй уровень цифрового разрыва фиксирует разницу в необходимых для эффективного использования информационных технологий навыках (наличие способностей не только потреблять контент, но и производить его, быть активным участником взаимодействия)» [11]. Продолжая

идею М. Кастельса о тесной связи общественной жизни и экономики с цифровой инфраструктурой, которая, в свою очередь, становится основой для электронной экономики, цифровых рынков и финансов, электронной демократии и цифрового общества [14]. Б. Уэссельс отмечал: «Для того чтобы экономика была конкурентоспособной на мировом рынке, она должна быть подключена к цифровой инфраструктуре, и ей необходима рабочая сила, обладающая образованием и навыками для работы в электронной экономике» [4]. Впоследствии эта мысль привела к «формулированию новых требований к человеческому капиталу, в том числе требований к образованию, социальной вовлеченности людей, их готовности к новым культурным практикам в цифровой среде» [34, 4]. На этом этапе исследований актуализируется тематика человеческого капитала в целом и цифрового капитала, в частности. При этом роль последнего, несомненно, возрастает в условиях цифровой среды. В данной связи необходимо подробнее проследить связь между человеческим капиталом в целом и цифровым капиталом, в частности. Так, согласно определению ОЭСР, по сути основывающемуся на определении нобелевских лауреатов Т. Шульца и Г. Беккера: «Человеческий капитал – это навыки, знания, способности и умения в людях, позволяющие создавать личное социальное и экономическое благосостояние» [17]. Также важно, упоминание сперва социального, а после экономического благосостояния, что свидетельствует о важности вклада человеческого капитала в иные блага, помимо экономических. В современном мире цифровое развитие человеческого капитала становится ключевым элементом устойчивого экономического роста и социального прогресса. Цифровизация сферы человеческого капитала и современного общества, включая образование, здравоохранение, трудовые отношения и социальное включение, представляет собой огромный потенциал для страны и повышения производительности труда. Однако, чтобы эффективно использовать возможности цифровизации, необходима системная институционализация цифрового развития человеческого капитала, прежде всего в сфере образования, а также сфере занятости населения.

Под цифровым капиталом сегодня исследователи понимают «интегральную совокупность... объединяющую компетенции преодоления трех уровней цифрового неравенства – первого (доступ к технологиям), второго (цифровые навыки и компетенции) и третьего (социальные преимущества использования цифровых технологий)» [35, 4].

Государство совместно с крупным бизнесом делают большие шаги в сторону развития цифрового капитала, а именно – профильного образования. Так, только за период с 2019 по 2023 г. бюджетный прием на ИТ-специальности в России

увеличился в 2.4 раз, количество студентов прошедших обучение на цифровых кафедрах увеличилось на 86 тысяч, количество школьников, сдающих ЕГЭ по информатике на 48%, а количество старшеклассников, прошедших дополнительное обучение языкам программирования на 240 тысяч [25].

И, наконец, жизненные возможности и шансы, которые реализуются благодаря использованию цифровых технологий, образуют третий уровень цифрового неравенства.

На всех трех уровнях необходимо отметить в качестве ведущей именно государственную политику по преодолению цифрового неравенства, несмотря на значительную роль бизнес-структур, институтов гражданского общества. Так, развитие информационных технологий и их проникновение в жизнь обычных людей, привело к возникновению множества онлайн-платформ, а также нового вида занятости – платформенной занятости. В этом случае платформа (крупная онлайн-компания) выступает в роли посредника между лицом, которое оказывает услуги (курьер, таксист, ресторан, служба доставки и т.д.) и лицом, которое нуждается в услугах – потребителем. Фактически, развитие технологий создало абсолютно новую экономическую сущность, которая требует внимания со стороны государства.

По мнению теоретика цифрового разрыва Я. ван Дейка, цифровой разрыв приводит к таким социальным проблемам современного общества, как замедление экономического роста и инновационного развития, усиление неравенства, угроза общественной безопасности по причине отсутствия контроля за теми, кто не имеет доступа к цифровым технологиям, или, наоборот, находится в этом плане в привилегированном положении [10].

Помимо проблемы цифрового разрыва, развитие процесса цифровизации в обществе несет и другие риски. Речь идет, прежде всего, об осведомленности о тех последствиях, которые могут негативно повлиять на современного человека. Так, несмотря на все преимущества алгоритмических механизмов, их работа приводит к усилению контроля, надзора за личной жизнью и управлению людьми. Поднимаются вопросы об осведомленности пользователей о том, как работают платформы, кто, каким образом собирает данные и куда их потом передает. Соответствие политики онлайн-сообществ законам национальных государств и соглашениям международных организаций также подвергается сомнению. Под сомнение ставится сама возможность учета интересов общества, бизнеса и государства одновременно при высоких темпах принятия новых ценностей, социальных механизмов контроля и управления [10].

Регуляторы всего мира пытаются найти баланс между установлением новых правил игры и разви-

тием информационных технологий. Так, для развития технологий искусственного интеллекта требуются большие массивы данных для обучения, чрезмерное регулирование в этой области, может поставить отечественные ИТ-компании в невыгодное положение относительно конкурентов из других государств. Российский регулятор подходит к этому вопросу постепенно, так, с 2023 года все российские онлайн-ресурсы, которые используют рекомендательные алгоритмы обязаны сообщать об этом пользователю и опубликовать правила применения рекомендательных алгоритмов [1]. Таким образом, удовлетворяется право пользователя на раскрытие информации об используемых о нем данных.

В связи с тем, что цифровизация неизбежно несёт за собой угрозы, возникает необходимость рассмотрения рисков применения цифровых технологий и их социологического осмысления.

Классификация, составленная учёными, включает 11 рисков и негативных эффектов цифровизации (их типов) и 35 подтипов. Поскольку типология максимально охватывает угрозы, которые цифровое развитие может нести для социальной реальности, мы приведём 11 типов рисков, которые на высшем уровне абстракции в данной классификации описывают потенциальные опасности использования цифровых технологий.

1. *Неблагоприятный обмен*: Цифровизация может облегчить обмен информацией или товарами, которые могут быть желательны для участников транзакции, но последствия которых социально нежелательны. К этим рискам можно отнести недобросовестные публичные дискуссии, содержащие нежелательный обмен информацией и социально вредные формы публичного дискурса через цифровые технологии, а также социально неприемлемые транзакции.
2. *Поддержка правонарушителей*: Цифровизация может облегчить злоумышленникам совершение вредных деяний и тем самым способствовать их свершению.
3. *Неблагоприятные экономические сдвиги*: Цифровизация может нарушить экономическое равновесие и, таким образом, может поставить некоторые стороны в худшее положение, чем они были бы без цифровизации.
4. *Изменение политического контроля*: Цифровизация может изменить политические силы и динамику, способствовать политическим изменениям, которые нежелательны для значительного большинства людей. Тренды к экстремистскому поведению на онлайн-платформах, усиление контроля политических режимов через технологии контроля, отсутствие законодательной базы для использования цифровых технологий.

5. *Уязвимые ИТ-операции*: Цифровизация может ухудшить или остановить работу организации, поскольку критически важное техническое обеспечение может быть недоступно или работать не так, как ожидалось.
6. *Ухудшение здоровья*: Цифровизация может отрицательно сказаться на здоровье отдельных индивидов, включая общее снижение психологического здоровья, зависимости (например, от видеоигр) и связанные с ними проблемы, снижение физического здоровья.
7. *Ухудшение состояния окружающей среды*: Потребности в ресурсах, возникающие в результате цифровизации, могут изменить экологическую устойчивость в худшую сторону, конкретнее – влияние на климат энергетических запросов, потребление материальных ресурсов.
8. *Этические проблемы*: Цифровизация может привести к новым этическим дилеммам или изменить способ решения этических дилемм. Авторы в данном случае выделяют такие подтипы, как разрушение приватности, дегуманизация на рабочем месте (ухудшение условий на работе для сотрудников-людей в связи с применением ИТ), потеря автономности действия, эрозия солидарности, этическое программирование (кодирование цифровых технологий в соответствии с человеческой моралью), распыление ответственности.
9. *Неоднозначная среда принятия решений*: Цифровизация может поставить лиц, принимающих решения, в нежелательные ситуации с ненадежной или противоречивой информацией о фактах и агентстве – информация может быть неподтвержденной или приходиться от ненадежного источника.
10. *Нежелательная поведенческая адаптация*: Цифровизация может привести к изменению традиционных компетенций и моделей поведения социально нежелательным образом.
11. *Потеря контроля над алгоритмами*: Цифровизация может сделать возможными сложные и объединенные в сеть алгоритмы, которые находятся за пределами надлежащего человеческого понимания и контроля [28].

Отечественными исследователями рассматриваются все виды выше обозначенных рисков: риски утечки приватных данных, в том числе на платформах госуслуг, информационной безопасности, этических проблем, связанных с применением цифровых технологий в жизни общества, баланса между общественной безопасностью и тайной частной жизни [12].

Более серьезной угрозой является злоупотребление данными, или нецелевое использование данных пользователей, к которым у них нет доступа и, соответственно, возможности управлять. Тот, кто собрал личные данные пользователей, может

использовать их в коммерческих целях или для личной выгоды, а поскольку такие манипуляции обычно происходят скрыто, нет возможности гарантировать конфиденциальность собранных данных [26].

Некоторые исследователи акцентируют внимание на рисках, возникающих из-за абсолютного делегирования полномочий интеллектуальным системам. Безошибочность и объективность компьютера в принятии решений на основе больших данных принимается безоговорочно, а в случае совершения ошибки высокотехнологичная машина не несёт никакой ответственности (ведь закона, который заставил бы компьютер предстать перед судом общественности, не существует). Бремя по разрешению негативных последствий и устранению неполадок ложится на человека, зачастую – обычного пользователя, которому прежде нужно доказать факт совершения ошибки тем, кто может её исправить [12].

Участие механизмов на основе алгоритмов в принятии решений может сказаться на управленческой деятельности субъектов-работодателей: использование технологий для оценки сотрудников, снижение за счёт этого заработной платы или повышение нагрузки, контроль за рабочей деятельностью – всё это ведёт к дискриминации на рабочем месте и ухудшению условий труда. Алгоритмы, управляющие людьми, усиливают напряжение, приводят к выгоранию и увольнению сотрудников [26].

Ещё одним последствием цифрового развития для рынка труда неизбежно становится появление «лишних людей». Те индивиды, чей уровень квалификации не позволит адаптироваться к изменениям, а навыки не дадут освоить новые компетенции, необходимые для работы в цифровой среде, что закроет возможность конкурировать за рабочее место, усилит риск безработицы [7]. Также исследователи отмечают такой тренд, как возрастающее неравенство в доходах: предсказуемо, попадание в уязвимые группы работников тех, кто вынужден за невысокую заработную плату выполнять несложные задачи [7].

Как нам удалось выяснить, распространение цифровых технологий приводит к увеличению рисков их использования. При этом риски становятся скрытыми, поскольку угрозы, из-за которых они появляются, не проявляются явно в повседневной жизни. Кроме того, преодолеть появление рисков цифрового развития очень трудно, поскольку темпы совершенствования технологий и вызванных ими изменений в социальной структуре, в человеческих практиках настолько велики, что принимаемые решения по устранению опасностей могут не справиться с появлением следующих инноваций.

Поэтому необходимо изучать риски цифровизации и их влияние на общественное развитие – чтобы увеличить шансы предсказать и предотвра-

тить угрозы, возможность которых они предвещают.

Интересно сопоставить мнение экспертов и населения относительно рисков цифровизации.

Так, например, множество зарубежных исследований и отечественных были посвящены последствиям и рискам, связанным с применением властями новых форм цифрового контроля во время пандемии COVID-19.

Помимо экспертной оценки несомненный интерес представляет оценка респондентами эффектов и рисков цифровизации в различных сферах жизнедеятельности общества с использованием социологических методов исследования.

Так, например, отношение россиян к цифровизации выявлялось в исследовании компании «Ромир» в ноябре 2021 г. (более 10 тыс. респондентов) [19]. На основе полученных данных исследователи отметили зависимость негативных оценок цифровизации от типа поселения и уровня образования респондентов (40% так считающих – люди с незаконченным высшим образованием из городов до 500 тыс. человек. В чем же основные негативные эффекты цифровизации по мнению респондентов? На первых местах «утрата личных границ» и безработица в связи с роботизацией и автоматизацией рабочих процессов, снижение уровня образования. При этом интересно, что подобные риски осознаются респондентами вне зависимости от возраста.

Вполне отчетливо осознаются опрошенными и проблема цифрового неравенства. Особенно уязвимыми в плане цифровой изоляции и неготовности к цифровому взаимодействию с государством предсказуемо оказались люди старше 60 лет, респонденты с низким уровнем образования и с низким уровнем доходов.

Если рассматривать детальнее риски цифровизации глазами населения конкретно в плоскости цифровизации государственного управления, то здесь интерес представляет опрос 2023 г., проведенный исследователями РАНХиГС.

«Наибольшую обеспокоенность граждан вызывают риски утечки персональных данных, мошенничества: 72,4%» [27]. Однако несмотря на эти риски большинство граждан не готовы отказаться от использования новых технологий в коммуникациях.

Представленные данные вполне коррелируют с данными опросов ВЦИОМ, в частности с опросом, проведенным в мае 2024 г. В этом опросе оценивались не только риски цифровизации в государственном управлении – вопрос ставился шире: на проблему безопасности личных данных указывают 46% респондентов. На втором месте – невозможность оценить качество товара/услуги до его приобретения и трудности в случае сбоев работы интернета (40%). Сильная связь прослеживается между возрастом респондентов и значимости для

них проблемы невозможности личного общения при получении цифровых услуг и трудности в освоении новых технологий (12% – в целом по всем возрастным группам, 3–7% – миллениалы) [16].

Ряд исследователей акцентируют внимание на отношении к рискам цифровизации и адаптации к ним в поколенческом разрезе. Так, например, Рикель А.М., Старостина Ю.А. по итогам качественного исследования (полуструктурированного интервью в фокус-группах) [18] приходят к выводу о том, что и для так называемого реформенного поколения (1968–1981 г.р.), и для поколения Z (2001 и позднее г.р.), среди цифровых рисков выделяются экономические риски, риски, связанные с безопасностью конфиденциальной информации, личные риски и вопросы слежки в Интернете. Наиболее опасным признается риск утери контроля за личной и финансовой информацией в Интернете. При этом в качестве стратегии адаптации к данным рискам представителями обоих поколений называют технократические стратегии. При этом, если поколение Z не боится свободно общаться и реализовывать свою деятельность в Интернете, то представители реформенного поколения чаще предпочитают ограничивать свою активность.

В частности, институт государства может сыграть большую роль по преодолению рисков цифровизации – благодаря имеющимся ресурсам национального уровня и возможности применять легитимные способы давления, в том числе нормы законодательства, и оказывать поддержку уязвимым участникам процесса цифровизации.

Новые тренды в применении технологий на государственном уровне способствовали появлению новых терминов. В научной и публицистической литературе часто используется акроним GovTech (Government Technologies), который обозначает технологии для предоставления государственных услуг населению и повышения эффективности работы органов власти и государственных институтов – судов, больниц, школ [22].

Хотя за последние пять лет высокие технологии значительно усилили свое влияние на управленческую деятельность, в настоящее время далеко не все страны широко применяют их в работе государственных ведомств по разным факторам. Низкий производственный потенциал, отсутствие цифровой инфраструктуры, ограниченный доступ к технологиям в странах, находящихся «в особой ситуации» (наименее развитые страны, малые островные развивающиеся государства и др.), могут создавать препятствия для развития электронного правительства [13]. Цифровая трансформация не завершена ни в одной стране мира – уровень цифровизации даже самых развитых стран находится на стадии «дата-центричное правительство», в соответствии с классификацией компании Gartner [37]. Фокус сохраняется на сборе дан-

ных и работе с ними, благодаря чему совершенствуется удовлетворение запросов граждан в предоставлении государственных услуг.

Несмотря на общий успех электронного правительства и признание правительственными структурами необходимости цифровой трансформации государственного управления, существует множество проблем, которые предстоит преодолеть для достижения этапа цифрового правительства. Однако цифровизация государственного управления сама по себе несет существенные риски, которые представляют угрозу не только в плане технологической безопасности. Риски цифрового развития государственного управления могут создать серьезные социальные проблемы, в связи с чем при переходе к цифровому правительству следует обратить внимание на возможности их преодоления. Переход к цифровому правительству, хотя и основывается на технологических мероприятиях, является социально-политическим и социально-экономическим феноменом [6]. Успех цифровой трансформации во многом зависит не только и не столько от государства, сколько от удачного сотрудничества государственных структур с участниками процесса цифровизации. В период формирования цифрового правительства оформляется модель государственного участия «Государство для граждан», при которой участие граждан в системе государственного управления позиционируется как проактивное [15]. Так, степень доверия граждан, а также экспертного сообщества и бизнеса к действиям властей играет большую роль в реализации программ по достижению цифровой трансформации.

Но очень важно подчеркнуть, что успех цифровой трансформации и минимизация рисков цифрового развития во многом зависит не только от государства, но и от удачного сотрудничества государственных структур с участниками процесса цифровизации: бизнесом, гражданами, институтами гражданского общества. В данной связи самым сложным, но одновременно необходимым представляется найти баланс между установлением новых правил игры, отвечающим запросам по минимизации цифровых рисков и развитием информационных технологий.

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307310021> (дата обращения: 15.06.2024).
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на пе-

- риод до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 14.05.2024).
3. Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. 2012. № 1. С. 3–29.
 4. Вартанова Е. Л., Гладкова А.А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. 2020. № 2. – URL: <http://www.mediascore.ru/2614> (дата обращения: 12.02.2024).
 5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
 6. Деханова Н.Г., Деханов А.С. Электронное правительство в современной России: тенденции и перспективы развития.// Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 173–177.
 7. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А., Сушко В.А. Детерминанты неравенства российских регионов в условиях глобальной цифровой трансформации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4 (182). С. 25–31.
 8. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. № 2. С. 112–129.
 9. Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019; 25(4). С. 188.
 10. Добринская Д. Е., Мартыненко Т.С. Возможно ли цифровое равенство? (о книге Я. ван Дейка «Цифровой разрыв») // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 158–164.
 11. Добринская Д. Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.
 12. Земноухова Л.В., Коршунова С.В., Шепелева О.С. Цифровое неравенство и цифровая дискриминация. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdto.ranepa.ru/reports/ethics/2021/2-2-cifrovoye-neravenstvo-i-cifrovaya-diskriminaciya>.
 13. Исследование ООН: Электронное правительство 2022. Будущее цифрового правительства. – ООН, Нью Йорк, 2022. – 155 с.
 14. Кастельс М. Власть коммуникации – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – С. 564.
 15. Мишустин назвал «Государство для граждан» новой культурой госуправления. ТАСС. 1.02.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/13584589> (дата обращения: 10.04.2023).
 16. Наша цифровая повседневность. Аналитика ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaya-povsednevnost> (дата обращения: 18.06.2024).
 17. Организация экономического сотрудничества и развития. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. – URL: <https://globalcentre.hse.ru/oecd> (дата обращения: 16.12.2023).
 18. Рикель А.М., Старостина Ю.А. Цифровые риски и цифровая безопасность глазами разных поколений: опыт качественного исследования // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика. Психология. 2023. № 3. С. 68–75.
 19. Ромир: большинство россиян положительно относятся к цифровизации [Электронный ресурс]. – URL: <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-pozhitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> (дата обращения: 15.06.2024).
 20. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Монография/ Осипова Н.Г., Вершинина И.А. – М., 2021. – 276 с.
 21. Тагаров Б. Ж., Тагаров Ж.З. Особенности информационного неравенства в современной экономике // Креативная экономика. 2018. № 5. С. 544–545.
 22. Технологии в государственном управлении (GovTech): направления и инструменты развития в мире. ГБУ «Агентство инноваций города Москва». Август 2021.
 23. Фефелова М. В неравных условиях: о социальном неравенстве рассказывает специалист ИЭОПП СО РАН // Новости сибирской науки – ГПНТБ СО РАН. 2020, 10 августа. – URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/vneravnuykh-usloviyakh-10082020> (дата обращения: 10.03.2024).
 24. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
 25. Чернышенко назвал число бюджетных мест по IT-специальностям 2023 году. [Электронный ресурс]. – URL <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/07/20/20912600.shtml> (дата обращения: 10.03.2024).
 26. Этика и «цифра»: от проблем к решениям/ под ред. Е.Г. Потаповой, М.С. Шклярчук. – М.: РАН-ХиГС, 2021. – 184 с.
 27. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 33–73. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73.

28. Bell D. *The End of Ideology*. – New York: Free Press, 1960.
29. Gimpel, H., Schmied, F., «RISKS AND SIDE EFFECTS OF DIGITALIZATION:...». In *Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems (ECIS), Stockholm & Uppsala, Sweden, June 8–14, 2019* – p. 7–9.
30. Gray, J., Rumpe, B. (2015). *Models for Digitalization. Software and Systems Modeling, 2015. 14 (4)*. – 1319 p.
31. Negroponte N. *Being digital*. Kent, 1995.
32. Norris P. (2001) *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
33. OECD. *Understanding the Digital Divide*. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/en.html> (дата обращения: 17.12.2023).
34. Park S. (2017) *Digital capital*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0
35. Ragnedda M. (2018) *Conceptualizing digital capital*. *Telematics and Informatics 35*: 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
36. van Dijk J. (2013) *A theory of the digital divide*. In M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. – New York: Routledge. – Pp. 28–51.
37. *5 Levels of Digital Government Maturity* – Gartner. 2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/5-levels-of-digital-government-maturity> (дата обращения: 10.04.2023).

RISKS OF DIGITAL DEVELOPMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Dekhanova N.G.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article discusses the main approaches to the analysis of the ambiguity of the digitalization process, which carries both a lot of new opportunities for society and new risks. In particular, the emphasis is on the levels of a new type of inequality – digital inequality. Assessments of the risks of digitalization in modern society by both experts and the population are considered.

The author concludes that the success of digital transformation and minimizing the risks of digital development largely depends not only on the state, but also on the successful cooperation of government agencies with participants in the digitalization process: business, citizens, civil society institutions. In this regard, the most difficult, but at the same time necessary is to find a balance between the establishment of new rules of the game that meet the requirements for minimizing digital risks and the development of information technologies.

Keywords: digitalization, information society, digital inequality, digital divide, risks of digitalization, artificial intelligence, digital state, digital capital.

References

1. Federal Law of 31.07.2023 No. 408-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Information, Information Technology and Information Protection” [Electronic resource]. – URL: [- ation.pravo.gov.ru/document/0001202307310021 \(date of access: 15.06.2024\).
 2. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 “On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030” \[Electronic resource\]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> \(date of access: 14.05.2024\).
 3. Vartanova E.L., Gladkova A.A. Digital inequality, digital capital, digital inclusion: the dynamics of theoretical approaches and political decisions // *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*. 2012. No. 1. Pp. 3–29.
 4. Vartanova E. L., Gladkova A.A. Digital capital in the context of the concept of intangible capital // *Mediascope*. 2020. No. 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/2614> \(accessed: 12.02.2024\).
 5. Giddens E. *The slipping world: how globalization is changing our lives*. – Moscow: Ves’ mir, 2004. – 120 p.
 6. Dekhanova N. G., Dekhanov A.S. Electronic government in modern Russia: trends and development prospects // *Socio-political sciences*. 2019. No. 3. P. 173–177.
 7. Dekhanova N.G., Kholodnenko Yu.A., Sushko V.A. Determinants of Inequality of Russian Regions in the Context of Global Digital Transformation // *Theory and Practice of Social Development*. 2023. No. 4 \(182\). P. 25–31.
 8. Dobrinskaya D.E. What is a Digital Society? // *Sociology of Science and Technology*. 2021. No. 2. P. 112–129.
 9. Dobrinskaya D.E. Digital Society in Sociological Perspective. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019; 25\(4\). P. 188.
 10. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Is Digital Equality Possible? \(about the book by J. van Dijk “The Digital Divide”\) // *Sociological Studies*. 2020. No. 10. Pp. 158–164.
 11. Dobrinskaya D. E., Martynenko T.S. Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide // *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 108–120.
 12. Zemnoukhova L. V., Korshunova S.V., Shepeleva O.S. Digital Inequality and Digital Discrimination. \[Electronic resource\]. – URL: <https://cdto.ranepa.ru/reports/ethics/2021/2-2-cifrovoe-neravenstvo-i-cifrovaya-diskriminaciya>.
 13. UN Study: E-Government 2022. *The Future of Digital Government*. – UN, New York, 2022. – 155 p.
 14. Castells M. *The Power of Communication* – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. – P. 564.
 15. Mishustin Calls “State for Citizens” a New Culture of Public Administration. TASS. 1.02.2022 \[Electronic resource\]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/13584589> \(date accessed: 10.04.2023\).
 16. *Our Digital Everyday Life*. VTsIOM Analytics. \[Electronic resource\]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> \(date of access: 18.06.2024\).
 17. Organization for Economic Cooperation and Development. National Research University Higher School of Economics. \[Electronic resource\]. – URL: <https://globalcentre.hse.ru/oecd> \(date of access: 16.12.2023\).
 18. Rikel A.M., Starostina Yu.A. Digital risks and digital security through the eyes of different generations: experience of qualitative research // *Vector of Science TSU. Series: Pedagogy. Psychology*. 2023. No. 3. Pp. 68–75.
 19. Romir: Most Russians have a positive attitude towards digitalization \[Electronic resource\]. – URL: <https://romir.ru/studies/romir-bolshinstvo-rossiyan-polojitelno-otnosyatsya-k-cifrovizacii> \(date of access: 15.06.2024\).
 20. *Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia*. Monograph / Osipova N.G., Vershinina I.A. – M., 2021. – 276 p.
 21. Tagarov B.Z., Tagarov Zh.Z. Features of information inequality in the modern economy // *Creative economy*. 2018. No. 5. P. 544–545.
 22. *Technologies in public administration \(GovTech\): directions and tools for development in the world*. State Budgetary Institution “Agency of Innovations of the City of Moscow”. August 2021.](http://publi-

</div>
<div data-bbox=)

23. Fefelova M. In unequal conditions: a specialist from the Institute of Economics, Management and Industrial Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences talks about social inequality // *News of Siberian Science – State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2020, August 10. – URL: <http://www.sib-science.info/ru/institutes/v-neravnykh-usloviyakh-10082020> (accessed: 10.03.2024).
24. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // *Management Consulting*. 2018. No. 10. Pp. 46–63.
25. Chernyshenko named the number of budget places in IT specialties in 2023. [Electronic resource]. – URL <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/07/20/20912600.shtml> (date accessed: 10.03.2024).
26. Ethics and “digital”: from problems to solutions / edited by E.G. Potapova, M.S. Shklyaruk. – M.: RANEPА, 2021. – 184 p.
27. Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Starostina A.N. Digitalization of interaction between citizens and the state: citizens’ assessment of effects, risks and prospects // *Issues of public and municipal administration*. 2023. No. 2. P. 33–73. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73.
28. Bell D. *The End of Ideology*. – New York: Free Press, 1960.
29. Gimpel, H., Schmied, F., «RISKS AND SIDE EFFECTS OF DIGITALIZATION:…»». In *Proceedings of the 27th European Conference on Information Systems (ECIS)*, Stockholm & Uppsala, Sweden, June 8–14, 2019 – p. 7–9.
30. Gray, J., Rumpe, B. (2015). *Models for Digitalization. Software and Systems Modeling*, 2015. 14 (4). – 1319 rub.
31. Negroponte N. *Being digital*. Kent, 1995.
32. Norris P. (2001) *The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139164887>
33. OECD. *Understanding the Digital Divide*. [Electronic resource]. – URL: <https://www.oecd.org/en.html> (access date: 12/17/2023).
34. Park S. (2017) *Digital capital*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-59332-0
35. Ragnedda M. (2018) *Conceptualizing digital capital*. *Telematics and Informatics* 35: 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
36. van Dijk J. (2013) *A theory of the digital divide*. In M. Ragnedda, G.W. Muschert (eds.) *The digital divide. The internet and social inequality in international perspective*. – New York: Routledge. – Pp. 28–51.
37. *5 Levels of Digital Government Maturity* – Gartner. 2017. [Electronic resource]. – URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/5-levels-of-digital-government-maturity> (date of access: 10.04.2023).

Полиграф в оценках молодежи

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье приводятся результаты эмпирического исследования, основанного на количественных и качественных методах, оценки современной молодежи проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа для профессиональной деятельности. Объектами исследования стали курсанты вузов МВД и гражданских вузов Сибири. В результате исследования выявилось несколько типов восприятия полиграфа, плюсы и минусы. Дополнительно обозначены существующие проблемы социально-психологического и формально-профессионального контекста применения полиграфа в современных условиях.

Ключевые слова: полиграф, оценка молодежи, детектор лжи, иррациональность.

В настоящее время в России проведение специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа (далее – СПФИ) имеет обширное распространение как в силовых структурах, так и в гражданских организациях. СПФИ используют с целью получения оперативной информации, оценки свидетельских показаний, кроме того, оно может помочь регулировать прочие проблемы, связанные с расследованиями и судебными тяжбами. Не менее значимым применением СПФИ является кадровая работа, замещение вакантных должностей, а также различные проверки уже проходящих службу сотрудников. Главной проблемой таких изучений является оценка достоверности сообщаемой кандидатом информации о себе посредством выявления значимых психофизиологических реакций организма на проверочные темы, но стоит отметить, что вопросы этики и правомерности применения полиграфа встают в разных сообществах достаточно регулярно и, к сожалению, до сих пор нет единого мнения в его убедительности и объективности.

Полиграф или детектор лжи – как техническое средство, фиксирующее психофизиологические реакции на задаваемые вопросы и позволяющие выявить по откликам тела – уровень активности, дыхания, кожно-гальванической реакции и других параметров, позволяющих судить об уровне достоверности получаемой от человека информации. Ложь вызывает эмоциональный отклик у человека и сопровождается психофизиологическими реакциями. Например, в результате стресса (ответов на неудобные вопросы) у человека может повыситься потоотделение, участиться пульс, появиться тремор конечностей и т.д.

Широкие круги научной общественности не воспринимают полиграф как корректный инструмент оценки человеческих способностей, и то, что он может быть индикатором оценки пригодности или непригодности к той или иной должности. Сомнительная надежность полиграфа является основанием для того, чтобы ее не использовали в качестве доказательств в судах некоторых стран и не использовали как форму проверки надежности человека.

Автоматические нервные реакции, вызванные ложью и повышением активности головного мозга, фиксируют скорее эмоциональные реакции человека, а не когнитивные возможности. И если человек обладает высоким уровнем осознанности и может управлять когнитивным потенциалом, то с высокой долей вероятности прохождение СПФИ для него не составит труда. В данном кон-

тексте встают вопросы объективной опоры на процессы работы сознания и тела, а также иррациональные особенности реакций на сторонние раздражители.

Различные стратегии и инструменты лженаучного подхода описывались автором в ранних работах [2–4], а также в исследованиях Н.Н. Китаева и Н.Н. Китаевой [8–9]. Стоит сказать о существующей проблематике дискуссий в отношении полиграфа применительно к сотрудникам правоохранительных органов и органов власти. Особенности применения полиграфа рассматриваются в работах Ю.В. Минаковой [12], В.В. Самофаловой и С.Э. Посохова [16], искусственный интеллект и полиграф анализируют Е.В. Мирошников, В.А. Нагаева и Н.С. Самофалова [13]. К. Аратулы, С. Адилгазы и С.С. Алимova [1], А.В. Пупцева, А.П. Резван и Н.О. Павленко [14], А.И. Рахимов [15], К.Ю. Санников, А.С. Цариков и З.Г. Надаираи [17], А.В. Соколовская [18], А.С. Чуйков [20]; А.В. Вербенская [5] этические аспекты полиграфа; И.И. Гербеков [6] и А.М. Клим [10] рассматривают полиграф как инструмент борьбы с коррупцией; И.Ю. Лепетикова, Г.В. Кобзарь и Е.Л. Гладких изучают полиграф в государственном и муниципальном управлении [11]; А.Ю. Цыганков и А.А. Кравчук изучают применение специальных технических средств (полиграф) при подборе персонала корпоративных организаций [19].

Темой нашего исследования стала оценка курсантов МВД и студентов гражданских вузов проверки на полиграфе. Среди курсантов данная проверка была обязательным условием при поступлении в вузы МВД. Для гражданских специальностей это не выступает обязательным условием. Курсанты вузов МВД более подготовлены к данной теме, так как знают, что их может ожидать, студенты гражданских вузов обладают более общей информацией из различных источников и могут судить на основе личных взглядов и убеждений.

Поэтому, объектом нашего исследования стали курсанты вузов МВД ($n = 400$) и студенты гражданских вузов ($n = 400$) Сибири в возрасте от 18 до 23 лет, 55% девушек и 45% юношей. Исследование проводилось в виде онлайн анкетирования. Также мы провели четыре фокус-группы ($n = 36$), из них 2 фокус-группы это студенты гражданских вузов и 2 фокус-группы курсанты вузов МВД. Фокус-групповое интервью позволило углубить и расширить полученные в результате анкетирования данные.

В результате исследования выявилось несколько типов восприятия полиграфа.

Первый тип – карьерно-прагматический (28%), он предполагает безэмоциональную оценку полиграфа, в аспектах прикладных задач, которые необходимо реализовать, чтобы получить, к примеру, вышестоящую должность. Среди этого ти-

па больше молодых людей из гражданских вузов (64%) и только 36% из вузов МВД.

Если человек подготовлен и достоин определенной должности, то никакой полиграф не покажет, что это не так. Если тебе нечего скрывать, то и бояться этой процедуры не стоит. (Н. Е., курсант вуза МВД).

Уровень ответственности на некоторых должностях достаточно высокий, поэтому полиграф всего лишь инструмент формального соответствия. Это просто необходимость. И к этому надо быть готовым. (О. А., студент специальности государственное и муниципальное управление).

Второй тип – пессимистично-критический (50%), он строится на восприятии полиграфа как лженаучного метода, которым нельзя проверять людей, так как он не дает объективной информации о человеке, его жизни, его взглядах, ценностях и поступках. Среди этого типа больше курсантов МВД (57%), чем студентов гражданских вузов (43%).

Полиграф не научный метод и как его результаты могут быть учтены при назначении людей на определенную должность? Эти данные могут не соответствовать реальным личным характеристикам человека и можно игнорировать прекрасного человека только потому, что он разволновался из-за личных причин, а не потому, что не оправдывает доверия в будущем. (Г. Д., курсант вуза МВД).

Невозможно доверять машине. Человека проверить и понять может только другой человек. А если мы доверяем машине при оценке того, можно ли кому-то доверять или нет – то мы теряем половину информации. (М. Е., студент специальности психология).

Третий тип – морально-этический (22%), он опирается на морально-этические суждения о возможностях и правах используемых для регулирования поведения соискателей, этичности применения технических средств к оценке их физиологических реакций и на основе этого суждения об их профпригодности или непригодности. Среди этого типа примерно одинаковое количество курсантов и студентов гражданских вузов (52% и 48% соответственно).

Не все вопросы может оценить машина и не все стоит обсуждать с руководством. Есть масса событий, которые касаются только личности человека и не могут быть обсуждаемы даже в закрытом пространстве. Это нарушает права как человека и как гражданина. (Т. Н., студент специальности юриспруденция).

Какими бы личными качествами не обладал соискатель – у него есть право на сохранение какой-то информации о себе. Не все может и должно быть разглашено, пусть и в узком круге лиц, допущенных к работе с полиграфом. (И. Е., курсант вуза МВД).

Помимо этого, респонденты смогли выделить плюсы и минусы использования полиграфа.

Плюсы применения полиграфа (55%).

Объективность (34%). Физиологические реакции помогают судить о человеке, позволяют собрать более общую и объективную реакцию на стрессовые ситуации. Это может стать основой для принятия решений при направлении на ту или другую работу.

Зная реакции человека на уровне физиологии – можно собрать информацию о том насколько он готов к стрессовым ситуациям, как реагирует его тело и мозг на сложные ситуации и как он принимает решение. Это то, что необходимо понимать при работе на стрессовых рабочих местах, где нет линейных решений, где постоянно что-то происходит и где необходим здравый смысл, объективность и расчет. (Т. Т., курсант вуза МВД).

Полиграф выдает объективную информацию о реакциях физиологии человека на вопросы. А вот что с этой информацией делать – решает не машина, а те, кто работают с информацией и могут делать свои выводы. И вопрос не в полиграфе, а тех, кто принимает решения на основе данных, полученных через полиграф. Если там думающие люди, то они слепо доверять результатам машины не будут, а смогут правильно использовать полученную информацию. Тут стоит вопрос о квалификации кадров, работающих с полиграфом и принимающих на основе полученных данных решения. (М. А., студент специальности политология).

Помощь во внутренних расследованиях (31%). При проведении расследований может помогать выявлять ложь.

Полиграф как средство устрашения может давать эффект уже самим фактом своего присутствия в коллективе или при каком-либо расследовании. Это очень мощное психологическое средство воздействия на человека. Поэтому с ним стоит работать, чтобы получить максимально открытый и понятный коллектив, для осуществления продуктивной и эффективной работы. (Г. О., студент специальности психология).

Когда есть необходимость поймать кого-то через внутреннее расследование, ограниченное взаимодействие между людьми, то полиграф может стать находкой при принятии решений. (Н. Ю., студент специальности менеджмент организаций).

Психологическое воздействие (25%). Если человек знает, что ему предстоит пройти полиграф – вероятность обмана с его стороны уменьшается.

Полиграф – это как средство устрашения, которое работает само по себе: не столь сильно воздействие, сколько есть эффекты о том, что все про тебя узнают. (Г. А., студент специальности биология).

Когда ожидаешь чего-то произвольно начинаешь сам себя накручивать и от этого становится

еще страшнее. Чистая психология. (О. Е., курсант вуза МВД).

Кадровый отбор на должности с высоким уровнем доверия (10%). Это инструмент формального соответствия кандидата к предъявляемым для сохранения государственной тайны или других стратегически важных приоритетов государственных или частных компаний или структур.

Чем выше уровень ответственности – тем внимательнее и дотошнее стоит проверять кандидатов. Тут подойдут формальные и неформальные технологии, основанные на человеческом опыте и с применением технических устройств. Полиграф как способ отсева вполне может быть эффективным инструментом. (С. Т., курсант вуза МВД).

Детектор лжи необходим при подборе кадров на особо важные должности, где ответственность колоссальная и не может быть случайных людей. (Т. Д., студент специальности государственное и муниципальное управление).

Минусы применения полиграфа (45%).

Ненадёжность (37%). Показатели полиграфа могут быть вызваны третьими факторами (стрессом или событиями в личной жизни), никак не связанными с темой проверки.

На уровень волнения человека может оказывать влияние погода, смена давления или личные неурядицы в семье. И если это засвидетельствует полиграф, но это не имеет отношения к его профессиональным качествам и знаниям, то что – человеку всю карьеру портить? Нет, это не надежный метод проверки и отбора кандидатов. (Е. Н., студент специальности политология).

Детектор лжи не надежен. Его могут обойти люди при специальной подготовке, а те, кто просто волнуется из-за каких-то не связанных с работой процессов, не пройдут исследование просто. Это не справедливо. (Н. Н., курсант вуза МВД).

Этические вопросы (23%). Право на защиту и сохранение конфиденциальности информации может ставиться под угрозу.

Детектор лжи предполагает полную честность. А как же право на сохранение личной конфиденциальной информации? Это не этично, так как могут быть области и сферы жизни, в которые не стоит никого посвящать, но ответы на вопросы, связанные с ними, могут изменить показания детектора лжи. (В. Е., студент специальности социальная работа).

Право человека не отвечать на вопросы, на которые он не хочет отвечать и которые не связаны с его работой – есть у каждого. Но полиграф этого не учитывает, так как это машина, это технология. И не этично в принципе человека оценивать показателями машины. (Г. Г., студент специальности менеджмент организаций).

Необходимость квалифицированного специалиста, работающего с полиграфом (22%). Таких

специалистов может не хватать, а те, что есть, могут некорректно интерпретировать полученные данные.

Я не уверен, что у нас в городе достаточно квалифицированных специалистов по работе с полиграфом. Поэтому заранее понятно, что обрабатывать данные будет далеко не самый компетентный товарищ. Следствием этого могут быть ошибки и неправильные выводы. (Г. Г., студент специальности менеджмент организаций).

Чтобы внедрять полиграф повсеместно – надо обучить кадры. Таких специалистов не много. Поэтому, пока не будет подготовлена высококвалифицированная группа специалистов – внедрять и расширять использование полиграфа в работе не стоит. (Н. Н., курсант вуза МВД).

Правовые ограничения (18%). Законодательные ограничения могут быть преградой для использования полиграфа как инструмента для профотбора.

Не во всех государствах полиграф разрешено использовать на законодательном уровне. В России это не запрещено, но использовать техники, не одобряемые в мире само по себе, ставит нас под удар и не позволяет опираться на объективность и достоверность суждений. (Т. Д., студент специальности государственное и муниципальное управление).

Правовые ограничения использования полиграфа есть – они определяются сферой занятости и уровнем доступа к информации. Это субъективные показатели, опирающиеся на личный опыт, а не правовые нормы. (Т. Н., студент специальности юриспруденция).

Обобщая полученные результаты, мы можем говорить о неоднозначном отношении молодежи к проведению СПФИ. Необходимо целенаправленно работать с проверкой получаемых через детектор лжи данных и проверять их другими методами, в тоже время следует повышать общую культуру и просвещенность молодых людей, тогда и ложных стратегий восприятия будет значительно меньше.

Выводы

В ходе исследования мы выявили общие типы тех, кто воспринимает полиграф как инструмент социального воздействия на будущих претендентов на ту или иную должность. Использование полиграфа имеет как свои плюсы, так и минусы. Студенты гражданских вузов более лояльно относятся к полиграфу, чем курсанты вузов МВД. Это связано с тем, что ранее перед поступлением на службу курсанты проходили СПФИ и знают о нем не понаслышке.

Остается справедливым замечание Г.А. Злобина и С.А. Яни – авторов одной из первых статей, которая была связана с аспектами применения полиграфа в отечественной литературе, «дискуссия вокруг полиграфа привела не столько к нако-

плению положительных решений, сколько к усугублению неясностей» [7].

Литература

1. Аратулы К., Адилгазы С., Алимова С.С. Полиграф в деятельности правоохранительных органов // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. 2020. Т. 93. № 1. С. 139–149.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональное мышление в рациональной сфере: о роли лженауки в криминалистике // Теория и практика расследования преступлений. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 86–90.
3. Ардашев Р.Г. Лженаучные методы в правоприменительной практике // Международная юбилейная научно-практическая конференция, посвященная 90-летию Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. Материалы конференции. В 3-х частях. Гомель, 2020. С. 139–141.
4. Ардашев Р. Г., Шамурзаев Т.Т. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений: рациональное и вымышленное // Социология. 2024. № 8. С. 6–11.
5. Вербенская А.В. Стресс-интервью и полиграф на собеседовании: этический аспект // Заметки ученого. 2021. № 9–1. С. 333–336.
6. Гербеков И.И. Полиграф как техническое средство профилактики коррупционных правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 115–123.
7. Злобин Г.А., Яни С.А. Проблема полиграфа // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. 1976. Вып. 6. С. 122–135.
8. Китаев В. Н., Китаева Н.Н. Использование знаний о биоритмах человека в криминалистике, судебной экспертизе и оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. 2020. № 1. С. 160–162.
9. Китаев Н.Н. Раскрытие и расследование преступлений. Избранные статьи / Сер. Библиотека криминалиста. Москва, 2020. 344 с.
10. Клим А.М. Полиграф как средство предупреждения коррупционной преступности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2010. № 2 (28). С. 108–112.
11. Лепетикова И. Ю., Кобзарь Г.В., Гладких Е.Л. Полиграф в государственном и муниципальном управлении // Ростовский научный журнал. 2018. № 5. С. 9–19.
12. Минакова Ю.В. Полиграф и особенности его применения // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 248–250.
13. Мирошников Е. В., Нагаева В.А., Самофалова Н.С. Искусственный интеллект и полиграф:

что эффективнее в распознавании лжи? // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 108–6. С. 43–46.

14. Пупцева А. В., Резван А.П., Павленко Н.О. Полиграф как научно-техническое средство расследования преступлений // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 326–327.
15. Рахимов А.И. Полиграф как элемент тактической операции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 150–152.
16. Самофалова В. В., Посохов С.Э. Полиграф сегодня: проблемы применения // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 10S (51S). С. 22–24.
17. Санников К. Ю., Цариков А.С., Надараия З.Г. Полиграф в правоохранительной деятельности: история развития и проблемы реализации // Научное образование. 2023. № 2 (19). С. 99–102.
18. Соколовская А.В. Полиграф как психофизиологический инструмент уголовного судопроизводства // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 7 (58). С. 493–498.
19. Цыганков А. Ю., Кравчук А.А. Применение специальных технических средств (полиграф) при подборе персонала корпоративных организаций // Вестник университета. 2024. № 4. С. 100–109.
20. Чуйков А.С. Полиграф в вопросах повышения эффективности финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1–2 (83). С. 137–141.

POLYGRAPH IN ASSESSMENTS OF YOUNG PEOPLE

Ardashev R.G.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk State University

The article presents the results of an empirical study based on quantitative and qualitative methods for evaluating modern youth conducting special psychophysiological studies using a polygraph for professional activities. The objects of the study were cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs and civil universities of Siberia. The study revealed several types of polygraph perception, pros and cons. Additionally, the existing problems of the socio-psychological and formal professional context of the use of a polygraph in modern conditions are outlined.

Keywords: polygraph, youth assessment, lie detector, irrationality.

References

1. Aratulla K., Adilgazy S., Alimova S.S. Polygraph in the activities of law enforcement agencies // Bulletin of the Kazakh National University. Legal series. 2020. Vol. 93. No. 1. Pp. 139–149.
2. Ardashev R.G. Irrational thinking in the rational sphere: on the role of pseudoscience in forensic science // Theory and practice of crime investigation. Proceedings of the VIII International scientific and practical conference. Krasnodar, 2020. Pp. 86–90.
3. Ardashev R.G. Pseudoscientific methods in law enforcement practice // International jubilee scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Francisk Skaryna Gomel State University. Conference materials. In 3 parts. Gomel, 2020. Pp. 139–141.
4. Ardashev R. G., Shamurzaev T.T. Unconventional methods of solving crimes: rational and fictitious // Sociology. 2024. No. 8. Pp. 6–11.
5. Verbenskaya A.V. Stress interview and polygraph at interview: ethical aspect // Notes of a scientist. 2021. No. 9–1. Pp. 333–336.
6. Gerbekov I.I. Polygraph as a technical means of preventing corruption offenses // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 3 (49). Pp. 115–123.
7. Zlobin G. A., Yani S.A. The polygraph problem // Problems of improving Soviet legislation. Proceedings of the All-Russian Research Institute of Social Protection. 1976. Issue 6. Pp. 122–135.
8. Kitaev V. N., Kitaeva N.N. Using knowledge of human biorhythms in forensic science, forensic examination and operational-search activities // Law and Right. 2020. No. 1. Pp. 160–162.
9. Kitaev N.N. Crime detection and investigation. Selected articles / Series: Criminologist's Library. Moscow, 2020. 344 p.
10. Klim A.M. Polygraph as a means of preventing corruption crime // Issues of criminology, forensic science and forensic examination. 2010. No. 2 (28). Pp. 108–112.
11. Lepetikova I. Yu., Kobzar G.V., Gladkikh E.L. Polygraph in state and municipal administration // Rostov Scientific Journal. 2018. No. 5. P. 9–19.
12. Minakova Yu.V. Polygraph and Features of its Application // Young Scientist. 2021. No. 47 (389). P. 248–250.
13. Miroshnikov E.V., Nagaeva V.A., Samofalova N.S. Artificial Intelligence and Polygraph: Which is More Effective in Lie Recognition? // Trends in the Development of Science and Education. 2024. No. 108–6. P. 43–46.
14. Puptseva A.V., Rezvan A.P., Pavlenko N.O. Polygraph as a Scientific and Technical Means of Crime Investigation // Eurasian Law Journal. 2020. No. 9 (148). P. 326–327.
15. Rakhimov A.I. Polygraph as an element of a tactical operation // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 4. P. 150–152.
16. Samofalova V. V., Posokhov S.E. Polygraph today: problems of application // Central Scientific Bulletin. 2018. Vol. 3. No. 10S (51S). P. 22–24.
17. Sannikov K. Yu., Tsarikov A.S., Nadaraia Z.G. Polygraph in law enforcement: history of development and problems of implementation // Scientific education. 2023. No. 2 (19). P. 99–102.
18. Sokolovskaya A.V. Polygraph as a psychophysiological instrument of criminal proceedings // Alley of Science. 2021. Vol. 1. No. 7 (58). P. 493–498.
19. Tsygankov A. Yu., Kravchuk A.A. Use of special technical means (polygraph) in the selection of personnel for corporate organizations // Bulletin of the University. 2024. No. 4. P. 100–109.
20. Chuikov A.S. Polygraph in matters of increasing the efficiency of financial investigations in the field of AML/CFT // Economy and Business: Theory and Practice. 2022. No. 1–2 (83). P. 137–141.

Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических трансформаций на молодежь

Баев Павел Анатольевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии и психологии,
Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В статье рассматриваются различные стратегии выбора молодежью своего будущего: через личную реализацию собственных идей и проектов и поддержку традиционных ориентиров и семейных установок. Приводятся результаты авторского исследования о жизненных сценариях и жизненных мирах современной молодежи. Делаются выводы о перспективах развития будущего через социально-экономические стратегии адаптации молодых людей к социально-экономическому кризису современности.

Ключевые слова: жизненный кризис, новые возможности, социально-экономические трансформации, молодежь, адаптация, гибкость, поддержка.

Современное общество меняется под воздействием экономических и социальных трансформаций. Введение экономических санкций, пандемия, виртуализация и глобализация поменяли социальные ориентиры и установки всех социальных слоев, но особенно под прицелом новых веяний находится молодежь. Так как именно она выступает непосредственным объектом воздействия всех новшеств, именно ей приходится адаптировать и адаптироваться под меняющиеся условия, именно ей необходимо вырабатывать стратегии социального взаимодействия, которые уже не являются воспроизводством опыта родителей, но и еще не обладают проверенной устойчивостью и гибкостью, которую можно получить, используя проверенные механизмы и траектории развития.

Эти тенденции фиксируют различные ученые (Р.Г. Ардашев [1–3], Р.В. Иванов [9, 10], О.А. Полюшкевич [12], В.А. Скуденков [15, 16], Т.А. Тереховой и Л.Г. Гаевской [17], Е.А. Трофимова [18], Е.П. Федоровой и Р.Т. Утаралиевой [19], Н.С. Фонталовой и В.И. Рерке [20]) и они говорят о таких чертах современной молодежи, которые помогают ей адаптироваться к новым реалиям, как:

- стремление к уединению (в офлайн формате), но при этом публичное позиционирование себя в виртуальном пространстве (социальных сетей);
- расширение жизненных траекторий, их нелинейность (не следование традиционным канонам (школа, вуз, работа по образованию, брак, дети, дача и т.д.), а более разнообразные варианты (начиная от нарушения последовательности прохождения институтов социализации, заканчивая альтернативами в форме и формате занятости);
- этап взросления происходит более медленно (затягивается период сепарации от родителей, возможность получать постоянное образование из-за неопределенности того, кем хотелось бы быть приводит к тому, что дети чаще проживают со своими родителями; неготовность брать на себя обязанности отцовства и материнства и т.д.);
- более длительный и разнообразный период обучения и получения специальных знаний, отложенный момент выхода на рынок труда, постоянное обучение и переобучение также делает молодых людей более зависимыми от родителей и затягивает процесс сепарации.

Изменение жизненных траекторий жизни (И.А. Журавлева [6–8]) приводит к тому, что фор-

мируются новые рамки успешной или неуспешной жизненной стратегии молодых людей. Это может зависеть от внешних условий (статуса родительской семьи, места жительства, экономического потенциала родителей и т.д.) и внутренних установок молодежи (личные взгляды и приоритеты развития). Множество вариантов развития жизненных путей чаще всего упирается в личностную готовность рисковать или нет, идти по проторенным путям или искать собственный вариант развития. Одна часть молодых людей – готова к этому, другая – нет, но в целом, можно уверенно говорить о новом социально-экономическом пространстве для реализации молодых людей.

Социально-экономические факторы в современном обществе не только определяют внешние условия, но и диктуют особенности индивидуальных форм и стратегий адаптации к меняющимся условиям жизни. Общая тенденция социальных гарантий и сокращение на базовом уровне социального неравенства дает молодым людям больше возможностей делать самостоятельный выбор – не обусловленный их корнями. У них появляется возможность более длительного и разнообразного поиска своего места в жизни, сферы деятельности и формы занятости и досуга.

Вопросы занятости и реализации притязаний в новых условиях посвящены исследования О.Н. Баевой и В.Н. Елшанской [4], особенности поведения рабочей силы на рынке труда в работе В.Г. Былкова [5], гендерные особенности занятости молодежи отражены в исследовании С.Н. Мозулева, Л.В. Саниной, И.С. Шавкуновой [11], особенности молодежного предпринимательства раскрыты в исследовании Л.В. Саниной, С.Н. Мозулева и В.В. Полякова [14].

В тоже время, это может лишать их и поддержки родовых связей, включенности в социальное пространство. Тем самым, модель социального обеспечения стала основой для развития условий социальной динамики, опирающейся на существующие в обществе социальные ценности.

Траектория семейственности, профессиональных династий и межпоколенных связей (врачей, юристов, строителей, железнодорожников) также является значимым приоритетом в процессах адаптации к новым социальным реалиям. Эти жизненные условия порождают новые формы социальной динамики и развития общественного сознания, активности молодежи и ее включенности в работу социальных институтов в аспекте личной адаптации к новым условиям жизни и освоения социальных проектов общественного моделирования.

Особенности исследования

В исследовании приняло участие 800 молодых людей, в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщин и 45% мужчин, проживающих в разных регионах РФ. Ис-

следование проводилось через онлайн анкетирование на платформе опросов www.google.com. Выборка квотная, по полу и возрасту. Погрешность выборки 3,2%.

Анкета полуструктурированная, с закрытыми и открытыми вариантами ответов. Результаты анкетирования осуществлялись через программу Statistic.

Анализ результатов исследования

В результате опроса мы установили, что ориентируются на личные возможности и варианты развития – 44% опрошенных, 36% опираются на ресурсы семейственности и родовой поддержки, 20% не смогли определиться с тем, какой вариант личного и профессионального развития для них действует. Среди тех, кто опирается на себя – больше девушек (67% девушек и 33% юношей). Это вызвано процессами эмансипации женщин, их активной включенностью в социальную жизнь и желание реализовывать личные амбиции. Среди тех, кто ориентирован на поддержку семьи и сохранение традиционного уклада – распределение по гендерному признаку примерно одинаковое (52% женщин и 48% мужчин).

Выделенные нами группы указывали разные качества, которые помогают адаптироваться к социально-экономическому кризису. Те, кто ориентирован на личные возможности и представления говорят о *креативности, нестандартности, умении находить выход из сложных ситуаций, гибкости, готовности учиться новому, обладаниями навыками soft-skills*. Те, кто ориентирован на традиционные форматы построения карьеры и социальной адаптации говорят о *стабильности, основательности, фундаментальности, прогнозируемости, уверенности*. Как видно, это абсолютно разный набор качеств, который приводит к неодинаковым стратегиями социально-экономической адаптации к постоянно меняющимся условиям развития.

Образование для тех, кто опирается на личные возможности является не обязательным условием успеха (58%), обязательным и имеются требования к качеству только у 42%. Образование для молодых людей ориентированных на традиционность является безусловным обязательным пунктом жизненного успеха – 85%, для 15% не столь жесткое условие, но желательное.

Для первой группы важна не фундаментальность, а сиюминутность (то есть то, что можно использовать и применить на практике прямо сейчас). Они ориентированы не на длительное обучение в университете, а на месячные, недельные или двух-дневные курсы, которые дадут им минимум знаний, сформируют навык и позволят отработать технологию применения полученного опыта на практике. Им не важно, что остается после

в их голове, важно то, что они могут использовать свои идеи сейчас и они приносят прямо сейчас им доход. Иными словами, срабатывает установка – *знания приносят деньги сейчас, а не потом.*

Для второй группы – становится нарицательным негативным образом пример получения образования за короткий срок. «Трехмесячные-психологи» (когда специалисты проходят переподготовку по специальности за трехмесячный период обучения) или «двухнедельные маркетологи» – принцип тот же, навыки, которые можно использовать прямо сейчас, завтра ситуация на рынке изменится – нужны будут новые навыки, которые также быстро можно будет освоить. Последствия этого поверхность опыта и знаний и не понимание сути вещей.). Такие специалисты не воспринимаются профессионалами, скорее техническими сотрудниками. А себя они воспринимают более профессиональными и образованными. Для этой группы важно, что они смогут передать последующим поколениям, насколько основательно и глубоко они смогли погрузиться в знания. Полученные знания могут прямо сейчас не приносить дохода, но они позволили развиваться человеку как личности (интеллектуальный потенциал высокий). Финансовая установка связи знаний и денег срабатывает в таком контексте как: *знания приносят стабильность и доход в будущем, когда другие люди смогли это засвидетельствовать и признать уровень твоих знаний.*

Среди первой группы молодые люди ориентированы то, что будут работать на себя (37%), в успешных коммерческих компаниях наемными сотрудниками (43%) и только 20% готовы работать на государственных предприятиях, но со сферой занятости достаточно креативной и не формальной. Среди второй группы, в основном есть ориентир на работу в государственном секторе – 63%, крупных коммерческих компаниях – 32%, сами на себя готовы работать только 5%.

Для первой группы успешность – это социальное признание, подкрепленное «быстрыми деньгами», известностью в широких кругах (не специалистов в данной теме). Для второй группы успешность это – социальный капитал, который укреплен знаниями и навыками, известностью в узких кругах (признан профессионалами в данной сфере). Представления об успехе в целом достаточно изменчивы (О.А. Полюшкевич, Ю.В. Борисова, Р.В. Иванов [13]), но в современный период они обладают гораздо больше многовариантностью, чем когда-бы то ни было в истории. Это дает возможности для одних и создает дополнительные стрессовые ситуации для других (кто не может вписаться в такие реалии).

Социальные стратегии социальной адаптации все чаще касаются образования, работы и личных хобби, которые подкреплены финансовой состав-

ляющей. При этом моменты личной жизни становятся переменным условием успеха.

Если для родителей современной молодежи – создание семьи и рождение детей означало – социальный успех, то современные молодые люди так не считают, полагая, что семья может ограничить профессиональный рост (особенно для женщин) – 36%, оттягивать на себя свободные ресурсы, которые можно было бы потратить на досуг и развлечения – 44%, не дает поддержки, а скорее накладывает обязательства – 20%. Поэтому, молодые люди и первой и второй группы не стремятся торопиться к официальному оформлению отношений (88%), они стремятся к более поздним бракам (62%) или вовсе свободным отношениям (38%). Хотя женщины чаще говорят о семье и рождении детей, чем мужчины (56% и 44% соответственно), но в моменте «прямо сейчас», вне зависимости от возраста респондента, не готовы этому посвятить свое время.

Эти процессы являются свидетельством трансформации смысло-жизненных смыслов молодых людей. Они указывают на то, что современная молодежь ориентирована на другие перспективы своего развития. Да, они могут опираться на родовую ресурс или личные навыки, но их объединяет то, что мобильность и гибкость в профессиональной реализации строится через личный выбор и ответственность, которая может стать новой точкой отсчета перспектив развития молодежи как всей социально-экономической группы.

Выводы

Кризисный социально-экономический период приводит к изменениям социального порядка, выстраивает стратегии социального моделирования в новых условиях и жизненных форматах. Часть молодых людей находит возможность и способ адаптации к новым условиям через освоение новых профессий в виртуальном пространстве. Это те, кто в целом ориентирован на поиск себя, адаптацию к новым условиям через нетрадиционные формы социальной реализации.

Другая часть молодых людей проживает более жестко процессы социально-экономического кризиса, из-за ориентиров на семейственность и гарантии поддержки со стороны семьи и традиционного уклада. В новых социально-экономических условиях ресурсы семейственности не столь эффективны, а традиционный уклад не соответствует реалиям современных требований к специалисту нового поколения.

Поэтому, мы можем сделать вывод, что молодые люди, ориентированные на индивидуальные формы реализации, не опережающиеся на традиционные формы социальной и личной реализации более успешны, так как готовы быть гибкими и меняться на ходу. Тогда как те молодые люди, что

ожидают поддержки со стороны близких, ориентированы на традиционные формы социальной коммуникации и профессиональных траекторий могут оказаться у разбитого корыта (сами сферы занятости могут разрушиться, так как появляется возможность заменить их искусственным интеллектом (например, бухгалтеры или гражданские юристы, работающие с типовыми договорами по товарам или услугам).

Полагаем, необходимо более продуманно организовывать государственную поддержку молодежи, ориентируя ее не только на социально незащищенные группы молодых людей, но и на те группы, которые вполне успешны, обладают поддержкой семьи и социально более успешны. Но при этом, поддержка инициатив и идей именно данной категории молодежи может заложить основы будущего развития общества (в виде грантов и субсидий).

Также, стоит выработать различные направления для молодых людей ориентированных на самостоятельное развитие в личной и профессиональной жизни (через работу коворкинг-центров, просветительных мероприятий, образовательных программ и консультативных платформ) и на традиционные варианты карьеры и личной и социальной реализации (через поддержку профессиональных династий, фиксации их социального семейного капитала, включенность в социальные коммуникации и организации дополнительных условий для таких связей в виде работы клубов, ресурсных центров и т.д.).

Будущее общества – в молодежи. Чем более разнообразной будет работа институтов гражданского общества с ней, тем более стабильным будет наше будущее.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
4. Баева О. Н., Елшанская В.Н. Методические аспекты принятия решения об использовании дистанционной занятости // Baikal research journal. 2020. Т. 11, № 2. С. 10.
5. Былков В.Г. Атрибуты потребности в рабочей силе на рынке труда: межрегиональные сравнения (по материалам выборочного обследования Росстата) // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1.
6. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
7. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
8. Журавлёва И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
9. Иванов Р.В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 36–41.
10. Иванов Р.В. Трансформация идентичности в процессе социализации молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 38–42.
11. Мозулев С. Н., Санина Л.В., Шавкунова И.С. Равенство возможностей в бизнесе: гендерные вызовы и преодоление стереотипов // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 536–546
12. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
13. Полюшкевич О. А., Иванов Р.В., Борисова Ю.В. Представления о социальной успешности // Социодинамика. 2016. № 10. С. 37–44.
14. Санина Л.В., Мозулев С.Н., Поляков В.В. Исследование предпринимательских намерений студенческой молодежи Иркутской области // Baikal research journal. 2022. Т. 13, № 3. С. 39.
15. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.
16. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
17. Терехова Т. А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода // Baikal research journal. 2023. Т. 14. № 2. С. 680–689.
18. Трофимов Е.А. Глобализация рыночных процессов в трудовой сфере // Baikal research journal. 2012. № 3. С. 3.
19. Федорова Е. П., Утаралиева Р.Т. Внутрифирменная мобильность на российском рынке

труда // Baikal research journal. 2017. Т. 8, № 3. С. 12.

20. Фонталова Н. С., Рерке В.И. Взаимосвязь карьерных ориентаций личности будущего специалиста с их социальной эффективностью // Baikal research journal. 2015. – Т. 6, № 3. С. 38.

LIFE CRISIS OR NEW OPPORTUNITIES: THE IMPACT OF SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS ON YOUNG PEOPLE

Baev P.A.

Baikal State University

The article examines various strategies for young people to choose their future: through personal implementation of their own ideas and projects and support for traditional guidelines and family attitudes. The results of the author's research on life scenarios and life worlds of modern youth are presented. Conclusions are made about the prospects for the development of the future through socio-economic strategies for young people's adaptation to the socio-economic crisis of our time.

Keywords: life crisis, new opportunities, socio-economic transformations, youth, adaptation, flexibility, support.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in the new life-meaning orientations of Russians // Global and regional impacts in the system of modern societies. Collection of scientific papers. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. Changes in consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Internet Conference: in 2 parts. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol NC RAS, 2021. Pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. New meanings in the consciousness of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2021. Pp. 152–156.
4. Baeva O. N., Elshanskaya V.N. Methodological aspects of making a decision on the use of remote employment // Baikal research journal. 2020. – Vol. 11, № . 2. P. 10.
5. Bylkov V.G. Attributes of labor demand in the labor market: interregional comparisons (based on the materials of a sample survey of Rosstat) // Bulletin of the Baikal State University. 2022. Vol. 32, № . 1.
6. Zhuravleva I.A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // Alma Mater (Herald of the Higher School). 2019. № . 6. P. 31–34.
7. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // Sociology. 2020. № . 1. P. 279–286.
8. Zhuravleva I.A. Social framework of educational and labor prospects of Russian youth // The problem of the relationship between the natural and the social in society and man. 2019. No. 10. Pp. 264–274.
9. Ivanov R.V. Virtual socialization of youth: socio-philosophical analysis // Social reality of virtual space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. Pp. 36–41.
10. Ivanov R.V. Transformation of identity in the process of youth socialization // Alma Mater (Herald of the Higher School). 2022. № . 8. Pp. 38–42.
11. Mozulev S. N., Sanina L.V., Shavkunova I.S. Equality of opportunity in business: gender challenges and overcoming stereotypes // Baikal research journal. 2023. Vol. 14. № . 2. P. 536–546.
12. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. № . 2. P. 121–127.
13. Polyushkevich O. A., Ivanov R.V., Borisova Yu.V. Ideas about social success // Sociodynamics. 2016. № . 10. P. 37–44.
14. Sanina L. V., Mozulev S.N., Polyakov V.V. Study of entrepreneurial intentions of student youth of the Irkutsk region // Baikal research journal. 2022. Vol. 13, № . 3. P. 39.
15. Skudnikov V.A. Transformation of life goals of young people under the influence of economic sanctions against Russia // Sociology. 2020. № . 1. P. 341–344.
16. Skudnikov V.A. Economic Claims in the Context of Mobilization // Sociology. 2022. № . 5. P. 80–87.
17. Terekhova T. A., Gaevskaya L.G. The System of Meaning-Forming Activity of an Individual in the Context of a Metasystemic Approach // Baikal Research Journal. 2023. Vol. 14. № . 2. P. 680–689.
18. Trofimov E.A. Globalization of Market Processes in the Labor Sphere // Baikal Research Journal. 2012. № . 3. P. 3.
19. Fedorova E. P., Utaraliev R.T. Intra-firm Mobility in the Russian Labor Market // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8, № . 3. P. 12.
20. Fontalova N. S., Rerke V.I. The relationship between career orientations of the personality of a future specialist and their social effectiveness // Baikal research journal. 2015. – Vol. 6, № . 3. P. 38.

Социальное моделирование экогородского развития: случай Байкальска

Заварзина Юлия Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

Попова Марина Владимировна,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: bobrovskaya@mail.ru

В статье через инструменты социального моделирования раскрываются возможности экогородского развития. На примере города Байкальска рассматриваются сценарии экогородского развития, выявляются сильные и слабые стороны каждой стратегии. Выявляются особенности и успехи экогородов России и делаются выводы о развитии данных направлений экорегионального и экогородского развития в будущем.

Ключевые слова: экогород, экорегион, социальное моделирование, Байкальск.

Актуальность темы «Экогорода или экорегионы» с каждым годом все больше возрастает в условиях современных экологических вызовов. С ростом численности населения в городах, отмечается ухудшение качества воздуха, воды и истощение природных ресурсов. Города становятся крупнейшими источниками загрязнения и, одновременно, наиболее уязвимыми точками для влияния климатических изменений. В этой связи, концепция экогородов или экорегионов предлагает перспективное решение, интегрирующее экологически ответственные практики в городское планирование и развитие.

Экогорода стремятся минимизировать негативное воздействие на окружающую среду посредством использования передовых технологий и устойчивых практик. Это включает в себя развитие эффективных систем управления отходами, оптимизацию потребления возобновляемых источников энергии и внедрение озеленения.

Более того, такие города акцентируют внимание на создании благоприятной городской среды для улучшения качества жизни их жителей путём усиления доступа к зелёным зонам и развитию общественных транспортных систем, снижающих зависимость от частных автомобилей [9].

Развитие экорегионов, в свою очередь, подразумевает применение принципов устойчивого развития на более крупных территориальных масштабах. Такой подход учитывает взаимодействие между естественными экосистемами и человеческим воздействием, что способствует защите биологического разнообразия и поддержанию экосистемных функций на местном и региональном уровнях. Также важно отметить, что устойчивое хозяйственное использование природных ресурсов способствует сохранению сельских ландшафтов и способствует удержанию населения в сельской местности, снижая давление на города.

Понятие экогорода и экорегиона

Экогород – это концепция, которая включает в себя проектирование и организацию городских пространств с учетом максимальной экологической устойчивости и бережного отношения к окружающей среде. Основная задача экогорода заключается в обеспечении высокого качества жизни его жителей, минимизируя при этом негативное воздействие на природу. Экогорода характеризуются несколькими ключевыми признаками, которые отличают их от традиционных городских поселений [10].

Во-первых, это эффективное использование энергетических ресурсов. Экогорода активно внедряют возобновляемые источники энергии, такие как солнечные панели, ветряные турбины и биогазовые установки. Энергосберегающее строительство и использование системы автоматизированного управления зданий позволяют минимизировать потери энергии и оптимизировать её потребление.

Во-вторых, экогород обладает развитой транспортной инфраструктурой, которая основана на экологически чистых видах транспорта, таких как электромобили, велосипеды и общественный транспорт на основе возобновляемых источников энергии. Это способствует сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу и уменьшению количества пробок, что ведет к улучшению качества воздуха и снижению уровня шума.

Третьей важной характеристикой экогорода является интеграция зеленых зон и природных ландшафтов в городскую среду. Парки, живые изгороди, общественные сады и другие элементы озеленения играют значимую роль в улучшении микроклимата, снижении температуры летом и повышении качества жизни горожан [1, с. 890–891].

Кроме того, экогород поощряет использование экологичных строительных материалов и внедрение технологий, способствующих минимизации отходов. Комплексный подход к переработке и утилизации мусора обеспечивает замкнутый цикл потребления, сводя количество отходов к минимуму.

Экорегión – крупная территориальная единица, характеризующаяся относительно однородными природно-ландшафтными особенностями, характером хозяйственного освоения и использования земель, остротой экологических проблем и ситуаций.

Каждое подобное образование имеет какую-то особенность. Однако не только природные ландшафты делают экорегión особенным. Важную роль играет характер хозяйственного освоения – от сельского хозяйства и лесозаготовок до промышленного производства, каждое действие человека накладывает свой отпечаток на эту территорию.

Не менее значимы и экологические проблемы, свойственные отдельным экорегiónам. Иногда эти проблемы связаны с антропогенной деятельностью, такой как загрязнение водоемов, истощение почвы или вырубка лесов. В других случаях они возникают из-за природных катаклизмов, например, засух или наводнений, которые требуют от местного населения и властей мобилизации усилий для их преодоления [2, с. 888].

Человечество, признавая свою ответственность перед планетой, стремится разрабатывать стратегии устойчивого развития, позволяющие минимизировать негативное воздействие на окружающую среду. Правильное управление природ-

ными ресурсами должно сочетаться с сохранением биоразнообразия и поддержанием экологического равновесия, что лишь подчеркивает важность экорегiónов как ключевых единиц на карте мира, требующих особого внимания и заботы.

Важно формировать особую экорегiónальную и экогородскую идентичность среди жителей данных населенных пунктов. Они смогут создать уникальное солидарное сообщество и территориальную идентичность, основанную на экоценностях (Р.Г. Ардашев [15, 16]. О.А. Полюшкевич [11–14], Р.В. Иванов [10], П.А. Баев [17–19], И.А. Журавлева [9, 20–22], А.Д. Карнышев [24–27], В.А. Скуденков [28–30] и другие).

Байкальск – первый экогород России

Байкальск – небольшой город на южном берегу Байкала, в Слюдянском районе Иркутской области, с населением чуть более 13 419 человек (по данным на 2024 год). Значительная часть его истории связана с целлюлозно-бумажным комбинатом (БЦБК), который запустили в 1966 году. Долгое время он был градообразующим предприятием. Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат прекратил работу в 2013 году, с того времени обсуждаются варианты рекультивации его отходов.

Однако Байкальск – это не только БЦБК. Еще один символ города – горнолыжный курорт «Гора Соболиная», куда едут отдыхать со всей России. Первую трассу энтузиасты прорубили еще в 1960-х годах. Позднее там основали курорт для отдыха работников БЦБК, и вплоть до конца 2010-х он находился в собственности предприятия. Сегодня «Соболиная» принадлежит компании «Гранд Байкал» – одному из крупнейших туроператоров Иркутской области.

Сейчас курорт активно развивается, превращаясь в настоящую жемчужину региона. «Гора Соболиная» предлагает разнообразие трасс для горнолыжников и сноубордистов разного уровня подготовки – от новичков до профессионалов. На территории работают современная система подъемников, пункты проката снаряжения, школы для начинающих, где опытные инструкторы помогают овладеть азами зимних видов спорта.

Зимой курорт оживает, заполняясь туристами, привлекаемыми уникальной природой и свежим горным воздухом. Кроме катания на лыжах, здесь можно насладиться другими развлечениями, такими как катание на снегоходах, прогулки на снегоступах или вечерние программы в уютных кафе и ресторанах с видом на заснеженные склоны.

Курорт стал не только местом для активного отдыха, но и культурной площадкой. Здесь регулярно проводятся музыкальные фестивали, спортивные соревнования и экологические акции, привлекающие гостей со всей страны и за ее пределами.

В Байкальске особенный микроклимат – достаточно мягкая зима и прохладное, но солнечное и влажное лето. Благодаря этому в городе и окрестностях у местных жителей вырастает крупная, ароматная клубника, и они охотно продают ее туристам. Это один из основных бизнесов байкальчан, помимо сдачи жилья в аренду. Клубника тут настолько популярна, что она даже стала символом города, и ей установили памятник. Кроме того, ежегодно в июле проходит фестиваль этой ягоды.

В последние годы Байкальск становится не только местом для традиционного отдыха у озера, но и центром креативного туризма, привлекающим внимание тех, кто ищет необычные культурные впечатления. Фестиваль клубники, который ежегодно собирает сотни гостей, превращается в настоящий праздник как для жителей города, так и для путешественников. Улицы украшаются тематическими инсталляциями, а на центральной площади организуются концерты, где выступают местные и приглашенные артисты. Ярмарка, полная разнообразных угощений и сувениров, поражает изобилием клубники в самых разных формах – от свежих ягод до изысканных десертов.

Событийный туризм вокруг клубники продолжает развиваться в креативном направлении. Так, с мая по август 2022 года в Байкальске состоялась арт-резиденция «Дело о клубнике». Молодые художники со всей России приезжали сюда, чтобы создать арт-объекты, провести для горожан лекции и мастер-классы, открытые встречи о современном искусстве. В результате в городе появились мозаичные панно, мурал на стене одной из «панелек», а также новое креативное пространство «НИИ клубники и магии».

Общественное пространство «НИИ клубники и магии», появившееся как итог арт-резиденции, стало площадкой для множества культурных инициатив, объединяя искусство и науку. Здесь проходят выставки, посвященные исследованиям в области экологии и агрономии, а также встречи с учеными и экспертами в этих сферах. На стенах здания можно увидеть экспозиции живописи и фотографии, вдохновленные природой региона и его уникальным климатом. Такое сотрудничество науки и искусства привлекает внимание молодых специалистов и творческих личностей, что способствует развитию Байкальска как инновационного культурного центра.

Недавно федеральные власти объявили о том, что Байкальск станет первым экогородом в России. Госкорпорация развития ВЭБ.РФ разработала мастер-план по комплексному развитию территории вплоть до 2040 года. Он включает более 300 мероприятий, которые затрагивают все стороны жизни: транспорт, жилье, коммунальную, туристическую инфраструктуру и другие. При этом звание «экогорода» подразумевает, что все они должны соответствовать самым высоким экологическим

стандартам. Для реализации плана ВЭБ.РФ создала дочернюю организацию «Байкал.центр» [6].

Сценарий первый. Байкальск деревянный

Байкальск как будущий экогород ждет визуальное преобразование. В нем появятся инновационные для России многоэтажные деревянные дома. Планируется, что площадь жилой застройки к 2040 году в городе за счет этого увеличится почти вдвое, аварийное жилье (доля которого сейчас составляет почти 25%) полностью заменят.

Строить такие многоэтажки будут из CLT-панелей. Аббревиатура переводится как перекрестно склеенный брус. В этом и состоит суть метода: деревянные доски, сложенные перпендикулярно друг другу, склеиваются под высоким давлением в массивную панель.

Такой метод строительства позволяет добиться высокой прочности и устойчивости конструкции. Дерево, являясь возобновляемым ресурсом, также способствует сохранению экологического баланса в регионе. Применение CLT-панелей в строительстве зарекомендовало себя как эффективный способ снизить углеродный след, так как они аккумулируют углекислый газ в течение всего жизненного цикла дерева и сохраняют его в процессе эксплуатации зданий.

По сейсмостойкости такие дома превосходят строения из кирпича. Вес маленький, следовательно, амплитуда обратного толчка меньше. Отскок меньше, и меньше разрушений.

Архитектурное лицо Байкальска кардинально изменится, ведь деревянные четырехэтажные дома, запланированные к постройке, будут обладать уникальным дизайном, гармонично вписывающимся в природу Байкала. Каждое новое здание будет спроектировано с учетом потребностей современных жителей: запланированы экофрендли технологии для управления бытовыми отходами, установки для использования возобновляемых источников энергии, таких как солнечные батареи и тепловые насосы.

Застройка Байкальска станет частью более широкого проекта, направленного на создание комфортной и безопасной городской среды для местных жителей и привлечения туристов. Новые проекты включают в себя не только жилищное строительство, но и создание современных социальных объектов: детских садов, школ, медицинских центров и спортивных площадок. Всё это будет дополнять рекреационные зоны, парки и набережные, создавая гармоничное пространство для жизни и отдыха [8].

Сценарий второй. Байкальск зеленый

В данном сценарии план максимум – не только убрать отходы с остановленного производства,

но и дать территории новую жизнь. Например, там планируют сделать «зеленый полигон» для обработки экорешений. На территории бывшего БЦБК планируется заселить местные пруды подорошенной рыбой и организовать там любительскую рыбалку. Это не только привнесет в регион новую экономическую активность, но и поможет воссоздать экосистему, обогащая природу и предоставляя новые возможности для отдыха местным жителям и туристам. Также на промплощадке до 2030 года могут появиться четырех- и даже пятизвездочные гостиницы с собственной пляжной зоной. Такое развитие гостиничного бизнеса будет способствовать повышению туристической привлекательности региона и увеличению потока гостей, что, в свою очередь, создаст новые рабочие места и благоприятно скажется на экономике.

И, пожалуй, самая амбициозная цель – это создание Международного центра водных ресурсов вместе с заводом по производству бутилированной воды. Это начинание имеет потенциал стать центром передовых исследований в области водных ресурсов, открывая двери для ученых и исследователей со всего мира. Центр будет заниматься не только производственной деятельностью, но и разрабатывать инновационные методики очистки и сохранения водных ресурсов, что может предложить решения для глобальных проблем.

Предполагается, что это будет полностью «экологически нейтральный проект», а для его реализации до 2029 года привлекут частных инвесторов. Фокус на экологической нейтральности поможет сохранить природный баланс региона и продемонстрирует всему миру, что ответственные экономические инициативы могут гармонизировать с заботой о природе [4].

Таким образом, этот план станет примером того, как можно эффективно использовать бывшие промышленные территории для создания устойчивого будущего.

Сценарий третий. Байкальск молодежный

В этом году минмолодежи Иркутской области разработало масштабный проект «Эко.цех». Он включает в себя образовательное направление, событийную программу, инфраструктуру пребывания молодежи, а также первый в России федеральный центр тропостроения. Летом «Эко.цех» прошел экспертный отбор и стал финалистом форума «Сильные идеи для нового времени». Проект даже презентовали президенту России Владимиру Путину – он поручил создать одноименный всероссийский молодежный экологический кампус в городе Байкальске.

В министерстве по молодежной политике региона, уже в этом году «Байкал.центр» создал временную инфраструктуру кампуса. На месте, где раньше разгружали лес для БЦБК, построили зо-

ну для проведения форумов и других мероприятий и назвали ее «Лесная биржа». Это большой шатер на 600 человек, столовая, теплые туалеты с горячей и холодной водой. В августе там уже провели проектную сессию «Байкальск – город для жизни и творчества», она собрала более 100 человек – представителей местных, областных и федеральных властей, корпорации ВЭБ.РФ и общественников.

Осуществить проект «Эко.цеха» планируют в два этапа. До 2024 года «Лесная биржа» будет работать как площадка для молодежных и экологических съездов, например, форума «Байкал». В августе 2023 года там планируют открыть Центр поддержки тропостроения.

На втором этапе с 2024 по 2027 год предполагается построить выставочно-деловой конгресс-центр, гостиницу, спортивно-оздоровительный комплекс, образовательно-исследовательский экотехнопарк, полигон для отработки и тиражирования экологических проектов.

В «Эко.цехе» молодые люди будут изучать экосистему озера Байкал, работать в ресурсном центре экovolонтерства, проводить мероприятия, мастерские эко- и социального предпринимательства и многое другое [8].

Сценарий четвертый. Байкальск туристический

В рамках данного плана предполагается создание в городе крупного курортного комплекса, ориентированного на спортивный и деловой туризм, с целью увеличения числа туристов до 500 тысяч человек в год (напомним, в настоящее время в Байкальске отдыхают до 150 тысяч человек в год).

Существенное значение в развитии туристической привлекательности города отводится тропам – в Байкальске предполагается обустроить сеть пеших маршрутов. Пионерами стали волонтеры «Байкальского проекта» еще в 2018 году, когда они начали разработку экотропы «Сказочная», открытой в 2020 году. До нее можно добраться, поднявшись по кресельной канатной дороге на «Горе Соболиной». Планируется продление этой тропы и добавление четырехкилометрового участка в городе.

В 2022 году инициаторы «Сказочной» – активисты из «Лаборатории экотроп» – благоустроили еще один маршрут под названием «Байкальская верста», который ведет от центра города до берега озера. Длина маршрута составляет 3,3 километра, из которых 2,2 уже завершены. Там находятся информационные стенды, обзорные площадки, мосты, зона отдыха с пожарной безопасностью, детские поляны, туалеты, велопарковки и урны для раздельного сбора мусора.

«Верста» станет началом пешеходной тропы «Малого кольца БЦБК», соединяющего жилой район Байкальска и промплощадку бывшего комби-

ната. В начале июля «Байкал.центр» восстановил освещение на уже существующей в рамках этого маршрута «Тропе здоровья» протяженностью 1,4 км. В дальнейшем планируется строительство «Большого кольца БЦБК» вокруг всего периметра промплощадки, чтобы сделать береговую линию озера вдоль территории завода доступной для велосипедных и пеших прогулок.

Предполагается, что логическим завершением этой инициативы станет создание Федерального центра тропостроения. Эту работу ведет «Лаборатория экотроп» совместно с «ББТ-Бурятия» и «Байкал.Центром» [8].

Сценарий пятый. Байкальск экологичный

Экологичный подход в Байкальске применят и к коммунальной сфере. До 2025 года в городе планируется установить около 220 площадок для раздельного сбора мусора.

Кроме установки площадок для раздельного сбора мусора и строительства ресайклинг-центра, власти Байкальска и «РТ-НЭО Иркутск» также разрабатывают программу по просвещению и привлечению местного населения к активному участию в процессе экологического изменения города. В число инициатив входят образовательные семинары и мастер-классы, где жители смогут узнать о правильной сортировке отходов, а также о важности переработки и ее влиянии на окружающую среду.

Дополнительное внимание планируется уделить инициативам для бизнеса. Малые и средние предприятия Байкальска будут мотивированы на внедрение экологически чистых практик через систему поощрений и грантов. Ожидается, что подобные меры не только поддержат устойчивое развитие города, но и создадут новые рабочие места в секторе экологии и обработки отходов, укрепляя экономику региона [6].

Таким образом, Байкальск – это уникальный уголок на самом берегу великого озера Байкал, известного своей чистотой и природной красотой. Маленький город с большой мечтой – стать первым экогородом в России и задать новый стандарт для экологически устойчивого развития на всей территории страны.

Экорегiónы России

Успех Тамбовской области в достижении высоких показателей экологической устойчивости стал примером для других регионов страны. Природоохранные меры и внедрение инновационных технологий в промышленность способствовали значительному улучшению экологической ситуации. В результате, региону удалось получить внушительный сводный индекс – 73 из 100 возможных, что позволило ему

удерживаться на лидирующих позициях в течение последних нескольких лет.

Белгородская область и Алтайский край также добились впечатляющих результатов, заняв соответственно второе и третье места с индексами 68 и 67. Эти регионы прилагают усилия для развития устойчивой экономики, сочетая рост промышленности с мерами по охране окружающей среды. Их успехи подтверждают, что гармоничное сосуществование промышленного развития и природы вполне достижимо.

Особое внимание привлекает тот факт, что в ТОП-10 вошли такие густонаселенные и, казалось бы, загрязненные города, как Москва и Санкт-Петербург. Москва, занявшая пятое место, продемонстрировала, что мегаполис может быть экологически ориентированным, благодаря активной экологической политике и внедрению инициатив по улучшению качества воздуха и воды. Санкт-Петербург, на десятом месте, также показал значительный прогресс в сфере экологии, уделяя особое внимание зеленым инициативам и программам по переработке отходов.

Однако, не все регионы России могут похвастаться такими успехами. Московская область занимает всего лишь 77 место из 85 возможных. Это указывает на необходимость существенных улучшений и более активного подхода к решению экологических проблем, таких как снижение уровня загрязнения воздуха и воды, а также повышение эффективности использования ресурсов. В самом низу рейтинга находится Иркутская область с критически низким индексом экологичности в 42 балла. Здесь требуются срочные меры, чтобы предотвратить дальнейшую деградацию экологической ситуации и обеспечить жителям более здоровую среду обитания [7].

ТОП-15 экорегiónов России:

- 1 место – Тамбовская область – 73% экологичности
- 2 место – Белгородская область – 68%
- 3 место – Республика Алтай – 67%
- 4 место – Алтайский край – 66%
- 5 место – Москва – 66%
- 6 место – Курская область – 65%
- 7 место – Магаданская область – 64%
- 8 место – Чукотский АО – 64%
- 9 место – Республика Коми – 64%
- 10 место – Санкт-Петербург – 63%
- 11 место – Чувашская Республика – 63%
- 12 место – Мурманская область – 63%
- 13 место – Калужская область – 63%
- 14 место – Ульяновская область – 62%
- 15 место – Рязанская область – 62% [5]

Общая картина рейтинга является стимулом для всех регионов России к усилению природоохранных мероприятий и активному обновлению технологий, чтобы обеспечить устойчивое разви-

тие и улучшение жизни нынешних и будущих поколений.

Выводы

Жизнь в экодорах и экорегионах обладает множеством привлекательных аспектов, которые все чаще привлекают внимание людей, стремящихся к более гармоничному существованию с природой и окружающей средой. Прежде всего, экодора предлагают жителям уникальную возможность жить в экологически чистой среде, где минимизировано воздействие загрязняющих веществ. Чистый воздух, отсутствие шума больших городов и обилие зелёных насаждений создают атмосферу, способствующую улучшению физического и психологического здоровья.

Другим весомым преимуществом является возможность интеграции природных ресурсов в повседневную жизнь, что проявляется в использовании возобновляемых источников энергии, таких как солнечные панели и ветрогенераторы. Это не только способствует снижению нагрузки на окружающую среду, но и позволяет жителям экодоров существенно экономить на коммунальных платежах. Важным аспектом также является автономность и самодостаточность таких поселений – жители могут самостоятельно выращивать продукты питания благодаря развитию городского сельского хозяйства и применению инновационных агротехнологий.

Социальная архитектура экодоров и экорегионов направлена на создание сильных и сплоченных сообществ, где каждый житель имеет возможность проявлять инициативу и участвовать в управлении коллективными ресурсами. Этот подход способствует формированию активного гражданского общества, в котором усилия каждого участника идут на общее благо, а ответственность за будущее делится поровну между всеми.

Накопленный опыт существования экодоров показывает, что такие поселения могут стать настоящими лабораториями устойчивого развития, предоставляя возможность тестировать и внедрять самые передовые экологические практики, которые затем могут быть распространены на более широкие регионы. Таким образом, жизнь в экодорах и экорегионах не только способствует личному благополучию их обитателей, но и играет ключевую роль в глобальных усилиях по защите и сохранению природных ресурсов.

Литература

1. Барейчева, М.А. Устойчивое развитие сквозь призму концепции экодора / М.А. Барейчева, Е.А. Кубина, Л.В. Дайнеко // Весенние дни науки: сборник докладов Международной кон-

ференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург: УрФУ, 2022. С. 890–891.

2. Дайнеко, Л.В. Устойчивое развитие сквозь призму концепции экодора /Л.В. Дайнеко // Умный регион устойчивое развитие в цифровой экономике. 20220. № 1. С. 888–889.
3. Кондакова, Н.С. Развитие современного города через призму концепции устойчивого развития: сборник трудов конференции. // Регионы России в меняющемся мире: преимущество приоритетов и новые возможности: сборник материалов. Чебоксары: «Лару-тӑру», 2023. 564 с.
4. Город-сад? Что хотят сделать из Байкальска [Электронный портал]: Первый Байкальский сайт. – URL: <https://1baikal.ru/ekologiya/gorod-sad-chto-khotyat-sdelat-iz-baykalska-i-udastysyalieto> (дата обращения: 27.10.2024).
5. Конференция «Развитие Системы Экодоров. Модернизация инфраструктуры» Посвящается подготовке к Всемирному Саммиту Земли «Рио +20» [Электронный портал]: <https://green-capital.wixsite.com/nw22/conf2> (дата обращения: 28.10.2024).
6. Паспорт города Байкальска [Электронный портал]: Официальный сайт Байкальского муниципального образования. – URL: <https://gorod-baikalsk.ru/page/c116222955ad416a835305b4eb8d883> (дата обращения: 27.10.2024).
7. Список экорегионов России [Электронный портал]: Руниверсалис: энциклопедия. – URL: https://руни.рф/Список_экорегіонов_России (дата обращения: 27.10.2024).
8. Экогород и экорегион на Байкале, как практические шаги к гармонии с природой [Электронный портал]: Руниверсалис: энциклопедия. – URL: <https://socio.isu.ru/ru/media/news/2024/detail/article-00200/> (дата обращения: 28.10.2024).
9. Журавлева И.А. Экогород в представлениях жителей Байкальского региона // Социология. 2024. № 10. С. 33–38
10. Иванов Р.В. Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития экорегиона // Социология. 2024. № 10. С. 39–43
11. Полюшкевич О.А. Городская идентичность в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 193–199.
12. Полюшкевич О.А. Коллаж публичного пространства города // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 331–334.

13. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование: поствиртуальность городского пространства // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 227–232.
14. Полюшкевич О.А. Истина моделируется // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 7.
15. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 193–197.
16. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
17. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
18. Баев П.А. Малая родина в ценностной палитре россиян // Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 11–16 сентября 2024 г. / отв. ред.: А.Д. Карнышев, И.А. Журавлева, О.А. Карнышева. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. С. 119–124.
19. Баев П.А. «С чего начинается Родина? с церквушки над тихой рекой»: трансформация символического наследия современного российского общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, Издательство ИГУ, 2015. С. 323–338.
20. Журавлева И.А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–129.
21. Журавлева И.А. Город будущего: знания, привычки и креативность в повседневном пространстве // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научно-практической конференции. Иркутск, Издательство Репроцентр, 2019. С. 103–106.
22. Журавлева И.А. Перспективы внедрения технологий «умных городов» в контексте консолидации и дезинтеграции различных социальных групп // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 92–100.
23. Журавлева И.А. Программа «безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55–62.
24. Карнышев А.Д. Воспитание и укорененность как главные ресурсы встраивания экологического патриотизма в экономические структуры (на примере байкальского региона) // Психология личностного и профессионального развития человека. материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири. Иркутск, Издательство ИГУ, 2022. С. 39–47.
25. Карнышев А.Д. Этнокультурные особенности проявления эйджизма и патриотизма в условиях пандемии // Современные практики социальной работы с пожилыми людьми: проблемы реабилитации и обеспечения активного долголетия. Материалы научно-практической конференции. Научный редактор Е.В. Решетникова. Иркутск, Издательство ИГУ, 2022. С. 56–63.
26. Карнышев А. Д., Иванова Е.А. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. Т. 30. С. 75–84.
27. Карнышев А. Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 196–214.
28. Скуденков В.А. Новое воспроизводство городского пространства: граффити и стрит-арт // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, Издательство ИГУ, 2024. С. 272–279.
29. Скуденков В.А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 180–182.
30. Скуденков В.А. Улица в городе: социологический этюд // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, Издательство ИГУ, 2023. С. 116–118.

SOCIAL MODELING OF ECO-URBAN DEVELOPMENT: THE CASE OF BAIKALSK

Zavarzina Yu.V., Popova M.V.

Irkutsk State University

The article reveals the possibilities of eco-urban development through the tools of social modeling. Using the example of the city of Baikal, scenarios of eco-urban development are considered, the strengths and weaknesses of each strategy are identified. The features and successes of eco-cities in Russia are identified and conclusions are made about the development of these areas of eco-regional and eco-urban development in the future.

Keywords: eco-city, eco-region, social modeling, Baikal.

References

- Bareychева, M.A. Sustainable development through the prism of the eco-city concept / M.A. Bareychева, E.A. Kubina, L.V. Daineko // *Spring days of science: collection of reports of the International conference of students and young scientists*. Ekaterinburg: UrFU, 2022. Pp. 890–891.
- Daineko, L.V. Sustainable development through the prism of the eco-city concept / L.V. Daineko // *Smart region sustainable development in the digital economy*. 20220. No. 1. Pp. 888–889.
- Kondakova, N.S. Development of a modern city through the prism of the sustainable development concept: collection of conference papers. // *Regions of Russia in a changing world: continuity of priorities and new opportunities: collection of materials*. Cheboksary: "Laru-taru", 2023. 564 p.
- Garden city? What they want to make of Baikal [Electronic portal]: *Perviy Baikal'skiy*; website. – URL: <https://1baikal.ru/ekologiya/gorod-sad-chto-khotyat-sdelat-iz-baykalska-i-udastya-li-eto> (date of access: 10/27/2024).
- Conference "Development of the Eco-Cities System. Modernization of Infrastructure" Dedicated to preparation for the World Earth Summit "Rio +20" [Electronic portal]: <https://green-capital.wixsite.com/nw22/conf2> (date of access: 10/28/2024).
- Passport of the city of Baikal [Electronic portal]: Official website of the Baikal municipal formation. – URL: <https://gorod-baikalsk.ru/page/c11622295ad416a835305b4ebb8d883> (date of access: 27.10.2024).
- List of ecoregions of Russia [Electronic portal]: *Runiversalis: encyclopedia*. – URL: https://руни.рф/Список_экогенеров_России (date of access: 27.10.2024).
- Ecocity and ecoregion on Baikal, as practical steps to harmony with nature [Electronic portal]: *Runiversalis: encyclopedia*. – URL: <https://socio.isu.ru/ru/media/news/2024/detail/article-00200/> (date of access: 28.10.2024).
- Zhuravleva I.A. Ecocity in the views of residents of the Baikal region // *Sociology*. 2024. No. 10. P. 33–38
- Ivanov R.V. Environmental patriotism in the Baikal region: prospects for the development of the ecoregion // *Sociology*. 2024. No. 10. P. 39–43
- Polyushkevich O.A. Urban identity in a multipolar world // *Ethnopsychological and cross-cultural problems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches)*. Proceedings of the International scientific and practical conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after D. Banzarov. Irkutsk, 2023. P. 193–199.
- Polyushkevich O.A. Collage of public space of the city // *Modern urban studies: social well-being and digital transformation of the city*. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Minsk, 2024. Pp. 331–334.
- Polyushkevich O.A. Social modeling: postvirtuality of urban space // *Social reality of virtual space*. materials of the IV International scientific conference. Irkutsk, 2022. Pp. 227–232.
- Polyushkevich O.A. Truth is modeled // *In search of social truth*. Materials of the IV International scientific and practical conference. General editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2022. Pp. 7.
- Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // *Civilizational shifts in the development of the modern city*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2021. Pp. 193–197.
- Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 59–64.
- Baev P.A. Civic and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 69–76.
- Baev P.A. Small homeland in the value palette of Russians // *Ethnoregional resources of human harmony with nature and society as factors of psychological health, interethnic harmony and intercultural communication: materials of the International scientific and practical conference*. Irkutsk, September 11–16, 2024 / ed.: A.D. Karnyshev, I.A. Zhuravleva, O.A. Karnysheva. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2024. P. 119–124.
- Baev P.A. "Where does the Motherland begin? With a church over a quiet river": transformation of the symbolic heritage of modern Russian society // *Consolidation of Russian society: organizational, educational and socio-cultural resources*. materials of the All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2015. P. 323–338.
- Zhuravleva I.A. "Smart Cities": Expectations and Fears of Citizens // *Sociology*. 2019. No. 1. Pp. 124–129.
- Zhuravleva I.A. City of the Future: Knowledge, Habits, and Creativity in Everyday Space // *Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region*. Proceedings of the Second Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Reprocenter1 Publishing House, 2019. Pp. 103–106.
- Zhuravleva I.A. Prospects for the Implementation of "Smart City" Technologies in the Context of Consolidation and Disintegration of Various Social Groups // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects*. Collection of Scientific Papers. FSBEI HE "Irkutsk State University"; edited by V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. Pp. 92–100.
- Zhuravleva I.A. The "safe city" program in modern municipal management // *Urban studies*. 2018. No. 4. Pp. 55–62.
- Karnyshev A.D. Education and rootedness as the main resources for integrating environmental patriotism into economic structures (on the example of the Baikal region) // *Psychology of personal and professional development of a person*. Proceedings of the Seventh Conference of Educational Psychologists of Siberia. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2022. Pp. 39–47.
- Karnyshev A.D. Ethnocultural features of the manifestation of ageism and patriotism in a pandemic // *Modern practices of social work with the elderly: problems of rehabilitation and ensuring active longevity*. Proceedings of the scientific and practical conference. Scientific editor E.V. Reshetnikova. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2022. Pp. 56–63.
- Karnyshev A. D., Ivanova E.A. Etymological and psychological-economic manifestations of Chinese patriotism in the Baikal region // *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. 2019. Vol. 30. Pp. 75–84.
- Karnyshev A. D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Baikal and psychological resources of nudging towards environmental patriotism // *Siberian Psychological Journal*. 2020. No. 77. Pp. 196–214.
- Skudonkov V.A. New reproduction of urban space: graffiti and street art // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2024. Pp. 272–279.
- Skudonkov V.A. Psychogeography of public space in the context of post-pandemic society // *Civilization shifts in the development of the modern city*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2021. Pp. 180–182.
- Skudonkov V.A. Street in the city: sociological etude // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2023. P. 116–118.

Проблемы формирования экологического сознания как основы патриотизма на территории Байкальского эко-региона

Иванов Роман Викторович,

к.и.н., доцент, доцент, кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: iromanviktorovich@bk.ru

В статье рассматриваются проблемы формирования экологического сознания. Отмечается, что до советского периода в России проблемы привязанности к своей коренной территории решались за счет разделения на сословные группы и за счет культурных традиций русского и коренного населения Прибайкалья. Гармоничная связь культуры коренных народов с Байкалом и местной природой демонстрируется через мифы, сказки и легенды. Данная традиция глубокой связи и родственных отношений между представителями коренных народов стала определяющей для выстраивания взаимоотношений между коренными жителями и русскими переселенцами вплоть до середины XX века. В качестве основного первоисточника современного уровня отношения жителей Прибайкалья к своей территории автор рассматривает период реализации крупных строек во второй половине XX века. В 50–60 годы создается инфраструктура гидро- и электростанций, в Иркутской области и на территории Бурятии происходят глубокие трансформации образа жизни, изменение отношения к земле и ресурсам, меняется ландшафт и комплексно видоизменяется вся речная система на востоке и юге Сибири, вдоль русла рек Ангары, Енисея и их притоков. В заключении автор акцентирует внимание на трансформации культурных взаимоотношений на территории Прибайкалья. В 90-е годы XX века изменяется парадигма государственной политики, на смену вектору развития производственных сил и инфраструктуры приходит стратегический ориентир на самостоятельное развитие территорий.

Ключевые слова: прибайкалье, территория, Байкал, коренные народы, жители, регион, экологическое сознание.

Введение

Гармоничная связь культуры коренных народностей с Байкалом и местной природой демонстрируется через мифы, сказки и легенды. Данная традиция глубокой связи и родственных отношений между представителями коренных народов стала определяющей для выстраивания взаимоотношений между коренными жителями и русскими переселенцами вплоть до середины XX века.

С началом реализации крупных строек во второй половине XX века, создания инфраструктуры гидро- и электростанций в Иркутской области и на территории Бурятии происходят глубокие трансформации образа жизни, отношения к земле и ресурсам, меняется ландшафт и вся речная система на востоке и юге Сибири, вдоль русла рек Ангары, Енисея и их притоков.

В частности, на территории Иркутска также происходит изменение ландшафта: «Были затоплены и разрушены берега в низменных и песчаных местностях, заметно сократилось количество некоторых эндемичных обитателей прибрежных вод» [3, с. 25]. В дальнейшем за 20 лет с 1940-х по 1960-е годы переселенцы и поселенцы, размещенные в новых советских поселках и городах, возникших в данный период, позиционировали свое отношение к ресурсам территории исключительно с потребительской точки зрения (безоглядное хищническое использование всех ресурсов), в стремлении максимально удовлетворять свои возрастающие потребности.

Целью исследования является изучение проблем, повлиявших на формирование современного уровня отношения жителей Прибайкалья к своей территории.

Задачи:

1. определить источники развития потребительского характера отношений жителей Прибайкалья к своей территории;
2. выявить проблемы, препятствующие развитию экологического сознания на территории Прибайкалья;
3. проанализировать результаты действий органов государственной власти, по регулированию использования ресурсов территории Прибайкалья.

Основное содержание

В культуре и верованиях коренных народов Южной Сибири и Прибайкалья, таких как тунгусы, буряты,

эхириды и многих других содержится традиция уважения и преклонения перед природой озера Байкал. Тунгусы считаются наиболее древним народом, проживавшим на территории всей Восточной Сибири, а также Прибайкалья. Основным составляющим в культуре тунгусов являлся культ духов, а также различные культы, связанные с охотничьими и рыболовными промыслами, культ семьи и рода. Примером промыслового культа можно считать культ охоты на медведя, связанный с необходимостью сокращать количество убитых особей до необходимого минимума для каждого охотника, иначе по поверью охотнику угрожала смерть.

Отношение к природе как к сакральному пространству на отдельной территории являлось основой для образа мышления тунгусов. Для тунгусов отношение к окружающему миру как к воплощению живых образов духов в окружающем рельефе на примере деревьев, сопков, растений, каменных склонов и так далее – все перечисленное становится фундаментом мировоззрения, при котором каждый коренной житель территории Прибайкалья сознательно ограничивает себя в использовании природных ресурсов, ощущая себя неотъемлемой частью окружающего мира. «Сакральные обряды были связаны не только с поклонением высшим божествам и, отчасти, демографическими задачами. Так, обычай отдавать дань огню кусочками печени, мяса, жира, который существует у многих сибирских аборигенов, в мировой практике известен как жертвоприношение духам с просьбой о «помощи отыскивать пищу» [4, с. 83]. Сознательное ограничение в потреблении ресурсов способствовало сохранению природного баланса на всей территории Прибайкалья.

Продвижение русских на восток в XVI–XVII веках, за Урал и в Сибирь становится причиной значительных изменений в жизни коренных народов Сибири и в частности народов, населявших территорию Прибайкалья. Русские занимали при поселении на прибайкальской территории земли, не занятые местными народами. Между представителями коренных народов и пришлыми происходил культурный обмен, о чем свидетельствуют факты, связанные с участием русских в кочевом образе жизни бурят и эвенков, которые в свою очередь перенимали у пришлых крестьян навыки земледелия. Культурный обмен происходил без элементов принуждения, без стороннего влияния и давления государственной власти.

В рамках процесса урбанизации на фоне массового переселения в крупные населенные пункты, в 50–60 годы XX века происходит создание новых городов по течению реки Ангары, вплоть до впадения в Енисей. Появление новых населенных пунктов в указанный период происходит под влиянием технологических процессов, роста инфраструктуры и развития коммуникаций, однако новые города и поселки строятся зачастую без се-

резной оценки рельефа, грунтовых вод, почвы, источников питьевой воды и так далее. Такой поверхностный подход приводит к появлению населенных пунктов, не имеющих постоянного доступа к питьевой воде, к коммуникациям, торговым точкам, транспортным магистралям и так далее. Поселенцы и переселенцы, по различным причинам утратившие связь со своими социальными образами, привычным укладом жизни, вынуждены были привыкать к новым условиям жизни в урбанизирующийся социальной среде. Эти контексты рассмотрены в работах Р.Г. Ардашева [12, 13], П.А. Баева [14–17], О.А. Полюшкевич [18–20].

Эти процессы способствуют формированию новых видов взаимоотношений между населением всей территории Прибайкалья, основанных на стремлении к массовому потреблению всех ресурсов территории в целях повышения благоустройства, как отмечает в связи с этим профессор А.Д. Карнышев «Вообще по отношению к природе человек нередко корыстен, эгоистичен. В мыслях он готов приблизить себя к высшим силам» [2, с. 14]. Свою близость к высшим силам русское население территории Прибайкалья ощущает на фоне научно-технической революции в течение второй половины XX века. В советский период происходит формирование на территории многих регионов нового образа жизни, опиравшегося формальное подчинение технике и идее прогресса, советскому образу цивилизации, основанной на созидательном каждодневном труде, как основе будущей социальной матрицы.

Однако после распада советской системы именно отсутствие в повседневности каждодневного призыва к труду приводит к замиранию жизни на территории поселков городского типа и городов, созданных в 50–60-е годы XX. Жители таких моногородов в Прибайкалье, оказались заложниками советской формулы: «сначала – завод, потом – город» [11, с. 226], поскольку строительство предприятий требовало большого количества рабочей силы, а людей размещали в постройках, рассчитанных на временное использование, такой же характер носили коммуникации и дороги. С распадом советского государства, население новых рабочих поселков и городов Прибайкалья в 90-е годы было предоставлено самим себе, поставлено на грань выживания.

На территории только Иркутской области, без учета территорий Забайкалья: Бурятии и Читинской области, находится 8 моногородов, жители которых составляют более 15% от населения региона: «Численность населения, проживающего в моногородах, составляет 369 654 человек – 15,5% от общей численности населения Иркутской области» [9]. Не решенные в течение последних трех десятилетий проблемы жителей указанных территорий, не эффективные проекты по развитию территорий не способствуют развитию

у местного населения устойчивых основ экологического сознания как ресурса для развития патриотизма на региональном уровне. «Региональная повседневность накладывает серьезный отпечаток на восприятие патриотичности, изменяя идентичность настолько, что в мировоззрении жителей окраинных регионов патриотические чувства связаны с образами и символами противоположными официальной государственной пропаганде» [1, с. 60].

Проблемы развития экологического сознания на региональном уровне на сегодня становятся актуальной категорией в связи с рядом ограничений в сфере использования ресурсов озера, и прилегающей территории, наложенных на жителей Прибайкальского региона за период с 2017 по 2024 год. Ограничения на свободный лов омуля (Приказом Минсельхоза России от 29.08.2017 № 450 внесены изменения в правила рыболовства для Байкальского рыбохозяйственного бассейна [7]), запрет на свободный сбор кедровых орехов (на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 01.08.2023 № 1248 «О внесении изменений в перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» 25 июля 2024 года Государственная Дума РФ приняла законопроект № 653505–8 «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации» [10]) и в дальнейшей перспективе запрет на неограниченный сбор лесных ресурсов на примере отдельных видов грибов и ягод, что в свою очередь влияет на развитие скрытых форм общественного протеста, формирование протестного мышления у жителей Прибайкальского региона.

Перечисленные ограничения на данные ресурсы являются стремлением органов центральной государственной власти взять под контроль ресурсы, являющиеся символом региона, его уникальным природным содержанием. «Укрепившаяся за многие десятилетия зависимость не только муниципального управления, но и науки от властных структур, породила стремление значительного количества практиков и ученых либо открыто не противоречить чиновникам, либо направлять свои усилия на разработку «благословенных», но заранее безуспешных проектов или предоставлять абстрактные и обтекаемые выводы, безопасные для авторов положений и фраз». [5, с. 204]. Существует тенденция закрепления и преемственности указанной тенденции за последние два десятилетия.

С 2021 года губернатор Иркутской области И.И. Кобзев проводит политику, направленную на развитие туристической инфраструктуры в особой экономической зоне «Ворота Байкала», как он отмечает: «Сейчас на территории ОЭЗ идет строительство улично-дорожной сети, сети электроснабжения, водопровода и бытовой канализации, завершаются работы по устройству ливневой

канализации. К 2025 году должно быть проведено благоустройство береговой линии и построен санаторно-курортный комплекс, который будет состоять не только из гостевых домов, но и СПА-комплексов, бассейнов, спортивных сооружений. Да, это очень амбициозная цель. В целом в рамках проекта ОЭЗ планируется направить 4,4 млрд рублей из федерального и областного бюджетов, а также привлечь более 6 млрд рублей частных инвестиций» [6]. Следует отметить, что рамках указанного проекта, кроме всего прочего требуется провести асфальтированную дорогу на Ольхоне, проблемы вокруг которой привлекли внимание президента РФ В.В. Путина еще в 2017 году: «В.В. Путин заявил, что дорога должна быть сделана и это вопрос только цены» [8], однако за следующие 7 лет проблема решена не была. По факту также следует отметить, что амбициозные задачи, поставленные губернатором в 2021 году, указанные выше и опубликованные на официальном портале Иркутской области, к концу 2024 года не выполнены и требуют дополнительных вложений и продления сроков строительства.

Заключение

Таким образом, на территориях Прибайкалья в течение 30 лет осуществляется поиск новых смыслов и направлений развития для жителей таких населенных пунктов как Байкальск, Саянск, Усолье-Сибирское, Слюдянка и так далее. Результатом активного смыслового поиска, с одной стороны, становится повышение туристической привлекательности территории Прибайкалья, в поселках на побережье возникают туристические улицы и развиваются новые кварталы в Больших Котах, Листвянке, Слюдянке, Малом и Большом Голоустном.

Однако с другой стороны растущая потребность к обогащению и развитию частной собственности в связи с развитием туристической сферы проявляется в противостоянии между хозяевами кафе и пунктов общественного питания на берегу Байкала, при этом они не останавливаются перед взаимными поджогами, вредительством, стремлением запугать и разорить друг друга. Такие действия свидетельствуют о полной оторванности, самостоятельности и незащищенности физических и юридических лиц в прибрежных территориях Прибайкальской тайги.

Итогом применения запретов на использование природных ресурсов становится замирание, обеднение и запустение сел и поселков в Прибайкалье. В результате запретов на ловлю отдельных видов рыб в Прибайкальских поселках, таких как Большие Коты и Большая Голоустная в течение последних 10 лет происходит постепенное замирание, закрытие и уничтожение местной инфраструктуры: магазинов, аптек, медицинских пунктов. Прибайкальские поселки теряют основной

источник для развития и поддержания своего существования в связи запретом на рыбную ловлю и сбор кедровых орехов.

С 2014 года происходит постоянно усиливающаяся переориентация на развитие внутреннего туризма в России в целом и на территории Прибайкалья в частности, однако в связи с необходимостью развития туристической инфраструктуры, наблюдается бесконтрольный рост цен на туристические услуги. Таким образом, формируется серьезный дисбаланс при оплате за туристические услуги, за съем жилья в туристических районах на побережье Байкала. В связи с этим усугубляется разрыв между повседневными проблемами и необходимостью формирования бережного, заботливого отношения к окружающей среде.

Литература

1. Иванов Р.В. Реализация патриотического воспитания молодежи в современной России: региональный аспект: монография. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. – ISBN 978-5-9624-2235-0 – 96 с.
2. Карнышев А.Д. Личностные и этнические ресурсы экологической экономики и психологического здоровья // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 7–16.
3. Карнышев А.Д. Особенности отношения к природе и стратегии взаимодействия с ней у жителей Байкальского региона // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 8. С. 19–33.
4. Карнышев А.Д. Социально-психологические и хозяйственные истоки природной сакральности народов Байкальской Сибири // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 81–86.
5. Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 196–214.
6. Официальный портал Иркутской области. – URL: <https://irkobl.ru/authorities/igor-kobzev/performance/1305674/>
7. Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 29.08.2017 № 450 «О внесении изменений в правила рыболовства для Байкальского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные приказом Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 07 ноября 2014 г. № 435» (Зарегистрирован 18.09.2017 № 48234). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201709200029>.
8. Путин поручил посчитать стоимость строительства дороги на Ольхоне // Взгляд. Деловая газета. 2017. – URL: <https://vz.ru/news/2017/8/4/881440.html>.
9. Сайт АПНИ. Журнал АИ. – URL: <https://apni.ru/article/1964-monogoroda-irkutskoj-oblasti-problemi-i-persp>.
10. Федеральный закон № 653505–8 «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/653505–8>.
11. Шишова Н.В. История и культурология. Изд. второе, перераб. и доп.: Учебное пособие для студентов / Н.В. Шишова, Т.В. Акулич, М.И. Бойко и др.; Под ред. Н.В. Шишовой. – М.: Логос, 2000. – 456 с.
12. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. – С. 367–369.
13. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
14. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
15. Баев П.А. Национальные герои России в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 48–52.
16. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 39–43.
17. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2024. С. 129–132.
18. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.
19. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных

кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 1037–1044.

20. Полюшкевич О.А. Экономический патриотизм в процессах социокультурной солидарности жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 112–114.

PROBLEMS OF FORMATION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AS A BASIS OF PATRIOTISM IN THE TERRITORY OF THE BAIKAL ECO-REGION

Ivanov R.V.

Irkutsk State University

The article deals with the problems of formation of patriotic consciousness. It is noted that before the Soviet period in Russia, attachments to their indigenous territory were resolved by dividing into class groups and at the expense of the cultural traditions of the Russian and indigenous populations of the Baikal region. The harmonious connection of the culture of indigenous peoples with Lake Baikal and local nature is demonstrated through myths, fairy tales and legends. This tradition of deep connection and kinship between representatives of indigenous peoples became crucial for building relationships between indigenous people and Russian immigrants until the middle of the 20th century. The author considers the period of implementation of large-scale construction projects in the second half of the XX century as the main primary source of the current level of attitude of residents of the Baikal region to their territory. In the 50s and 60s, the infrastructure of hydro and power plants was created, deep lifestyle transformations took place in the Irkutsk Region and in Buryatia, attitudes towards land and resources changed, the landscape changed and the entire river system in the east and south of Siberia, along the Angara, Yenisei and their tributaries were comprehensively modified. In conclusion, the author focuses on the transformation of cultural relations in the territory of the Baikal region. In the 90s of the XX century, the paradigm of state policy was changing, the vector of development of production forces and infrastructure was replaced by a strategic guideline for the independent development of territories.

Keywords: Baikal region, territory, Baikal, indigenous peoples, inhabitants, region, ecological consciousness.

References

- Ivanov R.V. Implementation of patriotic education of youth in modern Russia: the regional aspect: a monograph. Irkutsk: IGU Publishing House, 2024. – ISBN 978-5-9624-2235-0 – 96 p.
- Karnyshev A.D. Personal and ethnic resources of ecological economics and psychological health // Psychology in Economics and management. 2012. No. 1. pp. 7–16.
- Karnyshev A.D. Peculiarities of attitude to nature and strategies of interaction with it among residents of the Baikal region // Proceedings of Irkutsk State University. Series: Psychology. 2014. Vol. 8. pp. 19–33.
- Karnyshev A.D. Socio-psychological and economic origins of the natural sacredness of the peoples of Baikal Siberia // Psychology in Economics and Management. 2012. No. 1. pp. 81–86.
- Karnyshev A.D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Baikal and psychological resources of pushing towards ecological patriotism // Siberian Psychological Journal. 2020. No. 77. pp. 196–214.
- The official portal of the Irkutsk region. – URL: <https://irkobl.ru/authorities/igor-kobzev/performance/1305674/>
- Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated 08/29/2017 No. 450 “On Amendments to the Fishing Rules for the Baikal Fishery Basin, approved by Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated November 7, 2014 No. 435” (Registered 09/18/2017 No. 48234). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201709200029>.
- Putin instructed to calculate the cost of building a road on Olkhon // Vzglyad. Business newspaper. 2017. – URL: <https://vz.ru/news/2017/8/4/881440.html>.
- APNI website. AI magazine. – URL: <https://apni.ru/article/1964-monogoroda-irkutskoj-oblasti-problemi-i-persp>.
- Federal Law No. 653505–8 “On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation”. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/653505–8>.
- Shishova N.V. History and Cultural Studies. second edition, revised. and additional: Textbook for students / N.V. Shishova, T.V. Akulich, M.I. Boyko, etc.; Edited by N.V. Shishova. – M.: Logos, 2000. – 456 p.
- Ardashev R.G. Transformation of Russians’ Thinking in the Digital Age // Strategy and Tactics of Socio-Economic Reforms: National Priorities and Projects. Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. – Vologda, Vol NC RAS, 2021. – Pp. 367–369.
- Ardashev R.G. Phenomenology of Rational and Irrational Thinking // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. Vol. 21. No. 2. Pp. 120–124.
- Baev P.A. Civic and National Identity of Russians // Sociology. 2023. No. 4. Pp. 69–76.
- Baev P.A. National Heroes of Russia in the Virtual World // Social Reality of Virtual Space. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 48–52.
- Baev P.A. National Foundations of Russian Statehood in a Multipolar World // Ethnopsychological and Cross-Cultural Problems and Resources for the Formation of a Multipolar World (Eastern and Western Approaches). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, D. Banzarov Buryat State University. Irkutsk, Irkutsk State University, 2023. Pp. 39–43.
- Baev P.A. What Russian Youth is Proud of and What is It Ashamed of // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, Prospects. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Irkutsk State University, 2024. Pp. 129–132.
- Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // Humanitarian vector. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 192–202.
- Polyushkevich O.A. Patriotism as a form of prosocial behavior // Telecommunication technologies: Updating and solving the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, 2020. Pp. 1037–1044.
- Polyushkevich O.A. Economic patriotism in the processes of socio-cultural solidarity of residents of the Irkutsk region // Sociocultural dynamics of the Irkutsk region in the twentieth – early XXI century. materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Irkutsk, Irkutsk State University, 2017. P. 112–114.

Китайская студенческая молодежь о российско-китайском стратегическом партнерстве: социологический анализ восприятия

Леденева Виктория Юрьевна,

д.с.н., доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования «Восприятие китайскими студентами стратегического партнерства между Россией и Китаем в контексте современных международных отношений». В рамках исследования были проанализированы ответы респондентов на вопросы о вызовах и потенциале сотрудничества между двумя странами, а также определены основные направления, в которых видится дальнейшее развитие двусторонних отношений. Полученные результаты дают представление о настроениях и ожиданиях молодой китайской аудитории относительно текущего и будущего состояния межгосударственного взаимодействия.

Целью статьи является выявление и анализ восприятия китайскими студентами российско-китайского стратегического партнерства, а также определение основных факторов, влияющих на их мнение. Новизна работы заключается в фокусе на восприятии молодого поколения Китая, обучающегося в российских высших учебных заведениях, в отношении российско-китайского сотрудничества. В отличие от большинства исследований, которые концентрируются на политических, экономических или дипломатических аспектах, данная статья акцентирует внимание на социологическом аспекте, изучая мнение студентов как будущих участников социально-экономических и политических процессов. Такой подход позволяет расширить понимание общественного мнения в Китае и предсказать возможные тенденции в развитии межгосударственных отношений.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайское партнерство, китайские студенты, социологическое исследование.

Введение

Российско-китайские отношения, будучи ключевыми для Евразии, прошли через сложные этапы в последние годы, отмеченные как проблемными зонами, так и новыми возможностями для развития.

Эксперты, оценивающие российско-китайские отношения, подчеркивают, что в последние годы их развитие происходило в условиях, которые называют «военным годом» [10, с. 5]. Влияние украинского кризиса и обострение отношений России с США оказали непосредственное влияние и стали ключевыми факторами, определяющими направление российско-китайского партнерства. На фоне политического кризиса, отношения между Москвой и Пекином укрепились, что проявилось в обоюдной дипломатической поддержке и продолжающемся диалоге между руководителями стран.

Московский визит Си Цзиньпина после переизбрания его на пост председателя КНР, состоявшийся 20–22 марта 2023 года, стал ключевым событием в отношениях между Россией и Китаем, укрепив основу для дальнейшего сотрудничества [13]. Он продемонстрировал международному сообществу устойчивость партнерства двух стран. Визит подчеркнул роль Китая как значимого глобального игрока, а подписание нескольких межведомственных соглашений во время последующего визита председателя правительства России в Пекин свидетельствовало о расширении экономического взаимодействия. Несмотря на санкционное давление со стороны Запада, торговый оборот между странами достиг рекордных значений, а китайские товары заполнили ниши на российском рынке, оставленные западными компаниями [19].

В мае 2024 г. состоялся первый международный визит В.В. Путина после переизбрания его на пост главы Российской Федерации. В ходе встречи с Си Цзиньпином обсуждался широкий спектр тем. Были подписаны важные документы, укрепляющие двусторонние отношения, обсуждались планы на дальнейшее сотрудничество, включая практическое взаимодействие и стратегическую поддержку между странами. Более того, темпы динамичного развития этих отношений как в политической, так и в экономической сферах не имеют аналогов в современном мире. Две евразийские сверхдержавы достигли такого уровня доверия и дружбы, который не только выражен

в словах, но и подтверждается конкретными фактами и цифрами [2].

Сегодня отношения между государствами основаны на Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном в 2001 г. и продленном в 2021 г. В договоре прописаны общие положения, которые призваны стать основой мирных отношений, экономического сотрудничества, а также взаимной дипломатической и политической поддержки [6].

Положения Договора приобретают особую значимость в сегодняшних условиях, когда обостряющаяся геополитическая конкуренция приводит к нарушению западными странами общепризнанные международные нормы, вмешиваясь во внутренние дела суверенных государств. В этом контексте Россия и Китай, как ответственные международные участники, демонстрируют уважение к основополагающим принципам международного сотрудничества [1, с. 10].

Бабаев К.В. определяет пять основных проблемных зон в повестке развития сотрудничества двух евразийских держав:

- 1) тесный личный контакт между двумя лидерами;
- 2) общее видение России и Китая о будущем человечества;
- 3) добрые отношения географических соседей;
- 4) экономическое партнерство;
- 5) культурная близость и исторические корни российско-китайской дружбы [3, с. 44].

Россия и Китай придерживаются единых принципов неприсоединения к блокам и неконфронтации [4]. Имеющие схожее восприятие геополитической обстановки, Китай и Россия стали важными факторами для укрепления ШОС и БРИКС, активно проводят стратегическую коммуникацию, согласовывают повестку дня и взаимодействуют со всеми членами этих объединений. Они достигли значительных результатов в институционализации и практическом сотрудничестве государств. Тем не менее, важно предотвратить превращение многостороннего сотрудничества под китайско-российским руководством в доминирование этих двух стран внутри объединений. Для сохранения универсальной ценности и глобального значения китайско-российского партнерства в новую эпоху необходимо эффективно интегрировать результаты двустороннего взаимодействия Китая и России в международные рамки, поддерживая инклюзивность, автономию и гибкость многостороннего стратегического сотрудничества [18, с. 93]. «Главная перспектива экономического сотрудничества между Россией и Китаем связана с соединением российских полезных ископаемых и китайских трудовых ресурсов», считает китайский экономист Чжоу Я. [17].

Обзор научных источников, число которых в последнее время значительно возросло, показал, что

тема российско-китайских отношений приобретает все большую значимость. Российские и китайские ученые посвящают свои исследования изучению многостороннего развития взаимодействию России и Китая [8, 11, 14, 15, 16].

Методология исследования

На фоне укрепления дружеских отношений между Россией и Китаем и в преддверии визита президента В.В. Путина в КНР в мае 2024 г., мы провели социологическое исследование среди китайских студентов, чтобы глубже понять отношение китайской молодежи к стратегическому партнерству между Россией и Китаем.

Целью опроса было выяснить, как молодое поколение Китая воспринимает стратегическое партнерство и взаимодействие между нашими странами, а также узнать их мнение о текущих и будущих перспективах двусторонних отношений, вызовах и возможностях, которые они видят в этом сотрудничестве.

Опрос проводился в апреле 2024 г. среди китайских студентов разных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. Исследование проведено методом социологического онлайн-опроса среди студентов очной формы обучения магистратуры, обучающиеся на бюджетной, платной и целевой основе. Всего опрошено 128 чел. Опрос носил пилотный характер и был направлен на подтверждение или опровержение гипотезы о положительном восприятии студентами развития российско-китайских отношений и поддержки углубления сотрудничества между странами.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования позволили оценить отношение китайских студентов к стратегическому партнерству между двумя крупными державами – Россией и Китаем. Исследование также выявило ожидания студентов от этих отношений, их понимание рисков и вызовов, а также перспектив, которые они видят в дальнейшем развитии сотрудничества. Эти данные дают представление о том, как молодое поколение Китая воспринимает стратегическое взаимодействие с Россией, и позволяют прогнозировать возможные направления его развития.

В опросе приняли участие 40,7% девушек и 59,3% юношей. Отвечая на вопрос: «Насколько хорошо Вы информированы о событиях в России?», большинство (86,4%) заявили, что они «более-менее в курсе событий в России». Основная часть аудитории имеет общее представление о происходящих в стране событиях, но не углубляется в детали. Меньшинство участников опроса (13,5%) указали, что они «хорошо знают о России и обо всем, что с ней связано», т.е. имеют более глубокое знание о стране и, вероятно, следят

за новостями и событиями более внимательно. Таким образом, подавляющее большинство респондентов имеют базовое или общее понимание событий в России, а небольшая часть аудитории обладает более глубокими знаниями и детально информирована о ситуации в стране.

Знания о России и ее традициях подтвердились в ответах на вопрос «Какие традиционные праздники России Вы знаете?». Результаты показали, что среди опрошенных студентов самым известным из всех перечисленных является День Победы (9 мая) – 91,3% респондентов указали этот праздник. Как важные религиозные праздники Рождество Христово (7 января, по православному календарю) указали 67,9%, Пасха (православное христианское воскресение) – 54,3%. Более половины опрошенных знают государственные праздники России: День России (12 июня) (59,2%) и День народного единства (4 ноября) (58,0%). Менее известными оказались День защиты детей (1 июня) – 41,9%, День государственного флага России (22 августа) – 38,2%, Масленица – 33,3% и Татьянин день (25 января, День студента) – 25,9%. Данные показывают, что среди респондентов наибольшая осведомленность о праздниках, связанных с военной историей и религиозными традициями, в то время как другие культурные и государственные праздники, такие как День государственного флага и Масленица, менее известны, что может свидетельствовать о разной степени проявляемого интереса к этим событиям среди китайских студентов.

Интересные данные были получены при ответах респондентов на вопрос «С какими категориями ассоциируется у Вас образ России?». Результаты показали, что наиболее популярными ассоциациями являются: Кремль – 82,7% респондентов ассоциируют этот символ с Россией; Медведь – 65,4% связывают образ России с этим животным, что отражает наиболее популярные стереотипы; Красная площадь – 64,2%, символизирующая центральное место Москвы и, в целом, России; Пушкин – 50,6%, как символ русской литературы и культуры; Эрмитаж – 38,2%, известный музей и символ культурного наследия; Матрешка – 32,1%, традиционная русская игрушка. Менее распространенными ассоциациями оказались: Борщ – 29,6%, известное блюдо русской кухни; Северное сияние – 20,9%, природное явление, связанное с северными регионами. Практически неизвестны китайским студентам Самовар – 9,8% и Шапка-ушанка – 8,6%, которые ассоциируются с традициями и культурой. Самой непопулярной ассоциацией оказалась Балалайка – 1,23%. Можно утверждать, что образ России у респондентов складывается в первую очередь из известных исторических и культурных символов, таких как Кремль и Красная площадь, а также из стереотипных представлений, таких как медведи.

Большинство китайских студентов (71,6%) охарактеризовали российско-китайские отношения как «позитивные, дружественные», значительное число (46,9%) считает их «хорошими, добрососедскими», небольшая доля видит отношения как «нормальные, спокойные» (20,9%) и очень малая часть как «прохладные» (2,4%), при этом вариант «напряженные, враждебные» не выбрал никто из респондентов.

Интересные результаты были получены при ответах на вопрос о «теплых отношениях между правительствами, но холодных между народами». Наибольшая часть опрошенных (38,2%) ответили «скорее согласен: взаимодействие на уровне правительств действительно теплое, но между обычными гражданами не хватает общих мероприятий для укрепления отношений»; 12,3% «полностью согласен: существует дружественное сотрудничество между правительствами, но между народами отсутствуют взаимопонимание и дружба»; 33,3% респондентов скорее не согласны, считая, что отношения на всех уровнях «дружественные и теплые»; 8,6% абсолютно не согласны, утверждая, что отношения между народами «соседские и дружественные». Данные показывают, что большинство респондентов видят российско-китайские отношения как дружественные и добрососедские. Однако, существует некоторое расхождение во мнениях относительно взаимодействия между простыми гражданами, где многие отмечают недостаток мероприятий для укрепления взаимодействия между народами.

Блок вопросов был посвящен оценке уровня сотрудничества между странами в разных сферах деятельности.

В вопросе о развитии инноваций, респонденты ответили, что для стимулирования российско-китайского сотрудничества в сфере инноваций важнейшими факторами являются обмен научными кадрами, упрощение визового режима, поддержка инновационного бизнеса, а также увеличение финансирования и создание совместных исследовательских центров. Эти меры помогут укрепить научные и деловые связи между двумя странами и способствовать развитию инновационных проектов (табл. 1).

В качестве ключевых факторов, способствующих российско-китайскому сотрудничеству в области инноваций опрошенные выделили обмен научными кадрами и исследователями (58,0%) и упрощение визового режима (53,0%). В целом, результаты в таблице подчеркивают важность как человеческого взаимодействия, так и инфраструктурной поддержки для развития инновационного сотрудничества между Россией и Китаем.

Мы задали студентам вопрос о том, как они оценивают сотрудничество России и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и получили следующие результаты: как высокий уровень

сотрудничества оценили 76,4% (43,2% – очень высокий, 33,1% – высокий) респондентов; как умеренный уровень сотрудничества – 20,9% респондентов. Это меньшая часть аудитории, но она также важна, так как указывает на наличие областей для улучшения взаимодействия в экономических проектах. Никто из респондентов не выбрал варианты «низкий» и «очень низкий уровень сотрудничества».

Таблица 1. Факторы, стимулирующие дальнейшее российско-китайское развитие в сфере инноваций

Варианты ответов	%
Увеличение финансирования научных и исследовательских программ со стороны государственных и частных институтов в обеих странах	38,2
Создание совместных научных и инновационных центров и лабораторий	38,2
Обмен научными кадрами и исследователями между университетами и научными институтами России и Китая	58,0
Проведение совместных конференций, семинаров и мероприятий по обмену опытом и передаче знаний.	22,2
Развитие сотрудничества в области интеллектуальной собственности и защиты инноваций.	23,4
Поддержка малых и средних предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, через субсидии, гранты и другие механизмы	39,5
Упрощение визового режима для ученых, студентов и специалистов, с целью облегчения научного обмена между двумя странами.	53,0
Создание совместных инновационных проектов в приоритетных областях развития обеих стран.	37,0
Продвижение совместных образовательных программ и курсов по инновациям и технологическому предпринимательству	19,7

Примечание. Сумма ответов больше 100%, так как вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа.

Мы также попросили оценить различные области сотрудничества в рамках данного проекта (табл. 2).

Таблица 2. Сферы сотрудничества в проекте «Один пояс-один путь»

Область сотрудничества	% ответивших респондентов
Энергетика	33,3%
Торговля и инвестиции	27,1%
Транспорт и логистика	19,7%
Туризм и культурный обмен	6,1%
Инфраструктура	4,94%
Технологии и инновации	4,9%
Наука и образование	1,2%
Дипломатические отношения	1,2%

В целом, респонденты высоко оценивают уровень сотрудничества между Россией и Китаем в рамках инициативы «Один пояс – один путь», с акцентом на энергетике, торговле и инвестициях, транспорте и логистике как наиболее перспективных областях, что указывает на стратегическую важность этих направлений для дальнейшего развития двусторонних отношений и укрепления экономического партнерства. Политолог Кулинцев Ю., комментируя перспективы данного проекта, подчеркивает: «Китай разделил с развивающимися странами возможности роста за счет создания новой инфраструктуры, необходимой как для обеспечения взаимной торговли и развития инвестиций, так и для активизации контактов между представителями стран-участниц проекта» [7].

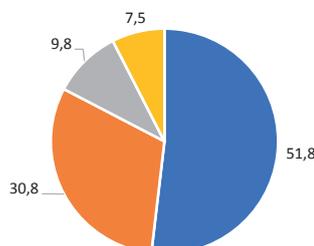
Россия и Китай эффективно взаимодействуют и в рамках международных организаций: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), межгосударственное объединение, союз девяти государств БРИКС: Бразилии, России, Индии, КНР, Южной Африки, ОАЭ, Ирана, Египта и Эфиопии, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). По мнению А. Небренчина, «России и Китаю принадлежит особая роль в формировании институтов коллективной безопасности в Евразии на основе организации ШОС. В Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай видит в России главного партнера по ШОС, что открывает возможности для поиска вариантов взаимодействия с Москвой по предотвращению новых угроз на Ближнем и Среднем Востоке» [9, с. 4].

Китайские студенты высоко оценивают сотрудничество в рамках данных организаций: «положительно: считаю, что сотрудничество имеет потенциал для дальнейшего развития и приносит пользу обеим странам» оценили 62,7%; «очень положительно: считаю, что сотрудничество в рамках указанных организаций способствует укреплению отношений между Россией и Китаем и обеспечению мира и стабильности в регионе» – 34,9%; «нейтрально: не вижу особой значимости в этом сотрудничестве» – 2,4%.

Вопрос о перспективах сотрудничества был одним из ключевых в нашем исследовании, поскольку он соответствовал цели – выяснить мнение китайских студентов о возможных направлениях развития российско-китайских отношений. Понимание их взглядов на перспективы сотрудничества позволяет глубже оценить настроения и ожидания молодежи относительно будущего взаимодействия двух стран.

На диаграмме представлены мнения респондентов о перспективах развития российско-китайских отношений (рис. 1). Большинство опрошенных (51,8%) видят их исключительно как стратегические и партнерские в экономической сфере. Значительная часть респондентов (30,8%) считает

отношения между Россией и Китаем дружественными и дипломатическими в политической сфере. Лишь 9,8% воспринимают их как отношения соперников и конкурентов. Оставшиеся 7,5% затруднились с ответом.

- Только как стратегические и партнерские в экономической сфере
- Как дружественные и дипломатические в политической сфере
- Как отношения соперников и конкурентов
- Затрудняюсь ответить

Рис. 1. Перспективы развития российско-китайских отношений, %

Результаты показывают, что подавляющее большинство респондентов склонны рассматривать российско-китайские отношения как положительные, с акцентом на экономическое сотрудничество и дипломатическую дружбу. Лишь небольшая часть видит их в негативном свете как возможное соперничество.

Вероятно, китайские студенты, в своих ответах опирались на экономическое взаимодействие между Россией и Китаем, которое значительно укрепилось в последние годы. Китайские студенты могут видеть в этом партнерстве возможность для улучшения экономической ситуации в странах, развитие новых проектов и получение взаимных выгод, таких как энергетическое сотрудничество и торговля. Дипломатическая дружба связана с долгой историей сотрудничества и поддержания дружеских отношений. Эти традиционные связи способствуют позитивному восприятию студентами России в качестве союзника на международной арене. Важный аспект перспективного развития отношений связан с отражением в СМИ государственной политики. Положительное освещение российско-китайских отношений в китайских медиа и заявления лидеров двух стран о стратегическом партнерстве укрепляют формирование благоприятного восприятия образа России среди студентов, которые видят в отношениях между Россией и Китаем не только экономические выгоды, но и политическую поддержку и стабильность.

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, какие могут быть основные вызовы и препятствия в сотрудничестве между Россией и Китаем?» представлены в таблице 3.

Более половины ответов связаны с культурными и языковыми различиями (54,3%). Это вполне объяснимо, т.к. различия в культуре и языке

затрудняют понимание и взаимодействие между представителями обеих стран и создают трудности в сотрудничестве. На втором месте политические разногласия и геополитические факторы на международном уровне (45,6%), которые также могут повлиять на формирование совместных стратегий и инициатив. На третьем месте различия в правовых и законодательных системах (40,7%), создающие сложности при разработке и реализации совместных проектов, что требует дополнительных усилий для их согласования и адаптации к разным нормативным рамкам.

Таблица 3. Основные вызовы и препятствия в сотрудничестве между Россией и Китаем, %

Вызовы и препятствия	%
Технические и инфраструктурные сложности	28,3
Политические разногласия и геополитические факторы на международном уровне	45,6
Экономическая нестабильность	29,6
Культурные и языковые барьеры	54,3
Недостаточная координация и согласование стратегий	30,1
Различия в правовых и законодательных системах	40,7
Финансовые ограничения	11,1

Примечание. Сумма ответов больше 100%, с учетом возможного многократного выбора

Все эти вызовы могут быть ключевыми факторами, влияющими на успешность сотрудничества между Россией и Китаем, и требуют внимательного управления и урегулирования для обеспечения продуктивного взаимодействия.

Завершающий вопрос исследования касался потенциал для дальнейшего сотрудничества между Россией и Китаем. Китайские студенты видят значительный потенциал для сотрудничества в энергетике и природных ресурсах, транспорте и логистике, а также научно-исследовательской сфере. Обе страны имеют значительные ресурсы в этих отраслях, что позволяет им взаимно выигрывать от совместных проектов и инициатив.

Исходя из представленных данных, потенциал для дальнейшего сотрудничества между Россией и Китаем, по мнению респондентов, выявляется в следующих отраслях:

- энергетика и природные ресурсы (нефть, газ, уголь и др.) – 79,0%. Это объясняется богатством природных ресурсов обеих стран и потребностью в их эффективном использовании;
- транспорт и логистика (железные дороги, морские порты, транспортные коридоры) – 60,4%. Этот сектор также предлагает перспективы для сотрудничества. Россия и Китай обе стремятся развивать транспортные инфраструктуры, ко-

торые могут обеспечить более эффективную торговлю и перемещение товаров между ними;

- наука и инновации (совместные исследования, разработки новых технологий) – 55,5%. Обе страны имеют сильные научные базы и интерес к разработке новых технологий.

Таким образом, несмотря на существующие вызовы, у России и Китая есть ряд областей, в которых их сотрудничество может развиваться и укрепляться, при условии эффективного управления и решения основных проблем. По мнению китаеведа Ю. Тавровского, договор 2001 года между Россией и Китаем исчерпал себя, так как за прошедшее время отношения в мире и между двумя странами кардинально изменились. Следовательно, дальнейшее развитие сотрудничества возможно при условии обновления правовой базы и адаптации нормативного регулирования к современным реалиям, что требует закрепления нынешнего уровня отношений в новом международно-правовом формате [12].

Заключение и выводы

В ходе проведенного исследования была подтверждена выдвинутая гипотеза о положительном отношении китайских студентов к развитию российско-китайских отношений, что отражает высокую степень осознания важности стратегического партнерства между двумя странами.

В рамках достижения поставленной цели были выявлены ключевые аспекты восприятия китайскими студентами российско-китайских отношений и перспектив сотрудничества между двумя странами. Основные выводы состоят в следующем:

- 1) большинство респондентов считают российско-китайские отношения дружественными и добрососедскими. Тем не менее, существует разногласие по поводу достаточности культурных и социальных взаимодействий между гражданами двух стран. Некоторая часть опрошенных указывает на нехватку мероприятий, способствующих укреплению межличностных связей;
- 2) китайские студенты, обучающиеся в российских вузах знают об основных событиях, происходящих в России, хорошо осведомлены о традиционных российских праздниках, таких как День Победы, Рождество Христово и Пасха, интересуются российской культурой и традициями, и ассоциируют Россию с такими символами, как Кремль, Красная площадь, Медведь и Пушкин. Эти ассоциации подчеркивают значимость культурных и исторических элементов в восприятии России, что свидетельствует о наличии культурного обмена и взаимного интереса.
- 3) наиболее перспективными областями сотрудничества, по мнению респондентов, являются

энергетика, торговля и инвестиции, а также транспорт и логистика. Эти направления особенно важны в контексте глобальных экономических и геополитических изменений. Менее значимыми, но все же важными областями были названы туризм и культурный обмен, технологии и инновации, наука и образование, а также дипломатические отношения.

Результаты исследования показали, что отношения между Россией и Китаем воспринимаются преимущественно положительно китайской молодежью, несмотря на определенные недостатки в межличностных контактах. Перспективы дальнейшего сотрудничества между странами остаются широкими, охватывая ключевые экономические и инфраструктурные проекты, а также сферу технологий и инноваций. Однако важно не только официальное сотрудничество на уровне политических решений, но и развитие народной дипломатии, культурный и образовательный обмен. Эти области могут стать основой для углубления двусторонних связей и создания устойчивой платформы для долгосрочного взаимодействия. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение конкретных форматов и инициатив, способствующих развитию контактов на уровне гражданского общества и молодежи.

Литература

1. 20-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР: сборник статей / гл. ред. И.С. Иванов, Се Фучжань; [сост. А.В. Картунов, И.Н. Тимофеев, К.А. Кузьмина]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – 276 с.
2. Бабаев К.В. 2023. Российская и китайская экономики дополняют друг друга как две половинки пазла. – Российский совет по международным делам. 23.03.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/rossiyskaya-i-kitayskaya-ekonomiki-dopolnyayut-drug-drugakak-dve-polovinkipazla/> (дата обращения 04.08.2024).
3. Бабаев, К.В. Пять достижений и пять перспектив китайско-российских отношений / К.В. Бабаев // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 43–56. – DOI 10.24412/2071–5358–2024–2–43–56. – EDN ASEWIV.
4. Галимзянова, А.К. Отношения России и Китая в условиях формирования нового мирового порядка / А.К. Галимзянова // Дипломатическая служба. – 2024. – № 1. – С. 34–41. – DOI 10.33920/vne-01–2401–06. – EDN IHLTZV.
5. Гао Цзисян и др.; под ред. Е.О. Карпинской, А.П. Александрова, П.В. Бакулиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – 88 с.

6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 04.08.2024).
7. Кулинцев Ю. Десятилетие китайской инициативы «Один пояс, один путь»: вызовы, достижения и перспективы // [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoj-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/> (дата обращения: 05.08.2024).
8. Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного мира: монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников. Предисл. В.А. Никонов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018. – 328 с.
9. Небренчин, А.С. Международное сотрудничество России и Китая в рамках БРИКС и ШОС / А.С. Небренчин // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник, Москва, 20–21 декабря 2018 года. Том Выпуск 2. Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 94–96. – EDN CBNRBQ.
10. Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / 2023 [К.В. Бабаев, А.В. Кортун, Фэн Юйцзюнь,
11. Смирнова Л.Н. Научно-образовательное сотрудничество – основа инновационной модели отношений России и Китая. Аналитическая записка. РСМД. № 3. 2016.
12. Тавровский Ю.В. Россия и мир в зеркале 2017-го: Круглый стол «Изборского клуба» // Завтра. – М., 2018. – Январь. – С. 4.
13. Укрепление дружбы, энергетика и китайский мирный план. Итоги визита Си Цзиньпина в Москву // [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/17333723> (дата обращения: 04.08.2024).
14. Ульянова М., Бабонов Ю. Современные формы и механизмы взаимодействия России и Китая в сфере научно-технического сотрудничества // [Электронный ресурс]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-formy-i-mekhanizmu-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-v-sfere-nauchno-tekhnicheskogo-sotrud/> (дата обращения: 04.08.2024).
15. Фэн, С. Исследование имиджа Китая в России / С. Фэн // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, № 3А. – С. 129–136. – DOI 10.34670/AR.2021.15.54.016. – EDN EBHPNS.
16. Чан Хуэй, Карачун И.А., Чжай Яньян Исследование международной конкурентоспособности цифровой экономики России и Китая // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Том 13. – № 2. – С. 1035–1052. – doi: 10.18334/vines.13.2.117813.
17. Чжоу Я. Российско-китайские отношения в начале XXI века: достижения и проблемы / Я. Чжоу // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 8(182). – С. 79–86. – EDN KGVZEF.
18. Чжэн Я. Значение китайско-российского стратегического сотрудничества для развития многостороннего взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС / Я. Чжэн // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 6(131). – С. 87–94. – DOI 10.24158/per.2024.6.11. – EDN AIEOYR.
19. Что сдерживает развитие экономического сотрудничества России с Китаем Эксперты двух стран проанализировали проблемы во взаимной торговле // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2023/649417749a7947daa5a56ef8> (дата обращения: 05.08.2024).

CHINESE STUDENTS ON THE RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PERCEPTION

Ledeneva V.Yu.

Institute of demography research of the Russian academy of sciences

The article presents the results of an empirical study “Perception by Chinese students of the strategic partnership between Russia and China in the context of modern international relations.” The study analyzed the respondents’ answers to questions about the challenges and potential of cooperation between the two countries, as well as identified the main directions in which further development of bilateral relations is seen. The results obtained give an idea of the sentiments and expectations of the young Chinese audience regarding the current and future state of interstate interaction. The purpose of the article is to identify and analyze the perception of the Russian-Chinese strategic partnership by Chinese students, as well as to identify the main factors influencing their opinion. The novelty of the work lies in the focus on the perception of the younger generation of China studying at Russian higher education institutions in relation to Russian-Chinese cooperation. Unlike most studies that focus on political, economic or diplomatic aspects, this article focuses on the sociological aspect, studying the opinion of students as future participants in socio-economic and political processes. This approach makes it possible to expand the understanding of public opinion in China and predict possible trends in the development of interstate relations.

Keywords: Russia, China, Russian-Chinese partnership, Chinese students, sociological research.

References

1. The 20th Anniversary of the Treaty on Good-Neighborliness, Friendship, and Cooperation between the Russian Federation and the People’s Republic of China: a collection of articles / eds. I.S. Ivanov, Xie Fuzhan; [compiled by A.V. Kortunov, I.N. Timofeev, K.A. Kuzmina]; Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NP RIAC, 2021. – 276 p.
2. Babaev K. V. 2023. The Russian and Chinese Economies Complement Each Other Like Two Halves of a Puzzle. – Russian International Affairs Council. 03.23.2023. [Electronic resource]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/rossiyskaya-i-kitayskaya-ekonomiki-dopolnyayut-drug-druga-kak-dve-polovinkipazla/> (date of access 04.08.2024).
3. Babaev, K.V. Five achievements and five prospects of Chinese-Russian relations / K.V. Babaev // Power. – 2024. – Vol. 32,

- No. 2. – Pp. 43–56. – DOI 10.24412/2071–5358–2024–2–43–56. – EDN ASEWIV.
4. Galimzyanova, A.K. Relations between Russia and China in the Context of the Formation of a New World Order / A.K. Galimzyanova // Diplomatic Service. – 2024. – No. 1. – P. 34–41. – DOI 10.33920/vne-01–2401–06. – EDN IHLTZV.
 5. Gao Jixiang et al.; edited by E.O. Karpinskaya, A.P. Alexandrov, P.V. Bakulina et al.; Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NP RIAC, 2023. – 88 p.
 6. Treaty on Good-Neighborliness, Friendship, and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China// [Electronic resource]. – URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/3418> (accessed: 04.08.2024).
 7. Kulintsev Yu. A Decade of China's Belt and Road Initiative: Challenges, Achievements, and Prospects// [Electronic resource]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/desyatiletie-kitayskoy-initsiativy-odin-poyasa-odin-put-vyzovy-dostizheniya-i-perspektivy/> (accessed: 08/05/2024).
 8. Luzyanin S.G. Russia – China: Formation of a Renewed World: monograph / S.G. Luzyanin; ed. Academician V.S. Myasnikov. Preface. V.A. Nikonov. – M.: Ves Mir Publishing House, 2018. – 328 p.
 9. Nebrenchin, A.S. International cooperation of Russia and China within the framework of BRICS and SCO / A.S. Nebrenchin // Greater Eurasia: development, security, cooperation: yearbook, Moscow, December 20–21, 2018. Volume Issue 2. Part 1. – Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2019. – Pp. 94–96. – EDN CBNRBQ.
 10. Russian-Chinese dialogue: model 2023: report No. 87 / 2023 [K.V. Babaev, A.V. Kortunov, Feng Yujun,
 11. Smirnova L.N. Scientific and educational cooperation as the basis of an innovative model of relations between Russia and China. Analytical note. RIAC. No. 3. 2016.
 12. Tavrovsky Yu.V. Russia and the World in the Mirror of 2017: Round Table of the Izborsk Club // Zavtra. – M., 2018. – January. – P. 4.
 13. Strengthening Friendship, Energy and the Chinese Peace Plan. Results of Xi Jinping's Visit to Moscow // [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/politika/17333723> (date accessed: 04.08.2024).
 14. Ulyanova M., Babonov Yu. Modern Forms and Mechanisms of Interaction between Russia and China in the Sphere of Scientific and Technical Cooperation // [Electronic resource]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-formy-i-mekhanizmy-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-v-sfere-nauchno-tehnicheskogo-sotrud/> (date accessed: 04.08.2024).
 15. Feng, S. Study of China's image in Russia / S. Feng // Theories and problems of political research. – 2021. – Vol. 10, No. 3A. – Pp. 129–136. – DOI 10.34670/AR.2021.15.54.016. – EDN EBHPNS.
 16. Chang Hui, Karachun I.A., Zhai Yanyan Study of international competitiveness of the digital economy of Russia and China // Issues of innovation economics. – 2023. – Vol. 13. – No. 2. – P. 1035–1052. – doi: 10.18334/vinec.13.2.117813.
 17. Zhou Ya. Russian-Chinese relations at the beginning of the 21st century: achievements and problems / Ya. Zhou // Ethnosociety and interethnic culture. – 2023. – No. 8(182). – P. 79–86. – EDN KGVZEF.
 18. Zheng Ya. The importance of Chinese-Russian strategic cooperation for the development of multilateral interaction within the SCO and BRICS / Ya. Zheng // Society: politics, economics, law. – 2024. – No. 6(131). – P. 87–94. – DOI 10.24158/pep.2024.6.11. – EDN AIEOYR.
 19. What is holding back the development of economic cooperation between Russia and China? Experts from the two countries analyzed problems in mutual trade// [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2023/649417749a7947daa5a56ef8> (date accessed: 05.08.2024).

Экогород: просоциальное поведение «зеленых» активистов

Полюшкевич Оксана Александровна,

к.ф.н. доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: okwook@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы конструирования «зеленой» повестки в городском пространстве. Анализируются условия формирования экологического сознания и реального просоциального «зелёного» поведения жителей городов. Рассматриваются практики «зелёных» активистов как формы просоциального поведения, формирующие среду экогородов. Делаются выводы о формировании новых условий конструирования и развития экогородов через просоциальные практики «зеленых» активистов.

Ключевые слова: экогород, зеленые активисты, просоциальное поведение, экологическое мышление, экологическое сознание.

Последние четыре тысячи лет, а может и того больше, города привлекают внимание населения, так как создают более притягательные условия для жизни, развития, успеха, признания. Город и развитие общества, можно сказать, являются синонимичными понятиями. Начиная с середины XIX века, и особенно явно с середины XX века, все чаще поднимаются вопросы об экологической среде городов. Развитие промышленности, большое количество жителей, ограниченность инфраструктуры все это усиливает нагрузку на пространство городов и эти процессы стали толчком к формированию теории экорегионального развития и экогорода как такового.

Экогород – это инструмент формирования экологичной среды и культуры в городском пространстве. Это не просто архитектурные решения, учитывающие зеленые участки (сады, парки, скверы), условия для утилизации отходов (раздельные урны и переработка мусора), но и экологическое мышление горожан, направленное на сохранение экологического пространства вокруг себя (т.е. в городе) и внутри себя (формирование образа мыслей, чувств и реальных практик поведения, обусловленных сохранением экологически чистого мышления и пространства, т.е. соединение когнитивного и поведенческого экологического мышления).

В городской среде формируются и обозначаются представления человека о роли экологического сознания и мышления в жизни, они приобретают форму определенных просоциальных практик [1]. Часть людей – может только рассуждать о том, как важна экология и как важно ее сохранять и поддерживать, а другая часть готова активно действовать для реального подтверждения данных идей, через собственные повседневные практики [20]. В данной работе такой тип поведения будет обозначен как деятельность «зеленых активистов». Их ценности и нормы воплощаются в реальные поведенческие стратегии, т.е. идеалы воплощаются в жизнь.

Деятельность «зеленых» активистов выражается через:

- заботу о городе, которая проявляется в экологическом характере взаимодействия со средой;
- заботу о природе и формах ее присутствия в городском пространстве;
- реализацию идей «умных городов» или «зеленых городов»;
- экологическое просвещение населения (через публичные лекции, практики и мастер-классы);

- консолидацию сообществ под эгидой экологического воспроизводства;
- экологическую повестку работы институтов гражданского общества (органы власти, бизнес, НКО, СМИ и т.д.).

В работах А.Д. Карнышева [16–19] подчёркивается роль и значимость психологической составляющей экологического мышления, в исследованиях Р.В. Иванова [15] раскрывается роль патриотического начала в экогородском и экорегиональном развитии, в трудах Р.Г. Ардашева [2–5] выявляется связь сознания и подсознательных стратегий и ориентиров на экологическое воспроизводство общества, исследования В.А. Скуденкова [22–24] посвящены вопросам экономического сознания в условиях экологических трансформаций. Это все позволяет говорить о значимости социального моделирования экогородского и экорегионального развития на принципиально новом уровне социального моделирования. Это может осуществляться через идеи «умных городов» (И.А. Журавлева [9–14]), так как развитие экогорода опирается на новые технологии и концепции понимания городского развития (Ю.В. Борисова, М.В. Попова [21]).

Также формируется целый блок социальных активистов, которые целенаправленно занимаются сохранением экосреды в городском континуме. Их деятельность может организовываться представителями власти, некоммерческих организаций или выступать социальной инициативой отдельных граждан или сообществ. В данной работе, практики, направленные на сохранение экологической среды, повышения уровня экологического сознания граждан и практическая деятельность по экозащите и просвещению будет называть «зелеными» практиками. По нашему мнению, данные аспекты позволяют регулировать просоциально направленную деятельность активистов в экогородское развитие.

Особенности исследования

В исследовании приняли участие 900 участников экологических акций и движений, на территории Байкальского региона (Иркутская область, Забайкальский край и Республика Бурятия), по 300 человек из каждого территориального образования. Из них 60% женщины и 40% мужчины в возрасте от 18 до 65 лет, принимающие добровольное участие в разнообразных экологических практиках на территории городов и за их пределами.

Также, среди «зеленых» активистов мы провели 6 фокус-групп (по 2 на каждой территории, участвующей в исследовании). Участники в них были в смешанном формате, но в целом соответствовали выборке. Фокус-групповое интервью проводилось в формате полуструктурированного интервью, велась фото, видео и аудио запись бесе-

ды. Все данные были транскрибированы и проанализированы через методы транс-символического анализа и контент-анализа.

Анализ результатов исследования

Говоря о просоциальных практиках в городском пространстве, мы подразумеваем некоторую деятельность, направленную на городскую инфраструктуру и в целом на город. Деятельность людей, направленная на экологическое благополучие, экологическую вовлеченность и экологическую сохранность среды можно назвать «экологическими» или «зелеными» просоциальными практиками.

В «зеленые» просоциальные практики можно быть вовлеченным не одинаково, начиная от деления локального (65%) и глобального (32%). То есть, среди опрошенных в два раза больше тех, кто готов участвовать в экологических проектах и мероприятиях, направленных на конкретную территорию, город, район и в два раза меньше тех, кто участвует в «зеленых» просоциальных практиках мирового масштаба (восстановление экосреды мирового океана, сохранение джунглей Южной Америки или саванны Африки и т.д.).

Стоит уточнить, что готовность участвовать в локальных и глобальных проектах зависит от ценностных и мировоззренческих установок россиян. Первые ориентированы в большей степени на прагматические ценности (оценка реальных возможностей по изменению экологической ситуации на определенной территории, расчет того что, кому, когда и как надо сделать, чтобы перемены наступили), более патриотичны (ценят страну, готовы заботиться о малой Родине) и рациональны (если не видят реальных перемен в экостранстве после предпринятых действий, могут отказаться от участия в подобных проектах). Вторые видят себя «гражданами мира», более либеральны и толерантны, идеалистичны и стремятся «спасти мир». Они готовы верить в идеальные образы и стремиться к реализации этих взглядов всю жизнь, рациональные доводы для них не являются аргументами, препятствующими в реализации поставленных экологических целей.

Поэтому, «зеленые» практики социальных активистов могут выступать одной из форм патриотического поведения. Об этом более подробно рассматривается в работах П.А. Баева [6–8] и Р.В. Иванова [15]. Мы лишь уточним, что патриотизм и восприятие Малой Родины через сохранение экологического сознания, экологической культуры и экологического мировоззрения становятся основой для формирования экологической идентичности и солидарности сообществ.

Быть патриотом – это означает в том числе не просто любить природу, но и оберегать ее. Не только ценить то, что находится за городом, но и внутри городского пространства. Так как это

то, что влияет на ментальную экологию горожан, на их мысли, чувства, образы, на все то, что делает нашу жизнь осознанной и экологически защищенной. (Г. Г., экоактивист, 4 года стажа, 24 года).

Сохранять леса и реки очень важно, особенно если происходят экологические катастрофы, например наводнение в Тулуне несколько лет назад или лесные пожары на севере Иркутской области. Но еще более важным моментом выступает повседневное проявление экологического сознания в виде патриотических практик заботы об экосреде в городе, когда нет тотальной угрозы или катастрофы, но есть то, что может изменить мышление горожан через личный пример. И вот только тогда, экоактивист становится настоящим «зеленым», когда его мировоззрение направлено на то, чтобы не только самому сделать все экологически правильно, но и научить этому других, показать личным примером. Это, наверное, и есть самый правильный вид патриотизма. (Л. Ю., экоактивист, 32 года стажа, 63 года).

Общим моментом для всех респондентов выступает то, что «зеленые» практики для них мотивированы личными убеждениями. Они участвуют в различных проектах не потому, что их принуждают, а потому что они сами этого хотят и полагают, что это правильно и нужно делать. Это система ценностей, которая меняет реальное положение дел в конкретном городе, это то, что структурирует пространство и определяет перспективы развития социального взаимодействия внутри городской среды. Личная инициатива и вовлеченность в реальные «зеленые проекты» позволяет активистам: улучшить территорию или городское пространство – 22%; сформировать новые условия для развития экогорода в настоящем и ближайшем будущем – 20%; выстроить личные связи (завести нужные знакомства) – 19%; сформировать более тесное межличностное общение (найти друзей) – 16%; сформировать новые навыки и компетенции – 13%; повысить уровень просвещенности окружающих – 10%.

Это реализуется через несколько видов деятельности: озеленение города – 28%, практики направленные на усовершенствование территории и инфраструктуры города – 24%; практики по организации досуга и саморазвития в рамках экопросвещения – 22%; практики, направленные на решение социальных проблем и социальной справедливости (незаконная вырубка парков для элитной застройки, складирование мусора на территории национальных парков и т.д.) – 15%; взаимодействие «зеленых» активистов с представителями различных институтов гражданского общества (власть, бизнес, НКО, СМИ) – 11%.

Озеленение города воспринимается как повседневная рутинная работа, которую делать всегда необходимо, но при этом, умение в этой рутине увидеть положительные моменты формирования

экологического сознания горожан позволяют иначе оценивать данный вид практик. Через данный вид практик привлекаются новые активисты и волонтеры, могут участвовать дети и подростки. Например, акция «посади дерево» привлекает целые семьи для сохранения городской экосреды и формирует преемственность и взаимодействие разных поколений.

Практики направленные на усовершенствование территории и инфраструктуры города направлены на техническую организацию работы (например, отдельных баков для мусора, установки мусорных урн по городу и т.д.), это требует взаимодействия и согласований с муниципальными органами власти, привлечения спонсорской помощи или грантовых средств для технического оснащения городского пространства всем необходимым.

Практики направленные на усовершенствование территории и инфраструктуры города организуются в виде конкурсов, лекториев, мастер-классов для разных социальных групп и определяются форматом социального взаимодействия «экспертов» и рядовых граждан. Через данный вид практик повышается уровень экологической осознанности обывателей, их экологическая культура и внимательность в повседневной жизни к экологической стороне повседневности.

Практики, направленные на решение социальных проблем и социальной справедливости направлены на взаимодействие с бизнесом в рамках повышения социальной экологической ответственности последних, с органами власти для согласования различных действий, которые могут нанести вред экосреде города и региона в целом. «Зеленые» активисты в данном случае выступают весьма весомой величиной при регулировании реальных и потенциально проблемных или неоднозначных экологически важных решений ключевых социальных институтов – бизнеса и власти. Также активно в данном вопросе активисты взаимодействуют со СМИ, вынося проблемные вопросы на общее обсуждение, активно размышляя о существующих проблемах.

В целом, взаимодействие «зеленых» активистов с представителями различных институтов гражданского общества выступает фоном или основой для формирования «зеленого» социального капитала, личной и социальной ответственности за то, насколько соблюдается баланс экогородского развития.

Все респонденты по критерию личных приоритетов и ценностей были разделены на три большие условные группы, представители которых наиболее часто участвуют в одном из трех направлений «зеленых» практик. Это сохранение биоразнообразия (31%), уменьшение вредного воздействия на окружающую среду (35%) и ответственное потребление (34%).

Нам необходимо сохранять биоразнообразие, иначе мы вымрем как вид, а заодно погубим и другие формы жизни на Земле, так как все связано со всем. (Т. А., эко-волонтер 5 лет стажа, 32 года).

Без целенаправленного воздействия на экономику с целью контроля вредного воздействия на окружающую среду нет будущего развития всего общества. Надо совершенствовать и при необходимости заменять технологии, для того чтобы наша жизнь была более экологичной. (Н. Е., эко-волонтер 16 лет стажа, 49 лет)

Ответственное потребление – это первый осознанный шаг к экологичному будущему. Это основа мировоззрения человека, обладающего полноценным экологическим сознанием и культурой. Осознанное потребление выступает шагом к эко-среде в конкретном городе, потом регионе, затем во всем мире. Все начинается с малого. (А. Е., эко-волонтер 12 лет стажа, 41 год).

Одной общей целью участников исследования выступает изменение условий повседневности для всех жителей страны, а потом и мира. Для спасения планеты, как и отдельной территории нужны не только сложные решения, последствиями которых выступает пересмотр технологий и закрытие целых промышленных и производственных ветвей экономики, но и повседневные стратегии нового взаимодействия с миром (сортировка мусора, не мусорить на улице или не покупать пластиковые бутылки, посещать секонд-хенды и т.д.), но и личный контакт с другими людьми (соблюдение экологии чувств, ментальной экологии, культуры экологического взаимодействия с людьми и природой и т.д.).

«Зеленые активисты» формируют новое пространство развития города. Они вовлекают в осознанное экологическое сознание рядовых жителей, а они в свою очередь более внимательно относятся к своей жизни. И это становится точкой отсчёта формирования экогорода будущего.

Таким образом, в формировании экогородов – зеленые активисты, участвующие в разнообразных просоциальных практиках, направленных на сохранение экосреды, выступают одним из двигателей нового городского моделирования. Экорегиион и экогород становятся основой для моделирования нового типа жизни и развития экологического мышления. Этому могут способствовать внешние условия: целенаправленная политика и позиция органов власти, готовность бизнеса к сотрудничеству и открытому диалогу, включенности СМИ в распространение информации о экологической составляющей нового формата развития регионов.

Без комплексной системы мер невозможно представить развития экогорода в новых условиях. «Зеленые» активисты с их непосредственной деятельностью в рамках просоциальной наполненности городского сообщества, выступают вну-

тренним рычагом данных перемен. Поэтому, необходимо анализировать происходящие трансформации в данном сообществе, так как это может указать на последующие перемены экогородского и экорегионального развития в целом.

Литература

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность современного города // Логос. 2002. № 3–4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (дата обращения: 19.11.2024).
2. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 193–197.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность городского сознания // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.
4. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
5. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
6. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
7. Баев П.А. Малая родина в ценностной палитре россиян // Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 11–16 сентября 2024 г. / отв. ред.: А.Д. Карнышев, И.А. Журавлева, О.А. Карнышева. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2024. С. 119–124.
8. Баев П.А. «С чего начинается Родина? с церквушки над тихой рекой»: трансформация символического наследия современного российского общества // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, Издательство ИГУ, 2015. С. 323–338.
9. Журавлева И.А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // Социология. 2019. № 1. С. 124–129.
10. Журавлева И.А. Город будущего: знания, привычки и креативность в повседневном пространстве // Креативные стратегии и креатив-

- ные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научно-практической конференции. Иркутск, Издательство Репроцентр1, 2019. С. 103–106.
11. Журавлева И.А. Перспективы внедрения технологий «умных городов» в контексте консолидации и дезинтеграции различных социальных групп // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 92–100.
 12. Журавлева И.А. Программа «безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55–62.
 13. Журавлева И.А. Экогород в представлениях жителей Байкальского региона // Социология. 2024. № 10. С. 33–38.
 14. Журавлева И.А., Заварзина Ю.В., Попова М.В. Влияние идентичности территории на создание территориального бренда как креативное направление // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 26–29.
 15. Иванов Р.В. Экологический патриотизм в Байкальском регионе: перспектива развития эко-региона // Социология. 2024. № 10. С. 39–43.
 16. Карнышев А.Д. Воспитание и укорененность как главные ресурсы встраивания экологического патриотизма в экономические структуры (на примере байкальского региона) // Психология личностного и профессионального развития человека. материалы Седьмой конференции психологов образования Сибири. Иркутск, Издательство ИГУ, 2022. С. 39–47.
 17. Карнышев А.Д. Этнокультурные особенности проявления эйджизма и патриотизма в условиях пандемии // Современные практики социальной работы с пожилыми людьми: проблемы реабилитации и обеспечения активного долголетия. Материалы научно-практической конференции. Научный редактор Е.В. Решетникова. Иркутск, Издательство ИГУ, 2022. С. 56–63.
 18. Карнышев А. Д., Иванова Е.А. Этимологические и психолого-экономические проявления китайского патриотизма в байкальском регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. Т. 30. С. 75–84.
 19. Карнышев А. Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 196–214.
 20. Костко Н.А. Зелёные практики против городских практик: контент-анализ региональной прессы Тюменской области / Н.А. Костко, И.Н. Пупышева, Т.И. Паюсова // Siberian Socium. 2023. Том 7. № 1 (23). С. 8–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-8-28
 21. Попова М.В., Борисова Ю.В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103.
 22. Скуденков В.А. Новое воспроизводство городского пространства: граффити и стрит-арт // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, Издательство ИГУ, 2024. С. 272–279.
 23. Скуденков В.А. Психогеография публичного пространства в условиях постпандемического общества // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 180–182.
 24. Скуденков В.А. Улица в городе: социологический этюд // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, Издательство ИГУ, 2023. С. 116–118.

ECO-CITY: PROSOCIAL BEHAVIOR OF «GREEN» ACTIVISTS

Polyushkevich O.A.
Irkutsk State University

The article examines the issues of constructing a «green» agenda in the urban space. The conditions for the formation of environmental consciousness and real prosocial «green» behavior of city residents are analyzed. The practices of «green» activists are considered as forms of prosocial behavior that shape the environment of eco-cities. Conclusions are shared about the formation of new conditions for the construction and development of eco-cities through the prosocial practices of «green» activists.

Keywords: eco-city, green activists, prosocial behavior, environmental thinking, environmental consciousness.

References

1. Amin E., Thrift N. The intelligibility of the modern city // Logos. 2002. No. 3–4. [Electronic resource]. – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (date of access: 11/19/2024).
2. Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // Civilization shifts in the development of the modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2021. Pp. 193–197.
3. Ardashev R.G. Irrationality of urban consciousness // Modern urban studies: social well-being and digital transformation of the city. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Minsk, 2024. Pp. 33–36.

4. Ardashev R.G. Features of the development of consciousness of city dwellers in a pandemic society // *Sociology*. 2022. No. 1. P. 79–86.
5. Ardashev R.G. Social security in the consciousness of Siberians // *Sociology*. 2024. No. 7. P. 59–64.
6. Baev P.A. Civil and national identity of Russians // *Sociology*. 2023. No. 4. P. 69–76.
7. Baev P.A. Small homeland in the value palette of Russians // *Ethnoregional resources of human harmony with nature and society as factors of psychological health, interethnic harmony and intercultural communication: materials of the International scientific and practical conference*. Irkutsk, September 11–16, 2024 / resp. ed.: A.D. Karnyshev, I.A. Zhuravleva, O.A. Karnysheva. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2024. P. 119–124.
8. Baev P. A. «Where does the Motherland begin? With a church over a quiet river»: Transformation of the symbolic heritage of modern Russian society // *Consolidation of Russian society: organizational, educational and socio-cultural resources*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2015. P. 323–338.
9. Zhuravleva I. A. «Smart cities»: expectations and fears of citizens // *Sociology*. 2019. No. 1. P. 124–129.
10. Zhuravleva I.A. City of the Future: Knowledge, Habits, and Creativity in Everyday Space // *Creative Strategies and Creative Industries in the Economic, Social, and Cultural Spaces of the Region*. Proceedings of the Second Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, Reprocenter1 Publishing House, 2019. pp. 103–106.
11. Zhuravleva I.A. Prospects for the Implementation of «Smart City» Technologies in the Context of Consolidation and Disintegration of Various Social Groups // *Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects*. Collection of Scientific Papers. Irkutsk State University; edited by V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University, 2019. pp. 92–100.
12. Zhuravleva I.A. «Safe City» Program in Modern Municipal Management // *Urban Studies*. 2018. No. 4. P. 55–62.
13. Zhuravleva I.A. Eco-city in the views of residents of the Baikal region // *Sociology*. 2024. No. 10. P. 33–38.
14. Zhuravleva I.A., Zavarzina Yu.V., Popova M.V. The influence of territorial identity on the creation of a territorial brand as a creative direction // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Proceedings of the Third regional scientific and practical conference. Irkutsk, 2021. P. 26–29.
15. Ivanov R.V. Environmental patriotism in the Baikal region: prospects for the development of the ecoregion // *Sociology*. 2024. No. 10. P. 39–43.
16. Karnyshev A.D. Education and rootedness as the main resources for integrating environmental patriotism into economic structures (using the Baikal region as an example) // *Psychology of personal and professional development of a person*. Proceedings of the Seventh Conference of Educational Psychologists of Siberia. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2022. Pp. 39–47.
17. Karnyshev A.D. Ethnocultural features of the manifestation of ageism and patriotism in the context of a pandemic // *Modern practices of social work with the elderly: problems of rehabilitation and ensuring active longevity*. Proceedings of the scientific and practical conference. Scientific editor E.V. Reshetnikova. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2022. Pp. 56–63.
18. Karnyshev A. D., Ivanova E.A. Etymological and psychological-economic manifestations of Chinese patriotism in the Baikal region // *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. 2019. Vol. 30. Pp. 75–84.
19. Karnyshev A. D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Baikal and Psychological Resources of Pushing to Environmental Patriotism // *Siberian Psychological Journal*. 2020. No. 77. Pp. 196–214.
20. Kostko N.A. Green Practices versus Urban Practices: Content Analysis of the Regional Press of the Tyumen Region / N.A. Kostko, I.N. Pupysheva, T.I. Payusova // *Siberian Socium*. 2023. Vol. 7. No. 1 (23). Pp. 8–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2023-7-1-8-28
21. Popova M.V., Borisova Yu.V. Construction of a territorial brand in the minds of Russians // *Sociology*. 2018. No. 2. P. 97–103.
22. Skudencov V.A. New reproduction of urban space: graffiti and street art // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2024. Pp. 272–279.
23. Skudencov V.A. Psychogeography of public space in the context of post-pandemic society // *Civilization shifts in the development of the modern city*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2021. Pp. 180–182.
24. Skudencov V.A. Street in the city: sociological etude // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Proceedings of the IX International scientific and practical conference. General editor O.A. Polyushkevich. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 2023. P. 116–118.

Предпринимательские намерения студенческой молодёжи

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник института проблем освоения Севера Тюменский научный центр СО РАН
E-mail: fshamil@mail.ru

Амбрушкевич Константин Владимирович,

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: ambrushkevichk@mail.ru

В статье актуализируется важность исследования предпринимательских намерений современной студенческой молодёжи. Отмечается, что намерения являются ключевой предпосылкой для реализации предпринимательского поведения и в целом развития бизнес-активности населения. Приведён обзор актуальных теорий и подходов, связанных с затрагиваемой проблематикой, выделены принципиальные методологические основы её изучения. Осуществлён вторичный анализ данных, в ходе которого рассмотрены результаты массовых опросов крупных национальных и международных исследовательских центров и проектов, посвящённых предпринимательским намерениям. Приведены результаты авторского социологического исследования, характеризующего предпринимательские намерения студенческой молодёжи г. Тюмени. На основании полученных результатов сформулированы перспективные направления развития предпринимательских намерений молодых людей.

Ключевые слова: предпринимательство, бизнес, предпринимательские намерения, социальный статус, молодёжь, студенты, социальная мобильность.

Несмотря на ряд позитивных тенденций в сфере развития малого бизнеса, в России ситуация с предпринимательской активностью по-прежнему значительно отличается от развитых стран. В 2022 году его вклад в ВВП нашей страны составил лишь 21,0%, хотя в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на долю малого и среднего предпринимательства приходится более 50% ВВП. В Китае это значение составляет 60–70%, в США и Финляндии – около 60%, в Италии – более 70% [3].

Подобные различия являются следствием влияния совокупности факторов: экономических, исторических, институциональных и культурных [1]. Несформированность института предпринимательства в нашей стране связана с относительной «молодостью» рыночных отношений. За длительный период существования плановой экономики с преобладанием государственной собственности сформировались поколения, для которых инициатива и самостоятельность не являлись социально-значимыми качествами. Характерные для советских поколений ценности коллективизма и сотрудничества затрудняли индивидуальные инициативы, необходимые для предпринимательства. Ситуация усложнялась затяжным периодом социально-экономической нестабильности, несовершенством налоговой системы, бюрократическими барьерами и коррупцией, преодоление которых усложнялось наличием сильно централизованной власти, доставшейся стране в наследство от Советского Союза. Атмосфера неопределённости и тотального недоверия к основным институтам закономерно сформировали в обществе конца 1990-х – начала 2000-х гг. стереотипы и предубеждения о предпринимательстве как рискованном и даже неэтичном занятии. Указанные процессы нашли отражение в работах отечественных социологов, исследовавших предпринимательство в начале его становления в постсоветской России [4, 5, 6, 11]. Сегодня можно констатировать преодоление многих негативных тенденций в отношении предпринимательства, а такие особенности российского менталитета, такие как склонность к риску, умение быстро адаптироваться к изменениям и находить нестандартные решения, помогают развитию предпринимательства.

Актуальность

Несмотря на то, что предпринимательские намерения представляют собой важную предпосылку

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

к созданию и развитию своего бизнеса они далеко не всегда реализуются на практике. Тем не менее изучение предпринимательских намерений в молодёжной среде является первым шагом в понимании предпринимательского поведения и позволяет строить прогностические модели процесса создания бизнеса на среднесрочную и долгосрочную перспективы. В свою очередь, поддержка и поощрение намерений со стороны основных институтов, в частности системы образования, способны принести значительную пользу для развития экономики [9]. Таким образом исследования предпринимательских намерений молодёжи представляет собой актуальную научно-практическую и управленческую задачу.

Методология и методы

Предпринимательские намерения – это сложное и многоаспектное явление, включающее в себя комплекс социально-психологических факторов. Одной из наиболее влиятельных и распространённых теорий в области предпринимательских намерений является предложенная И. Айзенем теория планируемого поведения. Она применима ко многим аспектам человеческой активности, включая предпринимательство. Основными компонентами данной теории являются: установки, отражающие отношение человека к той или иной деятельности; субъективные нормы, касающиеся восприятия социального давления и ожиданий значимых других; воспринимаемый контроль, отражающий уверенность человека в своих силах и возможностях для выполнения намеченных действий; и наконец, само намерение, как непосредственный предвестник поведения [10].

Экстраполируя эти компоненты на предпринимательскую деятельность, можно сформировать следующую модель. Если человек имеет положительные установки относительно предпринимательства, например, видит возможность для самовыражения, финансовой независимости и удовлетворения личных амбиций, это повышает позитивный бизнес-настрой. Когда семья, друзья и другие важные люди поддерживают идею открытия собственного бизнеса, это создает благоприятную среду для развития предпринимательских намерений. Поддержка может выражаться в виде одобрения, советов, моральной помощи и даже финансовых вложений. Уверенность в собственных навыках, знаниях и ресурсах для ведения бизнеса позволяют справляться с трудностями и принимать правильные решения. Важными элементами здесь являются опыт работы в бизнесе, наличие необходимых знаний и доступ к финансовым средствам. Объединение вышеуказанных факторов, формирует сильное намерение начать предпринимательскую активность и побуждает начинать планирование конкретных действий для запуска бизнеса.

Другим подходом к изучению предпринимательских намерений является дифференциация мотивов в зависимости от социально-демографических характеристик, а также культурных и экономических факторов. Так, многочисленные исследования в этом направлении указывают на то, что мужчины чаще женщин демонстрируют готовность к созданию бизнеса, старшие возрастные группы менее активны в этом направлении, чем молодые, а более обеспеченные категории населения чаще стремятся открыть своё дело, чем люди с низким уровнем благосостояния. Яркие примеры успешных предпринимателей в окружении также могут способствовать формированию положительных установок [1].

Ещё один методологический конструкт: теория предпринимательского события, предложенная А. Шаперо и Л. Соколом предполагает, что созданию бизнеса предшествует два важных условия. Первое – привлекательность и достижимость идеи открытия своего дела. Привлекательность зависит от первичного отношения к предпринимательской деятельности, формируемого социальной средой индивида: его семьёй, друзьями и коллегами. Знания, человеческие и финансовые ресурсы влияют на воспринимаемую достижимость. Второе условие – возникновение события, способного сместить намерения в практическую плоскость. Такое событие может иметь положительный, отрицательный или нейтральный характер. В первом случае это может быть, например, получение наследства или крупная инвестиция со стороны, во втором – потеря работы или развод, в третьем – завершение обучения в вузе. В любом случае, смещение – это своего рода триггер, который нарушает инерцию и вызывает изменение поведения [12]. Несмотря на кажущуюся простоту этой схемы, её детализация раскрывает множество факторов и ситуаций, влияющих на механизм реализации и итоговый результат. В некоторых случаях воспринимаемых человеком желательности и осуществимости может быть достаточно в других – для начала деятельности, необходим очень мощный толчок. Диспепсию, возникающую вследствие различной комбинации всех трёх предикторов, авторы теории объясняют сложной природой склонности к действию, а также ситуативными переменными, социальными факторами, индивидуальными характеристиками и культурной средой. Таким образом, достаточность модели будет варьироваться в зависимости от общего контекста пространства реализации.

Упомянутые теоретические подходы нашли отражение в программе и инструментарии авторского социологического исследования, объектом которого выступила студенческая молодёжь города Тюмени. Массовый опрос был проведён в 2024 году, в сервисе Google формы среди 1500 респондентов из 5 основных ВУЗов Тюмени (государ-

ственный университет, индустриальный университет, аграрный университет, медицинский университет, институт культуры). Целью опроса являлось изучить предпринимательские намерения студенческой молодёжи.

Результаты и их обсуждение

Вторичный анализ данных

Предваряя рассмотрение результатов нашего исследования, представляется целесообразным обратиться к данным полученным отечественными исследовательскими центрами по релевантной тематике.

В опросе Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) совместно с Платформой знаний и сервисов для бизнеса «Деловая среда» и Министерством экономического развития Российской Федерации желание начать вести предпринимательскую деятельность выразили 29% опрошенных россиян, две трети (67%) не желали становиться предпринимателем, а 4% затруднились с ответом. Чаще предпринимательские намерения выражали мужчины (36% против 24%), молодёжь (52% – до 35 лет и 15% – старше 45 лет), респонденты с высшим образованием (38% – есть ВО, 25% – нет ВО), жители региональных центров (крупные города – 43%, малые города и сёла – 25%), а также квалифицированные специалисты (43% против 23% респондентов рабочих специальностей).

Среди плюсов, которые респонденты видят в занятии предпринимательской деятельностью, чаще всего отмечалось получение высокого дохода (62%), независимость (свободный график, работа на себя) – 55% и возможность заниматься любимым делом, реализовывать свои мечты и идеи – 47%. Значительно реже к преимуществам предпринимательской деятельности респонденты относили саморазвитие (новые знакомства, профессиональный рост) – 24% и возможность принести пользу обществу (повышение качества товаров или услуг) – 15%. Главным тормозящим предпринимательские намерения фактором оказалось отсутствие стартового капитала или недостаточность средств для открытия собственного дела (52%). Следом, со значительным отрывом идут высокая конкуренция на рынке (31%) боязнь риска и потери денег (29%); недостаток знаний (27%); высокие налоги (25%) [13].

В другом исследовании, реализованном в 2021 г. Высшей школой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета в рамках «Глобального мониторинга предпринимательства» уровень предпринимательских намерений, отражающих интерес населения к этому виду деятельности, составил 12% – именно такая доля респондентов высказалась о наличии желания в ближайшее время открыть собственное дело. По этому показателю России стоит в од-

ном ряду с такими странами, как, например, Италия, Финляндия, Великобритания. Больше всего (более половины всех опрошенных) желающих открыть свой бизнес в Омане, Египте, Казахстане и Доминиканской Республике. Авторы проекта связывают это не столько с благоприятностью возможностей ведения бизнеса и предпринимательскими способностями населения этих стран, сколько с возможным отсутствием других видов занятости, низким заработком при трудоустройстве по найму [6].

Мониторинговый проект ВЦИОМа «Пора предпринимать?», реализуемый с 1992 года позволяет проследить динамику предпринимательских намерений за три десятилетия. Сегодня, среди респондентов желающих начать своё дело (23% россиян), реальные действия осуществляют 15%. В 2016 году таковых было 17%, а в 1992 г. – лишь 5%. Несмотря на то, что за рассматриваемый период интерес к открытию бизнеса несколько снизился, сегодня предпринимательские намерения в три раза чаще конвертируются в такие реальные действия, как регистрация, поиск помещения, сырьё или оборудования, оформление кредитов.

Основными барьерами открытия своего дела являются состояние здоровья, возраст (39%), отсутствие стартового капитала (28%) и интереса к бизнесу (22%). Каждый пятый признался, что ему не хватает соответствующих знаний или компетенций (20%), почти столько же опасаются трудностей, с которыми сопряжено открытие бизнеса (19%). За три десятилетия рейтинг причин претерпел незначительные изменения, хотя все варианты сегодня звучат намного чаще [7].

Авторское исследование

Как было показано в теоретической части статьи, наличие предпринимателей в окружении – важный фактор формирования предпринимательских намерений. В нашем исследовании более половины респондентов (56%) указали, что такие люди среди их друзей и знакомых есть: 13% заявили о наличии большого числа предпринимателей в своём круге; 43% указали, что их не много; а 32% и 12% соответственно указали на отсутствие людей, занимающихся бизнесом, или затруднились ответить.

Отвечая на вопрос о том, как часто в общении с окружающими затрагивается предпринимательская тематика, выяснилось, что в большинстве случаев эта тема поднимается лишь «время от времени» (45%), тогда как говорят о ней постоянно (часто) или редко (почти никогда) респонденты практически в равной степени (27 и 28% соответственно). Гендерные различия в ответах на данный вопрос проявились в том, что парни несколько чаще девушек общаются на темы, связанные с предпринимательством. На это указывает и распределение ответов на следующий вопрос,

касающийся планов открыть своё дело. Так, если частотное распределение показывает, что равное количество студентов ответили утвердительно и отрицательно (26 и 27% соответственно), 45% ещё не решили, а 2% указали, что уже имеют небольшой бизнес, распределение по полу демонстрирует сдвиг положительных намерений в сторону респондентов мужского пола.

Выражая мнения о преобладании в предпринимательской деятельности преимуществ и недостатков, большинство полагает что преимуществ больше (43%). Примерно столько же (41%) считают, что плюсы и минусы представлены в равной степени, а 9% затруднились с ответом на вопрос. Лишь 7% считают, что недостатков в предпринимательской деятельности больше.

Выбирая из списка положительных аспектов ведения своего дела, респонденты чаще всего отмечают: возможность самореализации, воплощения своих идей (70%), независимость от работодателя (63%); возможность высокого заработка (61%). Со значительным отрывом в следующей тройке оказались такие аспекты, как занятие любимым делом (44%), свободный график работы (35%), мотивация к постоянному саморазвитию (30%). Примечательно, что «высокий социальный статус», оказался лишь на седьмом месте (12%), что по всей видимости означает сопутствующий характер данной характеристики предпринимателей. На последнем месте оказалась возможность помогать другим. К недостаткам, которые выделили респонденты, чаще всего относили отсутствие гарантированного заработка (53%), нерегулярные доходы (49%), а также финансовую и правовую ответственность, с которыми сопряжена деятельность предпринимателя (47%). Сложности психологического характера в виде размытых границ между работой и свободным временем (38%) и постоянного стресса (30%) отметили около трети опрошенных. Пятая часть указала на недостатки, связанные с отсутствием социального обеспечения: отсутствие многих социальных льгот и гарантий (22%), ненормированный рабочий день (21%), необходимость самому копить на пенсию (19%). Две последние позиции – проблемы с мотивацией к труду при отсутствии успеха (15%) и отсутствие оплачиваемого отпуска (11%).

Выбирая из списка личностных качеств, которыми должен обладать предприниматель, на первом месте оказалась целеустремлённость – две трети (65%) респондентов выбрали именно этот вариант. Дальше с большим отрывом следуют такие качества, как стрессоустойчивость, организованность, умение договариваться, лидерские качества, умение вести переговоры, трудолюбие. Эти позиции отметили 42–46% опрошенных. В последней тройке оказались такие качества, как умение говорить (36%), умение принимать ответственность (30%), экономическое мышление (30%).

На вопрос о причинах, которые по мнению респондентов вызывают нежелание молодёжи заниматься предпринимательской деятельностью, подавляющее большинство выделило отсутствие стартового капитала (63%). На втором месте оказалось отсутствие предпринимательских знаний и компетенций (48%), на третьем – отсутствие «достойной» бизнес-идеи (40%). Отсутствие предпринимательской «жилки» является сдерживающим фактором по мнению 34% студентов, а неблагоприятная экономическая ситуация в стране – 32%. Далее в порядке убывания следуют: отсутствие площадок, где можно получать актуальные знания и навыки (22%), барьеры со стороны власти (15%), наличие негативного опыта у родителей, родственников или друзей (15%), несформированная предпринимательская культура в стране (13%), наличие собственного негативного предпринимательского опыта (11%). Представленное распределение демонстрирует, что к сдерживающим факторам участники опроса чаще относят вполне конкретные и «осязаемые» причины. Факторы же социально-психологического и культурного плана оказываются вторичными.

Вопрос анкеты, непосредственно касающийся предпринимательских намерений был сформулирован следующим образом: «Планируете ли Вы в ближайшем будущем открыть свое дело, стать предпринимателем?». Отвечая на него, четверть респондентов (26%) высказались однозначно утвердительно, а 45% ещё не решили. Не планируют заниматься бизнесом 27%, а 2% указали на наличие своего дела. Распределение ответов на данный вопрос по полу в очередной раз подтверждает более высокую выраженность предпринимательских намерений у мужчин (рис. 1).

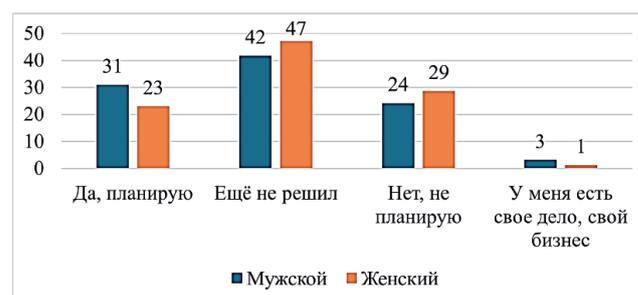

Рис. 1. Распределение предпринимательских намерений в зависимости от пола, в %

Сопоставление полученных нами данных с результатами общероссийских опросов демонстрируют более высокий уровень предпринимательских намерений у студентов по сравнению с населением в целом. В то же время следует отметить у них высокий уровень неопределённости относительно перспектив занятия бизнесом. Это в свою очередь открывает перспективы по формированию предпринимательских намерений в студенческой среде.

Заключение

Учитывая, что рассматриваемая нами категория молодежи – студенты, непосредственно интегрированы в систему образования, этому социальному институту отводится ключевая роль в формировании предпринимательских намерений. Именно вузы закладывают основы для развития необходимых знаний, умений и установок, способствующих успешному ведению бизнеса. Сегодня, благодаря планомерной государственной политике по развитию предпринимательства в молодёжной среде уже реализуется ряд инициатив, среди которых преподавание основ предпринимательства, включающих курсы, посвящённые основам ведения бизнеса, управлению финансами, маркетингу, разработке бизнес-планов и другим аспектам предпринимательской деятельности. В ряде учебных заведений реализуется программа «стартап как диплом», формируется система наставничества, происходит интеграция предпринимательской тематики в другие дисциплины.

В то же время, на наш взгляд, необходимо разделять выработку предпринимательских компетенций и формирование предпринимательских намерений. Представляется, что второй аспект требует более мягких методов вовлечения молодых людей в бизнес-повестку посредством создания соответствующей среды. К их числу можно отнести организацию предпринимательских кружков и клубов, где студенты могли бы обмениваться идеями, получать поддержку от экспертов, а также участвовать в совместных проектах. Немаловажным является проведение лекций, семинаров и мастер-классов от успешных предпринимателей, организация встреч с инвесторами и представителями бизнес-сообщества. Ещё одним нетривиальным способом формирования предпринимательских намерений может быть знакомство с региональным историческим опытом предпринимательства и купеческими традициями, оказавшими влияние на развитие локального социума [2].

Литература

1. Александрова Е.А., Верховская О.Р. Предпринимательские намерения в России: эмпирический анализ // Российский журнал менеджмента. 2015. № 2. С. 3–28.
2. Амбрушкевич К.В., Хайруллина Н.Г. Традиции сибирского купечества как основа ролевых моделей современных молодых предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17. № 3. С. 25–35.
3. Вклад МСП в экономику России вырос до 21% // Портал поддержки малого и среднего бизнеса «Мой бизнес». – URL: <https://мойбизнес.рф/novosti/news/vklad-msp-v-ekonomiku-rossii-vyrosdo-21> (дата обращения: 24.11.2024).
4. Заславская Т. И. 1995. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. Общественные науки и современность (1): 17–32.
5. Кузьминов Я. И., Смирнов С.Н., Шкаратан О.И., Якобсон Л.И. 1999. Российская экономика: Условия выживания, предпосылки развития. Вопросы экономики (7): 15–25.
6. Национальный отчёт «Глобальный мониторинг предпринимательства» / О.Р. Верховская, К.А. Богатырева, М.В. Дорохина [и др.]. – Санкт-Петербург: Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. – 100 с.
7. Пора предпринимать? Мониторинг 1992–2022 / ВЦИОМ: Всероссийский центр исследования общественного мнения: сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (дата обращения: 24.11.2024).
8. Радаев В.В. 2003. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ.
9. Шапиро Н.А., Галимзянов И.И. Факторы, формирующие предпринимательские намерения: междисциплинарный взгляд // В сборнике: Теория и практика экономики и предпринимательства. Труды XX Международной научно-практической конференции. Под редакцией Н.В. Апатовой. Симферополь, 2023. С. 110–112.
10. Ajzen, Icek (1991). «The theory of planned behavior». *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 50 (2): 179–211.
11. Djankov S., Miguel E., Qian Y., Roland G., Zhuravskaya E. (2004). *Entrepreneurship: First Results From Russia*. SSRN Paper No. 641721. <http://ssrn.com>.
12. Shapero A., Sokol L. (1982). The social dimensions of entrepreneurship. In: Kent C., Sexton D., Vesper K.H. (eds). *The Encyclopedia of Entrepreneurship*. Prentice-Hall: Englewood Cliffs, NJ; 72–90.
13. 25 миллионов россиян хотели бы попробовать себя в предпринимательстве / НАФИ: национальное агентство финансовых исследований: сайт. – URL: <https://nafi.ru/analytics/25-millionov-rossiyan-khoteli-by-poprovovat-sebya-v-predprinimatelstve/> (дата обращения: 24.11.2024).

INFORMAL COMMUNICATIONS IN AN ORGANIZATION: THEORETICAL FOUNDATIONS AND METHODOLOGICAL GUIDELINES¹

Farakhutdinov Sh.F., Ambrushkevich K.V.

Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen Industrial University

¹ The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FWRZ-2021–0006).

The article highlights the importance of studying the entrepreneurial intentions of modern student youth. It is noted that intentions are a key prerequisite for the implementation of entrepreneurial behavior and, in general, the development of business activity of the population. An overview of current theories and approaches related to the issues raised is provided, and the fundamental methodological foundations of its study are highlighted. A secondary data analysis was carried out, during which the results of mass surveys of large national and international research centers and projects devoted to entrepreneurial intentions were considered. The results of the author's sociological study characterizing the entrepreneurial intentions of student youth in Tyumen are presented. Based on the results obtained, promising areas for the development of entrepreneurial intentions of young people are formulated.

Keywords: entrepreneurship, business, entrepreneurial intentions, social status, youth, students, social mobility.

References

1. Aleksandrova E.A., Verkhovskaya O.R. Entrepreneurial intentions in Russia: an empirical analysis // *Russian Management Journal*. 2015. No. 2. Pp. 3–28.
2. Ambrushevich K.V., Khairullina N.G. Traditions of Siberian merchants as the basis for role models of modern young entrepreneurs // *News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 25–35.
3. The contribution of SMEs to the Russian economy has grown to 21% // Portal for supporting small and medium-sized businesses «My Business». – URL: <https://мойбизнес.рф/novosti/news/vklad-msp-v-ekonomiku-rossii-vyros-do-21> (accessed: 24.11.2024).
4. Zaslavskaya T. I. 1995. The business layer of Russian society: essence, structure, status. *Social sciences and modernity* (1): 17–32.
5. Kuzminov Ya. I., Smirnov S.N., Shkaratan O.I., Yakobson L.I. 1999. Russian economy: Conditions of survival, prerequisites for development. *Economic issues* (7): 15–25.
6. National report «Global Entrepreneurship Monitoring» / O.R. Verkhovskaya, K.A. Bogatyreva, M.V. Dorokhina [et al.]. – St. Petersburg: Graduate School of Management, St. Petersburg State University, 2018. – 100 p.
7. Is it time to take action? Monitoring 1992–2022 / VTsIOM: All-Russian Public Opinion Research Center: website. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (date of access: 24.11.2024).
8. Radaev V.V. 2003. *Sociology of markets: towards the formation of a new direction*. – M.: Publishing house of the State University – Higher School of Economics.
9. Shapiro N.A., Galimzyanov I.I. Factors shaping entrepreneurial intentions: an interdisciplinary view // In the collection: *Theory and practice of economics and entrepreneurship. Proceedings of the XX International scientific and practical conference*. Edited by N.V. Apatova. Simferopol, 2023. pp. 110–112.
10. Ajzen, Icek (1991). “The theory of planned behavior”. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 50 (2): 179–211.
11. Djankov S., Miguel E., Qian Y., Roland G., Zhuravskaya E. (2004). *Entrepreneurship: First Results From Russia*. SSRN Paper No. 641721. <http://ssrn.com>.
12. Shapero A., Sokol L. (1982). The social dimensions of entrepreneurship. In: Kent C., Sexton D., Vesper K.H. (eds). *The Encyclopedia of Entrepreneurship*. Prentice-Hall: Englewood Cliffs, NJ; 72–90.
13. 25 million Russians would like to try themselves in entrepreneurship / NAFI: national agency for financial research: website. – URL: <https://nafi.ru/analytics/25-millionov-rossiyan-khoteli-by-poprobovat-sebya-v-predprinimatelstve/> (date of access: 24.11.2024).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Пандемия и северный город: социальное самочувствие населения

Ермолаев Терентий Степанович,

канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Институт агуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера РАН
E-mail: tererm@mail.ru

Пандемия COVID-19 так или иначе затронула почти каждого человека. Возможно, одной из основных мировоззренческих дилемм посткоронавирусной реальности станет вопрос о том, что важнее – свобода человека или его безопасность. В статье анализируется влияние пандемии на социальное самочувствие городского населения Якутска – крупнейшего северного города, расположенного на вечной мерзлоте. На основе материалов полевых исследований (данных глубинных интервью с экспертами, массового опроса городского населения Якутии) раскрыты существенные черты и особенности социального самочувствия горожан в условиях локдауна. Пандемия кардинально изменила рутину повседневности, заставила менять привычки, корректировать графики жизни и горизонты планирования. Социальное самочувствие является интегральным индикатором успешности/неуспешности процесса адаптации горожан в условиях пандемии, эффективность которой во многом зависит от социального управления. В постпандемической реальности важно продолжить мониторинг социального самочувствия населения, разрабатывать более эффективные меры поддержки наиболее уязвимых социальных групп, а также учитывать опыт пандемии при совершенствовании государственной политики в области здравоохранения и социальной защиты.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, социальное самочувствие, городское население, ценностные ориентации, нормы поведения.

Введение

Пандемия COVID-19 стала глобальным вызовом, оказавшим глубокое влияние на все сферы жизни общества. Городское население, особенно в условиях мегаполисов, оказалось в зоне повышенного риска и испытало на себе не только медицинские, но и социально-экономические последствия пандемии. Продолжающийся спад уровня доходов, неравный доступ к общественным благам, ухудшение социального самочувствия населения формируют риски социальных противоречий и конфликтов. Актуальность и целесообразность нашего исследования определяются научной и практической значимостью непрерывного мониторинга и анализа социального самочувствия городского населения как важного индикатора общественных изменений. Цель данной статьи заключается в исследовании социального самочувствия жителей северного города в условиях пандемии COVID-19.

Материалы и методы

Основным источником для данной статьи послужили материалы полевых работ, прежде всего, транскрипции полужформализованных неструктурированных глубинных интервью с экспертами на тему «Пандемия и город: вызовы, последствия, противодействие» (n = 12). Они проводились в формате «face-to-face» через платформу Zoom, что предоставило каждому из участников возможность достаточно полно и открыто высказать свое личное мнение (фрагменты из интервью представлены в виде прямых цитат). Также использован массив эмпирических материалов социологического исследования «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации», проведенного отделом этносоциологии ИГиПМНС СО РАН. В массовом опросе приняли участие 887 городских респондентов – жители 12 городов Якутии: Центральная зона (Якутск, Покровск), Западная зона (Мирный, Удачный, Ленск, Вилюйск, Нюрба), Южная зона (Алдан, Нерюнгри, Томмот, Олёкминск), Арктическая зона (Среднеколымск) и 22 поселков городского типа.

Краткая характеристика северного города

Якутск – уникальный северный город на вечной мерзлоте, расположенный в географическом эпицентре Республики Саха (Якутия). При общей чис-

ленности населения республики чуть более одного миллиона человек, на начало 2024 года в столице проживало почти 384 тысячи человек, и этот показатель продолжает расти благодаря естественному приросту и миграции. Интересно, что Якутск, являясь одним из старейших городов Сибири (основан в 1632 году) – один из самых молодых городов России, где средний возраст жителей составляет всего 34 года. Этнический состав города разнообразен и представлен более чем 100 национальностями. Наиболее многочисленными являются якуты (саха) – 59,2% и русские – 26,4%. Также в Якутске проживают киргизы (3,4%), эвенки (1,9%), таджики (1,7%), китайцы (1,4%), армяне (1,1%), буряты и эвены (по 0,6%), украинцы (0,5%), татары (0,4%), юкагиры (0,1%). Якутск – крупнейший центр торговли и бизнеса на Дальнем Востоке. В городе осуществляют свою деятельность 20 600 субъектов малого и среднего предпринимательства, численность занятых в которых составляет более 23,6 тыс. чел. Малый и средний бизнес являются одними из драйверов роста экономики г. Якутска, формирующими 25% валового городского продукта. Якутск располагает разветвленной сетью крупных научных учреждений: это ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», который объединяет семь НИИ; Академия наук РС (Я), включающая четыре НИИ и отраслевые центры. Подготовку кадров осуществляют Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (более 18 тыс. студентов), Арктический государственный агротехнологический университет (более 4 тыс.), Арктический государственный институт культуры и искусств (более 1 тыс.) и десятки техникумов и училищ. Среднее образование города представлено 50 школами, в том числе гимназиями и лицеями. Столица Якутии является одним из крупнейших культурных центров Дальнего Востока. Там находятся 11 музеев, 7 профессиональных театров, государственный цирк, национальная кинокомпания «Сахафильм», государственная филармония РС (Я), а также другие учреждения культуры, которые формируют богатый культурный ландшафт города [1].

Результаты

Нарративы социальных настроений

Пандемия COVID-19 серьезно трансформировала городскую жизнь Якутска. Она заперла людей дома, переполнила больницы, поставила на паузу развитие бизнеса, ограничила доступ к общественным пространствам, перегрузила цифровую инфраструктуру, обострила проблемы с физическим и ментальным здоровьем горожан. В настоящее время продолжающийся спад уровня доходов людей, неравный доступ населения к общественным благам, ухудшение социального самочувствия, особенно на фоне сохраняющейся неблагоприятной эпидемиологической ситуации, формируют

серьезные риски социальных противоречий и конфликтов. В ходе исследования были проанализированы глубинные интервью с экспертами, которые компетентно комментировали существующие в период пандемии городские проблемы, приводя примеры из своей практики. В начале пандемии значительная часть горожан, по мнению экспертов, перманентно находилась в состоянии стресса, была напугана «невидимым врагом», угрожающим их здоровью и жизни; одновременно с этим была нарушена социальная ткань городского пространства. Эксперт № 11 (женщина, 65 лет): *«Раньше все было привычным и относительно простым. А теперь повседневность стала иной, что ли... И таких изменений – масса, они практически всего касаются, если так разбираться, и все сферы моей жизни затронули»*. Эксперт № 8 (мужчина, 56 лет): *«Перемены в моей жизни, вызванные пандемией, не случались никогда – это, скорей всего, можно назвать “пандемией страха”. Люди ощутили страх потери смысла жизни»*. Эксперт № 12 (мужчина, 67 лет): *«Городское пространство изменилось внезапно... стало невозможно свободно передвигаться и использовать ранее привычные маршруты, которые стали опасными с точки зрения риска заразиться вирусом»*. Эксперт № 2 (женщина, 30 лет): *«Не могу понять, что именно так угнетает. То ли сама изоляция, то ли неопределенность из-за нее»*. Формирование такого депрессивного состояния жителей г. Якутска определялось целым рядом обстоятельств: горожане испытывали социальную, пространственную и двигательную депривацию; оказались лишены личных каналов коммуникации, энергетики живого общения и тактильного контакта; была нарушена привычная рутина, которая составляет ткань повседневной жизни и поддерживает ощущение стабильности; люди потеряли чувство контроля над своей жизнью, резко ограничили возможности ее планировать; появилось избыточное количество пугающей информации в СМИ об опасностях COVID-19 и необходимости постоянно быть бдительными; наблюдалась чрезмерная карантинная активность городских властей за соблюдением режима самоизоляции (рис. 1). Здесь уместно привести высказывание П.П. Сорокина о том, что *«...эпидемия как падший демон отбрасывает свою тень на каждую нашу мысль, на каждое действие, которое мы совершаем, влияет на каждый момент нашего существования»* [2, с. 45]. Говоря о психолого-поведенческом факторе субъектов в период массовых эпидемий, он также отмечал, что *«...во время чумы одни так боялись заразиться, что рвали все связи с самыми близкими людьми и бежали куда подальше, другие же самоотверженно, с риском для собственной жизни, помогали совершенно чужим для них людям»* [3, с. 36]. Надо заметить, что с тех пор мало что изменилось в поведении людей.

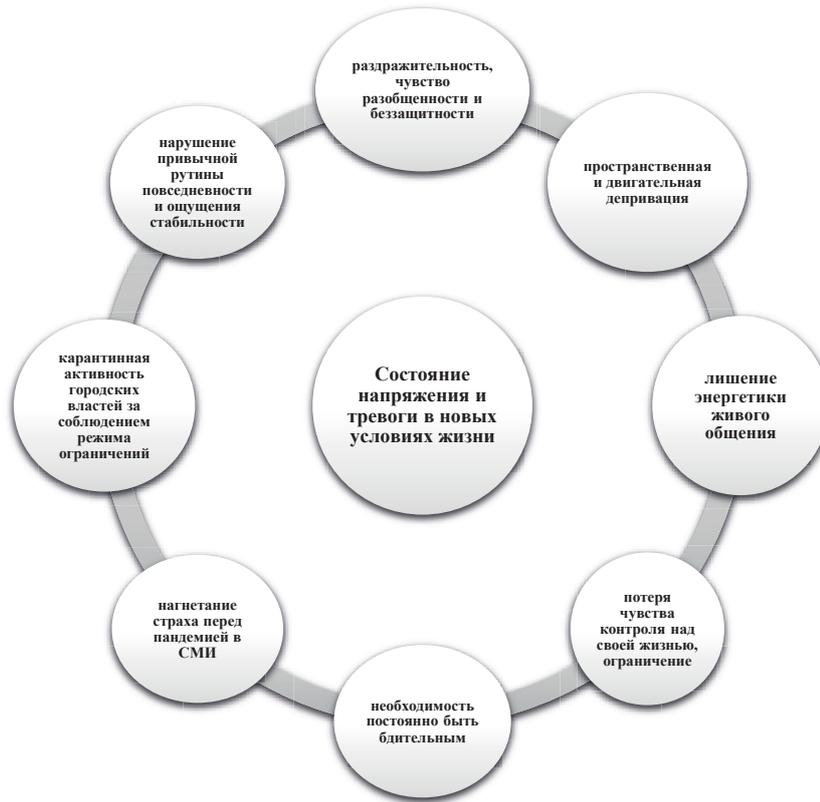

Рис. 1. Обстоятельства, влияющие на социальное самочувствие горожан

Гендерные аспекты пандемии: новые вызовы и возможности

В условиях пандемии женщины сталкиваются с непропорционально большим социальным и экономическим давлением по сравнению с мужчинами, что усугубляет существующее гендерное неравенство. В новой реальности росту гендерного неравенства способствуют структура занятости в городском хозяйстве и изменения в привычном течении жизни домохозяйств. Женщины составляют подавляющую часть персонала в здравоохранении, образовании, сфере услуг и торговле, что в условиях пандемии подвергает их значительно большему риску заражения, чем мужчин. При этом они чаще получают меньшую заработную плату, чем мужчины, так как в основном заняты менее квалифицированным трудом. Несмотря на очевидный рост гендерного неравенства, некоторые специалисты видят в возникшем кризисе потенциал для изменения социальных норм, что может способствовать ослаблению неравенства полов [4, с. 66–74]. Эксперт № 10 (женщина, 59 лет): «Женщины традиционно остаются главными в доме, продолжают выполнять большую часть домашних обязанностей и заботиться о детях... В условиях вынужденной изоляции некоторые руководители начинают понимать, что сотрудники вынуждены тратить больше времени на уход за детьми, и предлагают родителям гибкий график или возможность удаленной работы». Эксперт № 9 (мужчина, 57 лет): «Хотя женщины продолжают

трудиться по дому, растет доля семей, в которых мужчины, потерявшие работу или работающие удаленно, начинают выполнять все больше домашних функций, в том числе и по уходу за детьми».

«Темные стороны» пандемии

Переходя к анализу и интерпретации данных комплексной анкеты отдела этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, сфокусируем внимание на вопросах, непосредственно связанных с проблематикой нашего исследования. Вполне ожидаемо и объяснимо, что выбор «пятерки» наиболее негативных последствий COVID-19 не зависит от места проживания (город–село) и гендерной принадлежности респондентов (рис. 2). Налицо фактическое совпадение взглядов, мнений и оценок городского и сельского населения Якутии.

Рис. 2. Негативные последствия пандемии, %

Опрошенных граждан, в первую очередь, беспокоило: ограничения на свободное перемещение (56%), которые стали одним из основных вызовов для людей, оказавшихся в условиях самоизоляции; закрытие границ регионов и стран, что привело к отмене запланированных командировок, отпусков, учебных поездок.; сокращение живого, непосредственного общения с друзьями, коллегами, родственниками (45,6%); трудности с осуществлением удаленной работы и учебы, невозможность проведения полноценного досуга (43,3%); развитие стресса и психологической напряженности (40,6%); рост страхов, связанных со здоровьем (40,5%); увеличение срока времяпрепровождения в социальных сетях (30,3%). Меньше всего опрошенных якутян волновали разлад в семейных отношениях, проблемы с детьми (6,2%), одиночество и заброшенность (8,7%), проблемы с работой (10,4%). Среди негативных последствий пандемии, с которыми они лично столкнулись, были названы снижение доходов; проблемы с доступом к услугам социальных учреждений (27%); осуществление дистанционного режима работы (26,1%); откладывание на время важных целей: крупная покупка, выход на пенсию, свадьба, рождение ребенка (20,6%), смерть близких (19,3%). Наибольший урон понесли горожане, у которых к началу пандемии не было накопленных средств, а наиболее критическая ситуация сложилась у тех, кто подошел к кризису с высокой долговой нагрузкой. Большинство городских жителей не имели необходимой финансовой «подушки безопасности» на случай потери работы. Таким образом, разумное экономическое поведение, культура рациональных трат денежных сбережений и долгосрочного планирования оказались мало распространены. Эксперт № 9 (мужчина, 57 лет): «Многие из моих знакомых увязли в кредитах, берут новые кредиты для погашения старых – это стало частью нашей культуры». Эксперт № 4 (женщина, 35 лет): «Ухудшение материального положения заставит людей в ближайшее время перейти на экономичный и сберегательный режим – тратить меньше и делать больше сбережений». В свою очередь, интерес многих людей к банковским продуктам, обращения за займами и кредитами вполне закономерно сопровождалась активизацией мошенничества. Сложившаяся картина во многом связана с потерей контроля над своей жизнью, отсутствием возможности управлять ею и принимать самостоятельные правильные решения. Здесь как нельзя кстати уместно привести мнение эксперта № 11 (женщина, 65 лет): «Самое главное – не паниковать, стараться не увлекаться социальными сетями и не поддаваться на провокации. Мне это дается легче благодаря жизненному опыту. Мне жаль молодежь и морально неустойчивых людей, которые поддаются всякой ерунде, и это влияет на их поведение и психическое состояние». Экс-

перт № 3 (мужчина, 34 года): «Я считаю, что людям нужно быть добрее и лояльнее ко многим вещам. Пандемия создает состояние повышенной тревожности, люди не уверены не только в завтрашнем, но и в сегодняшнем дне».

«Светлые стороны» пандемии

Также независимо от места проживания (город–село) и гендерных признаков поразительным образом совпадают мнения городских и сельских жителей о тех плюсах, которые привнесла пандемия в привычный образ жизни (рис. 3).

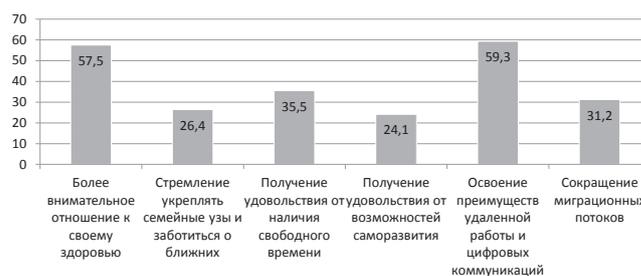

Рис. 3. Позитивные последствия пандемии, %

Пандемия COVID-19, как ни странно, заставила опрошенных людей: осваивать технологии цифровых коммуникаций и впоследствии оценить преимущества удаленной работы (59,3%); внимательно следить за собственным здоровьем (57,5%). Независимо от возраста, респонденты осознали важность для сохранения здоровья таких аспектов ЗОЖ, как личная гигиена, двигательная активность, физическое закаливание, психоэмоциональное благополучие и отсутствие болезней. Эксперт № 1 (женщина, 28 лет): «Мое здоровье улучшилось. Я стараюсь каждый день проводить время на природе, принимаю витамины. Необходимо больше физических упражнений, которые полезны как для тела, так и для психического состояния». Кроме того, 35,5% респондентов получили удовольствие от наличия дополнительного свободного времени. Некоторые отметили изменение привычного режима сна (на 2–3 часа). Это связано с тем, что люди стали позволять себе оставаться допоздна за компьютером, смотреть телесериалы и т.д., так как в условиях пандемии у многих отсутствовал строгий рабочий график. Во время самоизоляции усилилось чувство общности и единения для укрепления семейных уз и заботы о близких (26,4%). Эксперт № 7 (мужчина, 47 лет): «Это хорошо, что мы вместе находимся, видимся постоянно. Бывает, ругаемся, повышаем голос с женой друг на друга. Все нормально, это семейная жизнь, никуда не денешься от этого». Почти четверть респондентов использовали новые возможности для личностного роста, развития своих талантов и способностей (24,1%). В период самоизоляции, когда традиционные формы обучения и развлечений оказались недоступны, онлайн-курсы, образовательные подкасты и марафоны по саморазвитию стали настоящим спасением для

многих. Эксперты отмечают, что в это время люди чаще всего стремились освоить иностранные языки, развить свои цифровые навыки, а также углубленно читали книги. Активное чтение было не только способом самосовершенствования, но и важным инструментом для эмоциональной разгрузки. В условиях постоянного потока негативных новостей и всеобщей тревожности, книги предоставляли возможность временно уйти от реальности и окунуться в мир фантазий и знаний. Таким образом, самоизоляция не только стимулировала стремление к саморазвитию, но и способствовала формированию новых привычек, которые, возможно, останутся с людьми и после окончания этого сложного периода. Эксперт № 4 (женщина, 35 лет): «Я поставила себе задачу вспомнить английский. Оказывается, при желании и упорстве это вполне реально. Теперь читаю литературу на английском, что очень увлекательно. Раньше я так бы не поступила, теперь могу». Кроме того, городские и сельские респонденты с одинаковым удовлетворением отметили сокращение миграционных потоков (31,2%).

Исследованием выявлено, что неудовлетворенность работой органов государственной власти и управления по минимизации негативных последствий пандемии вызвана неопределенностью позиции федерального центра, отсутствием всероссийской стратегии борьбы с коронавирусом и, соответственно, несогласованностью действий различных уровней власти, а также недостаточностью контроля за исполнением принятых решений. Установлено, что в целом респонденты поддерживали ограничительные меры и старались соблюдать рекомендации власти. Однако городские жители были крайне недовольны высокой стоимостью медицинских анализов, мораторием на оказание плановой и срочной диспансеризации по нековидным показаниям, добровольно-принудительной массовой вакцинацией.

Заключение

Пандемия COVID-19 нанесла существенный удар по базовым, первичным потребностям человека. В ходе полевых исследований мы увидели, что с развитием пандемии, ужесточением локдауна и режима самоизоляции, осознанием неизбежности экономического упадка и финансовых трудностей усиливается психологическая усталость населения и на глазах меняется настроение жителей г. Якутска. В современных реалиях общество все больше нуждается в социальном капитале и расширении сетевых взаимодействий. В условиях кризиса актуализировались такие ценности, как безопасность, здоровье, семья и социальная ответственность. Государственная политика и институты власти сыграли ключевую роль в управлении кризисной ситуацией, а активность общественных организаций и волонтерских движений стала важным дополне-

нием к усилиям государственных органов. Степень результативности действующей власти определяется существующим уровнем доверия/недоверия людей к государственным институтам, удачным/неудачным опытом взаимодействия с ними, а также наличием/отсутствием институтов гражданского общества. Самоорганизация граждан, активно поддерживаемая местными властями, – самая эффективная стратегия адаптации населения в условиях чрезвычайных ситуаций типа пандемии COVID-19.

Литература

1. Источник: Официальный сайт окружной администрации г. Якутска [Электронный ресурс]. – URL: <https://yakutskcity.ru> (дата обращения: 28.01.2024).
2. Сорокин П.П. Человек и общество в условиях бедствий. – СПб., 2012. – С. 45.
3. Там же. – С. 36.
4. Пряжников О.Н. Пандемия COVID-19 и усиление гендерного неравенства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 66–74.

PANDEMIC AND THE NORTHERN TOWN: SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION

Ermolaev T.S.

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RA

The COVID-19 pandemic has affected almost every person in one way or another. Perhaps one of the main ideological dilemmas of the post-coronavirus reality will be the question of what is more important – human freedom or safety. The article analyzes the impact of the pandemic on the social well-being of the urban population of Yakutsk, the largest northern city located on permafrost. Based on field research materials (data from in-depth interviews with experts, a mass survey of the urban population of Yakutia), the essential features and characteristics of the social well-being of city residents under lockdown are revealed. The pandemic has radically changed the routine of everyday life, forced people to change habits, adjust life schedules and planning horizons. Social well-being is an integral indicator of the success/failure of the process of adaptation of city residents in the context of a pandemic, the effectiveness of which largely depends on social management. In the post-pandemic reality, it is important to continue monitoring the social well-being of the population, develop more effective measures to support the most vulnerable social groups, and take into account the experience of the pandemic when improving public policy in the field of healthcare and social protection.

Keywords: COVID-19 pandemic, social well-being, urban population, value orientations, norms of behavior.

References

1. Source: Official website of the Yakutsk District Administration [Electronic resource]. – URL: <https://yakutskcity.ru> (accessed date: 28.01.2024).
2. Sorokin P.P. Man and society in disaster conditions. – St. Petersburg, 2012. – P. 45.
3. Sorokin P.P. Man and society in disaster conditions. – St. Petersburg, 2012. – P. 36.
4. Pryazhnikova O.N. The COVID-19 pandemic and increasing gender inequality // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series. 11: Sociology. – 2021. – No. 2. – P. 66–74.

Государственно-гражданская интеграция населения Ростовской области в условиях новой территориальности: концепция, индикаторы оценки, результаты исследования

Колесникова Елена Юрьевна,

к.с.н, доц. кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
E-mail: anabel_le@mail.ru

Проблема государственно-гражданской интеграции российского общества приобретает особую актуальность в связи с присоединением новых территорий и началом специальной военной операции (СВО). Особую значимость она имеет для регионов РФ, непосредственно граничащих с новыми территориями. Одним из таких регионов является Ростовская область, граничащая с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой. Население Ростовской области оказалось в условиях «новой территориальности», что оказало влияние на его жизненные стратегии и социальные практики. В статье на основе результатов социологического исследования дана комплексная оценка состояния и особенностей проявления государственно-гражданской интеграции населения в условиях новой территориальности и продолжающейся специальной военной операции. Предложен методологический подход и система индикаторов к систематизации, оценке и обобщению эмпирических данных, основанных на концепции формирования общероссийской гражданской идентичности в условиях трансформирующихся институциональных, социально-экономических и социокультурных условий жизнедеятельности регионального социума. Анализ материалов подтвердил гипотезу о государственно-гражданской интеграции населения как многоуровневом и полиаспектном социальном процессе, результатом которого выступает общность жизненных стратегий и основных паттернов массового сознания, ориентированных на достижение целостности и устойчивости сложившегося общественного устройства и образа жизни, а также выявил социальные практики населения, формирующие в новых условиях высокий уровень его общероссийской гражданской идентичности. Результаты исследования открывают новые возможности для совершенствования деятельности социальных институтов и механизмов социального управления.

Ключевые слова: интеграционные процессы, государственно-гражданская интеграция, государственно-гражданская идентичность, историческая справедливость, новая территориальность, приграничный регион, Ростовская область.

Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» FENW-2023–0061 (внутренний номер Г30110/23–14-РГ).

Введение

Государственно-гражданская интеграция населения – это процесс объединения общества в единое социальное целое в результате формирования государственно-гражданской идентичности на основе общей институциональной матрицы общих целей, интересов и ценностей [1, 2, 3, 4].

Формирование общероссийской гражданской идентичности, выступающей ключевым результатом государственно-гражданской интеграции населения, на институциональном уровне поддерживается, прежде всего, стратегиями и практиками государственной региональной и национальной политики. Именно в пространстве государственной политики формируются механизмы и институты интеграции населения в условиях новой территориальности российского общества [3].

При этом населением используются не только административно-правовые механизмы (получение гражданства, социального обеспечения и т.д.) и социально-экономические (трудоустройство, оплата труда, регулирование предпринимательства, имущественных отношений и т.д.), но и социокультурные, предполагающие интериоризацию целей, ценностей, приоритетов, национальных интересов и стратегий развития российского общества, формирование единства представлений поколений об образах и символах исторической памяти. В этой связи, в частности, в исследовании особая роль отведена анализу сложившихся в массовом сознании населения представлений об исторической справедливости как существенном факторе, определяющем формирование его общегражданской идентичности.

Новая территориальность России, связанная с присоединением регионов Донбасса, Запорожской и Херсонской областей к Российской Федерации в 2022 г., начавшаяся в этом же году специальная военная операция (СВО) актуализировали проблему государственно-гражданской интеграции населения [6]. Особую значимость вопросы государственно-гражданской интеграции имеют для регионов РФ, граничащих с новыми территориями. В таких регионах проблематика протекания государственно-гражданской интеграции остается чрезвычайно актуальной с учетом современных геополитических, экономических, социокультурных, информационных вызовов [7].

Одним из таких регионов является Ростовская область, граничащая на западе с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой (протяженность границы – 660 км), всесторонние взаимодействия с которыми получили новый импульс в связи с вхождением последних в состав России.

Население Ростовской области – 4 164,5 тыс. человек (6-е место в России, данные Росстата на 1 января 2023 года). Городское население – 67,7%. Ростовская область является многонациональным регионом, в ней проживают представители более 150 национальностей и народностей [8]. Специфика Ростовской области как региона, находящегося в зоне нестабильности (пограничное положение с зоной геополитических конфликтов) находит отражение в переплетении двух тенденций, влияющих на формирование менталитета населения: с одной стороны, здесь традиционно сильны государственные, державно-патриотические ориентации, с другой стороны – именно приграничное положение сделало регион зоной интенсивного контакта различных этносов и культур, обусловило такие ментальные черты региональной общности, как терпимость, адаптивность, восприимчивость к переменам, гибкость, открытость чужому опыту [9]. Эти характерные черты определяют, в том числе, особенности государственно-гражданской интеграции населения в новых социально-территориальных условиях.

Ростовская область оказалась в условиях «новой территориальности», которая для ее населения проявляется в институциональных и социально-экономических трансформациях условий жизнедеятельности. Совершился переход государственной границы в статус административной, в соседних, непосредственно примыкающих к Ростовской области, новых регионах началось формирование единого социально-экономического пространства, системы гражданско-правовой законодательной базы и государственных институтов управления России.

Ростовская область активно осуществляет организацию солидарной помощи соседним регионам. Активизировались миграционные процессы, с 2022 года регион принял более 4 миллионов жителей Донецкой и Луганской народных республик. Также через территорию области установились основные транспортные потоки как на Донбасс, так и в Херсонскую и Запорожскую области [10].

Утверждение новой территориальности сопровождается развитием новых форм гражданской интеграции, расширением пространства солидаристских практик населения. Все эти процессы требуют осмысления и оценки с точки зрения их значимости для сохранения и развития единства и целостности гражданского общества, общей российской гражданской идентичности населения региона, формирования адекватных стратегий го-

сударственной национальной и культурной политики.

Изучение ценностных и смысловых оснований для интеграции населения регионального социума в новых социально-территориальных условиях может способствовать стабилизации ситуации, предотвращению нежелательных тенденций в приграничных регионах (например, рост недоверия между социальными группами и гражданскими институтами, сепаратистские настроения и т.д.) [7].

Цель настоящего исследования – социологически верифицировать состояние и особенности государственно-гражданской интеграции населения Ростовской области в контексте новой территориальности.

В соответствии с этим, в круг проблем и задач, обсуждаемых в статье, включены вопросы, связанные с анализом условий и факторов формирования единства и сплоченности регионального социума, новых форм, особенностей проявления и социальных векторов развития государственно-гражданской интеграции населения, а также практик его социальной адаптации в условиях присоединения новых территорий и продолжающейся специальной военной операции.

Методы исследования

Состояние государственно-гражданской интеграции населения, исходя из предложенного понимания ее сущности и содержания, представлены в исследовании комплексом эмпирических характеристик (индикаторов) социального поведения населения как на уровне его социальных практик, так и на уровне феноменов массового сознания (мнения, оценки, суждения, представления, ценности и др.) В этой связи в настоящем исследовании весь комплекс эмпирических индикаторов структурирован по следующим группам (модулям).

- Индикаторы, отражающие уровень адаптации населения к новым условиям: социальное самочувствие; возможность достигать индивидуальных целей; удовлетворенность социально-экономической ситуацией в регионе; миграционные установки.
- Индикаторы, отражающие уровень государственно-гражданской идентичности населения: самоидентификация с гражданами РФ, их отдельными общностями, социальными группами (региональными, локальными); чувства общности, солидарности и социальной ответственности.
- Индикаторы, отражающие государственно-гражданские представления, ценности, установки и практики населения: общегражданские и личностно-ориентированные ценности; национальные цели и интересы; представления об исторической справедливости; уровень доверия населения к государственным и обще-

ственным институтам; интенсивность, формы и содержание солидаристских практик.

В соответствии с этими группами (модулями) индикаторов, отражающими факты поведения и феномены массового сознания, была разработана анкета, содержащая системно структурированные варианты ответов респондентов по всей совокупности указанных индикаторов.

Социологическое исследование базируется на анализе данных, полученных посредством массового репрезентативного анкетного опроса с использованием квотно-пропорциональной выборки. Исследование проведено в мае-июле 2024 г., в опросе приняли участие 593 жителя Ростовской области в возрасте от 18 до 75 лет.

Количественная обработка и интерпретация полученных эмпирических данных осуществлялись в формате разработанного комплекса индикаторов. Ниже представлены результаты их анализа в рамках предложенных методологических подходов, структуры и логики развертывания содержания темы исследования.

Результаты исследования

Одним из ключевых индикаторов государственно-гражданской интеграции регионального социума является уровень адаптации населения к новым социально-политическим и социокультурным условиям, связанных с началом СВО, присоединением новых территорий, притоком в область большого количества вынужденных переселенцев и т.д. Об уровне социальной адаптации свидетельствует, прежде всего, субъективная оценка населением своего социального самочувствия [11].

Относительно спокойный и взвешенный настрой, свойственный жителям области [9], отражается в их оценках своего повседневного эмоционально-психологического состояния (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали свое обычное настроение, повседневное эмоционально-психологическое состояние?» (% к числу опрошенных)

Повседневное эмоциональное состояние и социальное самочувствие, соответственно, находят

свое выражение в субъективной оценке собственной жизненной ситуации. 54,4% респондентов, в целом, оценили ее позитивно. Среди опрошенных 23,8% улучшили свое материальное положение, 22% – жилищные условия, 14,9%, – устроились на работу, 11,2% – получили образование, 13,8% – повысили свой социальный статус (повысили квалификацию или получили более высокую должность).

Однако, значительная группа респондентов (26,1%) явно испытывает психологический дискомфорт, свидетельствующий о существенном конфликтогенном потенциале их социальной повседневности. 35,8% опрошенных ответили, что в текущем году ими из запланированного «ничего не удалось реализовать» (включая не только жизненные планы, но и приобретение для дома и семьи необходимых вещей). Все это свидетельствует о том, что треть опрошенных пока не смогли адаптироваться к социальной ситуации в регионе. В то же время, оптимистичные жизненные планы, судя по ответам, продолжают строить половина респондентов.

Еще один индикатор уровня адаптации населения к новым условиям – оценка актуальной динамики социально-политической и экономической ситуации в регионе. Исследование показало, что, в целом, эта оценка носит довольно позитивный характер: 52,8% респондентов считают, что за последний год в их регионе произошли перемены к лучшему, 21,8% – что никаких перемен не произошло, и только 14,2% полагают, что произошли перемены к худшему. То есть, оценка личного благополучия и социально-экономической ситуации в регионе, в целом, оказались синхронизированными, что свидетельствует о позитивных результатах социальной адаптации населения в условиях новой территориальности.

Об этом же свидетельствует и оценка миграционных установок населения. Большинство респондентов (56,9%) не собираются переезжать из своего родного города (села, поселка). В то же время 23,8% опрошенных заявили, что имеют такие намерения. Установку на смену места жительства демонстрирует возрастная группа 46–50 лет (35,1%) и молодежь 18–35 лет (33,3%).

Характерно, что в ситуации социальной турбулентности жизненной повседневности, характерной для условий новой территориальности, население демонстрирует устойчивую «верность» своему региону, стране в целом. 80% респондентов, говоря о своих планах, не собираются менять российское гражданство, что коррелирует с величиной показателя наличия миграционных установок населения в целом по России [12].

Индикатором устойчивости жизненных ориентаций и свидетельством государственно-гражданской интеграции населения региона является и их отношение к тем согражданам, которые реши-

ли покинуть страну после начала СВО. Так, только 7,6% жителей области поддерживают решение тех, кто уехал из России после начала специальной военной операции (43% респондентов относятся нейтрально и 34,7% – отрицательно).

Следующая группа индикаторов характеризует представления населения о конкретных основаниях своей общенациональной идентичности и общности с согражданами страны (рис. 2).

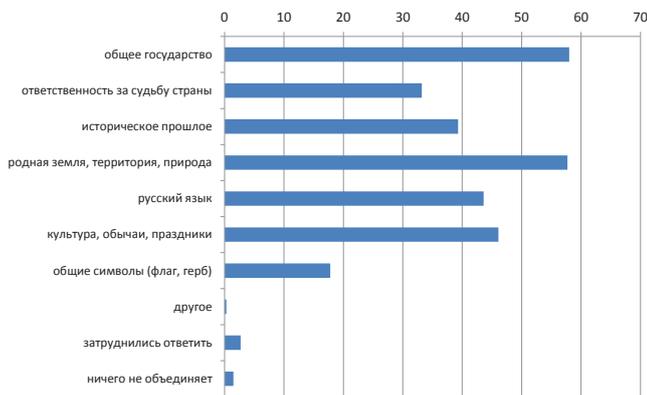

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вас объединяет с гражданами России?» (в% к числу опрошенных)

Данные Рис. 2 и 3 четко фиксируют интегрирующую роль государства, пространства России («родная земля, территория, природа»), культуры, обычаев, традиций, русского языка и т.д.

Важными интегрирующими в настоящее время российское общество факторами респонденты назвали, кроме того, «общую историю и историческую память», «восстановление исторической справедливости», а также побуждающие к солидарным активным действиям ощущение «общей беды» и «общего врага», «защиту Донбасса» и веру в «победу России в специальной военной операции» (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, на сегодняшний день объединяет граждан России?» (в% к числу опрошенных)

Уровень государственно-гражданской интеграции населения проявляется также в их ощущении общности с жителями региона, города, села, представителями одной национальности, людьми од-

ного поколения, профессии и т.д. Весьма значимы оказались национальная, территориальная, профессиональная, «поколенческая» идентичность – так, с людьми той же национальности ощущают близость 42,4% опрошенных, своего поколения – 42,8%, своего региона – 36,4%, своего населенного пункта – 37,8%, одной профессии – 36,4%, с людьми, близкими по политическим взглядам – 35,6%, с товарищами по работе – 42,6%. Самую высокую степень общности респонденты отметили со своим ближайшим окружением (семья, родственники, друзья) – 81,4%.

Государственно-гражданская интеграция населения, характер его общероссийской идентичности проявляется и в пространстве ценностных ориентаций.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных гражданских ценностей представляются для Вас лично наиболее важными?» (в% к числу опрошенных)

Как следует из данных (рис. 4), к самым приоритетным респонденты отнесли комплекс терминальных ценностей – «мир, спокойствие, безопасность» и «права и свободы граждан», обеспечивающих национальное единство, устойчивость гражданского общества и возможность для его развития и процветания.

Характерно также, что на личностно-ориентированном уровне представлений респондентов ценность «крепкой семьи» оказалась ключевой – на это указали 73,6% опрошенных (рис. 5). 71,2% респондентов отметили «здоровье» как значимую ценность, и 55,7% – «материальное благополучие».

То есть, в менталитете граждан «крепкая семья» – это ключевой социальный институт, обеспечивающий устойчивость и надежность социального устройства общества, повседневную организацию социальной жизни. Молодежь к этим традиционным ценностям дополнительно отнесла ценность «личного успеха, карьеру» (33,7%).

Как показывают многие исследования [13, 14], краеугольным камнем стабильности гражданского общества является доверие граждан к государственным и общественным институтам (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы доверяете следующим общественно-политическим институтам?» (в% к числу опрошенных)

	В целом, доверяю	По большей части не доверяю	Совсем не доверяю	Затрудняюсь ответить
Президенту	70,4	8,0	10,1	11,5
Правительству	54,2	19,6	12,2	14
Государственной Думе	45,8	25,4	14,2	14,6
Русской православной церкви	52,1	16,7	17,0	14,2
Местной, муниципальной власти	40,4	28,0	19	12,6
Региональной (областной, краевой) власти	41,0	25,6	19,5	14,0
Судебным органам	50,9	25,5	12,3	11,4
Полиции	50,0	28,9	11,0	10,2
Профсоюзам	41,1	25,2	14,3	19,3
Партиям и общественным организациям	36,1	29,0	18,5	16,4
Прессе, ТВ	50,4	28,6	19,0	11,0
Социальным медиа (социальные сети, телеграм-каналы, интернет-блоги, видео-каналы и т.д.)	42,6	28,4	14,0	15,0

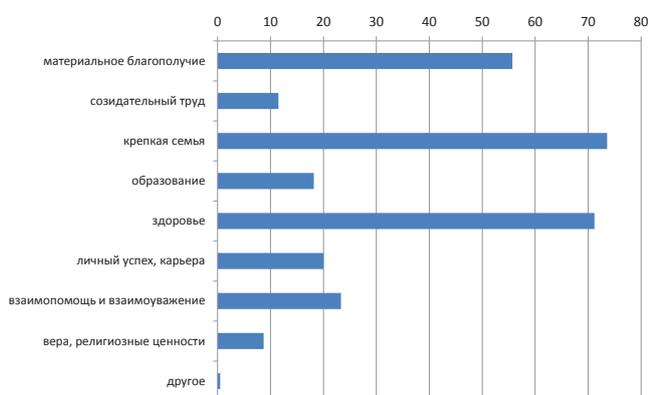

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных лично-ориентированных ценностей представляются для Вас лично наиболее важными?» (в% к числу опрошенных)

Данные таблицы 1 демонстрируют характерную для подобного рода вопросов «вертикаль доверия» – уровень доверия к институтам власти, как правило, тем выше, чем более высокое место институты занимают в иерархии государственной власти и управления. И если 70,4% респондентов «доверяют» Президенту РФ, то лишь 40,4% «доверяют» местной, муниципальной власти, а партиям и общественным организациям – ключевым институтам гражданского общества – лишь 36,1% респондентов. Эта особенность гражданского самосознания населения отражает особенность его взаимодействия в повседневных социальных практиках с местной властью, общественными организациями и т.д., которое в значительном числе

случаев не дают ожидаемого результата или удовлетворения.

Важнейшим показателем единства национальных целей, интересов и ценностей является поддержка населением факта присоединения новых территорий к Российской Федерации.

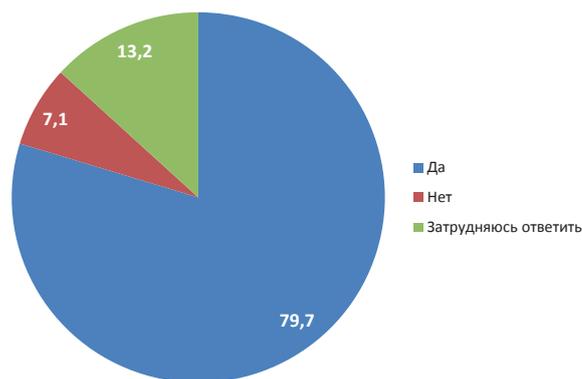

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы исторически справедливым возвращение Крыма в состав России в 2014 г.?» (в% к числу опрошенных)

Большинство опрошенных однозначно поддержали факт присоединения новых территорий к Российской Федерации и признание возвращения в состав России Крыма и Донбасса «исторически справедливым» (рис. 6, 7). Молодежь региона в большинстве своем также считает факт возвращение Крыма и Донбасса исторически справедливым. Поддержка присоединения новых терри-

торий к России ожидаемо оказалась выше среди людей среднего и старшего возраста, которые застали времена, когда они были гражданами одного государства с жителями Донецка, Мелитополя и Мариуполя.

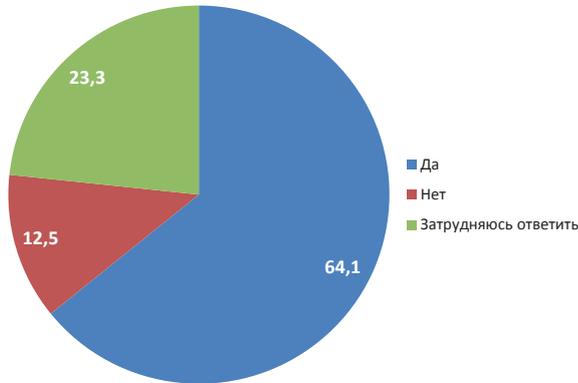

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы исторически справедливым возвращение Донбасса в состав России в 2022 г.?» (в% к числу опрошенных)

Результаты исследования подтвердили гипотезу, что в основе отношения населения региона к факту вхождения в состав России бывших пограничных территорий Украины с Россией в значительной степени лежит феномен устойчивой исторической памяти о Донбассе и Крыме как о части территории бывшего СССР, представление об общей истории и общности культуры.

Наличие общей исторической памяти проявляется и в таком феномене массового сознания граждан, как «ностальгия по советскому прошлому» [15]. 42,5% опрошенных указали на то, что они испытывают ностальгию по советскому времени (что согласуется с данными всероссийских опросов [16]). Среди социальных благ и гражданских ценностей советского периода, которые «хотелось бы вернуть», респонденты выделили, прежде всего, бесплатное образование и медицину (46,1%), экономическую стабильность (42%), уверенность в завтрашнем дне (36,9%), единство, сплоченность, дружбу народов (36,5%), гордость за великую страну (25,7%). Ностальгия по советскому прошлому ожидаемо характерна в большей степени для старшего поколения, заставшего расцвет советской эпохи (77,1%). Однако ностальгия по СССР присутствует и в молодежном сознании (15,7%), и связана она, в значительной степени, с героизацией и романтизацией советского времени в публичном дискурсе и современном медиасреде, в том числе, кинематографе [17].

Завершающим исследование, в соответствии с матрицей индикаторов состояния государственно-гражданской интеграции населения, является анализ результатов опроса о солидаристских практиках населения Ростовской области по оказанию помощи населению Донбасса,

участникам СВО, беженцам и вынужденным переселенцам (рис. 8).

Анализ показывает, что стремление граждан Ростовской области поддержать бойцов и жителей регионов, пострадавших от военных действий, сгенерировало новую общность людей, которые считают такую помощь своим гражданским долгом.

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Каким группам населения Вы готовы оказывать помощь и поддержку?», (в% к числу опрошенных)

Самую деятельную позицию в оказании помощи занимают жители среднего возраста (41–49, 50–59 лет). Более половины опрошенных в этих возрастных категориях оказывали помощь военнослужащим в зоне СВО, а также беженцам и жителям регионов, пострадавшим от военных действий. Молодежь региона также своими силами и средствами помогает участникам специальной военной операции (38,2%), жителям регионов, пострадавшим от военных действий (19,5), беженцам и вынужденным переселенцам (13,4%).

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что государственно-гражданская интеграция населения Ростовской области в условиях новой территориальности и продолжающейся специальной военной операции опирается на ценностную составляющую массового сознания и поведения населения, прежде всего, ценности солидарности, взаимопомощи, защиты и поддержки соотечественников, личной ответственности за судьбу страны.

Заключение

Анализ материалов регионального социологического исследования подтвердил авторскую гипотезу о государственно-гражданской интеграции населения как многоуровневом и полиаспектном социальном процессе, результатом которого выступает общность жизненных стратегий и основных паттернов массового сознания, ориентированных на достижение целостности и устойчивости сложившегося общественного устройства и образа жизни.

Применительно к социально-экономической, социально-политической и этнокультурной ситуации, сложившейся в исследуемом регионе – Ростовской области – под воздействием специальной военной операции и образования на границе области новых субъектов РФ, создавших обширное социальное пространство для изменения условий привычного образа жизни населения, государственно-гражданская интеграция, несомненно, является способом социальной адаптации жителей региона к новой реальности, сохранения общероссийской гражданской идентичности и одновременно – устойчивости всего социального уклада жизни.

Государственно-гражданская интеграция жителей региона проявляется ими не только на поведенческом, но и на социально-психологическом уровне – в ощущениях и переживаниях общности и единства с жителями региона, города, представителями одной национальности, одной профессии, одного поколения. В качестве ключевой характеристики своего мироощущения респонденты считают свою общность с «гражданами России» в целом, т.е. манифестируют свою российскую общегражданскую идентичность.

Среди главных объединяющих граждан России ценностей большинство опрошенных отметили «родную землю», «культуру» и «общую историю и историческую память». Важными интегрирующими в настоящее время российское общество факторами респонденты назвали также «сильное государство», «восстановление исторической справедливости», а также побуждающие к солидарным активным действиям ощущение «общей беды» и «общего врага», «защиту Донбасса» и веру в «победу России в специальной военной операции».

Исследование показало наличие высокого уровня доверия населения к Президенту и Правительству, действующим в стране государственным институтам, что неразрывно связано с ростом сплоченности граждан перед лицом геополитических угроз, а также с приграничным статусом региона, когда непосредственная близость к зоне боевых действий в значительной мере обуславливает повышенную потребность населения в защите и безопасности.

Важнейшим показателем единства целей, интересов и ценностей является поддержка абсолютным большинством населения факта присоединения новых территорий к Российской Федерации и признание возвращения в состав России Крыма и Донбасса «исторически справедливым».

Материалы исследования выявили активно идущие на территории области процессы социальной адаптации населения к изменившимся условиям жизнедеятельности, результатом которых стал четко выраженный в исследовании факт позитивной, в целом, оценки респондентами своего

общего социального самочувствия, степени удовлетворенности условиями своей жизни, мотивации и созидательной гражданской активности. Это проявляется, прежде всего, в практиках добровольческой помощи участникам СВО, которая стала неотъемлемой частью повседневной жизни населения области. Стремление поддержать бойцов и жителей регионов, пострадавших от военных действий, сформировало новую общность граждан, которые считают такую помощь своим внутренним долгом. Готовность помогать жителям новых территорий и российским военным выразило подавляющее большинство опрошенных. Большая часть из них уже активно осуществляет такую помощь участникам СВО, а также беженцам и вынужденным переселенцам (деньгами, продуктами, предметами первой необходимости, одеждой и т.д.).

Таким образом, в Ростовской области в условиях новой территориальности получили развитие новые формы и социальные практики государственно-гражданской интеграции населения, поддерживающие высокий уровень общероссийской гражданской идентичности населения.

Представленный в статье анализ системы институциональных, поведенческих и ценностных оснований государственно-гражданской интеграции населения в новых социально-территориальных условиях, как представляется, способствует более глубокому пониманию социальных механизмов сохранения и развития единства и целостности гражданского общества, общей российской гражданской идентичности, формирования адекватных стратегий государственной национальной и региональной политики.

Литература

1. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. 2017. № 1(393). С. 26–36.
2. Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68–77.
3. Волков Ю.Г., Курбатов В.И., Хунагов Р.Д. Интеграция в полиэтничном обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы // Социология. 2022. № 1. С. 373–388.
4. Лубский А.В. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России / А. Лубский, О. Посухова // Россия и мусульманский мир. 2017. № 1(295). С. 5–17.
5. Ярмук О.В, Миргород Д.А., Косов Г.В. Реинтеграция как интегративная пересборка обществ: теоретическое осмысление. // Между-

- народный научно-исследовательский журнал. 2022. № 12. (126).
6. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 02.08.2024).
 7. Шахова Е.В. Особенности социальной интеграции населения в приграничных регионах России // Социальное пространство. 2022. Том. 3. № 3.
 8. Ростовская область // Представительство МИД России в Ростове-на-Дону. – URL: <https://rostov.mid.ru/ru/regions/rostov/> (дата обращения: 02.08.2024).
 9. Лубский А.В., Колесникова Е.Ю., Крупеникова Л.Ш. [и др.] Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания. 2017. 396 с.
 10. Губернатор Голубев: Ростовская область стала логистическим хабом для новых регионов РФ // ТАСС 17.06.2023. – URL: <https://tass.ru/interviews/18047127> (дата обращения: 02.08.2024).
 11. Социальное самочувствие и интеграция общества: монография / О.А. Кармадонов, А.А. Надольная. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 179 с.
 12. ВЦИОМ: Доля россиян, желающих уехать на ПМЖ, достигла исторического минимума. – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/04/01/73408733/> (дата обращения: 18.09.2024).
 13. Трофимова И.Н. Доверие общественным и политическим институтам // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. Москва: Издательство Весь Мир, 2015. С. 130–149.
 14. В России растет уровень доверия граждан к институтам власти. – URL: <https://rg.ru/2023/11/02/v-rossii-rastet-uroven-doveriia-grazhdan-k-institutam-vlasti.html> (дата обращения: 19.09.2024).
 15. Мацулевич Е.В. Феномен «советского прошлого» как один из инструментов интеграционной политики России на постсоветском пространстве / материалы VIII Междунар. науч.-практ. конференции, Витебск, 22 апреля 2020 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 141–142.
 16. 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? / Сайт ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 18.09.2024).
 17. Злотникова Т.С., Куимова В.М. Ностальгия про советское в современном медиапространстве. Ярославский педагогический вестник. № 2 (119). 2021. С. 133–143.

STATE-CIVIL INTEGRATION OF THE POPULATION OF THE ROSTOV REGION IN THE CONTEXT OF NEW TERRITORIALITY: CONCEPT, ASSESSMENT INDICATORS, RESEARCH RESULTS¹

Kolesnikova E.Y.

Southern Federal University

The problem of state-civil integration of the Russian society becomes relevant in connection with the accession of new territories, and it is especially important for the regions of the Russian Federation directly bordering with the new territories. One of such regions is the Rostov region, bordering with the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic. The population of Rostov Oblast found itself in the conditions of "new territoriality", which significantly affected its life strategies and social practices. The article contains an analysis of perceptions, values, attitudes and social practices of the population, the results of which made it possible to provide a comprehensive assessment of the state and peculiarities of the manifestation of state-civil integration of the population in the conditions of new territoriality and ongoing special military operation.

The methodological approach and a system of indicators to systematisation, evaluation and generalisation of empirical data based on the concept of formation of all-Russian civic identity in the conditions of transforming institutional, socio-economic and socio-cultural conditions of life of the regional society are proposed. The key role of strategies and mechanisms of state national and regional policy in achieving the sustainability of behavioural patterns of the population is substantiated. The analysis of the materials confirmed the hypothesis of state-civil integration of the population as a multilevel and multidimensional social process, which results in the commonality of life strategies and the main patterns of mass consciousness, oriented towards achieving the integrity and sustainability of the existing social structure and way of life, and also revealed the social practices of the population, forming in the new conditions a high level of its all-Russian civic identity. The results of the study open new opportunities for improving the activities of social institutions and mechanisms of social governance.

Keywords: integration processes, state-civil integration, state-civil identity, historical justice, new territoriality, border region, Rostov region.

References

1. Drobizheva L.M. All-Russian identity and the level of interethnic harmony as a reflection of the vector of consolidation processes / L.M. Drobizheva // Sociological studies. 2017. No. 1 (393). P. 26–36.
2. Drobizheva L.M. Processes of civil integration in a multi-ethnic Russian society (trends and problems) // Social Sciences and Modernity. 2008. No. 2. P. 68–77.
3. Volkov Yu. G., Kurbatov V.I., Khunagov R.D. Integration in a multi-ethnic society: paths, modern trends and problem nodes // Sociology. 2022. No. 1. P. 373–388.
4. Lubsy A.V. Nation-building projects and models of national integration in Russia / A. Lubsy, O. Posukhova // Russia and the Muslim World. 2017. No. 1 (295). P. 5–17.
5. Yarmak O. V., Mirgorod D.A., Kosov G.V. Reintegration as an integrative reassembly of societies: theoretical understanding. // International research journal. 2022. No. 12. (126).
6. Signing of agreements on the admission of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions to Russia. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (date accessed: 02.08.2024).

¹ The article was prepared within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the topic "State-civil integration of the Russian multicultural society and adaptation practices of the population in the context of new territoriality and national policy of restoring historical justice" FENW-2023–0061 (internal number GZ0110/23–14-RG).

7. Shakhova E.V. Features of social integration of the population in the border regions of Russia // *Social space*. 2022. Vol. 3. No. 3.
8. Rostov Region // Representative Office of the Ministry of Foreign Affairs of Russia in Rostov-on-Don. – URL: <https://rostov.mid.ru/ru/regions/rostov/> (date of access: 08/02/2024).
9. Lubsky A.V., Kolesnikova E.Yu., Krupennikova L.Sh. [et al.] Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia: monograph / ed. A.V. Lubsky. – Moscow: Social and humanitarian knowledge. 2017. – 396 p.
10. Governor Golubev: Rostov Region has become a logistics hub for new regions of the Russian Federation // TASS 06/17/2023. – URL: <https://tass.ru/interviews/18047127> (date of access: 08/02/2024).
11. Social well-being and integration of society: monograph / O.A. Karmadonov, A.A. Nadolnaya. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2013. – 179 p.
12. VTsIOM: The share of Russians wishing to leave for permanent residence has reached a historical minimum. – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/04/01/73408733/> (date of access: 09/18/2024).
13. Trofimova I.N. Trust in public and political institutions // *Russian society and the challenges of the time*. Book two / M.K. Gorshkov [et al.]; ed. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2015. Pp. 130–149.
14. The level of public trust in government institutions is growing in Russia. – URL: <https://rg.ru/2023/11/02/v-rossii-rastet-uroven-doveriia-grazhdan-k-institutam-vlasti.html> (date of access: 19.09.2024).
15. Matsulevich E.V. The phenomenon of the “Soviet past” as one of the instruments of Russia’s integration policy in the post-Soviet space / Proc. VIII International. scientific and practical conference, Vitebsk, April 22, 2020. – Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2020. – Pp. 141–142.
16. 100 years of the USSR: can’t we forget or return? / VTsIOM website. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (date of access: 09/18/2024).
17. Zlotnikova T.S., Kuimova V.M. Nostalgia about the Soviet in the modern media space. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 2 (119). 2021. pp. 133–143.

Терроризм как социальное явление: диагностика и пути предотвращения

Топал Наталья Михайловна,

к.и.н., кафедра социологии, политологии и менеджмента,
Казанский национальный исследовательский технический
университет имени А.Н. Туполева
E-mail: topal2008@yandex.ru

Сухотерина Елена Геннадьевна,

к.м.н., доцент, кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет»
E-mail: lenasukhoerina@mail.ru

Ташлыкова Наталья Юрьевна,

к.ф.н., доцент, Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина
E-mail: tachlikova65@mail.ru

Сухотерин Дмитрий Михайлович,

к.м.н., доцент, кафедра экстремальной медицины,
травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
педиатрический медицинский университет»
E-mail: d-suhoterin@mail.ru

Кондратенко Татьяна Евгеньевна,

старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
E-mail: 005730@pnu.edu.ru

Данная статья рассматривает вопросы становления терроризма как социального явления, а также выявляет пути его предотвращения. В связи с этим, цель данной статьи – изучение «терроризма» как социального явления, анализ методов его выявления и нахождение путей по его предотвращению. Поэтому, основные задачи исследования, следующие: необходимо определиться с понятием «терроризм»; рассмотреть историю появления терроризма как социального явления в мировом сообществе; обозначить его основные диагностические параметры терроризма и пути его предотвращения. В исследовании применялся метод теоретического анализа литературы. В результате исследования были сделаны следующие выводы: терроризм сформировался как отдельное социальное явление со своей структурой, целями и задачами; он применялся как крайняя форма насилия для разрешения противоречий и конфликтов, характеризующимся применением насилия; в основе террористической деятельности лежит экстремистская личность, которая имеет предпосылки для осуществления такого рода деятельности. Таким образом, выявление признаков терроризма, а также диагностика личности, склонной к нему являются необходимыми предпосылками предотвращения угрозы его появления.

Ключевые слова: Терроризм, террор, социализация, методы диагностики, предотвращение терроризма.

Терроризм как социальное явление носит противоречивый характер. Это связано с тем, что существуют множество исторических подходов к пониманию данного явления. Если углубиться в историю, то можно увидеть, что в отношениях между людьми в первобытном обществе не существовало такого явления как терроризм. Такого мнения придерживаются ученые Н.Н. Афанасьев и В.С. Шукшин, которые считают, что «терроризм возник одновременно с возникновением цивилизации и является её атрибутом, став в Новейшее время элементом насилия, применяемого для достижения тех или иных политических, экономических или социальных целей» [1].

Терроризм имеет определенные этапы развития в истории человечества. В истоках истории можно выделить предпосылки возникновения его как социального явления. Некоторые исследователи, рассматривают терроризм как своего рода этап государственного развития, направленный против государственной власти. Данный этап развивался вплоть до средневековья.

Также, выделяют религиозный этап развития террора. Здесь основным субъектом терроризма является католическая церковь. Другие учёные связывают истоки терроризма с эпохой Реформации во Франции, которая пришлась на XVI – начало XVII веков. Третьи исследователи, рассматривающие терроризм как социально – классовое явление, считают, что его история начинается в XIX веке. Появляются отдельные группировки или совокупность террористических групп [2]. На данном этапе кардинально меняются цели и инструменты воздействия. Главными целями выступают не государственные лица, а преобразования и изменения социально-политического характера.

Таким образом, мы видим, что терроризм как социальное явление развивался и видоизменялся в соответствии с целями и субъектами воздействия. Можно утверждать, что терроризм возникает как результат противоречий в материальной и социальной жизни общества, конфликтов на политической и религиозной почве, а также как результат столкновений идеалов, убеждений отдельных индивидов, но и отдельных групп личностей. Таким образом, основная цель, контроль и возможность воздействия на власть в интересах определённых групп.

Однако, стоит определиться с самим термином «террор». Впервые это понятие было использовано Титом Ливием в I веке нашей эры в Древнем Риме. Но появление терроризма как явления,

обычно связывают с эпохой Великой французской революции. В иностранных источниках говорится, что террор – это политика, направленная на запугивание и подавление противников жестоким насилием. Интересно определение террора в Российском энциклопедическом словаре: «насильственные действия (включая преследование, разрушение, захват заложников, убийства и другие), направленные на устранение, подавление политических оппонентов, конкурентов и на принуждение к определённому образу действий» [3].

Соответственно, цели современного терроризма – это насильственное изменение политического курса и государственного строя, а также подрыв авторитета власти в глазах граждан своей страны и международного сообщества. Кроме того, террористы стремятся подрвать усилия государства по борьбе с преступностью и препятствовать реализации социальных и экономических программ, препятствует консолидации общества, а также развитию какого – либо общества или государства.

Выделяют два этапа современного развития терроризма. Первый этап (начало XX века) характеризуется внедрением террористических группировок. Интересы данных группировок схожи с интересами представителей властей. Таким образом, раньше терроризм действовали по принципу борьбы против государственной системы, то на данный момент именно «система» прибегает к «услугам» террористических группировок для решения своих задач. Таким образом, возникла взаимосвязь между терроризмом и определёнными государственными структурами, в результате чего террористы всё чаще используются для скрытого противостояния между военно-политическими структурами и в качестве инструмента для достижения политических целей [4].

На сегодняшний день, развитие терроризма переросло в непредсказуемый, хаотичный процесс, характеризующийся особой жестокостью и насилием над невинными людьми, которые не имеют никакого отношения к политическим событиям. Террористы своими жестокими действиями сознательно пытаются обесценить человеческую жизнь, с целью привлечения большего количества человек, которые будут осуществлять террористическую деятельность. Они не только обесценивают жизнь человека, но и таким образом, снижают страх потери жизни, что является самым сильным инстинктом выживания. Воздействие происходит, в первую очередь на идеологическую и ценностную структуру личности. Особенно это важно при влиянии на военных, которые непосредственно участвуют в вооруженных операциях [5].

Поводом для беспокойства о нарастании террористической угрозы послужило применение террористами новых способов насильственных действий. Субъектом воздействия террористов

в данном случае являются невинные люди. Соответственно, задачей террористов – причинение как можно больше разрушений, не задумываясь о человеческих жизнях, посеять страх и неуверенность в обществе, подрвать веру людей в способность властей контролировать ситуацию, нарушить мир и безопасность граждан.

Таким образом, терроризм сформировался как социальное явление и имеет свою социальную структуру (цели и задачи, установки), характеристики и методы управления, специфическое восприятие и закономерность действий.

Если рассматривать терроризм как социальное явление, то можно выделить следующие характеристики.

- Наличие конкретной террористической цели. Как правило – это либо социальные цели, либо политические.
- Чаще всего, террористическая деятельность тщательно организована и спланирована до мелочей.
- В террористической деятельности четко выделены субъекты воздействия, например отдельные люди, террористические организации, государственные органы.
- Также, обозначены основные объекты террора, то есть кто будет являться основными жертвами. Чаще всего, выбирают невинных людей, или также особенные материальные ценности, производства, и др.
- Четко организованный план требует наличия финансовых средств для реализации, но и сами непосредственные инструменты воздействия: государственные органы, политические деятели или организации, или социальные структуры, определенные массы людей.
- Спланированные действия: запугивание, запросы от уполномоченных органов о выполнении определённых условий, применение силы, захват, порча или ликвидация объектов, имущества, предоставление ложной информации в целях ввести в заблуждение, хаос, посеять страх среди людей, панику.
- Терроризм используется в качестве влиятельного инструмента на качество международных отношений, а также на формирования общества и военной – политической сферы. В этом плане, терроризм, к сожалению, выступает одним из основных инструментов, способных изменить ход политических действий [5].

На этой стадии развития терроризма произошли значительные перемены в характере террориста: на место исполнителя – пропагандиста пришёл хладнокровный специалист, которому, по сути, безразлично, чьи интересы он представляет.

Поэтому очень важно использовать диагностические меры предупреждения угрозы терроризма. Молодые люди представляют собой наиболее восприимчивую к экстремистским и терро-

ристическим идеям часть общества. С развитием технологий, в том числе доступность интернета и социальных сетей, степень влияния на молодежь увеличилось, так как именно молодое поколение чаще всего проводит время в социальных сетях. По мнению А.В. Ларионовой, «экстремистская личность формируется у человека с соответствующей направленностью, а именно системное свойство личности, интегрирующее в себе совокупность мотивов, взглядов, убеждений, смыслов, потребностей и устремлений экстремистского содержания, обуславливающих самоосуществление и самореализацию человека в экстремистской деятельности» [6].

Поэтому, методы социальной диагностики и распознавания признаков террористической направленности у молодежи – это один из способов борьбы с терроризмом. Разработка методов выявления склонности человека к террористической деятельности это один из методов, но одним из основных профилактических методов управления террористической деятельностью является организованный процесс социализации [3].

Понятие «социализация» определяется как процесс, в ходе которого человек приобретает и развивает социальные навыки и умения для эффективной деятельности и самореализации в обществе. Социализация происходит благодаря тому, что человек усваивает знания, нормы, ценности и опыт, накопленные предыдущими поколениями.

В связи с этим, для предотвращения террористических актов необходимо разрабатывать и внедрять программы, основанные на методах социальной и психологической оценки личности. Эти методы позволяют с высокой точностью выявлять людей, склонных к террористической деятельности и представляющих угрозу обществу. Однако, анкетирование не является самой достоверной диагностикой, так как респондент может сознательно ставить ответы. Поэтому, наиболее лучшим решением при анонимных исследованиях применять анкетирование. Данный метод диагностики терроризма может помочь выявить уровень развития экстремистских идей и их распространение. Лучше всего применять данный метод при массовом опросе, чем при индивидуальном [2].

Метод диагностики как интервьюирование, имеет большую эмпирическую достоверность, поскольку интервьюер может варьировать вопросы и собирать качественную информацию при наблюдении. Интервьюирование позволяет собрать обширную информацию при работе с представителями широких слоёв населения. Однако в процессе диагностики лиц, осуждённых за преступления экстремистской направленности, у этого метода есть свои ограничения [5].

Тесты – опросники, являются самыми распространёнными и достоверными методами диагностики террористической угрозы, поскольку эконо-

мят время, и специально составленные вопросы помогают выявить глубинные установки потенциального преступника. Тесты-опросники позволяют более точно определить характеристики личности, которые могут указывать на склонность к терроризму. Эти тесты помогают выявить экстремистские взгляды, радикальные убеждения и другие особенности, которые могут быть связаны с террористической деятельностью [4].

Например, «Методика Militant Extremist Mindset (MEM) Scale» (разработали американские психологи Lazar Stankov, Gerard Saucier и Goran Knežević) была разработана для оценки «радикальных экстремистских взглядов человека: Шкала намерений активизма и радикализма (ARIS) измеряет переход от экстремистских убеждений к действиям, которые могут привести к террористической деятельности» [7]. Таким образом, для определения предрасположенности к террористической деятельности используется набор психологических тестов, в сочетании с разнообразными методами социального анализа. На основании диагностики, были сформулированы совокупность характеристик личности, которые способствуют развитию экстремистской направленности, склонной к террористической деятельности:

- определённое мышление, которое может привести к агрессивному поведению; неспособность справляться со стрессом;
- бессознательные модели агрессивного поведения и установки;
- тревожный тип личности и высокий уровень агрессивности;
- наличие таких черт характера как безразличие, мнительность, мстительность, жестокость, садистические наклонности;
- позиция жертвы и недоверие к окружающему миру, проявляющегося в враждебности в окружающим и нарастающей ненависти;
- низкий уровень эмоционального интеллекта и неустойчивость асоциальной сферы;
- ощущения неприятия и отчуждения обществом, в следствии чего развивается острое чувство одиночества и ненужности;
- потеря социальных связей и контактов;
- отсутствие ценности жизни, здоровья и достоинства человека;
- слепая вера в правоту своей идеологии;
- готовность к самопожертвованию и склонность к суицидальному поведению [6].

Соответственно, методы диагностики террористической деятельности и есть один из путей предотвращения терроризма.

Однако, пути предотвращения терроризма, это комплексный подход, который включает в себя систему следующих мер.

- Диагностика террористических признаков у потенциальных людей, или групп лиц, либо организаций.

- Влияние на основные социальные процессы, которые могут способствовать и провоцировать террористическую активность (то есть необходимо, проводить профилактическую информационную работу с населением, и использовать СМИ для предупреждения населения, включать информацию в образовательную программу по основам безопасности и основных действий при угрозе терроризма).
- Деятельность специализированных служб по защите граждан и государственных деятелей от нападения, задержание подозрительных и виновных лиц, а также ликвидация преступных террористических группировок. (например, необходимо принять законодательные и правовые меры для регулирования работы информационных каналов, чтобы они не вызывали страх и панику среди населения).
- Необходимо предотвращать действия, которые могут быть расценены как террористические, такие как диверсии, заложники и др.
- Важно сотрудничать с международными структурами, направленными на предотвращения терроризма в мире [2].

Терроризм как социальное явления имеет социальные причины возникновения. При историческом анализе появления терроризма, можно сделать вывод о том, что терроризм использовался всегда для борьбы за власть или возможностью повлиять на нее. Таким образом, предпосылки появления терроризма как социального явления находятся в несовершенстве развития общества и государственного регулирования социальной и политической жизни. В случае, когда правительство той или иной страны не выполняет свои непосредственные обязанности перед обществом, игнорирует проблемы и не заботиться о благополучии населения, то возможность появления терроризма значительно выше, и является как экстремальным вариантом решения проблемы.

Можно сделать вывод, что государство само создаёт условия для появления радикальных способов их решения проблем провоцируя развитие террористической активности [3].

Также, причиной может служить низкий уровень социализации человека в обществе, за которое ответственно правительство каждой страны и социальные институты. Это касается также и профессиональной социализации молодёжи, поскольку именно раннее проявление экстремистской направленности личности может принести непоправимый ущерб молодым людям, но и развитию ценностей всего общества.

Литература

1. Зеленов Ю.Н. Теория и практика педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непре-

рывного профессионального образования: автореф. дис. доктора педагогических наук: 13.00.01. Екатеринбург, 2014. 39 с.

2. Кузьмин А.В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.05. Тамбов, 2014. 413 с.
3. Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Краснодар, 2017. 169 с.
4. Ларионова А.В. Особенности взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений: дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01. Томск, 2016. 162 с.
5. Профилактика экстремизма и воспитание толерантности в молодежной среде: информационно-методический сборник / Под ред. д-ра пед. наук, проф. О.Л. Подлиняева. Иркутск: Издательство Галкин Виктор Викторович, 2018. 40 с.
6. Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях / А.С. Эльзес-сер, Т.В. Капустина, Д.Е. Жданова, Р.В. Кадыров // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 68–79.
7. Декер, С. Х., и Пироз, Д.Х.Н. (2019). Активизм и радикализм в тюрьме: крупномасштабное исследование заключенных в Техасе. Правосудие Ежеквартально, 36(5), 787–815.

TERRORISM AS A SOCIAL PHENOMENON: DIAGNOSTICS AND WAYS OF PREVENTION

Topal N.M., Sukhoterina E.G., Tashlykova N.Yu., Sukhoterin D.M., Kondratenko T.E.

Technical University named after A.N. Tupolev, St. Petersburg State Pediatric Medical University, Russian State University named after A.N. Kosygin, Pacific National University

This article examines the issues of the emergence of terrorism as a social phenomenon, as well as ways to prevent it. In this regard, the purpose of this article is to study "terrorism" as a social phenomenon and methods of identifying it and finding ways to prevent it. Therefore, the main objectives of the study are as follows: it is necessary to define the concept of "terrorism"; consider the history of the emergence of terrorism as a social phenomenon in the world community; identify its main diagnostic parameters of terrorism and ways to prevent it. The method of theoretical analysis of literature was used in the study. As a result of the study, the following conclusions were drawn: terrorism was formed as a separate social phenomenon with its structure, goals and objectives; it was used as an extreme form of violence to resolve contradictions and conflicts characterized by the use of violence; at the heart of terrorist activity is an extremist personality that has prerequisites for such activities. Thus, the identification of signs of terrorism, as well as the diagnosis of a person prone to it, are necessary prerequisites for preventing the threat of its occurrence.

Keywords: terrorism, terror, socialization, diagnostic methods, terrorism prevention.

References

1. Zelenov Yu.N. Theory and Practice of Pedagogical Prevention of Extremist Manifestations Among the Young People in

- the System of Continuous Professional Education: author's abstract. dis. ... doctor of pedagogical sciences: 13.00.01. Yekaterinburg, 2014. 39 p.
2. Kuzmin A.V. Social and Cultural Prevention of Extremism Among the Young People: dis. ... doctor of pedagogical sciences: 13.00.05. Tambov, 2014. 413 p.
 3. Lazarev D.A. Youth Extremism in the Context of the Transforming Russian Society: Problems of Prevention and Counteraction: dis. ... candidate of sociological sciences: 22.00.04. Krasnodar, 2017. 169 p.
 4. Larionova A.V. Features of the Interrelations of the Structural Components of the Extremist Orientation of the Individual and Its Potential Manifestations: dis. ... candidate of psychological sciences: 19.00.01. Tomsk, 2016. 162 p.
 5. Prevention of extremism and education of tolerance among young people: information and methodological collection / Ed. by doctor of ped. sciences, prof. O.L. Podlinyaev. Irkutsk: Viktor Viktorovich Galkin Publishing House, 2018. 40 p.
 6. Methods of diagnostics of extremist tendencies of personality in foreign studies / A.S. Elzesser, T.V. Kapustina, D.E. Zhdanova, R.V. Kadyrov // Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 68–79.
 7. Decker, S. H., and Piroz, D.H.N. (2019). Activism and radicalism in prison: a large-scale study of prisoners in Texas. Justice Quarterly, 36(5), 787–815.

Трансформация управленческих практик в условиях цифровизации: социологический анализ

Блошко Виталий Васильевич,

к.с.н., доцент кафедры социологии, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: vit.bloshko@gmail.com

В данной статье проводится социологический анализ трансформации управленческих практик в условиях цифровизации, что является актуальной темой в контексте современных изменений в управлении организациями. Цифровизация коренным образом меняет традиционные подходы к управлению, оказывая влияние на все уровни организационных структур, методы коммуникации и требования к компетенциям менеджеров. В работе исследуются основные аспекты этих изменений, начиная с перехода от иерархических к более гибким и сетевым структурам, заканчивая изменением форм взаимодействия между сотрудниками в условиях удалённой работы и использования цифровых инструментов для управления.

Особое внимание уделено анализу управленческих компетенций, которые становятся необходимыми в цифровую эпоху, включая навыки работы с большими данными, аналитическое мышление и способность к адаптации в условиях быстрого технологического прогресса. Авторы также рассматривают социальные последствия цифровизации, такие как изменение трудовой этики, проблемы контроля и мотивации в удалённых коллективах, а также вопросы социальной дистанции между сотрудниками. Важной частью работы является исследование рисков цифровизации, включая киберугрозы, цифровое неравенство и вызовы, связанные с управлением через алгоритмы. В заключении предложены рекомендации для менеджеров и организаций по успешной адаптации к цифровым изменениям, а также обозначены перспективы дальнейших исследований в этой области, особенно в контексте изучения социального разрыва и влияния новых технологий на организационное управление.

Ключевые слова: цифровизация, управленческие практики, организационные структуры, коммуникации, удалённая работа, трудовые отношения, цифровое неравенство, киберугрозы, управленческие компетенции.

Введение и постановка проблемы

Цифровизация проникла в практически все сферы нашей жизни, и ее влияние на управленческие практики нельзя не заметить. Трансформация управления в условиях стремительного развития технологий – это не просто естественная эволюция традиционных подходов, но и кардинальная перестройка как самих управленческих процессов, так и тех социальных отношений, которые их сопровождают. В этой связи значимость социологического анализа этих изменений выходит на первый план.

Мы являемся свидетелями того, как в государственном управлении, корпоративном секторе и даже в организациях малого и среднего бизнеса происходят сдвиги, которые еще несколько лет назад могли показаться фантастическими. Стремительное внедрение автоматизированных систем управления, использование больших данных, искусственного интеллекта, платформ для удаленной работы – все это влияет не только на структуру и содержание управленческих решений, но и на отношения внутри организаций. Цифровизация кардинально изменила то, как организации взаимодействуют с внешней средой и своими сотрудниками. Этот процесс затрагивает как иерархию власти, так и коммуникации, роли и задачи внутри организаций.

Важно также понимать, что цифровая трансформация управления имеет не только технологическое измерение. Социальные последствия этих изменений могут быть даже более значимыми. Как цифровые технологии меняют восприятие власти и контроль? Какие социальные группы получают выгоду от этих изменений, а кто сталкивается с новыми барьерами? Ответы на эти вопросы требуют глубокого анализа с социологической точки зрения, что и делает данное исследование особенно актуальным.

Цель настоящего исследования – проанализировать, как цифровизация влияет на управленческие практики, и как эти изменения влияют на социальные структуры внутри организаций. Процесс трансформации нельзя рассматривать как линейный или однородный: он затрагивает множество аспектов управления, начиная от оперативных решений и заканчивая стратегическими направлениями развития.

Краткий обзор литературы

В последние годы тема цифровизации управления стала одной из центральных в рамках социологи-

ческих и управленческих исследований. Сложно представить себе организационную деятельность, которая бы не оказалась под воздействием стремительного прогресса цифровых технологий. Этот процесс охватывает практически все аспекты управления, начиная от стратегического планирования и заканчивая повседневными операциями. В свете этого в научной литературе возникло множество дискуссий о сути и последствиях цифровизации для управленческих практик.

В дискурсе данной темы фигурирует ряд ключевых понятий, определение которых полезно дать для создания контекста обсуждения. Под *цифровизацией* понимается внедрение цифровых технологий в различные аспекты управления, что не только оптимизирует процессы, но и радикально меняет саму природу взаимодействия внутри организации и её отношения с внешней средой. *Управленческие практики*, в свою очередь, можно рассматривать как набор действий и решений, направленных на эффективное руководство и контроль над ресурсами и людьми в организации. Важно подчеркнуть, что с приходом цифровизации эти практики подвергаются серьёзной трансформации. При этом исследователи, как правило, под *трансформацией* понимают не просто изменение существующих управленческих процессов, а их глубокую перестройку, связанную с новыми цифровыми вызовами.

Современные научные исследования, посвящённые цифровизации и её влиянию на различные аспекты управления, демонстрируют масштабную трансформацию социально-экономических процессов и организационных структур. В работе Д.Е. Добринской исследуется влияние научно-технического прогресса первых двух десятилетий XXI века на общество [1]. Автор выделяет ключевые черты современности, такие как усложнение социальной системы, усиление мобильности и сетевизации, а также нарастающая цифровизация, что ведёт к формированию нового типа цифрового общества.

В.В. Зотов и Л.А. Василенко в своей статье фокусируются на взаимодействии между государственными структурами и гражданами, которое становится возможным благодаря развитию информационно-аналитических платформ [2]. Они подчёркивают необходимость новой методологии публичного управления, учитывающей реалии цифрового мира, где ключевыми становятся сетевые и реляционные структуры, способные решать общественно значимые проблемы.

О.Л. Чуланова, в свою очередь, акцентирует внимание на требованиях цифровой экономики к персоналу и их влиянии на экономику труда [3]. Автор подробно рассматривает концепции, которые становятся важными для самоорганизации сотрудников в эпоху цифровизации, а также пред-

лагает операциональные модели формирования соответствующих компетенций.

Т.Б. Терентьева анализирует процесс перехода к концепции «цифрового предприятия» и его влияние на адаптивные организационные структуры [4]. В статье приводятся примеры успешных компаний, применяющих такие структуры, что способствует повышению их гибкости и конкурентоспособности в условиях быстро меняющейся рыночной среды.

П.В. Николаев в своём исследовании освещает инновационный менеджмент в условиях цифровой трансформации [5]. Он показывает, как цифровизация меняет подходы к инновационному процессу, ускоряя вывод новых продуктов на рынок и формируя новые бизнес-модели.

А.С. Асрян рассматривает инновационные технологии управления банковским персоналом, уделяя внимание внедрению искусственного интеллекта и виртуальной реальности, которые помогают оптимизировать процессы и адаптировать банковские бизнес-модели к цифровым изменениям [6].

Результаты и их обсуждение

Цифровизация управленческих процессов неизбежно приводит к трансформации традиционных организационных структур. Ранее сложившиеся иерархические модели, где власть концентрировалась на верхних уровнях иерархии, а решения принимались по жёстко структурированным линиям командной цепи, всё чаще уступают место более гибким и децентрализованным подходам. Это связано с тем, что цифровые технологии, такие как облачные платформы, системы управления на основе больших данных и искусственный интеллект, изменяют принципы коммуникации, обмена информацией и контроля.

Одним из самых ярких примеров такой трансформации является появление *сетевых структур управления*, в которых отсутствует строгая вертикальная иерархия, а взаимодействие между сотрудниками происходит горизонтально. Такие структуры предполагают гибкое распределение ответственности, что позволяет быстрее реагировать на внешние изменения и адаптироваться к новым условиям. Гибкие команды, основанные на проектах и функциональных задачах, становятся нормой. В этом контексте особенно важным оказывается не формальная должность или статус, а конкретные навыки и компетенции сотрудника, его способность к принятию решений и инициативе.

Децентрализация власти является одним из центральных моментов трансформации. Ранее менеджеры верхнего уровня занимались контролем и координацией всех процессов, но с развитием технологий и автоматизацией некоторых функ-

ций необходимость в таком интенсивном контроле уменьшается. Теперь сотрудники на всех уровнях получают больше возможностей для самостоятельного принятия решений. Это ускоряет процессы, так как решения могут приниматься непосредственно в момент их необходимости, без прохождения через сложные бюрократические процедуры.

Разумеется, наряду с преимуществами децентрализации и гибкости возникает и ряд вызовов.

Один из них заключается в необходимости пересмотра моделей распределения ответственности. В условиях сетевой структуры сложнее определить, кто конкретно несёт ответственность за тот или иной результат, поскольку многие решения принимаются коллективно. Это требует новых подходов к оценке эффективности сотрудников, а также внедрения механизмов обратной связи и взаимодействия, которые бы способствовали повышению прозрачности и ответственности (табл. 1).

Таблица 1: Сравнение традиционных и цифровых управленческих структур в организациях

№	Параметры	Традиционные управленческие структуры	Цифровые управленческие структуры
1	Уровень иерархии	Чётко выраженная вертикальная иерархия	Горизонтальная структура с минимальными уровнями
2	Степень децентрализации	Централизованное принятие решений	Высокая степень децентрализации, автономия команд
3	Скорость принятия решений	Медленный процесс из-за прохождения через уровни управления	Быстрые решения, принимаемые на местах
4	Распределение власти	Власть сосредоточена на верхних уровнях	Власть распределена между командами и проектами
5	Коммуникации	Вертикальные, командные линии	Горизонтальные, межфункциональные

Цифровизация трансформирует не только механизмы принятия решений, но и сами принципы организации работы. В новых условиях возрастает значимость гибкости, скорости адаптации и готовности к коллективной ответственности. Это не просто технологический сдвиг, а глубокая социальная трансформация, которая затрагивает сами основы управления.

Современные цифровые технологии оказали кардинальное влияние на управленческие коммуникации, как внутренние, так и внешние, радикально изменив сами принципы и механизмы обмена информацией. С переходом на цифровые платформы рабочие процессы стали более динамичными, гибкими и, в ряде случаев, эффективными. Это позволило организациям адаптироваться к новым условиям, где удалённая работа и виртуальные команды уже не являются временной мерой, а становятся новой нормой.

В условиях цифровизации управленческие процессы требуют более быстрой и точной координации, чем когда-либо прежде. Традиционные способы взаимодействия – личные встречи, совещания и телефонные звонки – всё чаще заменяются на видеоконференции, чат-группы и цифровые рабочие пространства. Это не только ускоряет обмен информацией, но и позволяет взаимодействовать более гибко: сотрудники могут подключаться к работе вне зависимости от их физического местоположения, что особенно важно для глобальных компаний.

Цифровые платформы предлагают возможность не только обмениваться сообщениями в реальном времени, но и сохранять прозрачность ра-

боты, так как информация фиксируется и остаётся доступной для всех участников команды. В этих условиях менеджеры могут более эффективно распределять задачи, контролировать процесс выполнения и оперативно реагировать на изменения. Коммуникация становится более горизонтальной, что способствует укреплению сотрудничества между различными уровнями управления и подразделениями.

Современные цифровые технологии открыли новые каналы взаимодействия с клиентами, партнёрами и поставщиками, повысив скорость обмена информацией и улучшив качество обслуживания. Компании могут использовать цифровые маркетинговые платформы, социальные сети и чат-боты для поддержания постоянного контакта с клиентами, что создаёт более персонализированные и доступные формы взаимодействия. Как и в случае с внутренними коммуникациями, цифровые технологии требуют высокой степени адаптации и устойчивости, особенно в условиях быстро изменяющейся среды.

С ростом удалённой работы и гибких графиков многие организации начали формировать виртуальные команды, что дало возможность привлекать специалистов со всего мира. Это открывает новые возможности для управления проектами, однако также требует особого внимания к вопросам координации и контроля. Виртуальные команды нуждаются в эффективных инструментах управления задачами и коммуникацией, которые бы компенсировали отсутствие физического взаимодействия и помогали поддерживать высокий уровень вовлечённости.

Несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий, их внедрение сопровождается рядом сложностей. Одним из ключевых вызовов является управление коммуникацией в условиях *цифрового разрыва*. Разница в доступе к интернету, технике и программным решениям создаёт барьеры для полноценного взаимодействия между сотрудниками, что особенно остро проявляется в организациях с разнородной географической структурой. В частности, сотрудники из регионов

с ограниченным доступом к быстрому интернету сталкиваются с трудностями при использовании видеоконференций, что снижает их вовлечённость и эффективность. Более того, недостаточная цифровая грамотность некоторых работников также усложняет их адаптацию к новым технологиям, что требует дополнительных усилий со стороны руководства для организации тренингов и повышения квалификации (табл. 2).

Таблица 2. Инструменты цифровой коммуникации и их влияние на эффективность управления

№	Инструменты цифровой коммуникации	Скорость обмена информацией	Уровень взаимодействия	Доступность информации
1	Zoom (Видео-конференции)	Высокая скорость, особенно для совещаний в реальном времени	Средний – зависимость от качества соединения	Высокая – доступность записей и материалов после встречи
2	Slack (Мгновенные сообщения)	Очень высокая – сообщения доставляются мгновенно	Высокий – поддержка групповых чатов, упрощённое взаимодействие	Средняя – легко доступна для регулярных задач, но требует адаптации для долгосрочного хранения информации
3	MS Teams (Много-функциональная платформа)	Высокая – возможность интеграции с другими сервисами	Высокий – видеозвонки, чаты, документы в одном месте	Очень высокая – полная интеграция с облачными хранилищами, доступ к информации в любое время

Цифровые технологии кардинально изменили подход к управленческим коммуникациям, предоставив компаниям и сотрудникам новые инструменты для более эффективного взаимодействия. При этом успех этих изменений напрямую зависит от уровня цифровой грамотности сотрудников и готовности организаций преодолевать возникающие барьеры. Виртуальные команды и цифровые платформы открывают новые горизонты для управления, но требуют тщательного подхода к организации работы и поддержанию высокого уровня коммуникации.

Цифровая трансформация, захватившая различные сферы общества и экономики, привела к значительным изменениям не только в структуре организаций и методах их функционирования, но и в наборе требований, предъявляемых к управленческим кадрам. Если ранее ключевыми компетенциями менеджеров были такие навыки, как стратегическое планирование, принятие решений и управление человеческими ресурсами, то в условиях цифровизации эти компетенции заметно изменились, дополненные новыми, актуальными для современных реалий требованиями.

В эпоху цифровых технологий менеджерам требуется гораздо более широкий спектр навыков и знаний, чем когда-либо прежде. Основным вызовом современности стала необходимость гибкости и готовности к быстрым изменениям, поскольку скорость технологического прогресса требует постоянной адаптации управленческих решений и стратегий. Если ранее планирование на несколь-

ко лет вперёд могло быть относительно стабильным и предсказуемым процессом, то сегодня любая долгосрочная стратегия должна быть подвижной и допускать корректировки, обусловленные новыми технологическими прорывами или изменениями в глобальных рынках.

Одним из центральных элементов современных управленческих компетенций стало аналитическое мышление. Цифровые технологии позволяют собирать и анализировать большие объёмы данных, и успешный менеджер обязан уметь использовать эту информацию для принятия взвешенных решений. Менеджеры уже не могут полагаться исключительно на интуицию или опыт: чтобы оставаться эффективными в условиях цифровой экономики, они должны разбираться в методах анализа данных, понимать, как интерпретировать результаты этих анализов и превращать их в конкретные действия.

Раньше основное внимание уделялось управлению человеческими ресурсами и финансовыми потоками, но сегодня данные стали новым «капиталом» компании, а управление данными – ещё одной ключевой компетенцией, принципиально важной для современного менеджмента. Менеджеры должны понимать, как данные могут быть использованы для повышения эффективности работы, улучшения клиентского опыта и, в конечном счёте, увеличения конкурентоспособности организации.

Кроме того, кибербезопасность стала неотъемлемой частью управленческих навыков в циф-

ровую эпоху. Менеджеры, особенно на высших уровнях, должны осознавать риски, связанные с защитой данных, и уметь оценивать уровень безопасности как внутри компании, так и при взаимодействии с внешними партнёрами. Внедрение инновационных технологий без учёта аспектов безопасности может привести к серьёзным репутационным и финансовым потерям.

Разумеется, традиционные управленческие компетенции, такие как принятие решений и стратегическое планирование, сохраняют свою важ-

ность, но их содержание существенно трансформируется под воздействием цифровых технологий. Например, процесс принятия решений теперь всё чаще опирается на данные и их анализ, а стратегическое планирование должно учитывать более широкий спектр переменных, включая технологические тренды, цифровую трансформацию и глобальные изменения на рынке. То есть цифровизация не отменяет традиционные навыки, но требует их адаптации и дополнения новыми знаниями (табл. 3).

Таблица 3. Ключевые управленческие компетенции до и после цифровизации

№	Компетенции	До цифровизации	После цифровизации
1	Принятие решений	Основывалось на опыте и интуиции	Основано на анализе данных и прогнозировании
2	Стратегическое планирование	Долгосрочные планы с минимальной гибкостью	Гибкость и адаптивность, использование данных
3	Управление человеческими ресурсами	Ориентация на традиционные формы управления персоналом	Развитие цифровых навыков у сотрудников, дистанционные команды
4	Аналитическое мышление	Не было критически важным	Обязательный навык для анализа больших данных
5	Управление данными	Не являлось ключевой задачей	Ключевая компетенция для работы с цифровыми ресурсами
6	Кибербезопасность	Не было значимым аспектом	Необходимый элемент стратегии компании

Современные менеджеры должны уметь интегрировать новые цифровые компетенции в свою повседневную деятельность, эффективно используя возможности технологий и адаптируясь к новым вызовам. В эпоху цифровизации навыки управления больше не могут оставаться статичными; напротив, они должны развиваться и дополняться в зависимости от изменений в технологическом и социальном контексте. Примечательно, что успешное управление в цифровую эпоху – это не просто техническое владение инструментами, а способность понять, как технологии могут быть встроены в процессы организации, чтобы повысить её эффективность и конкурентоспособность.

Удалённая работа, ещё недавно считавшаяся лишь временной мерой, сегодня уверенно закрепила в качестве устойчивого тренда в сфере управления персоналом. Сдвиг в сторону удалённого труда стал возможен благодаря цифровым технологиям, которые позволяют эффективно взаимодействовать вне офисных стен. В этом контексте традиционные представления о рабочем времени и месте претерпели значительные изменения: теперь важен не столько сам факт присутствия сотрудника на рабочем месте, сколько конкретные результаты его деятельности. Этот сдвиг акцентов стал особенно важен для компаний, которые начали ценить способность сотрудников к автономному планированию своих задач и достижению целей без постоянного контроля со стороны руководства.

Изменившаяся реальность требует от менеджеров пересмотра привычных управленческих стратегий. Гибкость в управлении стала ключевым требованием современного руководителя. Теперь акцент смещается с жёсткого контроля на создание условий, которые способствуют продуктивности сотрудников. Для этого руководителям необходимо развивать навыки, связанные с эмоциональным интеллектом, гибкой коммуникацией и поддержкой команды. Эффективное управление в эпоху удалённой работы требует способности понимать, мотивировать и поддерживать работников, чьи потребности и рабочие условия изменились кардинально.

Удалённая работа несёт с собой и новые вызовы. Одним из них является снижение мотивации и ослабление корпоративной культуры в виртуальных коллективах. Социальная дистанция, неизбежная при работе через цифровые платформы, может привести к изоляции сотрудников и утрате тех неформальных связей, которые формируются в традиционных офисах через повседневное общение. Неформальные разговоры возле кофейного аппарата или случайные встречи в коридорах оказывали важное влияние на командную сплочённость и мотивацию, и воспроизвести их в виртуальной среде крайне сложно.

Для преодоления этих проблем компании ищут новые подходы к поддержанию мотивации в удалённых командах. Одной из таких стратегий является внедрение гибких систем поощрения, осно-

ванных на результативности, а также обеспечение регулярной обратной связи. Виртуальные тимбилдинги и неформальные встречи также становятся инструментом для укрепления корпоративного духа. Успех этих инициатив во многом зависит от компетенций менеджеров, которые должны обладать не только техническими, но и эмоциональными навыками, способными укрепить команду в условиях удалённой работы.

Процесс цифровизации управления сопровождается не только новыми возможностями, но и рядом рисков. Помимо очевидных преимуществ, связанных с повышением эффективности, возникает необходимость стратегического подхода к управлению этими рисками. Технологические, социальные и организационные угрозы требуют внимательного анализа и проактивного управления. Без грамотного планирования внедрение цифровых технологий может привести к непредсказуемым последствиям и утрате контроля над важными аспектами корпоративного управления.

Одним из наиболее серьёзных рисков цифровизации является угроза кибератак. С ростом использования цифровых платформ для передачи данных и хранения информации компании сталкиваются с необходимостью инвестировать значительные ресурсы в обеспечение кибербезопасности. Утечки данных могут не только привести к финансовым потерям, но и серьёзно подорвать репутацию организации, что делает вопрос безопасности критическим для успеха бизнеса.

Не менее важной проблемой является защита конфиденциальности данных. Масштабное использование цифровых инструментов создаёт серьёзные вызовы для сохранения приватности сотрудников. Многие работники выражают опасения по поводу того, что их личные данные могут быть использованы без их ведома, что может подорвать доверие к работодателю. Компании должны соблюдать строгие стандарты конфиденциальности, иначе они рискуют утратить лояльность своих сотрудников.

Особого внимания заслуживает алгоритмическое управление, которое открывает перед компаниями новые возможности для повышения эффективности процессов. Однако это нововведение ставит ряд этических вопросов. Алгоритмы способны принимать решения с высокой скоростью, но риск ошибок или несправедливых решений остаётся. Необходимо установить прозрачные механизмы контроля за их действиями, а также определить ответственность за возможные ошибки, что является ключевым аспектом их интеграции в корпоративную среду.

В конечном итоге цифровизация управления требует глубоких организационных трансформаций. Успешная адаптация компаний к новым условиям возможна лишь при комплексном подходе, который объединяет технические решения с ор-

ганизационными и этическими аспектами. Такой подход позволит не только минимизировать риски, но и создать устойчивые системы управления, способные эффективно функционировать в условиях глобальных изменений.

Выводы

Цифровизация глубоко изменяет ландшафт современных организаций, начиная с их структур и заканчивая ключевыми управленческими практиками. Организационные структуры, которые ранее основывались на жёсткой иерархии, постепенно уступают место гибким, сетевым конфигурациям. Этот сдвиг способствует децентрализации управления и ускоряет принятие решений, что, в свою очередь, делает организации более адаптивными к быстроменяющимся условиям рынка. В этом контексте роль скорости реакции и гибкости приобретает первостепенное значение.

Одним из наиболее заметных изменений, которые привносит цифровизация, является трансформация способов коммуникации внутри организаций. Цифровые платформы значительно облегчают и ускоряют обмен информацией между сотрудниками, что повышает общую эффективность рабочих процессов. Однако наряду с этим возникает необходимость решения новых вызовов, таких как управление виртуальными командами, где отсутствует непосредственное взаимодействие, и проблема цифрового разрыва, возникающего вследствие неравномерного доступа к технологиям и знаниям.

Ещё один ключевой аспект цифровой трансформации касается руководителей, которым необходимо осваивать новые компетенции. Одних лишь традиционных навыков управления теперь не хватает. В условиях цифровой эпохи от менеджеров требуется умение работать с цифровыми инструментами, аналитическое мышление и знание основ кибербезопасности. Эти изменения подчёркивают важность гибкости и адаптивности, что особенно актуально в свете ускоренных темпов изменений в бизнес-среде.

Цифровизация также вносит коррективы в трудовые отношения. Гибкость в организации рабочих процессов, широкое распространение удалённых форматов работы и переход на проектное взаимодействие становятся новой нормой для многих компаний. Но одновременно с этим появляются новые риски – утрата личного контакта между сотрудниками, снижение мотивации из-за удалённости от коллектива, а также усложнение процесса контроля за выполнением задач. В результате перед работодателями встаёт задача не только адаптироваться к новым форматам взаимодействия, но и сохранить вовлечённость и мотивацию сотрудников.

Цифровизация открывает перед организациями огромные возможности для роста, но несёт

и значительные риски. Это требует тщательного анализа и выработки стратегий, направленных на смягчение возможных негативных последствий, будь то киберугрозы или недостаток цифровой грамотности среди сотрудников. В условиях стремительных изменений особое значение приобретает поддержка на уровне управления человеческими ресурсами. Разработка эффективных стратегий для работы с виртуальными командами и повышение цифровой грамотности сотрудников становятся центральными элементами успешной цифровой трансформации.

При этом нельзя не отметить, что существует множество недостаточно изученных аспектов. В частности, вопросы социального дистанцирования и цифрового неравенства всё ещё требуют более глубокого исследования. Эти проблемы оказывают непосредственное влияние на доступ к технологиям, что, в свою очередь, определяет уровень цифровой компетентности сотрудников. Решение этих вопросов станет критически важным для создания равных условий на рабочем месте.

Для успешной адаптации к новым условиям организациям рекомендуется уделять первостепенное внимание постоянному обучению персонала. Развитие цифровой грамотности сотрудников и их навыков работы с новыми инструментами становится основой для эффективного функционирования в условиях цифровой эпохи. Руководителям необходимо совершенствовать свои компетенции, связанные с управлением данными и кибербезопасностью. В дополнение к этому важную роль играет гибкость рабочих процессов и создание условий для эффективной удалённой работы.

В этом контексте государства играют не последнюю роль. Развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение доступа к технологиям должны стать приоритетами для правительств, чтобы преодолеть цифровое неравенство и предоставить равные возможности всем участникам рынка труда. Эти меры создадут необходимую основу для эффективной цифровой трансформации.

Литература

- Добринская Д.Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 175–192.
- Зотов В.В., Василенко Л.А. Влияние цифровизации на трансформацию методологии публичного управления // Управленческое консультирование. 2021. № 5 (149). С. 98–109.
- Чуланова О.Л. Компетенции персонала в цифровой экономике: операционализация soft skills персонала организации с учетом ортобиотических навыков и навыков well being // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 2. С. 55.
- Терентьева Т.Б. Цифровизация адаптивных организационных структур в рамках перехода к концепции «цифрового предприятия» // Прогрессивная экономика. 2024. № 6. С. 159–171.
- Николаев П.В. Влияние цифровой трансформации экономики на инновационную деятельность организаций // Финансовые рынки и банки. 2024. № 6. С. 55–60.
- Асрян А.С. Цифровая трансформация технологий управления банковским персоналом // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 145–150.

TRANSFORMATION OF MANAGEMENT PRACTICES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Bloshko V.V.

Military University named after Alexander Nevsky Ministry of defence of the Russian Federation

This article provides a sociological analysis of the transformation of management practices in the context of digitalization, which is an urgent topic in the context of modern changes in the management of organizations. Digitalization is fundamentally changing traditional approaches to management, influencing all levels of organizational structures, communication methods and requirements for managers' competencies. The paper explores the main aspects of these changes, starting with the transition from hierarchical to more flexible and networked structures, ending with changes in the forms of interaction between employees in remote work and the use of digital management tools. Special attention is paid to the analysis of managerial competencies that are becoming necessary in the digital age, including big data skills, analytical thinking and the ability to adapt to rapid technological progress. The authors also consider the social consequences of digitalization, such as changes in work ethics, problems of control and motivation in remote teams, as well as issues of social distance between employees. An important part of the work is the study of the risks of digitalization, including cyber threats, digital inequality and challenges related to management through algorithms.

In conclusion, recommendations for managers and organizations on successful adaptation to digital changes are proposed, and prospects for further research in this area are outlined, especially in the context of studying the social gap and the impact of new technologies on organizational management.

Keywords: digitalization, management practices, organizational structures, communications, remote work, labor relations, digital inequality, cyber threats, managerial competencies.

References

- Dobrinskaya D.E. Digital society in a sociological perspective // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2019. Vol. 25. No. 4. pp. 175–192.
- Zotov V.V., Vasilenko L.A. The influence of digitalization on the transformation of public management methodology // Managerial consulting. 2021. No. 5 (149). pp. 98–109.
- Chulanova O.L. Personnel competencies in the digital economy: operationalization of soft skills of the organization's personnel, taking into account orthobiotic skills and well being skills // Bulletin of Eurasian Science. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 55.
- Terentyeva T.B. Digitalization of adaptive organizational structures in the framework of the transition to the concept of a "digital enterprise" // Progressive Economics. 2024. No. 6. pp. 159–171.
- Nikolaev P.V. The impact of the digital transformation of the economy on the innovative activity of organizations // Financial markets and banks. 2024. No. 6. pp. 55–60.
- Asryan A.S. Digital transformation of banking personnel management technologies // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No. 5. pp. 145–150.

Сбалансированность функциональной деятельности работников с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие

Вельмисова Дарья Владимировна,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: daria-babiy@yandex.ru

Управление человеческим потенциалом современных организаций реализуется в условиях непрерывного внедрения современных цифровых решений, обеспечивающих реализацию функциональных задач работниками. В контексте инновационного развития социальное управление трансформируется, возникают новые типы организационных структур, разрабатываются инновационные социальные технологии, трансформируется социальный тип работника, в т.ч. его ценностно-мотивационные смыслы. Обеспечение социального управления в новых условиях предполагает определенную систему разделения труда в организации в соответствии с профессиональными, квалификационными, социально-психологическими характеристиками персонала. Причем основой для успешного функционирования разных типов организационных и функциональных структур становится, с одной стороны, наличие у работников определенных знаний, умений, навыков, мотивации, ценностно-мотивационных смыслов, а с другой стороны, создание в организации и на предприятии среды, в которой они могут быть реализованы. Поэтому возникают и ограничения инновационного развития: структурно-функциональные и социально-психологические, которые подробно рассмотрены автором статьи. На основе исследования ценностно-мотивационных смыслов инновационной деятельности на предприятиях полного технологического цикла (N600) выявлена устремленность работников на участие в инновационных преобразованиях в профессиональной деятельности, но вместе с тем, неудовлетворенность возможностью реализации своих инновационных устремлений. В этом контексте одной из ключевых задач становится создание структуры рабочих мест, которая генерирует заинтересованность работников в процессе и результатах своего труда, формирование смыслообразующего контекста в организации. Автором предложена интерпретация социальных технологий, направленных на достижение сбалансированности функциональной деятельности работников с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие.

Ключевые слова: инновационное развитие, работники организаций и предприятий, социальные технологии, функциональная сбалансированность, ценностно-мотивационные смыслы.

Введение

Функциональное наполнение управления предприятиями, в т.ч. их инновационной деятельностью приобретает в современных условиях новое качество, которое обусловлено технологическими, культурными, экономическими факторами. Содержание и формы организационно-трудовых отношений, их гибкость и прочность в значительной мере определяются состоянием и тенденциями развития разделения и кооперации труда на предприятии, процессами дифференциации и интеграции трудовых, профессиональных и социальных функций. Чем упорядоченнее взаимоотношения между структурами (производственными подразделениями, управленческими и вспомогательными службами), тем лучше консенсус между различными формами производственного общения персонала, выше эффективность, устойчивость, надежность его работы. Функциональная структура определяет организацию и наполнение инновационной деятельности, характер взаимосвязей между работниками, точки контакта, которые могут быть бесконфликтными и продуктивными или, напротив, конфликтогенными и создающими дисбаланс.

В контексте теории ценностно-мотивационных смыслов для современной социологии управления, учитывая усложнение и конфликтизацию общественных отношений, актуализируются проблемы смысловых противоречий, порождающих снижение доверия между социальными группами и конфликтизацию социально-трудовых отношений; бесконфликтной «со-реализации» смыслов в деятельности представителей различных социально-профессиональных и статусных групп в достижении общественно значимых целей; возможности реализовать смыслы творчества и инновационной деятельности в процессе выполнения функциональных задач.

Материалы и методы

Смыслы в деятельности интерпретируются в междисциплинарном научном дискурсе как характеристика социального действия [3, с. 90], как элемент нравственного стержня личности, определяющий отношение к себе, миру, деятельности [2], как предназначение личности [11]. Обобщая, Д.А. Леонтьев отметил, что в теории смысла можно выделить два

направления развития научных взглядов, где смысл трактуется в качестве интегрального образования личности, или как производный структурный элемент деятельности. Нельзя не согласиться с тем, что «переживание жизненных событий осуществляется через систему личностных смыслов, на основе которых человек соотносит свои возможности и цели, распределяет события жизни по значимости на данный момент времени, а значит и строит интегрированный образ себя, с целью идентификации собственной социально-личностной позиции» [12]. По данным исследований [14], стремление человека к реализации смысла в профессиональной деятельности реализуется в четырех областях: я, другие люди, рабочий контекст и духовная жизнь. Каждая из данных областей может стать областью как смыслопорождения и реализации смыслов, так и ограничителем реализации смысловых приоритетов в деятельности.

Э. Тоффлер, который 45 лет назад прогнозировал развитие общественных отношений Третьей волны, обращал внимание на то, что в условиях цивилизации будущего нам придется признать три основных потребности любой личности: потребности в общности, структуре и *смысле* [8]. Работники нового социального типа «наряду с финансовым вознаграждением, ищут в работе смысл», они жаждут большей ответственности, работы, которая достойна их таланта и квалификации, желают поступать по своему разумению. И поэтому типичной формой для предприятий третьей волны становятся самоорганизующиеся производственные единицы, децентрализованные, гибкие, конструируемые из временных конфигураций, с более тесными отношениями между людьми, способствующие укреплению человеческих отношений. Предприятия Третьей волны по Э. Тоффлеру будут нуждаться в работниках, способных в большей степени к самостоятельной деятельности, нежели к беспрекословному выполнению указаний. Ориентацию на работников, стремящихся к саморазвитию, обучению, более сложным целям – отмечают и современные исследователи [10].

Современная интерпретация социального типа работника инновационных предприятий фиксирует такие его характеристики как профессиональная компетентность, концентрация трудовых усилий на достижении поставленных целей, способность к более сложной и инновационной деятельности [7]. Вместе с тем, отмечается зависимость работника от состава, направленности и содержания управленческих действий, которая носит ролевой характер, т.е. предопределяется выполняемыми функциями и задачами. Роль работника в функциональной структуре задает конкретные формы поведения, коммуникаций, обеспечивает трансформацию профиля рабочих мест и их формирование по признакам эффективности выполнения трудовых обязанностей. Инновационная деятель-

ность на современных предприятиях реализуется в форме научного и технико-технологического взаимодействия всех функциональных структур, формирования организационных и информационно-цифровых технологий совершенствования управления [6].

Поэтому, учитывая актуализированную потребность в осмысленности деятельности современных работников, новой научной интерпретации требует проблема сбалансированности функциональной деятельности работников с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие.

Функциональная структура предприятий типологизируется по ряду оснований [9, с. 220]:

- разделение труда по функциональному признаку;
- профессионально-квалификационная структура, которая является производной от функциональной и определяет структуру рабочих мест;
- социально-демографическая, которая отражает структуру персонала по гендерным, возрастным и др. признакам, уровню образованию, семейному положению;
- общественно-политическая, отражающая принадлежность работников к политическим партиям и общественным объединениям;
- социально-психологическая, обусловленная структурой межличностных отношений, ценностей, установок, мотивов, смыслов деятельности.

Основой для успешного функционирования разных типов организационных и функциональных структур становится, с одной стороны, наличие у работников определенных знаний, умений, навыков, мотивации, ценностно-мотивационных смыслов, а с другой стороны, создание в организации и на предприятии среды, в которой они могут быть реализованы. Так, в основе адаптивных моделей лежит переход от традиционной управленческой иерархии к горизонтальным структурам, построенным на базе кроссфункциональных рабочих групп. Соответственно, социальные коммуникации между группами работников могут быть эффективными при условии принадлежности последних к определенному социальному типу, характеризующемуся смысловыми приоритетами. Но, вместе с тем, деятельность в структуре определенного типа со временем формирует у человека-работника необходимые модели поведения.

В функциональной системе предприятия объединяется два процесса – интеграция различных функций, с одной стороны, и функциональная дифференция, с другой. Разделение труда по функциональному признаку и интеграция функций, присутствующих различным элементам, сопровождается развитием системы корпоративных стандартов, регламентирующих соподчиненность звеньев систе-

мы, сопряженность функций, формально-ролевые правила взаимодействия для достижения целей предприятия. Основным инструментом в данном случае выступает правовая подсистема, на уровне организаций и предприятий представленная локально-нормативными актами, регулируемыми трудовые правоотношения.

Вместе с тем, акцент на административно-правовой организации взаимодействий в ущерб социальной, учитывающей ценности, смыслы, межличностные взаимоотношения, порождает ряд противоречий, усложняющих процессы управления. Кадровый дефицит, испытываемый современными предприятиями вследствие демографического кризиса и «дефицит компетенций», отражающий недостаточность работников необходимой квалификации, в подобной ситуации дополняется *дефицитом осмысленности и вовлеченности*, когда не применяется в полной мере человеческий потенциал действующих работников предприятия, обладающих нужными компетенциями. В этом случае можно говорить о *несбалансированности функциональной деятельности работников* с ценностно-мотивационными смыслами. Ведь социализация человека, как отмечается, происходит в процессе коллективной деятельности с использованием современных организационных и информационно-цифровых технологий, что дает основание по-новому подходить к механизму корпоративного управления на основе таких принципов как самоорганизация и развитие [6].

Вследствие этого возникают ограничения инновационного развития: структурно-функциональные и социально-психологические. *Структурно-функциональные ограничения* связаны с организационными преобразованиями, с появлением новых структур (сетевых, проектных), созданием новой постиндустриальной среды, организационно и экономически обеспечивающей осуществление инновационной стратегии. *А социально-психологические ограничения* связаны с социальной мобильностью, социально-психологической адаптацией, готовностью к восприятию нововведений в структуре, содержании и механизмах осуществления инновационной стратегии.

Управление человеческим потенциалом современных организаций реализуется в условиях непрерывного внедрения современных цифровых решений, обеспечивающих реализацию функциональных задач работниками, что в полной мере отражает сущность инновационного развития как постоянно воспроизводимого процесса изменений, преобразований, модернизации технико-технологической и организационной структуры предприятия. И обеспечение этого управления предполагает определенную систему разделения труда в соответствии с профессиональными, квалификационными, социально-психологическими

характеристиками персонала. Горизонтальное разделение труда связано со специализацией по функциональному признаку, а вертикальное разделение труда – с организационной структурой управления. По мере повышения уровня должности в иерархической системе повышается значение функций целеполагания, стратегического планирования, организации инноваций. На основе этого принципа все элементы в функциональной системе предприятия условно делятся на две группы – управляющие и управляемые. И именно структура системы определяет характер процесса воздействия управляющей подсистемы на управляемую. Следовательно совершенствование управления в контексте разрешения структурно-функциональных и социально-психологических противоречий могут рассматриваться в трех аспектах:

- совершенствование управленческих процессов – планирования, организации, мотивации, координации, контроля;
- совершенствование организационно-технических процессов – повышение эффективности выполнения рабочего процесса по различным направлениям работ. Это предполагает повышение квалификации исполнителей, технико-технологическое совершенствование процессов, внедрение цифровых решений и создание эффективных партнерств человека и ИИ;
- социальное развитие – в этом случае совершенствуется социальная система предприятия, т.е. управление направлено на изучение и совершенствование социального поведения.

В последнем случае можно говорить о возможности достижения сбалансированности функциональной деятельности работников с ценностно-мотивационными смыслами, определяющими их поведение. Это предполагает ряд трансформаций в системе социального управления.

Результаты

В современных условиях сбалансированность функциональной деятельности работников с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие предполагает создание структуры рабочих мест, которая генерирует заинтересованность работников в процессе и результатах своего труда. Это в некоторой степени отражает изменения в подходе к созданию ценностно-смыслового предложения работодателя, которое является не только набором атрибутов, вызывающих ассоциации у действующих и потенциальных работников, но и системой технологий, формирующих смыслообразующий контекст в организации. Ценностно-смысловое предложение работодателя [4] можно интерпретировать как систему характеристик социального управления в организации, включающую ее уни-

кальные ценности и способы реализации деятельности, и направленную на формирование ожиданий и представлений у действующих и потенциальных работников. В него входят социально-культурные и экономические условия деятельности, формирующие среду социально-трудового взаимодействия в организациях и на предприятиях.

Наиболее важны в современных условиях его социальные составляющие: *характеристики рабочего места* (сложность и масштабность решаемых задач, уровень автономности, значимости для организации, инновационность и др.); *возможности карьерного и профессионального развития; культура и ценности; характеристики коллектива* (уровень профессионализма и квалификации, социально-психологический климат); *условия работы* (высокий уровень гибкости организации рабочего времени, возможность синхронного и асинхронного взаимодействия, гибкая система мотивации и стимулирования).

Качество управленческого труда является основанием перечисленных составляющих ценностно-смыслового предложения. Не случайно, аналитики Gartner [15] в качестве *главных приоритетов 2023 года* в сфере управления персоналом (опрос более 800 руководителей HR в 60 странах) выделяли:

- эффективность лидеров и руководителей (60%);
- организационное проектирование (53%);
- управление опытом сотрудников (47%).

Повышение эффективности лидеров и руководителей в контексте трансформаций внешней среды (цифровые преобразования, экономическая и политическая неопределенность) интерпретировалось через достижение таких целей как:

- обеспечение для себя лично и работников возможностей для безопасного самовыражения;
- проявление заботы о работниках и их уникальных жизненных потребностях;
- управление адаптированными и гибкими рабочими процессами.

Относительно проблем в сфере управления персоналом 2024 года (опрошено 500 HR-руководителей в 40 странах) отмечается ряд проблем, свидетельствующих о несбалансированности функциональной деятельности:

- низкий уровень соблюдения корпоративных стандартов (лишь 26% организаций подтверждают соблюдение работниками требований);
- низкий уровень доверия (только около 50% сотрудников доверяют своей организации), нехватка талантов (отмечается 26% руководителей);
- низкий уровень принятия корпоративной культуры (41% руководителей отмечают нарушение культурной идентификации с компанией ввиду гибридной формы занятости) и ряд других сложностей [16].

Исследования человекоориентированных характеристик управления фиксируют, что социально-трудовые отношения, сложившиеся на предприятиях и в организациях «не имеют целевой определенности, являются тревожно-напряженными», как следствие создают эффекты демотивации профессионального развития персонала, что подтверждается данными исследований [5]:

- неудовлетворённость собственным положением в коллективе (52%);
- неудовлетворенность психологическим климатом и снижением уровня социального самочувствия (32%);
- неудовлетворённость системой оплаты труда, экономическим и моральным стимулированием (64%);
- конфликтность руководства (37%); отсутствие возможности проявления инициативы (44%);
- отсутствие возможности доказать руководству свою профессиональную ценность (40%).

Проведенное нами исследование ценностно-мотивационных смыслов инновационной деятельности на предприятиях полного технологического цикла (N600) выявило, что работники нацелены на инновационные преобразования в профессиональной деятельности, но существенно неудовлетворены возможностью реализации своих инновационных устремлений (рис. 1). Примечательно, что подобная неудовлетворенность в наибольшей степени выражена в группе работников, занимающихся исследованиями и разработками, т.е. непосредственно инновационной деятельностью. Чуть менее интенсивно неудовлетворенность возможностями реализовать свои новаторские амбиции испытывают работники производственных подразделений организации.

На основе представленных данных можно сделать вывод, что имеющийся потенциал работников, их мотивационная устремленность на новаторство находится в резервном состоянии, не востребованы в существующем производственном цикле предприятия.

Еще одним направлением обеспечения сбалансированности функциональной деятельности работников с ценностно-мотивационными смыслами становится *формирование кадрового резерва на основе системной программы формирования преемственности на предприятии*. Программы преемственности направлены на снижение разрыва между требованиями потенциальной будущей функциональной роли работника на предприятии и его личностными и профессионально-квалификационными характеристиками, тем самым обеспечивается *моделирование роста профессиональных компетенций*.

Так, по данным исследования на предприятиях полного технологического цикла (рис. 2), на основе средних ранговых значений значимость смыс-

лов можно рассматривать в следующей последовательности (по степени убывания значимости):

- *профессиональное развитие* (возможности профессионального развития благодаря работе в компании; корпоративная культура, поощряющая профессиональное развитие сотрудников);
- *познание и изучение нового* (возможности корпоративного обучения в компании; возможность посещения профессиональных семинаров, конференций, расширения профессионального кругозора);

- *активная деятельная жизнь* (возможность эмоциональной и интеллектуальной самореализации на работе; динамичность работы, минимум рутинных задач);
- *результативность* (поощрение организацией максимально продуктивных работников; возможность достижения сложных целей и решения нестандартных задач);
- *творчество и инновации* (наличие творческих задач; возможность реализации новых идей в работе).

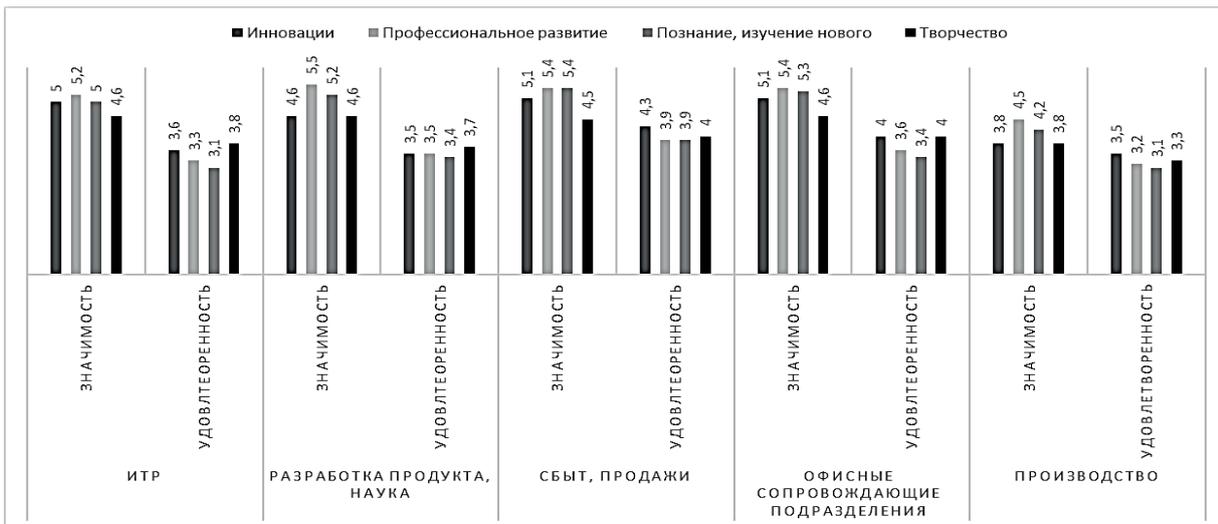
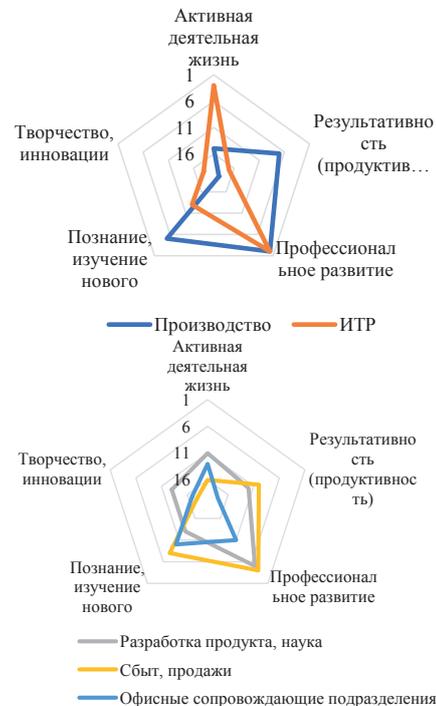

Рис. 1. Оценки работниками значимости ценностно-мотивационных смыслов в деятельности и удовлетворенности их реализацией на текущем месте работы¹

По данным экспертов Гартнер (Gartner), менее 1 из 3 сотрудников знают как продвинуться по карьерной лестнице в течение следующих пяти лет [15], что актуализирует необходимость разработки адаптивных карьерных стратегий, позволяющих совместно с сотрудником определить его дальнейший профессиональный путь соответственно как потребностям предприятий, так и целям, интересам и навыкам работников.

Эти данные подтверждают наличие в организациях и на предприятиях проблемы отсутствия качественного планирования функциональной деятельности работников в будущих периодах.

Стоит отметить значимость планирования преемственности, прежде всего, для критически значимых позиций в организации, в рамках которых качественная подготовка преемников, своевременное построение социальных связей и приобретение необходимого опыта служат условием перехода на новый уровень позиции.

¹ Оценка производилась по 6-балльной шкале, где 1 – наименее значимый смысл, 6 – наиболее значимый, и, соответственно, 1 – наименьшая удовлетворенность возможностью реализовать смысл в деятельности, 6 – наиболее высокая удовлетворенность.

Обсуждение

Несбалансированность на предприятии функциональной деятельности с ценностно-смысловыми приоритетами в условиях современной постиндустриальной экономики, характеризующейся новыми формами занятости (в т.ч. гиг-работники, шеринг персонала, самозанятость), гибкими формами сотрудничества работников и работодателей, приводит к тому, что работники расширяют границы профессиональной деятельности за пределы одного предприятия и модульно конструируют свою трудовую деятельность. Эта тенденция усиливается интеллектуализацией труда при помощи цифровых информационных технологий и переходом от выполнения функциональных рутинных задач к работе над проектами. Тем самым, предприятия и организации оказываются перед выбором частичной утраты человеческого капитала или более гибкого подхода к моделированию рабочих мест. Задачи инновационного развития предполагают проектирование функциональных ролей (создание структур в организации), которые формируют инновационную культуру и инновационное поведение, дают возможность получения уникального профессионального опыта, в том числе за пределами прямой функции работника, т.е. кросс-функционального.

Таким образом, сбалансированность функциональной деятельности с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие предполагает реализацию ряда социальных технологий:

- определение в структуре управления зон инновационного развития и внедрение программ, направленных на управление ценностно-смысловыми барьерами инновационного развития, существующими в области функциональной деятельности. К барьерам могут относиться: не развивающие рутинные функции, не позволяющие реализовать потенциал; узкая специализация и невозможность выхода за границы своей функции; управленческие барьеры, не допускающие инновационные идеи до этапа реализации в производственной деятельности; низкая квалификация руководителей и исполнителей; сопротивление работников инновационным преобразованием и использование устаревших технологий и др.;
- управление функциональным содержанием труда, направленное на повышение автономии работников, снижение доли шаблонных задач, постановку достижимых целей с учетом квалификации и компетентности работников, возможностей самостоятельного контроля результатов деятельности, предоставление конструктивной обратной связи работникам. К этой группе мероприятий относится проектирование функциональных ролей, которые формируют инновационную культуру и инновационное поведение,

дают возможность получения уникального и нестандартного профессионального опыта, в том числе за пределами прямой функции работника, т.е. кросс-функционального. Тем самым реализуется обеспечение содержательности, привлекательности труда и мотивирование роста профессиональных компетенций при условии учета результатов социально-психологической и профессионально-квалификационной диагностики работников;

- применение технологий целеполагания, конструктивная постановка целей деятельности, обеспечивающих чувство цели, и определение выполняемых задач, которое имеет важное значение в построении смысла работы не только в контексте результатов деятельности, но и вследствие ценностно-смысловой согласованности содержания деятельности – управление по целям. При постановке целей необходим фокус руководителей на том, какие смыслы та или иная задача (или функция) позволяет реализовать человеку-работнику – возможность расширения социальных связей, возможность профессионального роста, создание ощущения принадлежности к группе, достижение общественного признания и т.д.;
- формирование осознания у работников значимости труда, осмысленности деятельности на основе опыта личной компетентности и возможности влияния на конечные результаты. Решению этой задачи служит смещение акцента от выполнения отдельных производственных функций к процессу создания продукта или услуги в целом, создание проектных команд, привлечение работников к принятию решений и возможность выразить свое отношение к нововведениям. Как следствие, формирование самоуважения работника, чувства успеха и уверенности в своей возможности решения более сложных и значимых для организации задач, более полного использования своего творческого потенциала;
- применение технологий моделирования развития профессиональных компетенций работников предприятий для управления несоответствием между требованиями потенциальной будущей функциональной роли работника на предприятии и его профессионально-квалификационными характеристиками (индивидуальные планы развития, программы преемственности, формирования кадрового резерва, оценки и развития). Формирование культуры непрерывного обучения, т.е. предоставление работникам возможностей учиться и расти – как на рабочем месте в процессе выполнения все более сложных и нестандартных задач, так и у наставников или на формальных программах обучения вне работы. В среде постоянно устаревающих навыков и знаний

- эти меры не только обеспечивают развитие ценностно-мотивационных смыслов инновационной деятельности, но и создают более широкую специализацию и взаимозаменяемость работников;
- развитие социально-гражданственного поведения по отношению к организации, т.е. создание поддерживающей и развивающей организационной среды, предполагающей конструирование социальной идентичности, восприятие принадлежности к ценностям, традициям, символам, целям деятельности определенной социальной группы. Согласно теории социальной идентичности, идентификация предполагает, что индивид воспринимает себя как психологически связанного с судьбой группы [13]. По мере усиления идентификации работники организации склонны придерживаться и вести себя в соответствии с организационными нормами и ценностями. Преимущество сильной организационной идентичности состоит в том, что работники, разделяющие организационные ценности, лояльные к бренду, добровольно демонстрируют в поведении «экстраролевые модели», которые не регламентированы в перечне должностных обязанностей или правилах внутреннего трудового распорядка. Эти модели поведения не вознаграждаются организацией дополнительно и не санкционируются, а опосредуются внутренней мотивацией личности. Организационно-гражданственное поведение – это активное участие сотрудника в жизни организации, ориентацию на организационные интересы [1]. Примерами могут послужить – приложение дополнительного усилия на работе, добровольное выполнение дополнительных заданий, готовность оставаться в организации, несмотря на ее временные трудности. Следовательно, даже в процессе внедрения инноваций, существенных трансформаций сложившихся социальных практик, человек-работник, демонстрирующий экстраролевое поведение сохраняет лояльность организации;
 - управление ожиданиями в области внедрения инноваций, помощь в освоении обновленных функциональных ролей в процессе профессиональной и межпрофессиональной коммуникации. Большая часть профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций в ходе внедрения инноваций обеспечивается на уровне проектных команд, в которых иерархическое статусно-ролевое взаимодействие заменяется отношениями открытости, доверия, равенства в процессе реализации функциональных задач. Значимость коммуникаций объясняется тем, что в процессе коллективной деятельности работники интерпретируют сигналы, получаемые от руководителя, коллег, партнеров, клиентов, что также оказывает влияние на субъективное восприятие смысла своей деятельности и, следовательно, управление ожиданиями, предупреждение сопротивления или опасений;
 - внедрение системы оценки результатов деятельности, включающей не только показатели производительности труда (ключевые показатели эффективности), но и оценку поведения работников, а именно, соответствие поведения принятым моделям, в т.ч. относительно развития инноваций: открытость изменениям в своей деятельности, способность к критическому взгляду на сложившиеся практики, поиск более эффективных и нестандартных способов решения привычных задач;
 - фокусирование внимания руководителей на человекоориентированности в управлении – отношение к личности работника как носителю и реализатору смыслов в деятельности, а не только исполнителю функциональных задач в определенной области, т.е. непрерывное управление опытом работников во взаимодействии с организацией, моделирование этого опыта. Традиционно, в социально-трудовой среде внимание руководителей направлено на производительность и эффективность в ущерб социальному самочувствию работников. Вместе с тем, фокус внимания на уникальном опыте взаимодействия с организацией, который ориентирован на человека и соответствующее проектирование рабочих мест, учитывающих смыслы деятельности, создают предпосылки большей вовлеченности, качества и эффективности труда. Моделирование пути работника в организации – это метод, который позволяет лучше понять опыт взаимодействия работников с организацией, наблюдая за реакциями и чувствами, вызываемыми на всех этапах этого взаимодействия, так называемого путешествия, а также выявляя проблемы во взаимодействиях. Для исследования и характеристики взаимодействия работника и поиска важных и критичных точек соприкосновения с организацией, воздействующих на его ценностно-мотивационные смыслы деятельности могут применяться методы:
 - проведение опросов работников по поводу их видения идеальной картины пути сотрудника, сложных и критически важных точках контакта, вовлеченности, лояльности, анализ удовлетворенности,
 - проведение фокус-групп с работниками,
 - проведение интервью с кандидатами на вакансии,
 - проведение exit-интервью с увольняющимися работниками и обобщение данных,
 - изучение опыта других компаний, работающих в схожих отраслях,
 - осуществление непосредственного наблюдения (включенное наблюдение) за деятельно-

- стью работников, выявление неотработанных процедур, проблемных зон,
- проведение глубинных интервью с руководителями, специалистами по управлению персоналом,
- контент-анализ открытых источников, в которых отражены типичные проблемы в процессах управления персоналом в организации (сайты с отзывами сотрудников),
- применение метода тайного соискателя для анализа данных о конкурентах,
- анализ результатов кадрового аудита.

Выводы

Применение анализа и инновационных социальных технологий позволит более очевидно увидеть ограничивающие факторы, сложности, с которыми сталкивается работник в связи с несбалансированностью функциональной деятельности. Подобное моделирование фокусирует внимание на личности работника, эмоциях и чувствах, которые он испытывает в процессе взаимодействия с организацией, открывает возможности для анализа смыслов деятельности и возможностей их реализации в процессе выполнения функциональных задач. Перечисленные направления мероприятий раскрывают сущность ценностно-смыслового сопровождения инновационной деятельности, предполагающего постоянно возобновляющийся процесс управления сбалансированностью функциональной деятельности работников с ориентацией ценностно-мотивационных смыслов на инновационное развитие.

Литература

1. Баринов Д.А. Организационно-гражданское поведение сотрудников в управлении организацией. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2011.
2. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности. – URL: <http://test-metod.ru/index.php/stati/138-smyslovaya-sfera-lichnosti-b-s-bratus> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. А.Филиппова // Социологическое обозрение. Т. 7. № 2. 2008. С. 89–127.
4. Вельмисова Д.В. Ценностно-смысловое предложение работодателя в системе человекоориентированного управления // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2023. № 4. С. 55–61. DOI 10.24412/1994–3776–2023–4–55–61.
5. Потемкин В.К. Человекоориентированное управление предприятиями: от эмпирических оценок к системной работе // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2023. № 2. С. 6–11. DOI 10.24412/1994–3776–2023–2–6–11.
6. Потемкин В.К., Потемкин М.С. Социальные индикаторы инновационного проектирования в деятельности современных предприятий // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2024. № 2. С. 22–28. DOI 10.24412/1994–3776–2024–2–22–28.
7. Потемкин В. К., Парсаданян С.А. Новая социальная реальность в организации инновационной деятельности в коллективе современных предприятий // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2024. № 1(13). С. 6–12. DOI 10.24412/1994–3776–2024–1–6–12.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2004.
9. Управление персоналом / под ред. В.К. Потемкина. – СПб.: РАЕН, 2002. – 669 с.
10. Фитц-енц Ж., Девисон Б. Как измерить HR-менеджмент / пер. с англ. И.Ю. Ищенко. – М.: Изд-во ГИППО, 2009. – 349 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла: Библиотека зарубежной психологии. – М.: Книга по требованию, 2012.
12. Яницкий М. С., Серый А.В., Пелех Ю.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1 (46). С. 175–186.
13. Ashforth B.E., Mael F.A. Organizational identity and strategy as a context for the individual // *Advances in strategic management* / Eds. J.A.C. Baum, J.E. Dutton. – Greenwich, CT: JAI, 1996. Vol. 13. P. 17–62. ISBN: 0–7623–0010–8
14. Rosso B. D., Dekas K.H., Wrzesniewski A. On the meaning of work: A theoretical integration and review // *Research in Organizational Behavior*, 2010. 30. P. 91–127. DOI:10.1016/j.riob.2010.09.001
15. Top 5 Priorities for HR Leaders in 2023. Actionable and objective advice to tackle top HR challenges. Gartner for HR. 2022. – URL: <https://www.gartner.co.uk/en/human-resources/trends/top-priorities-for-hr-leaders> (дата обращения: 01.10.2024).
16. Wellbeing Diagnostic. Willis Towers Watson. – URL: <https://www.wtwco.com/en-id/solutions/products/wellbeing-diagnostic> (дата обращения: 01.10.2024).

BALANCE OF FUNCTIONAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES WITH THE ORIENTATION OF VALUE-MOTIVATIONAL MEANINGS ON INNOVATIVE DEVELOPMENT

Velmisova D.V.
Saint Petersburg State University of Economics

Human resource management in modern organizations is implemented in the context of continuous implementation of modern digital solutions that ensure the implementation of functional tasks by employees. In the context of innovative development, social management is transformed, new types of organizational structures emerge, innovative social technologies are developed, the social type of an employee is transformed, including his value-motivational meanings. Ensuring social management in the new conditions presupposes a certain system of division of labor in the organization in accordance with the professional, qualification, socio-psychological characteristics of the personnel. Moreover, the basis for the successful functioning of different types of organizational and functional structures is, on the one hand, the presence of certain knowledge, skills, abilities, motivation, value-motivational meanings among employees, and on the other hand, the creation of an environment in the organization and at the enterprise in which they can be realized. Therefore, limitations of innovative development also arise: structural-functional and socio-psychological, which are discussed in detail by the author of the article. Based on the study of value-motivational meanings of innovative activity at enterprises with a full technological cycle (N600), the employees' desire to participate in innovative transformations in their professional activities was revealed, but at the same time, they are dissatisfied with the possibility of realizing their innovative aspirations. In this context, one of the key tasks is to create a structure of workplaces that generates employees' interest in the process and results of their work, and to form a meaning-forming context in the organization. The author proposes an interpretation of social technologies aimed at achieving a balance in the functional activities of employees with the orientation of value-motivational meanings toward innovative development.

Keywords: innovative development, employees of organizations and enterprises, social technologies, functional balance, value-motivational meanings.

References

1. Barinov D.A. Organizational and civil behavior of employees in organization management. Abstract of diss. ... Cand. Sociological Sciences. Moscow, 2011.
2. Bratus B.S. Semantic sphere of personality. – URL: <http://test-metod.ru/index.php/stati/138-smyslovaya-sfera-lichnosti-b-s-bratus> (date of access: 10.10.2024).
3. Weber M. Basic sociological concepts / trans. A. Filippov // Sociological Review. Vol. 7. No. 2. 2008. Pp. 89–127.
4. Velmisova D.V. Value-semantic proposition of the employer in the system of human-oriented management // Russian scientific journal "Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research". 2023. No. 4. P. 55–61. DOI 10.24412/1994–3776–2023–4–55–61.
5. Potemkin V.K. Human-oriented management of enterprises: from empirical assessments to systemic work // Russian scientific journal "Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research". 2023. No. 2. P. 6–11. DOI 10.24412/1994–3776–2023–2–6–11.
6. Potemkin V.K., Potemkin M.S. Social indicators of innovative design in the activities of modern enterprises // Russian scientific journal "Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research". 2024. No. 2. P. 22–28. DOI 10.24412/1994–3776–2024–2–22–28.
7. Potemkin V.K., Parsadanyan S.A. New social reality in the organization of innovative activities in the team of modern enterprises // Russian scientific journal "Telescope: journal of sociological and marketing research". 2024. No. 1 (13). P. 6–12. DOI 10.24412/1994–3776–2024–1–6–12.
8. Toffler E. The third wave. – Moscow: OOO "Firma "Publishing house AST", 2004.
9. Personnel management / edited by V.K. Potemkin. – St. Petersburg: RAEN, 2002. – 669 p.
10. Fitz-enz J., Davison B. How to measure HR management / trans. from English by I. Yu. Ishchenko. – Moscow: GIPPO Publishing House, 2009. – 349 p.
11. Frankl V. Man in Search of Meaning: Library of Foreign Psychology. – Moscow: Book on Demand, 2012.
12. Yanitsky M.S., Seryy A.V., Pelekh Yu.V. Value-semantic paradigm as the basis of post-non-classical educational psychology // Philosophy of Education. 2013. No. 1 (46). P. 175–186.
13. Ashforth B.E., Mael F.A. Organizational identity and strategy as a context for the individual // Advances in strategic management / Eds. J.A.C. Baum, J.E. Dutton. – Greenwich, CT: JAI, 1996. Vol. 13. P. 17–62. ISBN: 0–7623–0010–8
14. Rosso B. D., Dekas K.H., Wrzesniewski A. On the meaning of work: A theoretical integration and review // Research in Organizational Behavior, 2010. 30. P. 91–127. DOI:10.1016/j.riob.2010.09.001
15. Top 5 Priorities for HR Leaders in 2023. Actionable and objective advice to tackle top HR challenges. Gartner for HR. 2022. – URL: <https://www.gartner.co.uk/en/human-resources/trends/top-priorities-for-hr-leaders> (access date: 10/01/2024).
16. Wellbeing Diagnostic. Willis Towers Watson. – URL: <https://www.wtwco.com/en-id/solutions/products/wellbeing-diagnostic> (Accessed: 01.10.2024).

Что не так с KPI? Эффективна ли такая мотивационная стратегия для сотрудников? Административные и психологические аспекты в использовании KPI-подхода

Даценко Сергей Витальевич,

старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

Сегодня большую популярность приобрело установление так называемых ключевых показателей эффективности, или KPI (Key Performance Indicators), которые во многих компаниях используются для определения результативности сотрудника или его вклада в общее дело.

Почему данный метод оценки зачастую не работает или неэффективен, особенно в средней и долгосрочной перспективе? Почему эти показатели становятся формальными и к реальному улучшению работы предприятия, увеличению продаж или повышению качества работы не приводят? Либо работают незначительный промежуток времени и становятся снова неактуальными, не мотивирующими для сотрудников и не приносящими пользы для организации в целом? На эти вопросы автор отвечает в данной статье. Цель работы – осветить трудности работы с KPI как с мотивационной стратегией с точки зрения административных и психологических аспектов.

Ключевые слова: мотивация, KPI, ключевые показатели эффективности.

История вопроса

Сложности с пониманием и внедрением термина KPI в русскоязычной среде связаны с неточностью перевода и неверной трактовкой понятия. Е.В. Горшенина отмечает, что «KPI разрабатываются для оценки реализации стратегии и принятия управленческих решений, но могут использоваться и для построения системы мотивации персонала на базе KPI при соблюдении ряда условий». В статье «KPI и мотивация персонала» автор рассматривает историю появления понятия, которая даёт верное понимание его назначения. Она отмечает, что ввёл понятие «Питер Фердинанд Друкер (1909–2005) – один из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX века. Именно Питер Друкер в 1954 году выдвинул концепцию управления по целям (Management by Objectives – MBO)». На дальнейшее внедрение и развитие KPI по всему миру повлияли труды Роберта Каплана и Дэвида Нортон. «Они разработали сбалансированную систему показателей (BSC), которая включает в себя финансовые и нефинансовые перспективы (составляющие). KPI – это звено между концепцией BSC и практикой её внедрения в конкретной организации. За короткое время BSC получила распространение более чем в 50% американских компаний, а затем завоевала и остальной мир».

Наиболее точным переводом KPI автор считает «ключевые показатели деятельности (key performance indicators)». На взгляд Е.В. Горшениной, каждая организация, внедряющая KPI, должна определить, какие группы показателей будут входить в него. Универсальным представляется следующий вариант с дополнительным внедрением неключевых показателей:

- «1) KPI – ключевые показатели деятельности (key performance indicators):
- KWI – ключевые решающие показатели (key winning indicators),
 - KRI – ключевые показатели результативности (key result indicators),
 - KEI – ключевые показатели эффективности (key efficiency indicators),
- 2) PI – неключевые показатели деятельности (performance indicators)».

Для формирования мотивации Е.В. Горшенина рекомендует использовать KRI, KEI и PI. [1]

Руденко Л.Г., Дегтярь Н.П. считают более корректным перевод на русский язык понятия Key Performance Indicators «ключевые показатели исполнения» (поставленных целей и задач). Под ними подразумевается система оценки уровня достижения стратегических целей предприятия путем отслеживания выполнения набора важнейших измеримых показателей, которые позволяют судить о том, приближается ли компания к поставленным целям, а если нет, то, что или кто этому препятствует. [2, с. 51]

Перевод термина KPI как «ключевых показателей исполнения», представленный Руденко Л.Г. и Дегтярь Н.П., видится автору статьи наиболее корректным. Так как, если мы говорим о показателях эффективности отдельных сотрудников или подразделений, которые выполняют свои KPI, можем столкнуться с тем, что общая эффективность компании не будет достигнута. И это парадокс и одна из действительных проблем организации.

Если мы говорим про ключевые показатели эффективности, то понимаем, что эффективность – это математически измеряемый процесс. Конечная эффективность любой организации – получение прибыли. И абсолютно точно деятельность огромного количества сотрудников в организации не может быть рассмотрена только как эффективность.

Например, отдел качества, задача которого – не пропустить ни одного бракованного изделия, своей деятельностью, выявляя эти бракованные изделия или изделия, не соответствующие качеству, с точки зрения эффективности ухудшает показатели предприятия, он не даёт продать то, что не соответствует установленному стандарту, а это всегда ведёт к дополнительным затратам. И вряд ли уместно говорить, что выявляемые ими бракованные или некондиционные изделия ведут к повышению эффективности. Они ведут к повышению имиджа компании как компании, продающей исключительно кондиционные и высококачественные товары. Они ведут к повышению репутации, ведут в целом к повышению клиентоориентированности, но вряд ли ведут к повышению эффективности с точки зрения бухгалтерского учёта и математической модели.

Таких примеров можно привести много, поэтому уместнее и корректнее говорить о ключевых показателях исполнения. Потому что отдельные подразделения не приносят эффективности, не могут и не должны её приносить своей деятельностью.

Практика использования системы KPI в России

В статье 2014 года И.И. Родин отмечает положительные результаты от введения системы KPI в масштабных проектах:

«Благодаря введению KPI такая компания-гигант, как ОАО «Газпром», повысила долю ин-

новационных технологий в работе, увеличила финансирование научной исследовательской работы, улучшила условия труда, повысила технику безопасности, сократила выбросы вредных веществ в атмосферу и т.д. Все благодаря тому, что они смогли найти количественные показатели для качественной оценки работы компании, нашли целевые показатели, на которые теперь ориентируются и к которым стремятся, планируя сворю деятельность и составляя бюджет компании.

Благодаря введению KPI органы исполнительной власти и высшие должностные лица субъектов Российской Федерации смогли начать работу по улучшению инвестиционного климата в пилотных регионах, разработали программы и направления деятельности для дальнейшего улучшения и развития. После апробации в 6 пилотных регионах программы по улучшению инвестиционного климата в регионах России, включающей систему KPI, к программе присоединились и другие регионы» [3, с. 122].

Е.В. Козлова также отмечает, что в России наиболее часто системы оценки ключевых показателей эффективности внедряют на крупных предприятиях. Опираясь на результаты исследования 2015 года, автор отмечает, что такие системы работают для большинства категорий сотрудников в 46% компаний с численностью работников свыше 5000 чел. и лишь в 15% с численностью менее 50 чел. [4, с. 169].

Согласно данным, представленным в сети Интернет, на момент 2022 года на систему KPI также перевели топ-менеджеров госкомпаний или компаний с госучастием: 117 организаций, в том числе ВЭБ, РЖД, «Русгидро», «Почта России», Россельхозбанк, «Дом.РФ», «Россети» [5].

Также, по данным РБК за 2024 год, власти усилили контроль за KPI в выкупленных у иностранцев компаниях. Профильные ведомства запрашивают информацию о выполнении KPI у новых собственников. Конкретных мер за невыполнение показателей, определённых при согласовании сделки, пока не предусмотрено, но, по мнению юристов, это может привести к расторжению сделок [6].

Данные факты указывают на то, что крупные коммерческие и государственные компании говорят на языке KPI. И тема является актуальной.

Достоинства KPI-подхода и трудности в реализации

Е.В. Козлова отмечает, что среди основных проблем, с которыми сталкиваются российские и зарубежные компании в процессе внедрения систем ключевых показателей эффективности, можно выделить отсутствие единой четкой методики и сложность разработки системы показателей, а также проблемы при попытке разбить стратегические цели

компании на мелкие задачи для отдельно взятых сотрудников [4, с. 169].

Фролова А.Д., Жуйков Д.М., Шкунова А.А., Жулькова Ю.Н. к достоинствам КРІ относят то, что:

- система постоянно держит своих сотрудников в «тонусе», поскольку предусматривает четко выполненную работу и саморазвитие для получения индивидуальных достижений;
- позволяет объективно оценить проделанную сотрудником работу.

К минусам – негативное влияние на командную работу: если один сотрудник / одно из подразделений компании не выполнили свои обязанности в срок, то все сотрудники этого/другого подразделения могут потерять часть денежного вознаграждения [7, с. 129–130].

Т.Ю. Синюк, Л.Н. Дрыгин отмечают, что специфика КРІ заключается в том, что унифицированного набора показателей, обеспечивающего наполнение, расчет и оценку деятельности персонала, не существует, что требует детальной проработки системы оценки и модели оценки в каждом отдельно взятом случае. Исследователи придерживаются мнения, что КРІ следует устанавливать даже для компаний малого и среднего масштаба, также отмечают, что уникальность реализуемого компанией продукта не имеет значение, то есть придерживаются мнения об универсальности системы ключевых показателей, которая должна выстраиваться индивидуально под каждый проект [8, с. 301].

Акопян С.А. указывает на гибкость системы КРІ и ссылается на Парментера: «КРІ могут быть применены и в некоммерческих организациях, о чем свидетельствует его работа «Key Performance Indicators for Government and Non Profit Agencies»» [9, с. 61].

Он также указывает на преимущество системы КРІ, которое обусловлено тем, что она наделяет компанию ценным информационным потоком, не только включающим в себя степень отклонения от таргетированных показателей, но и показывающим отдел компании, где произошло это отклонение. Исследователь считает, что система подходит для внедрения как в крупный, так и в мелкий бизнес. К проблемам реализации автор относит: избыточное число КРІ (когда их слишком много, сложно уследить за выполнением всех показателей); субъективность; ситуации, когда КРІ, прикрепленный к сотруднику, не соответствует его сфере деятельности [9, с. 65].

Н.В. Захаров отмечает, что система КРІ обеспечивает снижение уровня влияния человеческого фактора на процесс управления, что в конечном счете способствует повышению эффективности процесса [10, с. 375].

Большакова Е.М. отмечает, что КРІ часто используются для оценки деятельности, которую трудно измерить параметрическими зависимостями.

Если ключевые показатели являются необъективными или не соответствуют специфике деятельности предприятия, они не способны адекватно выполнять свои функции [11, с. 413].

Нестеренко П.Е., Кожанов Н.Т. справедливо отмечают, что, прежде чем внедрять систему КРІ на предприятие, следует оценить те трудности, с которыми может столкнуться организация [12, с. 265].

Исследователи Н.В. Болдырева, Я.М. Тихонова, Е. Мишунина, Б.А. Храмцов отмечают, что «система КРІ действенна для сотрудников, результат работы которых в большей степени влияет на финансово-экономические показатели организации. Например, в торговых фирмах это в основном топ-менеджеры и менеджеры по продажам, в рекрутинговых конторах – консультанты по подбору персонала» [13, с. 54].

Приведённые выше мнения указывают на то, что единого взгляда на применение КРІ не существует. Можно отметить, что плюсов у этой системы столько же, сколько и минусов.

Автор данной статьи критически относится к КРІ-подходу. Поэтому считает важным и актуальным указать **ошибки в использовании** данной стратегии как мотивационной с точки зрения административных и психологических аспектов.

1. Постановка КРІ исходя из целей конкретного подразделения без оглядки на общий процесс. Зачастую мы имеем дело с ситуацией, когда цель в компании общая – чтобы предприятие зарабатывало деньги, а задачи у всех подразделений разные. Поэтому постановка КРІ для одного отдела может вступать в противоречие с КРІ других отделов. Чем больше компания, тем сложнее согласовать изменения, хотя все нацелены на развитие организации.

У разных отделов предприятия различные задачи: у отдела продаж – повышение продаж, рост прибыли; у производственников – качество; у логистов – отгрузка определённого числа продукции в месяц, например, 10 машин; у отдела по охране труда – соблюдение нормативов рабочего времени: не более 8 часов в день.

Когда поступает предложение продать больше товара в новом месяце, все отделы должны отработать больший объём задач: произвести больше товара с сохранением того же уровня качества; отгрузить больше машин, что может привести к невыполнению плана в этом месяце и невыполнению в следующем, так как отгрузка осуществляется в определённом ритме; отработать больше часов, таким образом сотрудники превысят норму 8-часового рабочего дня, что будет нарушением законодательства. Отдел продаж выполнит показатели, но другие подразделения столкнутся с проблемами. Увеличивающееся КРІ одного отдела должно адекватно соотноситься с КРІ других.

2. Несоответствие финансовых/нефинансовых поощрений и произведённых трудозатрат. Увеличение KPI должно в равной степени соотноситься с повышением монетарной и немонетарной мотивации. Если KPI повышается на 15%, то и поощрение должно увеличиться соответственно вкладу сотрудника. В обратном случае сотрудники демотивированы. Нужно учесть, что это может входить в противоречие с KPI служб HR, служб по работе с персоналом, где ключевым показателем зачастую является сокращение фонда оплаты труда и оптимизация – сокращение общей численности персонала, работающего в организации.
3. Оценка работы сотрудников только через показатели эффективности. Бывают ситуации, когда значимый KPI может быть сорван из-за необходимости неоднократно вносить изменения в процесс производства, из-за ошибок во временных расчётах доставки, недостаточной информированности, внешних обстоятельств и форс-мажоров.

Пример.

Одно подразделение компании в лице заказчика, производственной площадки, заказывает крупногабаритное оборудование. Другое подразделение в силу должностных обязанностей и проведённой предварительной работы должно доставить крупнотоннажное оборудование в течение 6 месяцев. При этом в KPI у второго подразделения, которое занимается доставкой оборудования, стоит «100% доставленных изделий для нужд производства в срок».

Данная задача не реализована по различным причинам. Часто они зависят не от предприятия, а от монополистов доставки – в данном случае им может выступить ОАО «РЖД».

Оценивать невыполнение данной задачи с точки зрения наличия монопольного положения на рынке РЖД крайне затруднительно. При этом можно предположить, что все имеющиеся ресурсы, все доступные способы, все свои знания и компетенции подразделение, занимающееся доставкой, в данном вопросе использовало и применило должным образом. Но вопрос нереализации данной задачи может находиться в плоскости зон ответственности заказчика, площадки, куда осуществляли доставку. И провести оценку причин невыполнения зачастую крайне сложно.

С одной стороны, можно предположить, что при работе с монополистом подразделение использовало все свои знания, навыки и вовремя выполнило свою работу, а с другой стороны, можно подумать, что было уделено недостаточное внимание этому вопросу. Это находится в зоне субъективной оценки. Можно предположить, что несвоевременность данной поставки обусловлена различными причинами со стороны заказчика, а можно трактовать это недостаточной активностью во взаи-

модействиях с заказчиком со стороны подразделения, которое отвечает за доставку. Таким образом, слишком велика субъективность в оценке данного фактора.

И от обратного: данное оборудование может быть абсолютно не нужно на заводе-заказчике, потому что площадка не готова к приёмке этого оборудования, но подразделение, отвечающее за своевременную доставку, стремясь выполнить свой KPI, привозит его, руководствуясь желанием выполнить свои показатели эффективности без учёта специфики ситуации в подразделении-заказчике, которое не готово к приёмке, и поставка данного товара повлечёт значительные затраты, связанные с обеспечением мест дополнительного хранения, привлечением дополнительной погрузочно-разгрузочной техники, специальными условиями хранения. Формально подразделение, отвечающее за доставку, доставит все заказанные товары и выполнит все свои задачи в срок. Но тем не менее это будет в общих целях компании неэффективно.

4. Подход к установке KPI для сотрудников исключительно исходя из их функциональных обязанностей. Например, если это продавец, то в его функциональных обязанностях прописано, что он отвечает за объём продаж. Некорректно устанавливать для него KPI исключительно из объёма продаж.

Если человек занимается продажами, он должен достичь результата по количеству продаж, если он заключает договоры, то подписать определённое количество контрактов. Например, за месяц менеджер по продажам должен реализовать 60 смартфонов, специалист банка – проконсультировать 100 человек по кредитным продуктам и заключить 50 договоров.

При этом не учитываются психологические и другие особенности человека.

На взгляд автора статьи, невозможно сделать всех одинаково хорошими или одинаково эффективными в продажах. Усреднённые показатели не помогут нам продавать лучше.

Если мы представим себе магазин, где торгуют ювелирными украшениями или предметами роскоши, то увидим, что в одной части помещения продают недорогие украшения/предметы, а в другой части салона – более дорогие или редкие товары. Модель поведения продавцов и способы продаж, объём выручки и, соответственно, количество продаж продавцов, работающих на среднем сегменте цен и на высоком, в таком случае очевидно, модель поведения продавцов и способов продаж, объём выручки и, соответственно, количество продаж, «работающих» на среднем сегменте цен и на высоком, в таком случае очевидно должны быть разные.

Нужно учитывать психологические особенности сотрудников, применимость их навыков в уз-

ком сегменте деятельности в конкретном подразделении.

Если мы сумеем найти сотрудника, который будет стоять за прилавком, где продают недорогие украшения, но его модель поведения будет побуждать людей купить из более дорогого сегмента, то выиграем в разы. В равной степени это можно отнести и к продавцу в автомобильном салоне, который, играя на самолюбии, чувствах, слабостях, амбициях и гордыне покупателя, будет вынуждать покупателя «уходить» в более дорогой сегмент в том же отделе или в соседний более дорогой отдел, где он покажет уникальность этого покупателя и скажет: «Ну вам точно не сюда!», «Вам, определённо, нужно в этот отдел!» Насколько можно установить вот такой показатель эффективности, при котором сотрудник будет способствовать повышению продаж в другом сегменте. Точно так же, как различные производители автомобилей, марок часов позиционируют изготовление и продажу товаров различных ценовых ниш. Искусство здесь в том, чтобы перевести покупателя из одной ниши в другую.

Как в таком случае можно сравнивать этих двух продавцов: из «недорогого» отдела и отдела категории люкс?

Если KPI для них будет сделан пропорционально выручке, то это, скорее, демотивирует того, кто мог бы направлять из одного сегмента в другой и давать компании большую выручку и прибыль в другом сегменте.

5. KPI обезличивает людей. Процентка или конкретная установленная цифра имеет математическое начало, которое в определённой степени лишает человека творчества.

Когда работа или вклад сотрудника измеряются процентами либо цифрами, у многих это вызывает удовольствие только до определённого момента. Через некоторое время люди начинают пытаться соответствовать математической модели. Это точно не ведёт к развитию человека как личности, к формированию у него нестандартных подходов к реализации идей. Даже если мы говорим о профессии продавца и покупателя, ограничение человека процентами и цифрами хорошо в том случае, если он способен превратить такую мотивацию в свою собственную увлекательную игру.

6. Постановка задач через KPI приведёт человека, склонного к активному творческому процессу, скорее к стрессу, чем к достижению нужного результата.

7. Зацикленность на выполнении KPI может привести к агрессивным продажам, цель которых – продать любой ценой, к реализации некачественного товара или продукта, который не до конца соответствует длительным ожиданиям потребителя.

Складывается ситуация, при которой отдел, отвечающий за продажу, может руководствоваться

своими показателями эффективности, устанавливающими максимальный объём продаж, заключает сделки, которые в действительности невозможно будет исполнить производственным подразделениям, тем, кто непосредственно производит/выпускает данную продукцию. Либо осуществить продажу по такой цене, которая не будет учитывать все возможные риски, связанные с изготовлением и поставкой данного товара. И здесь крайне субъективно отношение подразделения, имеющего в KPI объём продаж, что же происходит на самом деле: недооценка объективных возможностей или преследование личных целей и выполнение KPI для себя. Здесь зачастую во всей яркости проявляется посыл, что задачи компании общие, а цели разные. Это один из тех примеров, когда стремление выполнить исключительно свой показатель приводит к крайне высоким негативным последствиям для компании в целом, связанным с невозможностью своевременного обеспечения обязательства либо с необходимостью осуществить продажу по цене, которая окажется ниже себестоимости (затрат, понесённых в связи с изготовлением заказа для конкретного покупателя).

В итоге товар продан, но мы упустили долгосрочного клиента – того, кто будет возвращаться и радоваться покупке. Возвращаться клиент будет к продавцу, с которым выстроена хорошая доверительная коммуникация, основанная на качестве товара и клиентоориентированности продавца. Желание продать быстрее/больше в погоне за показателями может играть против бизнеса.

Необходимо построить такие отношения между подразделениями компании с внешним контуром, которые вели бы в конечном счёте к высокой эффективности организации в целом, и друг с другом, где каждый, выполняя свои KPI, должен понимать чёткую взаимосвязь с KPI других подразделений. Сегодня одной из проблем является то, что подразделения сами себе устанавливают показатели эффективности либо они устанавливаются в отрыве от KPI других подразделений. Представляется крайне положительным опыт некоторых компаний, в которых обязательным является установление нескольких показателей эффективности для конкретного подразделения подразделениями, с которыми они наиболее часто взаимодействуют. Это безусловно не решает глобально всех проблем, но минимизирует риски, связанные с построением системы ключевых показателей эффективности, которые находятся в «разобранном» виде по отношению к другим подразделениям.

Агрессивные продажи не всегда приводят к тому эффекту, который мы желаем, если говорим о долгосрочном бизнесе, долгосрочных вложениях в формирование постоянного пула покупателей и долгосрочное развитие бизнеса.

Выводы

KPI каждого подразделения должны быть очень хорошо встроены, консолидированы с ключевыми показателями других подразделений. Несколько из них в обязательном порядке должны устанавливаться для подразделения теми подразделениями, с которыми они чаще всего взаимодействуют.

Сегодня стремительность изменений такова, что сами по себе ключевые показатели эффективности могут вступить в противоречие с целями и ценностями, декларируемыми компанией, поскольку сейчас зачастую именно устойчивость работы предприятия является основополагающей целью, а не достижение максимальной прибыли. Сегодня в приоритете – достижение вообще возможности реализации деятельности компании в целом, то есть сохранение её положительного платёжного баланса, устойчивости на рынке, кадров, производственных возможностей, выпуска товара, характерного для данного предприятия. Эти вызовы и эти задачи могут превалировать над объёмом выручки, прибыли, доходности предприятия. Вес этих показателей слишком быстро меняется: одни из предпочтительных становятся вторичными и наоборот.

Если менять показатели слишком часто, то для сотрудников предприятия становятся непонятными цель и ценность этой компании. А если их не менять вообще, то это может привести к самым негативным последствиям вплоть до прекращения деятельности и банкротства предприятия.

Использование KPI-подхода для оценки результативности может быть эффективно только в случае грамотного переноса методики на конкретное предприятие и внедрения данной системы в соответствии с целями и особенностями бизнес-процессов организации, ориентации на психологию отдельно взятого сотрудника с учётом возможных отклонений в работе. Но KPI как отдельно взятая мотивационная стратегия в длительном промежутке времени представляется скорее неэффективной, требующей постоянного пересмотра, что приводит к определённому хаосу в организации.

Литература

1. Е.В. Горшенина KPI и мотивация персонала. Экономические исследования. № 2. 2022 musecomotmix.ru
2. Руденко Л.Г., Дегтярь Н.П. Сущность KPI и его роль в управлении предприятием. Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление 2017'2 (21). С. 50–54.
3. И.И. Родин. Введение KPI и результаты его применения в России. Экономика, Статистика и Информатика № 1, 2014. С. 120–123.

4. Е. В. Козлова KPI как инструмент минимизации оппортунизма персонала. Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 10 (406). Экономические науки. Вып. 58. С. 166–174.
5. Топ-менеджерам российских госкомпаний установили KPI. <https://www.bfm.ru/news/513520>
6. Власти усилили контроль за KPI в выкупленных у иностранцев компаниях. К каким последствиям это может привести. <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2024/66bb0f4b9a7947a89173ae6f>
7. Фролова А.Д., Жуйков Д.М., Шкунова А.А., Жулькова Ю.Н. KPI в современной системе управления человеческими ресурсами. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, № 6 (40), 2019. С. 128–134.
8. Т.Ю. Синюк, Л.Н. Дрыгин Праксеологические основы формирования ключевых показателей эффективности менеджеров по продажам. Вестник Академии знаний № 37 (2), 2020. С. 300–305.
9. Акоюн С.А. Разработка и внедрение системы KPI. Управление KPI при помощи оптимизации бизнес-процессов. European science № 2(24). С. 60–67.
10. Н.В. Захаров Разработка модели построения системы KPI. С. 375–379.
11. Большакова Е.М. Система мотивации персонала IT-организаций на основе KPI. Вопросы студенческой науки. Выпуск № 5 (33), май 2019. С. 412–415.
12. Нестеренко П.Е., Кожанов Н.Т. Система стимулирующих выплат KPI. Экономические науки. С. 265–268.
13. Н.В. Болдырева, Я.М. Тихонова, Е. Мишунина, Б.А. Храмцов Современные технологии и методы оценки персонала: плюсы и минусы. Вестник Института мировых цивилизаций. Том 10. № 2(23). 2019. С. 46–57.

WHAT'S WRONG WITH KPI? IS SUCH A MOTIVATIONAL STRATEGY EFFECTIVE FOR EMPLOYEES? ADMINISTRATIVE AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF USING THE KPI APPROACH

Dotsenko S.V.

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Today, it has become fashionable to establish so-called key performance indicators (KPIs), which in many companies are used to determine the effectiveness of an employee or his contribution to a common cause.

Why does this assessment method not work? Why do these indicators become formal and do not lead to a real improvement in the company's performance, sales or quality of work? Or do they work for a short period of time and become irrelevant again, not motivating for employees and not beneficial for the organization as a whole? The author answers these questions in the article. The purpose of the work is to highlight the difficulties of working with KPI as a motivational strategy from the point of view of administrative and psychological aspects.

Keywords: motivation, KPI, key performance indicators.

References

1. E. V. Gorshenina KPI and personnel motivation. Economic research, No. 2, 2022 myeconomix.ru
2. Rudenko L. G., Degtyar N.P. The essence of KPI and its role in enterprise management. Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management 2017'2 (21). P. 50–54.
3. I. I. Rodin. Introduction of KPI and the results of its application in Russia. Economics, Statistics and Informatics No. 1, 2014. P. 120–123.
4. E. V. Kozlova KPI as a tool for minimizing personnel opportunism. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2017. No. 10 (406). Economic sciences. Issue. 58. P. 166–174.
5. KPIs established for top managers of Russian state-owned companies. <https://www.bfm.ru/news/513520>
6. Authorities have tightened control over KPIs in companies bought out from foreigners. What consequences may this lead to? <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2024/66bb0f4b9a7947a89173ae6f>
7. Frolova A.D., Zhukov D.M., Shkunova A.A., Zhulkova Yu.N. KPIs in the modern human resource management system. Innovative economy: prospects for development and improvement, No. 6 (40), 2019. pp. 128–134.
8. T.Yu. Sinyuk, L.N. Drygin Praxeological foundations for the formation of key performance indicators of sales managers. Bulletin of the Academy of Knowledge No. 37 (2), 2020. P. 300–305.
9. Akopyan S.A. Development and implementation of the KPI system. KPI management using business process optimization. European science No. 2 (24). P. 60–67.
10. N.V. Zakharov Development of a model for constructing a KPI system. P. 375–379.
11. Bolshakova E.M. KPI-based personnel motivation system for IT organizations. Student Science Issues. Issue No. 5 (33), May 2019. P. 412–415.
12. Nesterenko P.E., Kozhanov N.T. KPI incentive payment system. Economic science. P. 265–268.
13. N.V. Boldyreva, Ya.M. Tikhonova, E. Mishunina, B.A. Khrantsov Modern technologies and methods of personnel assessment: pros and cons. Bulletin of the Institute of World Civilizations. Vol. 10 No. 2 (23) 2019. P. 46–57.

Особенности миграционной политики в России

Ерёмина Екатерина Витальевна,

к.с.н, доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

E-mail: hope77@yandex.ru

В статье обозначены основные подходы к определению категорий «миграция» и «миграционная политика». Представлены показатели миграции населения Российской Федерации за 2022–2023 гг. Рассмотрены различные факторы, оказывающие влияние на формирование государственной миграционной политики в Российской Федерации. Выделены задачи миграционной политики России на современном этапе. Кратко описана эволюция миграционной политики Российской Федерации. Идентифицированы основные направления государственной миграционной политики на ближайшие годы согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Проанализирована проблема нарастания внутренней миграции, что влечет за собой дисбаланс в расселении населения и появление малонаселенных регионов, испытывающих кадровый дефицит.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, внутренняя миграция, гражданство, либерализация, нелегальная миграция, кадровый дефицит, квота, урбанизация.

В современном мире люди обладают повышенной мобильностью – географической, социальной (перемещения по условным стратам), экономической. Результатом данной тенденции становится нарастание потоков мигрантов – представителей разных национальностей, социальных групп и возрастов, покидающих по разным причинам места своего проживания [11, с. 36].

Миграция на сегодняшний день является весьма популярной областью научных знаний: изыскания, посвященные различным аспектам миграции, проводятся в рамках множества социально-гуманитарных дисциплин [12, с. 34]. Причиной всплеска интереса к изучению различных аспектов миграции заключается в том, что именно миграция стала мегатрендом, определяющим направление, темпы и специфику развития человеческой цивилизации [11, с. 36]. Ф.И. Аржаев и В.Ю. Андрюхин пишут о том, что мы становимся свидетелями наступления «эпохи миграции», которая приведет к ощутимым трансформациям в существующем геополитическом, финансово-экономическом и социальном укладе [3, с. 178].

Если принять во внимание масштабы и значение миграции в процессе развития государств, можно прийти к выводу о том, что проблема эффективного мониторинга, оценки и управления миграционными процессами становится одной из наиболее значимых как для исследователей-теоретиков, так и для практиков – представителей государственных ведомств, руководителей, политиков.

С.Ю. Брагин говорит о том, что определять миграцию можно в буквальном значении («механическое передвижение и перемещение членов общества в зависимости от множества обстоятельств, связанных с переменой места жительства, работы, учебы, отдыха»), но чаще всего ее принято рассматривать более широко – в качестве комплексного, многоаспектного социально-значимого феномена, оказывающего влияние на государственные и национальные интересы страны, социально-экономический, политический и культурный уклад общества [4, с. 58].

Широкая интерпретация термина «миграция» позволяет понять, что миграция непременно должна находиться в фокусе государственного и международного регулирования. Как правило, совокупность мероприятий, стимулов, институций, инициатив и актов законодательства принято обобщенно именовать миграционной политикой.

И.А. Алешкова определяет миграционную политику как совокупность стратегий и мер, направ-

ленных на упорядочивание миграционных потоков и предотвращение нелегальной миграции как фактора, угрожающего национальной безопасности и повышающего социальную напряженность [1, с. 105].

Т.Б. Волкова предлагает следующую дефиницию миграционной политики: «основанная на Конституции РФ и нормативно-правовых актах деятельность государства по регулированию внешней и внутренней миграции, включая прием, транзит и водворение иностранных граждан и лиц без гражданства»; целями миграционной политики выступают (1) обеспечение национальной безопасности государства; (2) поддержание состояния защищенности, комфорта и благополучия населения [5, с. 122].

А.В. Степанов указывает, что ядром миграционной политики выступает правовая политика государства в сфере миграции – «совокупность юридических норм, институтов и отношений, обеспе-

чивающих правовые условия развития личности, общества и государства в области легальной миграции» [15, с. 77].

В.В. Гриценко и О.А. Сазонова формулируют понятие миграционной политики следующим образом: «разновидность правовой политики, представляющую собой научно обоснованную, планомерную и системную деятельность органов исполнительной власти по созданию эффективного механизма административно-правового регулирования в сфере миграции» [6, с. 188].

Многие российские исследователи изучают различные аспекты миграции и миграционной политики государства, что обусловлено интенсивностью и масштабом миграционных потоков в страну, за ее пределы и внутри страны. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики на конец 2023 г., общие показатели миграции населения Российской Федерации остаются достаточно высокими (таблица 1).

Таблица 1. Показатели миграции населения Российской Федерации за 2022–2023 гг.

	2022 г.			2023 г.		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост
Миграция – всего	4 195 579	4 133 662	61 917	4 051 437	3 847 808	203 629
Внутренняя						
Всего	3 465 232	3 465 232	–	3 491 003	3 397 326	93 677
В т.ч. внутрирегиональная	1 644 181	1 644 181	–	1 638 878	1 638 878	–
Межрегиональная	1 821 051	1 821 051	–	1 852 125	1 758 448	93 677
Международная						
Всего	730 347	668 430	61 917	560 434	450 482	109 952
В т.ч. со странами СНГ	661 986	583 607	78 379	490 864	390 825	100 039
С др. зарубежными странами	68 361	84 823	-16 462	69 570	59 657	9 913

Источник: составлено автором на основе данных [17].

Формирование государственной миграционной политики в Российской Федерации происходит под влиянием ряда социально-экономических, географических, геополитических, культурных и исторических факторов. Е.Ю. Зинченко с соавт. указывают: миграционная политика в России во многом обусловлена «наследием времен распада СССР в виде убыли и старения населения», а также формированием миграционной напряженности в обществе. Приоритетной целью миграционной политики России, по мнению авторов, выступает восполнение убыли населения страны за счет притока мигрантов и репатриантов; в отношении внутренней миграции задачи миграционной политики затрагивают также восполнение неравномерности размещения населения по территории страны [7, с. 80].

В своем эволюционном развитии миграционная политика Российской Федерации прошла несколько этапов, в течение которых подходы к урегулированию миграционных потоков ощутимо менялись. Так, в частности, с период с 1989 по 1992 гг. наблюдалась очевидная либерализация государственной миграционной политики, обусловленная необходимостью в стимулировании миграции соотечественников и беженцев из постсоветского пространства на фоне резкого роста эмиграции россиян. На данном этапе, можно сказать, были сформированы правовые и институциональные основы миграционной политики (речь идет прежде всего о принятии Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации», учреждение Федеральной миграционной службы, создание зоны свободного передвижения в рамках СНГ, ратификация Же-

невской конвенции от 1951 г. о статусе беженцев) [14, с. 27].

В последующем – с 1993 по 2018 г. – миграционная политика носила умеренно жесткий характер. На данном этапе был принят Закон РФ о государственной границе, Закон о порядке въезда и выезда; в постоянную практику стали внедряться федеральные миграционные программы, а также политики в отношении соотечественников за рубежом. К 2007 г. миграция стала рассматриваться в качестве инструмента для решения текущих социально-экономических проблем – демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов. Частично реализована подпрограмма «Внешняя трудовая миграция» (2013–2016 гг.); введены квоты в отношении иностранных работников, принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. На данном этапе полномочия миграционной службы были переданы в ведение органов внутренних дел [14, с. 28].

На современном этапе (2019 г. – н.в.) миграционную политику сложно однозначно охарактеризовать как жесткую или либеральную – особенно с учетом мероприятий по реформированию миграционных режимов института гражданства и смещением фокуса внимания на репатриацию соотечественников из ближайших регионов соседних стран.

Можно согласиться с С.М. Поповой в том, что сегодня мы наблюдаем попытку соединить умеренно жесткий подход к регулированию миграции с либерализацией данного сегмента общественных отношений посредством (1) цифровизации услуг, связанных с гражданством и миграцией; (2) упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства [14, с. 29].

В.В. Гриценко и О.А. Сазонова, на основании анализа нормативных правовых актов, государственных стратегий, концепций и политик, выделяют следующие задачи миграционной политики России на современном этапе (рисунок 1).

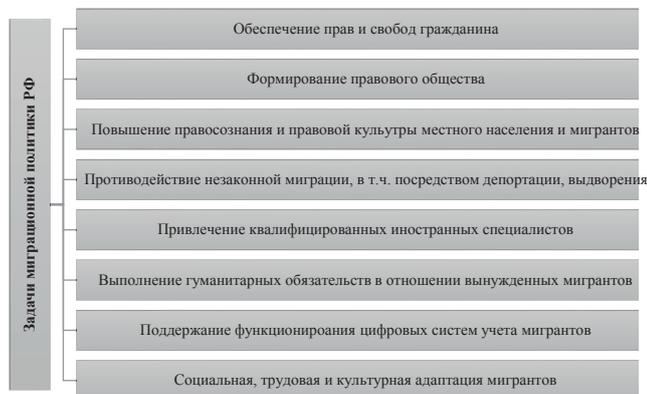

Рис. 1. Задачи современной миграционной политики Российской Федерации

Источник: составлено автором на основании данных [6, с. 188].

По мнению Е.Ю. Зинченко, к современному этапу ключевыми достижениями властных ведомств и законодателей в сфере миграционной политики следует считать следующие: (1) свобода передвижения и выбора места проживания для граждан страны, репатриантов и легальных мигрантов; (2) установление безвизового режима со множеством стран; (3) единый рынок труда; (4) ориентация миграционной политики на высококвалифицированных специалистов; (5) региональное регулирование миграционных общественных отношений [7, с. 80].

Ключевым документом, в котором изложены основные векторы, принципы и механизмы миграционной политики Российской Федерации, на сегодняшний день следует считать Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [9] Именно Концепция задает основные направления государственной миграционной политики на ближайшие годы (рисунок 2).

Рис. 2. Основные направления государственной миграционной политики согласно Концепции на период до 2025 г.

Источник: составлено автором на основе данных [9].

Миграционная политика государства формируется посредством совокупности взаимосвязанных мероприятий и действий, предпринимаемых широким кругом акторов с различной компетенцией и спектром полномочий [8, с. 111]. Данные акторы действуют на основании положений вышеотмеченной Концепции, а также ряда нормативных правовых документов: Конституции, международных договоров Российской Федерации, законов, актов, исходящих от Президента России, федеральных органов исполнительной власти, Конституционного Суда РФ [2, с. 63].

Уже сегодня в миграционной политике нашего государства можно наблюдать некоторые тенденции, анализ которых позволяет делать предположения о перспективах системы регулирования миграции в будущем.

Во-первых, властные структуры стремятся к обеспечению баланса между притоком иностранной рабочей силы с учетом потребностей российской экономики и в соответствии с интересами местного населения. Для минимизации трудовой конкуренции с гражданами России пра-

вительство ежегодно утверждает квоты на привлечение мигрантов согласно установленным профессионально-квалификационным группам, определяя таким образом допустимое количество иностранных работников в зависимости от дефицита или профицита в различных отраслях. Подобные меры направлены на удовлетворение спроса на рабочую силу и снижение рисков для работников-граждан [10, с. 17].

Во-вторых, отмечается нарастание внутренней миграции, что влечет за собой дисбаланс в расселении населения и появление малонаселенных ре-

гионов, испытывающих кадровый дефицит и, как следствие, экономическую стагнацию [13, с. 184]. В данной связи можно предположить, что многие из последующих мер в области миграционной политики будут направлены именно на потоки внутренней миграции.

На данный момент многие из проблем внутренней миграции остаются неурегулированными. В особенности это касается проблемы нехватки трудового резерва на периферийных, сельских территориях (таблица 2).

Таблица 2. Соотношение городского и сельского населения в Российской Федерации на 1 января 2024 г.

	Доля (%) в общей численности населения		Сельских жителей на 1000 горожан	Удельный вес субъектов в численности населения России (%)		
	город	село		всего	город	село
Всего по Российской Федерации	74,94	25,06	336	100	100	100
По округам						
Центральный	82,17	17,83	217	27,50	30,16	19,57
Северо-Западный	85,08	14,92	177	9,47	10,75	5,64
Южный	63,26	36,74	582	11,37	9,60	16,68
Северо-Кавказский	50,92	49,08	976	7,01	4,77	13,74
Приволжский	72,40	27,60	383	19,53	18,87	21,51
Уральский	82,13	17,87	218	8,39	9,19	5,98
Сибирский	75,10	24,90	333	11,34	11,36	11,26
Дальневосточный	73,81	26,19	357	5,38	5,30	5,62

Источник: составлено автором на основе данных [17].

Урбанизация представляет собой важную проблему, решаемую в рамках миграционной политики, так как миграция в крупные города приводит к избыточно высокой плотности населения и росту нагрузки на городскую инфраструктуру. Приток мигрантов, как внутренних, так и внешних, часто превышает возможности городов по обеспечению жильем, по услугам в области здравоохранения, образования, по трудоустройству. В условиях ускоренной урбанизации важно регулировать миграционные потоки, чтобы обеспечить стабильное развитие городских территорий и предотвращать эскалацию социальной напряженности.

О.М. Михалева и В.В. Кашникова полагают, что основными причинами роста диспропорций в расселении граждан и иностранных мигрантов по территории России выступают следующие: (1) стремление к поиску экономических возможностей: «из слаборазвитых или экономически депрессивных регионов люди переселяются в более процветающие регионы, где есть все необходимые условия для улучшения качества жизни и больше возможности для работы»; (2) образование и карьера: абитуриенты, молодые специалисты пере-

езжают в города с целью повышения профессиональной деятельности или получения образования [11, с. 36].

В-третьих, можно сделать предположение о дальнейшей либерализации того сегмента миграционной политики, который затрагивает соотечественников-неграждан – лиц, которые связаны с Россией общим историческим и культурным прошлым. Данный вектор миграционной политики является одним из самых интенсивных и динамичных за последние годы. В данном контексте можно отметить нормы об упрощенном порядке приема в российское гражданство лиц, имеющих территориальную, культурную, историческую связь с Российской Федерацией [2, с. 65]. Первый из подобных актов был утвержден еще в 2014 г. (Постановление Правительства РФ «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке» [16, с. 14]).

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

– Миграционная политика представляет собой совокупность мероприятий, реализуемых различными ведомствами на основании соответ-

ствующего сегмента законодательного массива, в целях обеспечения национальной безопасности государства; поддержание состояния защищенности, комфорта и благополучия населения; противодействия нелегальной миграции. Кроме того, целями миграционной политики выступает восполнение убыли населения страны за счет притока мигрантов и репатриантов; восполнение неравномерности размещения населения по территории страны.

- В миграционной политике нашего государства можно наблюдать некоторые тенденции, анализ которых позволяет делать предположения о перспективах системы регулирования миграции в будущем. Так, властные структуры стремятся к обеспечению баланса между притоком иностранной рабочей силы с учетом потребностей российской экономики и в интересах местного населения. Для минимизации трудовой конкуренции с гражданами России правительство ежегодно утверждает квоты на привлечение мигрантов.
- Отмечается нарастание внутренней миграции, что влечет за собой дисбаланс в расселении населения и неконтролируемую урбанизацию. Многие из проблем внутренней миграции остаются неурегулированными. В особенности это касается проблемы нехватки трудового резерва на периферийных, сельских территориях.
- Современная миграционная политика Российской Федерации по своему характеру является умеренно жесткой, причем в последние годы наблюдается либерализация некоторых ее сегментов, связанных с репатриацией граждан.

Литература

1. Алешкова, И.А. Современная миграционная политика России: новые акценты / И.А. Алешкова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2023. – № 2. – С. 104–112.
2. Амбарцумов, С.С. Тенденции миграционной политики России / С.С. Амбарцумов // Вестник магистратуры. – 2022. – № 10–2 (133). – С. 63–66.
3. Аржаев, Ф.И. Вклад миграционных потоков из стран СНГ в экономический рост России на современном этапе / Ф.И. Аржаев, В.Ю. Андриухин // Мониторинг. – 2023. – № 4 (176). – С. 176–201.
4. Брагин, С.Ю. Особенности миграционной политики в современной России / С.Ю. Брагин // Мировая наука. – 2021. – № 1 (46). – С. 57–61.
5. Волкова, Т.Б. Миграционная политика и тенденции ее развития / Т.Б. Волкова // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 2 (39). – С. 120–122.
6. Гриценко, В. В. О понятии и основных приоритетах миграционно-правовой политики: административно-правовой аспект / В.В. Гриценко, О.А. Сазонова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 2 (37). – С. 182–190.
7. Зинченко, Е.Ю. Актуальные вопросы государственной миграционной политики России / Е.Ю. Зинченко, Е.Н. Хазов // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 2. – С. 79–83.
8. Комаровский, В.В. Миграционная политика России: место и роль визовой трудовой миграции сегодня / В.В. Комаровский // Социально-трудовые исследования. – 2024. – № 3 (56). – С. 110–127.
9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Президент России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 12.11.2024).
10. Кучева, Е.С. Государственная миграционная политика современной России / Е.С. Кучева // Отечественная юриспруденция. – 2020. – № 1 (40). – С. 16–17.
11. Михалева, О.М. Современная миграционная политика России / О.М. Михалева, В.В. Кашникова // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 1 (33). – С. 35–41.
12. Положихина, М.А. Направления и проблемы изучения внутренней миграции в России (Обзор) / М.А. Положихина // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 1 (14). – С. 11–36.
13. Попов, А.М. Новые приоритеты миграционной политики России / А.М. Попов, Э.А. Мамонтова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 183–188.
14. Попова, С.М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) / С.М. Попова, А.А. Яник, С.Ф. Карпова // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 24–51.
15. Степанов, А.В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий / А.В. Степанов // Пенитенциарная наука. – 2014. – № 2 (26). – С. 75–78.
16. Сченснович, В.Н. Демографические и миграционные проблемы в России / В.Н. Сченснович // Россия и мусульманский мир. – 2023. – № 3 (329). – С. 9–23.
17. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 12.11.2024).

FEATURES OF MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Eremina E.V.

Penza State University

The article outlines the main approaches to defining the categories of migration and migration policy. The indicators of population migration of the Russian Federation for 2022–2023 are presented. Various factors influencing the formation of state migration policy in the Russian Federation are considered. The tasks of Russia's migration policy at the present stage are highlighted. The evolution of the migration policy of the Russian Federation is briefly described. The main directions of the state migration policy for the coming years are identified in accordance with the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025. The problem of increasing internal migration is analyzed, which entails an imbalance in the settlement of the population and the emergence of sparsely populated regions experiencing a personnel shortage.

Keywords: migration, migration policy, internal migration, citizenship, liberalization, illegal migration, staff shortage, quota, urbanization.

References

1. Aleshkova, I.A. Modern migration policy of Russia: new accents / I.A. Aleshkova // *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Abstract journal.* – 2023. – No. 2. – P. 104–112.
2. Ambartsumov, S.S. Trends in migration policy of Russia / S.S. Ambartsumov // *Bulletin of the Magistracy.* – 2022. – No. 10–2 (133). – P. 63–66.
3. Arzhaev, F.I. The contribution of migration flows from the CIS countries to Russia's economic growth at the present stage / F.I. Arzhaev, V. Yu. Andryukhin // *Monitoring.* – 2023. – No. 4 (176). – P. 176–201.
4. Bragin, S. Yu. Features of migration policy in modern Russia / S. Yu. Bragin // *World science.* – 2021. – No. 1 (46). – P. 57–61.
5. Volkova, T.B. Migration policy and trends of its development / T.B. Volkova // *Eurasian advocacy.* – 2019. – No. 2 (39). – P. 120–122.
6. Gritsenko, V.V. On the concept and main priorities of migration and legal policy: administrative and legal aspect / V.V. Gritsenko, O.A. Sazonova // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law.* – 2019. – No. 2 (37). – P. 182–190.
7. Zinchenko, E. Yu. Current issues of the state migration policy of Russia / E. Yu. Zinchenko, E.N. Khazov // *Education. Science. Scientific personnel.* – 2022. – No. 2. – P. 79–83.
8. Komarovskiy, V.V. Migration policy of Russia: the place and role of visa labor migration today / V.V. Komarovskiy // *Social and labor research.* – 2024. – No. 3 (56). – P. 110–127.
9. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 // *President of Russia.* [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (date of access: 11/12/2024).
10. Kucheva, E.S. State migration policy of modern Russia / E.S. Kucheva // *Domestic jurisprudence.* – 2020. – No. 1 (40). – P. 16–17.
11. Mikhaleva, O.M. Modern migration policy of Russia / O.M. Mikhaleva, V.V. Kashnikova // *Economics. Sociology. Law.* – 2024. – No. 1 (33). – P. 35–41.
12. Polozhihina, M.A. Directions and problems of studying internal migration in Russia (Review) / M.A. Polozhihina // *Social innovations and social sciences.* – 2024. – No. 1 (14). – P. 11–36.
13. Popov, A.M. New priorities of Russia's migration policy / A.M. Popov, E.A. Mamontova // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* – 2020. – No. 1 (85). – P. 183–188.
14. Popova, S.M. Transformation of Russia's migration policy: stages, features, problems (1989–2023) / S.M. Popova, A.A. Yanik, S.F. Karpova // *Administrative and municipal law.* – 2023. – No. 4. – P. 24–51.
15. Stepanov, A.V. Security, national security, migration security, national migration policy: analysis of definitions, relationship of categories / A.V. Stepanov // *Penitentiary science.* – 2014. – No. 2 (26). – P. 75–78.
16. Schensnovich, V.N. Demographic and migration problems in Russia / V.N. Schensnovich // *Russia and the Muslim world.* – 2023. – No. 3 (329). – P. 9–23.
17. The number and migration of the population of the Russian Federation in 2023 // *Federal State Statistics Service.* [Electronic resource]. – Access mode: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (date of access: 11/12/2024).

Социологические инструменты адаптации гибких методов обучения персонала цифровым технологиям

Кобыляцкий Максим Константинович,

аспирант, кафедра общей социологии и социальной работы
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mkkobylyatskiy@yandex.ru

Цель данной статьи заключается в изучении и анализе методов обучения сотрудников цифровым навыкам, необходимых для успешного функционирования на современном рынке труда, где цифровизация процессов становится ключевым фактором эффективности и конкурентоспособности компаний. В основе исследования лежат сравнительный анализ и экспертные интервью, направленные на выявление сильных и слабых сторон различных форматов обучения, таких как онлайн-курсы, тренинги, семинары, мобильные приложения, партнерские программы и академические курсы.

Результаты исследования показывают, что онлайн-курсы и мобильные приложения удобны для массового охвата и позволяют адаптировать обучение под график сотрудников, минимизируя отрыв от рабочих задач, однако требуют дополнительных мер для поддержания мотивации и вовлеченности. Тренинги и семинары обеспечивают практическое взаимодействие и обмен опытом, что способствует более глубокому усвоению материала, но могут быть затратными для компании. Партнерские программы и академическое обучение, хотя и предоставляют фундаментальные знания, не всегда подходят для оперативного освоения узких компетенций. Выводы исследования акцентируют внимание на необходимости гибкого подхода к обучению, сочетающего разнообразные методы, что позволяет учитывать индивидуальные потребности сотрудников и способствует быстрому и эффективному освоению цифровых навыков. Такой подход обеспечивает успешную интеграцию цифровых инструментов в бизнес-процессы, поддерживает устойчивое развитие и адаптацию компаний к вызовам цифровой эпохи, повышая их конкурентоспособность в условиях непрерывных изменений.

Ключевые слова: цифровизация, обучение персонала, цифровые навыки, конкурентоспособность, мотивация персонала, цифровое образование.

Введение

Рост цифровых технологий привел к значительным изменениям на рынке труда, требующих постоянной адаптации и обучения от сотрудников. В современном мире цифровизация становится все более важным фактором для эффективного функционирования предприятий. Более того, адаптация к изменениям современного мира становится фактором конкурентоспособности компаний. При этом перед организациями, менеджментом и сотрудниками предстают новые вызовы.

Тенденция к цифровизации создает новые возможности для повышения производительности труда и качества жизни сотрудников. Однако она также может привести к проблемам с доступом к цифровым навыкам, необходимости обучаться новым цифровым инструментам, без которых деятельность сотрудника становится сложной или вовсе невозможной [9]. Поэтому актуальными вопросами становятся: Какие методики обучения наиболее эффективны для развития цифровых навыков? Какая организационная стратегия может способствовать обучению и развитию человеческих ресурсов?

Данная статья направлена на изучение и анализ распространенных методик обучения цифровым инструментам, их оценку эффективности и исследование новых подходов к обучению. Основным результатом исследования станут рекомендации для работодателей и организаций, направленные на повышение эффективности образовательных процессов, разработку оптимальных подходов и методов, а также максимально успешную интеграцию цифровых навыков и инструментов в бизнес-процессы на современном рынке труда.

В результате предлагаемого исследования будут получены ответы на следующие вопросы.

- Какие педагогические подходы и модели обучения цифровым технологиям наиболее распространены в современных организациях на рынке труда?
- Какие методики демонстрируют наибольшую эффективность в повышении уровня цифровых компетенций работников с учетом различий в профессиональной подготовке и опыте?
- Как взаимосвязаны факторы индивидуальной мотивации сотрудников и организационные условия при выборе оптимальной стратегии обучения цифровым инструментам?

- Какие социально-экономические и организационные барьеры препятствуют успешному внедрению цифровых навыков в бизнес-процессы, и как их можно преодолеть с помощью адаптивных образовательных программ?

Помимо сравнительного анализа методик обучения, также будет представлен практический опыт обучения сотрудников компаний на примере внедрения комплексной ERP системы.

Результаты исследования

Представленная работа является результатом исследования и анализа, основной целью которого являлась оценка эффективности различных форматов обучения для повышения цифровых навыков сотрудников в современном рынке труда. Главная цель исследования – проанализировать влияние различных форматов обучения на эффективность обучения сотрудников в области цифровых навыков. Важным аспектом исследования также является анализ того, каким образом конкретные факторы (такие как время, стоимость обучения, наличие поддержки учителями и взаимодействие с другими студентами) влияют на результативность форматов обучения.

В связи с указанной целью в исследовании были изучены два основных аспекта: эффективность форматов обучения и влияние различных факторов на результативность. Для достижения цели исследования были выделены следующие задачи.

1. Выявить основные форматы обучения, используемые организациями и компаниями для обучения сотрудников цифровым навыкам.
2. Выявить факторы, влияющие на результативность обучения, и оценить их влияние на сотрудников.
3. Провести анализ форматов обучения и факторов, и выявить наилучшие практики.
4. Составить рекомендации для менеджмента организаций, которые сталкиваются с задачей обучения персонала цифровым инструментам.

Перед тем как перейти к обсуждению обучения персонала цифровым навыкам и компетенциям необходимо дать определение понятию «цифровой навык». Цифровой навык – это умение, которое позволяет людям эффективно использовать цифровые технологии в личном и профессиональном контексте. Цифровые навыки также включают в себя понимание различных аспектов цифрового мира, таких как интернет, социальные сети, облачные технологии и кибербезопасность [2].

К цифровым навыкам есть определенные требования [9], которые позволяют провести оценку цифровых компетенций у сотрудника.

- Понимание цифровой среды: способность ориентироваться в различных цифровых платформах и ресурсах.
- Умение работать с информацией: умение собирать, анализировать, искать и использовать ин-

формацию из различных цифровых платформ, ресурсов, площадок.

- Использование инструментов цифровой коммуникации: способность эффективно выстраивать коммуникацию в цифровой среде.
- Навыки автономной работы: умение пользоваться цифровыми технологиями и решать задачи с их помощью без сторонней поддержки, за исключением решения проблем технического или системного характера.

В рамках данной работы под внедрением программного обеспечения подразумевается интеграция программ и технологий, которые являются системообразующими для организаций, а значит, внедряются для большинства сотрудников в ключевые бизнес-процессы [4]. Эти методологии, проблемы и решения также применимы к специализированному программному обеспечению, которое предназначено для узких областей, с той разницей, что варьируется количество сотрудников, нуждающихся в обучении, и время, которое организация может выделить на повышение их квалификации.

Обучение персонала цифровым навыкам является комплексной задачей, с которой связано сразу несколько определенных проблем и вызовов. Во-первых, при необходимости изучения определенного программного обеспечения (ПО), необходимо принять во внимание то, что сотрудники ранее справлялись с задачами, которые стояли перед ними. Иными словами, ценность нового программного обеспечения или цифрового навыка может быть для них неочевидна, особенно в первое время. В рамках данной работы мы назовем данную проблему – проблемой принятия и мотивации [5]. Во-вторых, большинство компаний не может оторвать ряд сотрудников на продолжительное время от рабочих задач, особенно если это касается многочисленной группы сотрудников и продолжительного времени обучения, так как рабочий процесс в большинстве случаев является непрерывным. Данную проблему необходимо учитывать при анализе форм обучения [3]. В рамках данной работы мы назовем эту проблему – проблемой временных ресурсов. В-третьих, у каждого сотрудника разный опыт, разный уровень цифровых навыков и опыта работы с технологиями. При этом обучение сотрудников не является выборочным, сотрудники не проходят процесс отбора, чтобы попасть на обучение, как это происходит, например, при приеме абитуриентов на программы высшего образования [6]. Сотрудники в процессе обучения должны овладеть цифровыми навыками работы с программным обеспечением или технологией на одинаково хорошем уровне вне зависимости от предыдущего опыта. Мы назовем эту проблему – проблемой дифференциации опыта. Характеристика данных проблем и вызовов позволит проанализировать распространенные методи-

ки обучения. Краткое описание вышеуказанных проблем описана в таблице 1.

Таблица 1. Проблемы обучения сотрудников цифровым навыкам

Проблема обучения сотрудников цифровым навыкам	Описание проблемы
Проблема принятия и мотивации	Ценности и полезность от цифрового инструмента / ПО неочевидна для сотрудника
Проблема временных ресурсов	Компании не могут выделять много времени на обучение сотрудников цифровым навыкам. Чем масштабнее процесс – тем острее проблема
Проблема дифференциации опыта	У сотрудников разный опыт / навыки, влияющий на скорость усвоения цифрового навыка

В рамках данной статьи мы выделили ряд основных методик [1], которые применяются в современных организациях:

- онлайн-курсы и дистанционное обучение;
- тренинги и семинары;
- академические программы высшего образования;
- мобильные приложения для обучения;
- партнерские программы.

Далее мы кратко опишем каждую из методик и выделим ключевые преимущества и недостатки каждой из них с точки зрения обучения персонала цифровым технологиям и использованию программного обеспечения.

Онлайн-курсы и дистанционное обучение является одним из распространенных методов обучения персонала. Обучение с использованием онлайн-платформ с доступом к различным курсам и учебным программам обладает рядом неоспоримых преимуществ как для сотрудника, так и для работодателя. К главным преимуществам для сотрудника можно отнести доступность онлайн-платформ вне рабочего пространства и отсутствие привязки обучаемых сотрудников к определенной локации. Данная особенность облегчает планирование обучения с точки зрения ресурсов. Помимо этого, если обучение является асинхронным (что является частой характеристикой обучения при использовании онлайн-платформ), сотрудник может самостоятельно проходить обучение, что позволяет сформировать гибкий график учебного процесса [10]. Однако существует и ряд недостатков: ограничение социального взаимодействия между учащимися и преподавателями, сложность мониторинга вовлеченности обучаемого в образовательный процесс. По мнению профессиональных социологов, качество дистанционного образования зависит от наличия строгой программы обучения.

Отдельно стоит отметить мобильные приложения для обучения. Данный вид обучения подходит в тех случаях, когда необходимо обучить большую группу сотрудников. Они могут обеспечивать гибкость и доступность учебного процесса. Главное преимущество мобильных приложений для обучения в их доступности, но они крайне неэффективны для обучения комплексного или специфического ПО, усвоение которого требует определенной доли концентрации и внимания [8].

Тренинги и семинары также являются популярными способами организации учебного процесса для сотрудников компаний. Этот метод организации обучения позволяет получить необходимые знания и навыки для эффективного использования цифровых технологий в жатые временные сроки [7]. Тренинги и семинары могут быть направлены на решение конкретных проблем или задач в области цифровых технологий, таких как безопасность данных, эффективное использование ресурсов и другое. При этом каждый из сотрудников может поделиться своим опытом или лучшими практиками, что также увеличивает эффективность образовательного процесса. Для того чтобы данные мероприятия были полезными, они должны быть ориентированы на конкретные потребности и задачи работников и руководителей. Это требует тщательного планирования и организации с учетом возможностей и ограничений участников.

Другими методами организации обучения сотрудников, которые также распространены среди организаций являются академические программы высшего образования и партнерские программы. Эти программы часто разрабатываются совместно с промышленными партнерами, чтобы обеспечить студентам практические навыки и знания в конкретных областях [11]. Они могут дать исчерпывающие знания о том или ином цифровом инструменте. Помимо этого, обучение часто не ограничивается каким-то одним навыком и позволяет изучить другие важные профессиональные компетенции. Данный метод образования является одним из самых трудозатратных и долгосрочных, поэтому он не подходит для обучения большой группы сотрудников.

В рамках данной работы мы оценили каждый из описанных методов организации обучения на основе ряда критериев:

- временные затраты;
- возможность обучения большими группами сотрудников;
- относительный размер финансовых затрат;
- возможность индивидуального подхода к каждому обучаемому;
- возможность применения разнообразных методов и инструментов обучения;
- объем материалов и информации в процессе обучения.

Мы оценили каждый метод организации обучения согласно указанным критериям по 5-балльной

шкале. Оценка каждого из методов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Оценка методов обучения по критериям

	Онлайн-курсы и дистанционное обучение	Тренинги и семинары	Мобильные приложения для обучения	Академические программы высшего образования	Партнерские программы
Временные затраты (5 – небольшие временные затраты, 1 – большие временные затраты)	4	3	5	1	2
Обучение большими группами (1 – не подходит для больших групп, 5 – возможно обучение большими группами)	5	4	5	1	2
Финансовые затраты (5 – небольшие финансовые затраты, 1 – большие финансовые затраты)	4	3	2	1	2
Индивидуальный подход (1 – индивидуальный подход отсутствует, 5 – возможен индивидуальный подход)	4	2	5	2	3
Разнообразие методов (1 – методы обучения однообразны, 5 – возможны разнообразные подходы и методы)	4	3	3	5	5
Объем материалов (1 – объем материалов небольшой, 5 – большой объем материалов)	3	2	3	5	4
Итог: насколько метод организации обучения подходит для компаний при обучении сотрудников цифровым ПО. (6 – не подходит, 30 – подходит)	24	17	23	15	18

В процессе оценки мы прежде всего учитывали потребности бизнеса. Так, например, компании заинтересованы в низких затратах на обучение, а также получение «быстрого» результата. Иными словами, временной критерий также имеет значимую роль для компаний при выборе метода обучения сотрудников. В конце таблицы 2 можно увидеть итоговый подсчет баллов. Согласно подсчету, онлайн-курсы и мобильные приложения для обучения являются наиболее приемлемыми способами изучения цифровых навыков. Во-первых, потому что они позволяют организовать индивидуальный подход для каждого сотрудника, который выражается в выборе темпа обучения, возможности пересмотра материалов курса и другое. Во-вторых, данные формы обучения позволяют минимизировать отвлечение сотрудников от рабочих задач и процессов, так как обучение проводится в онлайн формате, и есть возможность рассмотреть частичную занятость сотрудника. Академические программы высшего образования и партнерские программы также являются популярными

способами повышения квалификации сотрудника, если компании необходимо получить специалиста в определенной сфере. При этом данные методы не подходят для обучения цифровым навыкам или программному обеспечению из-за того, что данные программы являются долгосрочными и трудозатратными.

Но у обучения в онлайн формате (дистанционное обучение, онлайн-курсы, мобильные приложения) есть существенный недостаток, который необходимо учитывать при разработке материалов для обучения. Данные методы организации обучения не решают проблему мотивации и принятия технологии персоналом. «Гибкость» данных форматов обучения подразумевает определенную самостоятельность сотрудника при прохождении процесса обучения. При этом, если у сотрудников компании отсутствует понимание в необходимости технологии или цифрового инструмента для текущих бизнес-процессов, то они маловероятно будут заинтересованы в обучении. Данную проблему частично решают тренинги и семина-

ры, так как в данных формах у преподавателя или куратора обучения есть возможность продемонстрировать полезность того или иного цифрового инструмента. Помимо этого, партнерские программы и программы высшего образования имеют более значимую ценность для сотрудника, так как полученные знания и навыки являются ценностью, которую можно использовать для карьерного роста как внутри текущей организации, где работает сотрудник, так и за ее пределами. Однако данные формы обучения, несмотря на их высокую ценность, обладают рядом ограничений. Прежде всего, программы высшего образования и партнерские программы часто требуют значительных временных и финансовых затрат, что делает их нецелесообразными для быстрого освоения навыков в условиях стремительных изменений на рынке труда. Для многих организаций важен не только качественный результат обучения, но и его скорость, что делает долгосрочные формы обучения менее привлекательными при необходимости оперативного внедрения новых технологий и инструментов в бизнес-процессы.

Оптимальный подход к обучению персонала, как показывают результаты исследования, заключается в комбинации различных методов. Это позволяет объединить преимущества каждой из методик и нивелировать их недостатки. Например, можно сочетать онлайн-курсы с практическими семинарами, где сотрудники смогут не только получить теоретические знания, но и применить их на практике под руководством специалистов. Такой подход обеспечит лучшее усвоение материала и повышенную мотивацию сотрудников.

В результате исследования были выработаны определенные рекомендации для компаний по выбору методик обучения и создания собственной стратегии повышения квалификации персонала.

1. Оценка уровня подготовки сотрудников. Прежде чем выбрать метод обучения, компании следует провести анализ цифровых навыков сотрудников, чтобы определить их начальный уровень. Это позволит разделить сотрудников на группы по уровню знаний и подобрать соответствующую форму обучения, что повысит его эффективность. Помимо этого, тщательный аудит компетенций и уровня навыков сотрудников позволит предложить им не все доступные курсы или программы обучения, а только те дисциплины, которые им действительно необходимы. Такой анализ поможет сэкономить финансовые ресурсы компании.
2. Интеграция процесса обучения в рабочие процессы компании. Чтобы минимизировать отрыв сотрудников от выполнения своих непосредственных задач, компании рекомендуется внедрять методы обучения, которые могут быть интегрированы в рабочие процессы. Например, обучение с помощью онлайн-курсов

или мобильного приложения может происходить в формате «микрозадач», которые позволят сотрудникам отвлекаться от рабочего процесса.

3. Гибкость образовательных программы и индивидуальный подход к обучению. Компании, стремящиеся к максимальной эффективности, должны внедрять гибкие программы обучения, которые учитывают индивидуальные потребности сотрудников. Также важно обеспечить возможность самостоятельного регулирования темы обучения, что особенно актуально для сотрудников с различными уровнями подготовки и квалификации, а также опытом взаимодействия с цифровыми технологиями.
4. Мотивация сотрудников к повышению собственной квалификации. Не менее важным аспектом является не только выбор методики, но и мотивация персонала. Для повышения мотивации необходимо продемонстрировать ценность новых навыков для карьерного роста и повышения профессиональной компетентности. Компании могут внедрять систему поощрений для сотрудников, успешно прошедших курсы и применяющих полученные знания в своей работе.

Написание данной статьи нас мотивировала проблема, с которой мы столкнулись в ходе своей профессиональной деятельности. Проблема заключалась в необходимости обучения более 200 сотрудников от 4-х организаций навыкам администрирования и управления отдельными подсистемами одной масштабной ERP системы. Для выполнения данной задачи мы сформировали стратегию обучения, которая заключалась в использовании двух ключевых образовательных методик, которые на наш взгляд были наиболее подходящими в данной ситуации. Мы выбрали онлайн-курсы и семинары.

Онлайн-курс базировался на специальной образовательной платформе, к которой у слушателей курса был круглосуточный доступ через Интернет, и состоял из следующих элементов.

- Теоретическая часть – детальная информация о компонентах системы, ее архитектуре и применении, а также примеры бизнес-кейсов, которые решаются с помощью указанных компонентов.
- Видеоурок – наглядная демонстрация функционала системы, включая пошаговое выполнение тех или иных действий для достижения конкретного результата. С помощью видеоуроков сотрудник может сразу понять, насколько сложно или легко происходит определенная манипуляция в системе.
- Практикум – практические задания с пошаговыми четкими инструкциями, которые необходимо выполнить пользователю. После выполнения действий у слушателя курса появляется

определенный результат, который он отправляет на оценку преподавателям. Преподаватели оценивают результат и выставляют оценку.

- Тест – тест обычно содержит в себе от 5 до 10 вопросов и направлен на закрепление материала слушателем. Вопросы теста составлены таким образом, чтобы акцентировать внимание слушателя на особенно сложных и вызывающих затруднения моментах.

Семинары включали в себя онлайн-лекции от преподавателя, который также демонстрировал изменения в системе, разбирал сложные вопросы, демонстрировал бизнес-кейсы. Семинары позволяли решать две основных задачи. Первая задача в актуализации информации о системе. Если в системе были реализованы какие-либо изменения, то внедрение этих изменений в материалы курса особенно в процессе обучения, было затруднительно. Семинары позволяли продемонстрировать изменения оперативно. Помимо этого, семинары позволяли наладить живую обратную связь со слушателями курса, тем самым решая одну из ключевых проблем онлайн-курсов. Чрезмерная автономность учащихся онлайн-курсов вредит их мотивации, помимо этого, у них отсутствует возможность задать вопрос и получить обратную связь. Семинары решают эту проблему.

По данному формату обучение прошли 198 человек. 184 человека успешно завершили программу обучения, получили удостоверяющие документы. Больше 70% участников работали над курсами без отрыва от производственных текущих задач. Среди множества отзывов участники обучения отметили структурированность курсов и прозрачность требований.

Таким образом, мы пришли к выводу, что обучение цифровым навыкам без отрыва от производственной деятельности возможна, но для этого необходимо учитывать как индивидуальный опыт использования цифровых инструментов, количество участников обучения, их мотивацию, так и недостатки каждого из образовательных методов. Комбинация образовательных форматов позволяет нивелировать негативные эффекты от использования какого-то определенного формата по отдельности. Поэтому важно формировать собственную образовательную стратегию учитывая сложность цифрового инструмента и индивидуальные характеристики учащихся.

Заключение

В результате проведенного исследования были выявлены наиболее эффективные методы обучения цифровым навыкам сотрудников в условиях цифровизации рынка труда. Среди рассмотренных подходов онлайн-курсы и мобильные приложения показали наилучшие результаты по таким критериям, как временные и финансовые затраты, а также воз-

можность обучения большого числа сотрудников. Однако значимым недостатком этих методов остается проблема мотивации сотрудников, что требует дополнительных мер для повышения вовлеченности в учебный процесс.

Тренинги и семинары, несмотря на более высокие временные и финансовые затраты, предоставляют возможность для непосредственного взаимодействия, что положительно сказывается на восприятии материала и мотивации участников. Эти формы обучения особенно эффективны для демонстрации конкретных примеров использования цифровых инструментов и предоставления обратной связи.

Рекомендации для компаний включают использование комбинированного подхода к обучению: онлайн-курсы должны быть дополнены практическими семинарами, что позволит объединить гибкость и доступность дистанционного обучения с эффективностью традиционных методов. Кроме того, важно провести предварительную оценку цифровых навыков сотрудников для выбора подходящей образовательной программы и обеспечения индивидуального подхода.

Таким образом, комбинирование различных форматов обучения и мотивационных стратегий позволит компаниям повысить эффективность образовательных программ и обеспечить успешную интеграцию цифровых навыков в бизнес-процессы, что в свою очередь повысит их конкурентоспособность в условиях цифровизации.

Литература

1. Алексеева А.З. Цифровизация образования: технология смешанного обучения // Педагогические науки. Серия «Вестника СВФУ». 2020. № 3 (19). С. 5–9.
2. Гилева Т.А. Компетенции и навыки цифровой экономики: разработка программы развития персонала // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2019. № 2 (28). С. 22–35.
3. Гиниева С. Б., Долженко Р.А. Трансформация системы корпоративного обучения персонала российской компании на базе корпоративного университета. // Известия Иркутской государственной экономической академии. Серия «Социально-экономическое развитие и образование». 2015. Т. 25. № 5. С. 842–851.
4. Золин И. Е., Кобыляцкий М.К. Цифровизация как фактор динамики рынка труда // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Т. 10, № 3. С. 314–325.
5. Кабалина В.И., Макарова А.В., Решетникова К.В. Мотивация работников к обучению цифровым навыкам // Российский журнал менеджмента. 2020. № 18 (3). С. 411–432.

6. Кириллов А.В. Развитие корпоративного обучения в современных условиях // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. № 5. С. 6–15.
7. Кириллов А.В. Системы интенсивного обучения персонала. // *Управление человеческими ресурсами*. 2014. № 2. С. 70–77.
8. Мельничук Л.В. Система корпоративного обучения и развития персонала в организации // *Проблемы науки*. 2016. № 12 (13). С. 72–79.
9. Севрюкова Е.А. Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики // *Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков: материалы Всерос. Научно-методической конф.* 2019. С. 159–162.
10. Устинова О. Н., Волкова Л.М., Дасько М.А., Голубев А.А., Даценко А.А., Васильев Д.А. Цифровизация образования в современных условиях // *Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта*. 2021. № 3 (193) С. 433–436.
11. Чуланова О. Л., Тимченко Я.А. Корпоративное обучение персонала и методы его оценки: подходы, инструментарий, проблемы и пути их преодоления // *Интернет – журнал «Науковедение»*. 2016. Т. 8. № 1. С. 1–25.

SOCIOLOGICAL TOOLS FOR ADAPTING FLEXIBLE METHODS OF TRAINING STAFF IN DIGITAL TECHNOLOGIES

Kobylyatskiy M.K.

Lobachevsky State University

The purpose of this article is to study and analyze methods for training employees in digital skills essential for effective functioning in today's labor market, where process digitalization is a key factor for company efficiency and competitiveness. This research is based on comparative analysis and expert interviews aimed at identifying the strengths and weaknesses of various training formats, such as online courses, workshops, seminars, mobile applications, partnership programs, and academic courses. The findings indicate that online courses and mobile applications are convenient for broad coverage and allow training to be adapted to employees' schedules, minimizing disruption to their work tasks; however, they require additional measures to maintain motivation and engagement. Workshops and seminars provide practical interaction and experience-sharing, facilitating deeper comprehension of the material but may be cost-in-

tensive for the company. Partnership programs and academic education, while providing fundamental knowledge, are not always suitable for rapid acquisition of specialized competencies. The study's conclusions emphasize the need for a flexible training approach that combines diverse methods, considering employees' individual needs and enabling quick and efficient mastery of digital skills. Such an approach ensures the successful integration of digital tools into business processes, supports sustainable development, and enhances companies' adaptability and competitiveness in the face of continuous change in the digital age.

Keywords: digitalization, employee training, digital skills, competitiveness, employees' motivation, digital education.

References

1. Alekseeva A.Z. Digitalization of education: blended learning technology // *Pedagogical sciences. Series "Vestnik of NEFU"*. 2020. No. 3 (19). Pp. 5–9.
2. Gileva T.A. Competencies and skills of the digital economy: development of a personnel development program // *Bulletin of USPTU. Science, education, economics. Series economics*. 2019. No. 2 (28). Pp. 22–35.
3. Gineva S. B., Dolzhenko R.A. Transformation of the corporate training system of the personnel of a Russian company based on a corporate university. // *Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. Series "Socio-economic development and education"*. 2015. Vol. 25. No. 5. Pp. 842–851.
4. Zolin I. E., Kobylyatskiy M.K. Digitalization as a factor in the dynamics of the labor market // *Social and humanitarian knowledge*. 2024. Vol. 10, No. 3. Pp. 314–325.
5. Kabalina V. I., Makarova A.V., Reshetnikova K.V. Motivating employees to learn digital skills // *Russian Management Journal*. 2020. No. 18 (3). Pp. 411–432.
6. Kirillov A.V. Development of corporate training in modern conditions // *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2014. No. 5. Pp. 6–15.
7. Kirillov A.V. Intensive personnel training systems. // *Human Resource Management*. 2014. No. 2. Pp. 70–77.
8. Melnichuk L.V. The system of corporate training and personnel development in the organization // *Problemy nauki*. 2016. No. 12 (13). P. 72–79.
9. Sevryukova E.A. Training in digital skills: global challenges and best practices // *Experience of an educational organization in the field of digital skills development: Proc. of the All-Russian Scientific and Methodological Conf.* 2019. P. 159–162.
10. Ustinova O. N., Volkova L.M., Das'ko M. A., Golubev A.A., Datsenko A.A., Vasiliev D.A. Digitalization of education in modern conditions // *Scientific notes of P.F. Lesgaft University*. 2021. No. 3 (193) P. 433–436.
11. Chulanova O. L., Timchenko Ya.A. Corporate personnel training and methods of its assessment: approaches, tools, problems and ways to overcome them // *Internet journal "Science Studies"*. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 1–25.

Транснациональные корпорации, современный капитализм и будущее общества в эпоху генетических технологий

Леусенко Ирина Валерьевна,

к.с.н., заместитель директора Ростовского института ВГУЮ
(РПА Минюста России)

В статье исследуется влияние транснациональных (многонациональных) корпораций на существующую модель экономического развития в условиях применения новейших технологий. Сохранение прежней модели рыночных отношений, в основе которой лежит стремление к получению прибыли, интенсификация производства и минимизация затрат, не может являться ориентиром для будущего развития сообществ в большинстве стран мира. Такая экономическая модель приводит к сохранению прежних проблем и возникновению новых, трудно устранимых проблем вследствие включенности ТНК (МНК) и используемых ими технологий в общественное развитие. Первые ТНК (МНК) возникли в Англии, но развитие следующего поколения транснациональных (многонациональных) организаций произошло в период между двумя мировыми войнами в США. В РФ спустя тридцать лет после перехода к рыночной экономике растет понимание того, что рыночные механизмы не могут являться универсальным решением для большинства проблем. Статья подготовлена на основе теоретического анализа деятельности транснациональных (многонациональных) корпораций, представленного в ведущих изданиях США и отечественной научной периодике. Несмотря на лоббизм и скрытое противодействие независимым исследованиям, в американском научном сообществе и общественных кругах сложилось сообщество авторов, критически оценивающих вклад ТНК (МНК) в развитие науки и общественных систем. В статье анализируется экономическая деятельность ТНК на рынках развивающихся стран, способствующая образованию жесткой зависимости производителей сельскохозяйственной индустрии от генномодифицированной продукции ТНК (МНК).

Ключевые слова: транснациональные корпорации, многонациональные корпорации, ТНК, МНК, рыночная экономика, будущее общества, образ будущего, социальные коллективы, экономические субъекты, домохозяйства, «наблюдающий капитализм», генетические технологии, «генетическая эксплуатация».

Введение

Начиная с 90-х годов XX в., в отечественном дискурсе успела утвердиться точка зрения о прогрессивности рыночной экономики и экономического строя развитых капиталистических стран. Подобная теоретическая позиция обусловлена целым рядом причин. Конечно, решающую роль сыграла и увлеченность исследователей содержанием новой теоретизируемой реальности, и сама возможность изучать темы, ранее подлежащие запрету. Вместе с тем, наука отражала содержание мифов, доминирующих в общественном сознании. С одной стороны, существовал миф о безусловных преимуществах рыночной экономики, который имел важное политическое значение, поскольку он апеллировал к возможным положительным результатам резкой смены модели экономического и общественного развития. С другой, наличие подобной фикции в общественном сознании являлось результатом идеологического воздействия западных средств массовой информации на советских граждан. Кроме того, специфика экономического развития СССР и особенности организации производства приводили к товарному дефициту, нехватке продукции легкой промышленности. Недостатки в сфере потребления служили питательной основой для сравнения капиталистической и социалистических экономик не в пользу последней в среде представителей творческой интеллигенции, дипломатических работников и высококвалифицированных специалистов, выезжавших из СССР за границу. Тем не менее, те, кто имел возможности на более длительной основе познакомиться с принципами существования капиталистического общества и рыночной экономики, понимали иллюзорность, кажимость многих преимуществ, отмечали минусы в общественном развитии западных стран. Осознание таких преимуществ социалистического строя, как социальная стабильность, безопасность, низкий уровень преступности, бесплатная медицина и образование, пришло значительно позднее, когда эйфория от ускоренной социальной модернизации сменилась ощущением социальной катастрофы, депрессивными состояниями и суицидальными проявлениями в массовом масштабе.

Целью данной статьи является изучение особенностей современного капитализма, формирующих основания развития не только западных обществ, но и российского общества. Как отмеча-

ет Р. Враскен «три миллиарда человек присоединились к капиталистической системе после краха коммунизма и демонтажа протекционистских режимов» [1, р. 24]. После значительных социальных трансформаций в Восточной Европе такие экономические субъекты как домохозяйства, предприятия, а также государство, контролирующее производство и организующее социальную жизнь, превратились в реципиентов, а затем и агрегаторов ценностей рыночной экономики. Отечественные экономисты утверждают, «прямые экономические ценности включают свободу предпринимательства, свободу конкуренции, труд как возможность зарабатывать деньги. Более общие ценности, следование которым создаёт условия для существования рыночной экономики, – это верховенство права, ответственность, обязательность и другие» [2, с. 124]. Однако современная экономическая модель не демонстрирует генерации подобных ценностей в рамках сообществ западноевропейских государств. Прежде всего, это относимо к ценностям предпринимательства, свободы конкуренции, поскольку в современном мире в условиях концентрации производственных мощностей и капитала невозможно говорить о равенстве и свободе в предпринимательской деятельности. Продуцентами такой концентрации являются транснациональные корпорации или, как принято называть их в зарубежной литературе, многонациональные корпорации. Они являются основными движителями мировых и национальных экономических процессов, вслед за которыми изменяется и содержание общественной и культурной жизни без преувеличения всего населения планеты.

Транснациональные корпорации и современный капитализм

Вследствие того, что развитие институтов рыночной экономики в США и европейских государствах охватывает значительно больший период, среди представителей научного сообщества этих стран на протяжении XX в. сформировалась дискуссия о возможных способах преодоления негативных последствий рынка. Авторы прежде всего беспокоились не степень концентрации производства и капитала, а та потогонная система, которая была свойственна рыночной экономике как на заре капиталистических отношений, так и в нынешних условиях. И сегодня авторы отмечают, что на фоне возросшей эксплуатации наемные работники беднеют, а покупательная способность населения уменьшается. Это особенно характерно для развивающихся стран-реципиентов экономического участия многонациональных корпораций. Однако, как отмечает Р. Враскен, «в американских дебатах первой половины двадцатого века отсутствовал новый действующий участник: транснациональная корпорация [1, р. 25]. «Сегодня транснациональные

корпорации – пишет автор, являются наиболее важным институтом экономического развития, социальных изменений, технологий и, давайте посмотрим правде в глаза, динамизма и новых идей. По этим причинам она занимает центральное место в мировом экономическом развитии. Некоторым людям это может не понравиться. Но даже критики должны признать, что... изучать глобализацию без участия многонациональных корпораций – все равно, что смотреть на президентские выборы, не принимая во внимание роль денег» [1, р. 25].

Масштабы экономических и финансовых возможностей транснациональных корпораций сопоставимы с возможностью государств и даже превосходят их. Например, суммарный годовой доход «Walmart» (американская компания, управляющая крупнейшей в мире сетью оптовой и розничной торговли согласно «Global Powers of Retailing»; на «Walmart» приходится 10% общей выручки всех участников) в 2024 году составил 648, 13 млрд долл. [3]. Для сравнения доходная часть федерального бюджета Германии составляет 427,5 млрд евро [4], то есть, около 463,1 млрд долларов, доходы французской экономики, обогнавшей в 2024 году после COVID-19 немецкую – 485, 4 млрд евро (почти 526 млрд долл.) [3]. Бюджет Российской Федерации на 2025 год составляет около 40,3 трлн руб. (411,2 млрд долл.) [5]. Следует отметить, что государства в отличие от транснациональных корпораций несут большие военные, социальные и иные расходы (как правило, большинство государственных бюджетов являются дефицитными), тогда как ТНК аккумулируют доходы.

Однако не только доходы транснациональных корпораций определяют их значение для современной модели капитализма и общества. Во-первых, эти компании демонстрируют высокий уровень организации, что способствует удобству покупателей и снижению цены на продукцию. Во-вторых, их организационный и промышленный потенциал является движущей силой глобализационных процессов. В-третьих, экономические усилия ТНК преобразуют целые страны. Например, влияние ТНК обусловило перемещение больших групп населения в прибрежные районы Китайской Народной Республики. В-четвертых, в целом ТНК изменили рынок труда в развивающихся странах. Когда в 2012 году на окраине столицы Бангладеш Дакки на швейной фабрике по пошиву брендовых изделий для европейских потребителей и армии США вспыхнул пожар и погибло около 120 работников, на предприятие приехали представители западных средств массовой информации. Они спросили у пострадавших, о чем они задумываются после трагедии?

Ответ поразил журналистов: рабочие попросили зарубежных заказчиков и далее размещать свои заказы на их предприятии. У этого ответа есть свои веские причины. Трагедия работников

фабрики «Tazreen», а также других предприятий в Бангладеш, на которых произошли пожары, показывает, что транснациональные корпорации, являясь лидерами рыночной экономики, тем не менее, не меняют содержания капиталистических отношений. Коммерческая организация стремится к максимизации прибыли и минимизации любых расходов. Так, например, несмотря на широкий международный резонанс только 15 мая 2013 года (спустя 6 месяцев после трагедии) компании-владельцы брендов, чья одежда производилась на фабрике «Tazreen Design Ltd» собрались в Женеве для обсуждения компенсационных выплат пострадавшим. Уже упомянутая многонациональная компания «Walmart» отказалась отправлять своих представителей на встречу [6]. При этом, согласно газете «The New York Times», компания «Walmart» сыграла важную роль в блокировании реформ, направленных на то, чтобы повысить розничные цены на товары, производимые фабриками и улучшить стандарты безопасности. Как заявила директор «Walmart» по этичному поиску поставщиков Шридеви Калаваколану, компания не согласится платить больше, так как такие улучшения ... будут «очень масштабными и дорогостоящими» и что «брендам не по карману делать такие инвестиции» [7].

В дальнейшем, «Walmart» сообщил, что жертвует 1,6 млн долл. Институту устойчивых сообществ на создание Академии окружающей среды, здоровья и безопасности в Бангладеш [8]. Представители Консорциума по защите прав работников сочли пожертвование слишком незначительным для обеспечения безопасности отрасли, поскольку на многих фабриках в Бангладеш отсутствуют базовые средства пожарной безопасности [6]. Принятые меры не привели к прекращению протестов работников, перекрывших одну из значимых магистралей Бангладеш, однако повысили акции «Walmart». Ассоциация производителей и экспортеров одежды Бангладеш предложила компенсацию в размере 1250 долларов каждой семье погибших, что составляло примерно двухлетнюю зарплату среднестатистического фабричного рабочего [9].

Справедливости ради следует отметить, что «Walmart» все-таки организовал изменения в системе пожарной безопасности фабрик в Бангладеш. В целях повышения благосостояния фабрик и работников более 24 американских компаний, инициированных «Walmart» и «Gap Inc», подписали соглашение. Оно обязывало их инвестировать в проверки и модернизацию фабрик, а также лично контролировать проверки 600 фабрик по производству одежды в Бангладеш [10]. Более 100 европейских брендов согласились сохранить свои контракты с фабриками Бангладеш и в течение двух лет оплачивать часть расходов на модернизацию и техническое обслуживание, контролируя при

этом около 1600 швейных фабрик. Однако, главное заключается в другом. Посредством применения таких методов «наблюдающего капитализма» нового типа, надзорного капитализма (когда экономические и правовые методы используются для организации контроля за предприятием поставщика) формируется ситуация, при которой формально, с точки зрения отношений собственности фабрика остается за прежними собственниками, на их балансе (за собственником остаются и все обязательства по отношению к работникам), но в условиях тотальной экономической зависимости от заказчика производитель фактически теряет право распоряжения предприятием, попадая в «кабалу» правовых запретов и разрешений со стороны многонациональной фирмы-заказчика.

Речь идет о «надзорном» капитализме, который получил рассмотрение в работе Ш. Зубофф «Эпоха надзора капитализма: борьба за человеческое будущее на новой границе власти»; нам же представляется принципиально важным разделить в научных целях «капитализм наблюдения» и «капитализм надзорный», поскольку посредством использования экономических и правовых правил такие институты глобальной экономики, как транснациональные корпорации могут контролировать участников производственного процесса в менее развитых странах; иными словами, если раньше система контроля базировалась исключительно на экономических инструментах (обладающий большими финансовыми ресурсами капиталист мог диктовать такие значимые для предпринимательской деятельности условия, как цена товара, качество товара, регион закупки сырья, использующиеся производственные мощности для его производства), то теперь к ним прибавились многочисленные правовые методы контроля контрагентов. Такие методы используют не только собственно участники экономических отношений, но и государства, дискриминируя на рынке предприятия других стран. Такой капитализм лучше характеризовать как надзорный капитализм, поскольку через использование правовых механизмов ТНК надзирают за другими участниками экономической игры.

Транснациональные корпорации и генная инженерия

Как мы могли убедиться ранее, транснациональные корпорации и их владельцы не готовы брать на себя ответственность в модернизации промышленных отраслей, не говоря уже об изменениях в сфере трудовых отношений, без чего невозможно построение общества позитивного будущего. Несмотря на все изменения, капиталистическая система в качестве своей главной цели ориентируется на получение прибыли и ее сверхнакопление. Все изменения в области технологии труда, будь то изменения в орга-

низации конвейерного производства в XX в., или новейшие изменения, связанные с выводом на аутсорсинг в развивающиеся регионы мира целых звеньев технологического комплекса (что приводит к сокращению рабочих мест в тех странах, где стоимость труда выше), являются следствием усилий по увеличению прибыли и уменьшению расходов. Даже гуманитарная деятельность транснациональных корпораций (решение социальных проблем в странах и регионах присутствия компании, может включать поддержку здравоохранения, образования, экологии и других направлений) способствует укреплению их монопольного положения на рынках и интеграции в политическое пространство стран пребывания.

Так, отечественный исследователь Н.О. Юдин отмечает, что компания «Nestle» в Колумбии реализовала комплекс гуманитарных проектов, затрагивающих интересы работников в сфере выращивания и переработки какао-бобов. В частности, был реализован специализированный проект для женщин-работниц по гендерному равенству и их образованию в университетах Латинской Америки, сотрудничающих с европейскими и американскими вузами в рамках программ студенческой мобильности. Для развития местного предпринимательства компания отобрала 10 000 человек среди представителей молодежи из различных стран Латинской Америки (колумбийцев среди них было только 1200 человек), которые прошли стажировку в бизнес-структурах Nestle [11, с. 105–106].

Зарубежные исследователи более категоричны в оценках подобной деятельности ТНК. Например, представители Институт Браунстоуна¹ выделяют такие ключевые особенности, характерные для «надзорного капитализма» и в полной мере отвечающие практике реализации социальной политики транснациональных корпораций: а) тайный сбор информации о пользователях; б) культивирование «радикального безразличия» с использованием властных институтов, приводящего к тому, что пользователи не обращают внимание на наблюдение и манипуляции; в) сотрудничество с государством в виде партнерства с правительствами; г) создание благоприятных законов, охрана правопорядка и обмен информацией для укрепления своей власти [12].

«Надзорный капитализм» и генетические технологии

Применительно к сфере генетических технологий подобные черты «наблюдающего капитализма» могут усиливаться многократно, не просто изменяя

общественные структуры, не только формируя образ будущего в общественном сознании, но и создавая новую реальность. Часть этой реальности в виде реализации новых генетических технологий в сельском хозяйстве уже существует. Новые сорта овощей и фруктов не восприимчивы к болезням и насекомым, они могут сохранять свои потребительские свойства более длительное время, но отличаются их природные признаки.

Например, картофель с геном подснежника оказывается устойчивым к заморозкам. В генотип кукурузы был добавлен ген скорпиона, отвечающий за адаптацию к засушливым условиям среды. Такая кукуруза может храниться дольше, не теряя влагу. Чтобы кукурузу не пожирали вредители, ей привили активный ген, полученный из яда змеи. Для придания морозоустойчивости помидорам и клубнике, им модифицировали гены путем введения генов северных рыб [13, с. 115]. Исследования о вреде подобных продуктов практически не ведутся. С одной стороны, специалисты отмечают, что необходимо накопить соответствующую эмпирическую базу для исследований, то есть, должно пройти около 50 лет после использования в пищу генномодифицированных продуктов для оценки здоровья человеческих популяций. С другой стороны, транснациональные корпорации не заинтересованы в проведении подобных исследований.

Сфера генетических технологий в полной мере характеризует содержание деятельности транснациональных корпораций и их роль в развитии современного «надзорного капитализма». Кроме того, их развитие наложилось на плоды длительного антропогенного воздействия на биологические системы европейского континента. Обычно вред, наносимый человеком природе, связывается с внесением химических веществ в почву, однако это только часть антропогенного давления. Основной тенденцией развития сельского хозяйства в Европе на протяжении XVIII–XIX в. была интенсификация, обратной стороной которой стал рост гомогенности культур и снижение биоразнообразия. Сокращение ландшафтного разнообразия вследствие возросшей механизации и увеличения площади ферм, упрощение севооборотов привели к упрощению сообществ растений и животных, нарушению пищевых цепочек и сокращению численности многих видов сельскохозяйственных культур, а также ухудшению состояния почв, их эрозии, уплотнению, потере органических веществ.

Не стоит думать, что рост численности населения Земли неизбежно приводит к подобным последствиям. Например, население Китая с 1600 по 1800 г. выросло со 100 до 350 миллионов жителей. Иными словами, прирост населения составил больше, чем все население Европы в тот период, однако интенсификация производства осуществлялась здесь за счет использования новых, ор-

¹ некоммерческая организация, основанная в мае 2021 года; ее деятельность основана на поддержке добровольного взаимодействия отдельных лиц и групп, стремящихся к минимизации применения силового воздействия корпораций и государства.

ганических удобрений. Китай был родиной трехполья, эту систему севооборота, основанную на том, что поле засеивается одним набором культур в один год, другим набором на второй год и оставляется под паром на третий год. Эту систему у китайцев переняли в средние века европейцы. Однако с ростом населения в Китае попробовали использовать новые удобрения. В дополнение к удобрениям животного происхождения (свиной навоз, птичий помет, ил из прудов для разведения рыбы) Китай стал первооткрывателем крупномасштабного повторного использования пищевых отходов в качестве удобрений. В китайской кухне повсеместно используется соевый соус, тофу и кулинарный жир, получаемый посредством отжима и переработки соевых бобов, рапса и других семян овощных культур. Остатки отжима, переработанные семена, бобы и шелуха собирались в жмых и продавались как удобрение, использовавшееся на рисовых полях и других засеянных землях. Доступность этого дополнительного, простого в использовании удобрения и распространение раннеспелых пород риса позволили выращивать два урожая за сезон. Кроме того, китайские крестьяне разработали передовые технологии посева и ирригации. Азиатский буйвол использовался не только при вспашке почвы, но и при накачке воды для орошения, что снижало затраты человеческого труда. Это позволило обеспечить биоразнообразие и не переходить к четырехпольной системе, как в Европе. В некоторых районах Китая культивирование риса чередовалось с пшеницей или бобовыми, выращивание хлопка и кукурузы распространилось на песчаные и холмистые почвы, менее подходящие для риса, а по краям рисовых полей для выращивания шелка высаживались тутовые деревья. То есть, начиная с XVI в. китайцы опережали европейцев по части внедрения новых культур. К концу XVIII в. китайцы обобщили свою новую систему ведения сельского хозяйства двумя пословицами: «одна семья, десять му», которая означала, что небольшой земельный участок (10 му – это примерно 0,4 гектара) мог прокормить семью и «мужчина пашет, женщина вяжет», которая означала, что земледелие теперь было почти полностью мужской работой, а женщины работали дома над текстильной продукцией. В Европе же вынуждены были перейти к четырехполью, которое на самом деле способствовало обеднению земли (см. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М., Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.). Причина такого перехода заключалась в особенностях политического устройства, утвердившегося на европейском континенте (дефицит территорий, конкуренция и война за них, наличие большого количества европейских государств как результат политики разделов и властуй, длительное время проводимой католическим Ватиканом). По сути, те преи-

мущества в европейском развитии, в которых нас хотят убедить, на самом деле являлись достаточно пагубными, отрицательными чертами в развитии европейской цивилизации. Рост численности населения Европы на разных временных этапах в 2–3 раза очень сильно отразился на ее развитии. До XI века 3/4 территорий Европы были покрыты буковыми и дубовыми лесами, но уже в XII–XIII веках просматривается сильнейшее сокращение лесных массивов. Это было связано с увеличением населения: лес использовался как строительный материал, а земля распахивалась под поля.

Интенсификация сельского хозяйства в Европе основывалась на четырехполье, когда четверть земли использовалась для кормовых культур, еще одна четверть шла на азотфиксирующие культуры, вроде клевера, фасоли или гороха, а остальная земля могла засеиваться зерновыми (одну часть отводили под пшеницу, а другую под ячмень). Землю засеивали культурой, обеспечивавшей обильные корма для скота, например, турнепсом или люцерной, а животных содержали и кормили прямо в стойлах или загонах. Однако у этой новой сельскохозяйственной технологии были и свои *отрицательные последствия, более отдаленные, чем это могло показаться на первый взгляд*. Во-первых, подобный переход был достаточно дорогостоящим для крестьян, вынужденных теперь и возводить хозяйственные постройки для скота, и инвестировать в турнепс и люцерну. Поэтому интенсификация, следствием которой становилось увеличение производства зерна и мяса (так как увеличивалась кормовая база для скота) проводилась там, где активно развивались города. Там, на городских рынках, крестьяне могли продать излишки зерна и мяса. Первоначально, это были районы современной Бельгии, некоторые регионы Франции. В остальных районах крестьяне перешли на производство винограда для виноделия [15, с. 121].

Во-вторых, более долгосрочные последствия для сельского хозяйства Европы заключались в том, что четырехполье (поскольку земля засеивалась одними и теми же культурами) и производство винограда для виноделия способствовали снижению биоразнообразия (к тому же, виноград относится к интенсивным культурам с очень высокой степенью эксплуатации плодородия почвы). В результате таких изменений в технологиях сельскохозяйственного производства в Европе биоразнообразие заметным образом сократилось. *И это сыграло свою крайне отрицательную роль на следующем технологическом витке*, когда ТНК вместе с государственными структурами США начали проводить так называемую «Зеленую революцию»¹.

¹ Термин «Зеленая революция» был введен в противовес «Красной революции», способствовавшей возникновению СССР и «Белой революции» в Иране, проводившейся шахом Мо-

В 1940 году вице-президент США Г.Э. Уоллес посетил с визитом Мексику, в экономике которой были осуществлены первые мероприятия «Зеленой революции». До этого Г.Э. Уоллес дважды занимал пост министра сельского хозяйства при президенте Ф.Д. Рузвельте и был основателем фирмы Pioneer Hi-Bred, значительно повысившей урожайность кукурузы путем селекции семян. Находясь на новом посту Г.Э. Уоллес, убедил Фонд Рокфеллера профинансировать сельскохозяйственную станцию в Мексике для скрещивания кукурузы и пшеницы в засушливом климате. Проект был поддержан правительством Мексики, Организацией Объединённых Наций и Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ФАО). Руководитель проекта Н. Борлоуг спустя тридцать лет в 1970 году получил Нобелевскую премию Мира с формулировкой «За вклад в решение продовольственной проблемы, и особенно за осуществление Зеленой революции».

Вместе с тем, из-за широкого распространения минеральных удобрений и пестицидов в ходе «Зеленой революции» возникли проблемы экологического характера. Интенсификация земледелия нарушила водный режим почв, что вызвало масштабное засоление и опустынивание. Ядохимикаты на основе меди и серы, вызывающие загрязнение почвы тяжёлыми металлами, к середине XX века были заменены различными хлор- и фосфорорганическими соединениями, однако это имело не только положительный эффект, но и свои отрицательные последствия. В отличие от более старых препаратов новые вещества действовали в более низкой концентрации. Это позволило снизить расходы на химическую обработку, но многие из веществ оказались устойчивыми, накапливались в организме человека и в целом плохо разлагались. Например, производное хлорбензола (сокращенно ДДТ) было найдено даже у животных Антарктиды, то есть, в тысячи километров от ближайших мест применения этого химиката [16, p. 3960].

Известный американский философ и социолог Дж. Зерзан так оценил социальные последствия «Зеленой революции» в своем эссе «Агрокультура: демонический двигатель цивилизации»: «Ещё одним послевоенным феноменом стала «Зелёная Революция», заявленная в качестве спасения доведенных до нищеты стран «третьего мира» с помощью американского капитала и технологий. Но вместо того, чтобы накормить голодающих, «Зелёная Революция» выгнала миллионы жертв программы, поддерживающей крупные корпоративные фермы, с пахотных земель Азии, хаммедом Реза Пехлеви в 1963–1979 годы и завершившейся глубочайшим государственным кризисом; надо отдать должное автору термина «Зеленая революция» бывший директору Агентства США по международному развитию В. Гауду в том, что его термин в полной мере отражал двойственное содержание результатов этой революции).

Латинской Америки и Африки. Результатом стала чудовищная технологическая колонизация, поставившая мир в зависимость от капиталоемкого сельскохозяйственного бизнеса и уничтожившая прежние земледельческие общины. Появилась нужда в обширных затратах ископаемого топлива и, в конце концов, эта колонизация обернулась беспрецедентным насилием над природой» [Цит. по: 17, с. 123]. Иными словами, изменения в рамках существующей на протяжении более 300 лет модели капиталистического развития, обусловили те структурные изменения в жизни общества, которые навсегда поменяли образ жизни большинства человеческих коллективов и потребовали все новых и новых технологических, социальных, политических, культурных и иных новаций. Особенность современной ситуации, связанной с так называемой второй «Зеленой революцией», то есть, дальнейшей интенсификацией сельскохозяйственного производства на основе генетических технологий, заключается в том, что в Европе подобная интенсификация невозможна не только в силу занятости земель, специализации сельских хозяйств, или высокой стоимости наемного труда, а по причине гомогенизации сельскохозяйственных культур в ходе изменений в сельском хозяйстве Европы, основанных на введении четырехполья. Они привели к генетической однородности и сделали развитые страны «генетически бедными».

«Надзорный капитализм» и эксплуатация на основе генетических технологий («генетическая эксплуатация»)

Развивающиеся страны с большими сомнениями относятся к научным изысканиям транснациональных корпораций, подозревая их в организации нового витка эксплуатации и колониализма. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) еще в 1996 году сделала вывод о том, что *наибольший процент мировых генетических ресурсов находится в развивающихся странах*. Многонациональные корпорации, создавая генетические улучшения сельскохозяйственной продукции, регистрируют на них патенты. В результате генетические ресурсы глобального Юга стали стремительно приобретаться транснациональными корпорациями Севера. Генная инженерия и пожизненные патенты ускоряют превращение растений, животных и микроорганизмов в «простые коммерческие товары, лишённые какого-либо священного характера» [Цит. по: 18]. Годы биопоисков, проводимых фирмами Севера, привели к приобретению Севером значительного процента зародышевой плазмы Юга, что привело к перераспределению генетических ресурсов. Поскольку фактически вся эта зародышевая плазма была собрана до вступления в силу Конвенции о биологическом разнообразии (1992), эти мате-

риалы в настоящее время находятся за пределами юрисдикции конвенции. Иными словами, сами растения, микроорганизмы находятся в странах глобального Юга, *однако генетические «ключи»* от них в условиях развития генетических технологий в развитых странах находятся на Севере. «Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения», принятый в качестве одного из дополнительных документов к конвенции в 2010 году в г. Нагоя (Япония) и вступивший в силу в 2014 году предусматривает создание пунктов для мониторинга использования генетических ресурсов (ст. 17), что, как отмечает большинство экспертов, может только забюрократизировать механизм реализации соглашения. К тому же, его содержание предусматривает разработку на его основе соответствующих правовых механизмов контроля в сфере национального законодательства, однако, во многих государствах, присоединившихся к протоколу, они недостаточно разработаны, не развивается законодательное регулирование в области защиты прав интеллектуальной собственности, не установлены меры ответственности юридических и физических лиц в случае несоблюдения Протокола [19, с. 5].

Специфика новых технологий, оказывающих влияние на генетический аппарат растений и животных, и таким образом влияющих на все жизненно важные элементы живых организмов, способствует усилению процесса концентрации капитала, увеличению слияний и поглощений в больших масштабах, нежели в других сферах экономики. Многонациональные предприятия, занимающие доминирующее положение в продажах пестицидов, семян, фармацевтических препаратов, продуктов питания и ветеринарных препаратов для животных стали «генными гигантами». Как отметил генеральный директор Novartis Д. Васелла, «общим знаменателем нашего бизнеса является биология...» [Цит. по: 20, с. 21]. Традиционные границы между фармацевтическими, биотехнологическими компаниями, агробизнесом, пищевой, химической, косметической промышленностью и энергетическим сектором размываются под лозунгом использования «единых наук о жизни». Транснациональные корпорации используют генетические технологии, чтобы стать доминирующими экономическими субъектами во всех этих отраслях промышленности. Крупные предприятия проводят реструктуризацию, чтобы воспользоваться преимуществами молекулярной революции и взаимодополняющего использования таких технологий, как высокопроизводительный скрининг, комбинаторная химия, трансгеника, биоинформатика и геномика. Например, пять компаний контролируют 75% мирового рынка семян овощных культур, всего 4 компании контролируют 69% о североамериканском рынке семенной кукурузы,

47% рынка сои (DuPontPioneer, Monsanto, Novartis, Dow). В руках у мелких производителей в США находится только 25% семян североамериканской сои, которые сохраняются фермерами, а не приобретаются заново [Цит. по: 20, с. 21].

В развивающихся же странах ситуация значительно сложнее. Многонациональные корпорации продают такой семенной материал, который не способен давать новые семена на следующий год. Практически все генные гиганты – Monsanto, Novartis, Astra/Zeneca, DuPont, Rhone Poulenc производят такие семена, но в современных условиях к этому генетическому манипулированию добавилось новое. Новое поколение патентов защищают разработку семян-самоубийц, которые реагируют на внешний химический «индуктор», смешанный с запатентованными агрохимикатами компании. Это означает, что генетические свойства семян можно включить или выключить простым применением определенного химического стимулятора. То есть, например, семена «Monsanto» не произрастают, если потребитель не использует химикаты компании. Патент Novartis (US 5, 789, 214) описывает способ химического регулирования ряда процессов развития в растения – такие как прорастание, прорастание, цветение, созревание плодов и т.д. Все это резко увеличивает продажи запатентованных агрохимикатов и других материалов.

Генные гиганты контролируют не только семеноводческую промышленность, но и фармацевтику, рынок медицинских услуг для животных. 10 крупнейших ветеринарно-санитарных компаний контролируют примерно 60% отрасли животноводства. Эта тенденция отчасти обусловлена способностью многонациональных компаний патентовать инновации, тем самым получая права собственности на технологию.

Заключение

Генетические технологии являются только частью плана по созданию общества будущего. Его составными элементами является и переселение больших масс населения, иммиграционные потоки в Европу и США. С одной стороны, миграция позволяет снизить остроту кризиса для миллионов людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации вследствие политических кризисов и распада стран в ближневосточном регионе, крайне затруднительного финансового положения многих стран Африки и Латинской Америки. С другой, иммигранты являются дешевой рабочей силой. Одновременно, это часть культурной гомогенизации как процесса «в котором местные культуры изменяются или поглощаются доминирующей внешней культурой» [18].

Транснациональные корпорации, лоббируя свои интересы и предлагая свою продукцию потребителю, оказывают значительное влияние на со-

циальную и культурную сферу принимающих обществ. Вместе с тем они предпочитают не брать ответственность за разрешение насущных общественных проблем, полагая, что это не является целью их экономической деятельности. Те или иные социальные проекты транснациональных организаций так или иначе направлены на поддержание коммерческих интересов компаний. Такая политика противоречит тому, какую роль транснациональные корпорации играют в общественных изменениях. Опираясь на свою экономическую активность в различных странах мира, они меняют экономический уклад и повседневность населения целых стран.

Таким образом, преобразование принимающих обществ осуществляется на основе реализации экономических интересов корпораций. Кроме того, эти интересы формируют структуру экономической деятельности принимающих стран, способствуют созданию так называемых «потогонных» фабрик в развивающихся государствах. В определенном смысле, большинство экономик стран, связанных с массовым производством тех или иных видов продукции (зерно, кофе, какао, нефть) являются такими «потогонными» фабриками для ТНК.

Все это свидетельствует о том, что если формирование контуров общества будущего будет по-прежнему осуществляться на основе прежней экономической модели, то человечество приобретет новые проблемы, не разрешив старых. Опасность генетических технологий, ставящих под сомнение целостность человеческой природы и биоразнообразии мира растений и животных, приобретет характер неустрашимой проблемы. Результаты развития геномной инженерии в области сельского хозяйства и производства продуктов питания, зависимость всего человеческого сообщества от коммерческих интересов гигантов сельскохозяйственной индустрии, то есть, то, что уже является экономической и социальной реальностью человечества, значительно осложняет как позитивное восприятие образа будущего, так и становление структур будущего развития социальных коллективов.

Литература

1. Bracken P. The Multinational Corporation Today Paul Bracken Yale School of Management // SS-RN Electronic Journal, 2004, March. 9 p.
2. Демина И.Н. Ценности рыночной экономики как «Ядро» экономической массовой коммуникации // Известия Байкальского государственного университета. 2013. № 2. С. 124–128.
3. База статистических данных компании «Statista» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.statista.com/statistics/555334/total-revenue-of-walmart-worldwide/> (справочно: Statista – немецкая компания, специализирующаяся на рыночных и потребительских данных; по данным компании, её платформа содержит более 1 млн статистических данных по более чем 80000 темам из более чем 22.500 источников и 170 различных отраслей промышленности), (дата обращения: 02.09.2024).
4. По данным министерства финансов Германии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Standardartikel/Press_Room/Publications/Monthly_Report/Key_Figures/2024/2024-02-federal-budget.html (дата обращения: 02.09.2024).
5. Бизнес онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/649634> (дата обращения: 02.09.2024).
6. Dudley R. Wal-Mart, Sears Refuse Compensation for Factory Victims // Bloomberg, 15 April 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-14/wal-mart-sears-refuse-compensation-for-factory-victims> (дата обращения: 02.09.2024).
7. Greenhouse S. Documents Indicate Walmart Blocked Safety Push in Bangladesh // The New York Times, 27 April 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/12/06/world/asia/3-walmart-suppliers-made-goods-in-bangladeshi-factory-where-112-died-in-fire.html>
8. Wohl J. Walmart Looks To Tighten Controls On Suppliers, Donates To Bangladesh Factory Training School // Reuters, 2013, Apr 9. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.huffpost.com/entry/walmart-suppliers-bangladesh-factory_n_3044266
9. Alam J. 112 killed in fire at Bangladesh garment factory // Associated Press, 25 November [Электронный ресурс]. – URL: https://archive.fo/20240526093140/https://www.webcitation.org/6CRQQJVUr?url=http://www.google.com/hostednews/ap/article/ALeqM5g-KXx_gqe1uGuwA27iYzcFwIAtKYw%3FdocId=-3298302046584f89a10d067cc2a3578
10. Al-Mahmood S.Z. Safety Groups Agree on Standards for Bangladesh Garment Factories // The Wall Street Journal, 2013, Nov. 20. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304337404579209954273740442>
11. Юдин Н.О. Гуманитарная деятельность как инструмент «мягкой силы» транснациональных корпораций // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. № 15. С. 94–115.
12. Malone R. How Big Technology gave Rise to Surveillance Capitalism // Brownstone Institute [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.brownstone.org/articles/how-big-tech-spawned-surveillance-capitalism/>
13. Курьяков И.А., Гайдученко Ю.С., Ищак Е.П. Генномодифицированные продукты – полезны или

- вредны? // Сибирский торгово-экономический журнал, 2012, выпуск 16. С. 113–116.
14. Braverman I. *Editing the Environment: Emerging Issues in Genetics and the Law // Gene Editing, Law, and the Environment: Life Beyond the Human*. University at Buffalo School of Law Legal Studies Research Paper No. 2017–005. 27 p.
 15. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. – М., Изд-во Института Гайдара, 2014. – 224 с.
 16. *Melting Glaciers: A Probable Source of DDT to the Antarctic Marine Ecosystem // Environ. Sci. Technol.*, 2008, 18 March (vol. 42, no. 11). – P. 3958–3962.
 17. Паршутин Д.А. Новая «Зеленая революция» и ее роль в продовольственной безопасности // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 10. С. 121–123.
 18. Persley G. *Agricultural biotechnology and the poor: Promethean science // Agricultural biotechnology and the poor: proceedings of an international conference, Washington, D.C., 21–22 October 1999*. Published 16 February 2000. *Agricultural and Food Sciences, Economics*.
 19. Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf
 20. Pilling D. *The Facts of Life: Chemical and Pharmaceutical Companies See their Future in Biological Innovation // Financial Times*, 9 December, p. 21.
 21. David E. O'Connor. *Encyclopedia Of The Global Economy A Guide For Students And Researchers*. Academic Foundation, 2006.

TRANSNATIONAL CORPORATIONS, MODERN CAPITALISM AND THE FUTURE OF SOCIETY IN THE ERA OF GENETIC TECHNOLOGIES

Leusenko I.V.

VSUJ (RPA Ministry of Justice of Russia)

The article examines the influence of transnational (multinational) corporations on the existing model of economic development in the context of the use of new technologies. Preservation of the previous model of market relations, which is based on the desire to make a profit, intensify production and minimize costs, cannot be a guideline for the future development of communities in most countries of the world. Such an economic model leads to the preservation of old problems and the emergence of new, difficult to eliminate problems due to the involvement of TNCs (MNCs) and the technologies they use in social development. The first TNCs (MNCs) arose in England, but the development of the next generation of transnational (multinational) organizations took place in the United States between the two world wars. In the Russian Federation, thirty years after the transition to a market economy, there is a growing understanding that market mechanisms cannot be a universal solution to most problems. The article is based on a theoretical analysis of the activities of transnational (multinational) corporations, presented in leading US publications and domestic scientific periodicals. Despite lobbying and hidden opposition to independent research, a community of authors has formed in the American scientific com-

munity and public circles who critically evaluate the contribution of TNCs (MNCs) to the development of science and social systems. The article analyzes the economic activities of TNCs in the markets of developing countries, contributing to the formation of a rigid dependence of agricultural producers on genetically modified products of TNCs (MNCs).

Keywords: transnational corporations, multinational corporations, TNCs, MNCs, market economy, the future of society, the image of the future, social groups, economic entities, households, «observation capitalism», genetic technologies, «genetic exploitation».

References

1. Bracken P. *The Multinational Corporation Today* Paul Bracken Yale School of Management // SSRN Electronic Journal, 2004, March. 9 p.
2. Demina I.N. Values of the market economy as the «Core» of economic mass communication // Bulletin of the Baikal State University. 2013. No. 2. P. 124–128.
3. Statistical database of the company «Statista» [Electronic resource]. – URL: <https://www.statista.com/statistics/555334/total-revenue-of-walmart-worldwide/> (reference: Statista is a German company specializing in market and consumer data; according to the company, its platform contains more than 1 million statistical data on more than 80,000 topics from more than 22,500 sources and 170 different industries), (accessed: 09/02/2024).
4. According to the German Ministry of Finance [Electronic resource]. – URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/Standardartikel/Press_Room/Publications/Monthly_Report/Key_Figures/2024/2024-02-federal-budget.html (accessed: 09/02/2024).
5. Business online [Electronic resource]. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/649634> (date of access: 09/02/2024).
6. Dudley R. *Wal-Mart, Sears Refuse Compensation for Factory Victims // Bloomberg*, 15 April 2013 [Electronic resource]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-04-14/wal-mart-sears-refuse-compensation-for-factory-victims> (date of access: 09/02/2024).
7. Greenhouse S. *Documents Indicate Walmart Blocked Safety Push in Bangladesh // The New York Times*, 27 April 2013. [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/12/06/world/asia/3-walmart-suppliers-made-goods-in-bangladeshi-factory-where-112-died-in-fire.html>
8. Wohl J. *Walmart Looks To Tighten Controls On Suppliers, Donates To Bangladesh Factory Training School // Reuters*, 2013, Apr 9. [Electronic resource]. – URL: https://www.huffpost.com/entry/walmart-suppliers-bangladesh-factory_n_3044266
9. Alam J. *112 killed in fire at Bangladesh garment factory // Associated Press*, 25 November [Electronic resource]. – URL: https://archive.fo/20240526093140/https://www.webcitation.org/6CRQQJVUr?url=http://www.google.com/hostednews/ap/article/ALeqM5gKXx_gqe1uGuwA27iYzcFwIAtKYw%3FdocId=3298302046584f89a10d067cc2a3578
10. Al-Mahmood S.Z. *Safety Groups Agree on Standards for Bangladesh Garment Factories // The Wall Street Journal*, 2013, Nov. 20. [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304337404579209954273740442>
11. Yudin N.O. *Humanitarian activity as an instrument of «soft power» of transnational corporations // Bulletin of Moscow University. Series XXV. International relations and world politics*. 2023. No. 15. P. 94–115.
12. Malone R. *How Big Technology gave Rise to Surveillance Capitalism // Brownstone Institute* [Electronic resource]. – URL: <https://ru.brownstone.org/articles/how-big-tech-spawned-surveillance-capitalism/>
13. Kuryakov I.A., Gaiduchenko Yu.S., Ishchak E.R. *Genetically modified products – useful or harmful? // Siberian Trade and Economic Journal*, 2012, issue 16. P. 113–116.
14. Braverman I. *Editing the Environment: Emerging Issues in Genetics and the Law // Gene Editing, Law, and the Environment: Life Beyond the Human*. University at Buffalo School of Law Legal Studies Research Paper No. 2017–005. 27 p.

15. Goldstone J. Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850. – Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2014. – 224 p.
16. Melting Glaciers: A Probable Source of DDT to the Antarctic Marine Ecosystem // Environ. Sci. Technol., 2008, 18 March (vol. 42, no. 11). – P. 3958–3962.
17. Parshutin D.A. The New «Green Revolution» and its Role in Food Security // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2012. No. 10. Pp. 121–123.
18. Persley G. Agricultural biotechnology and the poor: Promethean science // Agricultural biotechnology and the poor: proceedings of an international conference, Washington, D.C., 21–22 October 1999. Published 16 February 2000. Agricultural and Food Sciences, Economics.
19. Nagoya Protocol on Access to Genetic Resources and the Fair and Equitable Sharing of Benefits Arising from their Utilization [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf
20. Pilling D. The Facts of Life: Chemical and Pharmaceutical Companies See their Future in Biological Innovation // Financial Times, 9 December, p. 21.
21. David E. O'Connor. Encyclopedia Of The Global Economy A Guide For Students And Researchers. Academic Foundation, 2006.

Сравнительный анализ факторов доверия к медиа у аудитории Y и Z: поколенческий аспект

Шумилина Полина Дмитриевна,

аспирант, Донской государственный технический университет
E-mail: npd95@mail.ru

Данная статья посвящена сравнительному анализу факторов доверия к медиа и особенностей потребления контента среди «цифровых» поколений Y – (миллениалы) и Z – (зумеры), которые сегодня находятся в возрасте от 16 до 40 лет. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2023 год, в Российской Федерации проживает более 48 миллионов граждан, входящих в изучаемую возрастную категорию, что составляет более 32% всего населения страны. Объектом исследования стали представители «цифровых» поколений Y и Z. Основная цель исследования – выявить сходства и различия в медиапотреблении «цифровой молодежи» двух поколений – Y и Z, а также проанализировать факторы доверия к источникам информации. Особое внимание автор статьи уделяет анализу результатов, полученных в ходе собственного социологического исследования. Методология исследования представляет собой собственный социологический дистанционный опрос 358 человек в возрасте от 16 до 40 лет в Ростовской области. Анализ полученных результатов показал, что молодому поколению при выборе канала информации важен в первую очередь формат подачи и популярность источника, наличие же официальной лицензии играет для них одну из последних ролей. Также были сделаны выводы, что молодое поколение зумеров более человекоцентричны, чем миллениалы, и чаще обращаются к блогерам в поисках актуального контента. За достоверной и актуальной информацией оба молодых поколения, как и предполагалось, обращаются к интернет-платформам, оставляя в конце списка традиционные каналы такие, как телевидение и печатная пресса. Исследование взаимодействия молодого поколения с цифровым пространством может иметь перспективы для дальнейшего изучения новых привычек медиапотребления. Анализ различий в восприятии информации между поколениями Y и Z необходимо для понимания будущих тенденций в этой области. Также результаты исследования могут быть использованы для разработки программ и мероприятий, направленных на повышение цифровой грамотности, развитие критического мышления и формирование осознанного подхода к медиапотреблению у молодого поколения.

Ключевые слова: медиапространство; медиа; средство массовой информации; доверие к медиа; интернет-потребление; контент; молодая аудитория; медиаканал.

Введение

В 90-х годах 20 века экономист и специалист в области демографии Н. Хоув и историк В. Штраус представили так называемую «теорию поколений» [1]. Авторы теории пришли к выводу, что существуют периоды в истории, когда большинство людей обладают схожими ценностями. Результатом этой работы стало выделение нескольких типов поколений, а именно: «строители» или «победители», «молчаливое поколение», «беби бумеры», поколение X, поколение Y – «миллениалы» и поколение Z – «зумеры». Последние два поколения сегодня составляют основу молодого населения и получили определение – «цифровое». Этой же концепции придерживаются отечественные авторы под руководством психолингвиста Е. Шамис [2].

Лица, родившиеся между 1982 и 1999 годами, считаются принадлежащими к поколению Y (миллениалы). Это поколение выросло с компьютерами и Интернетом, пережило быстрый прогресс глобализации и развития технологий. В силу своих обстоятельств поколение Y привыкло подвергаться большому объему информационной бомбардировки. Они умеют собирать и использовать информацию из различных источников для решения проблем.

По словам исследователей М.А. Аббасси, А. Амран, Р. Кан основными ценностями поколения Y являются оптимизм, гражданственность, доверие и достижения [3, с. 129]. Кроме того, среди определяющих черт поколения Y авторы отмечают дружелюбие, мораль и разнообразие [3, с. 2].

Люди, родившиеся в 2000 году и позже, называются поколением Z или зумеры. Поколение Z известно как первое настоящее поколение «цифровых аборигенов», потому что они родились и выросли в цифровой и технологической среде, научились использовать технологии и очень рано начали взаимодействовать в социальных сетях. Представители поколения Z известны тем, что разбираются в технологиях, инновационны и креативны. Поколение Z предпочитает учиться во время работы, потому что они верят, что могут учиться и зарабатывать одновременно; они предприимчивы и ориентированы на результат. По сравнению с поколением Y они более индивидуалистичны, но в то же время они также более подвержены тревоге и депрессии [4, с. 7].

Важность изучения особенностей медиаповедения современной российской молодежи отмеча-

ют и отечественные ученые. Так, в работе исследователя И.А. Полуэхтовой отмечается, что выявление и анализ практик медиапотребления молодой аудитории позволяет заранее спрогнозировать будущие тренды медиапотребления [5, с. 95]. В то же время, О.П. Горбат, в статье, посвященной состоянию и особенностям медиакультуры молодой аудитории, приходит к выводу, что, так как социализация большинства молодых людей проходит через их включённость в пространство медиа, где основным источником медиапродукции является интернет, то именно воздействие медиаструктур играет огромную роль в становлении личности молодого человека, определяя ход процесса его социализации [6, с. 76].

Российские исследователи А.С. Сумская и С.А. Свердлов в своей работе об изучении поколений с точки зрения форматов потребления средств массовой информации делают акцент на том, что в эпоху цифровизации и медиатизации необходимо анализировать поколение в его взаимосвязи со СМИ [7, с. 33]. Поэтому актуальность изучения различий в медиапотреблении у поколений миллениалов и зумеров обусловлена рядом факторов.

1. Быстрое развитие технологий и появление новых медиаплатформ. С каждым годом появляются новые способы получения информации, что влияет на привычки и предпочтения аудитории. Изучение медиапотребления разных поколений позволяет понять, как эти изменения влияют на их поведение и восприятие информации.
2. Различия в ценностях и мировоззрении. Поколения миллениалов и зумеров выросли в разных условиях и имеют разные ценности и приоритеты. Это отражается на том, какие источники информации они предпочитают и как они взаимодействуют с контентом.
3. Формирование общественного мнения. Медиапотребление играет важную роль в формировании общественного мнения и социальных норм. Изучая различия между поколениями, можно лучше понять, как происходит этот процесс и какие факторы на него влияют.
4. Образовательный аспект. Результаты исследований могут быть использованы для разработки образовательных программ и курсов, направленных на повышение медиаграмотности и критического мышления у студентов и школьников.
5. Психологический аспект. Изучение медиапотребления может помочь понять, как различные формы контента влияют на психологическое состояние и эмоциональное благополучие людей разных возрастов.

В подтверждение актуальности нашего исследования приведем доводы американского ученого, Джина Твенге, изучавшего поколения зумеров и миллениалов. Автор выделил основные особен-

ности этих поколений, такие как: неспешность (медленное взросление); высокое влияние интернета; общение в формате онлайн; изолированность, неопределенность и т.д. [8, с. 18].

На основе обзора литературы мы обратили внимание, что опубликовано недостаточно эмпирических исследований, посвященных поколению Z, а также исследований, которые проводят сравнительный анализ «цифровых» поколений Y и Z. Учитывая, что поколение Z стало полноценным пользователем интернет-пространства, становится необходимым изучить его характеристики и сравнить его с другими поколениями, чтобы сформировать инструменты по развитию цифровой грамотности. В этом контексте, главный вопрос нашего исследования: «Есть ли значительная разница в медиапотреблении и какие факторы влияют на доверие к медиа у поколений Y и Z?».

Основные характеристики социологического опроса

Генеральная совокупность: возрастная категория респондентов в возрасте от 16 до 40 лет включает представителей всей федеральных округов Российской Федерации. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2023 год, в Российской Федерации проживает более 48 миллионов граждан, входящих в изучаемую возрастную категорию, что составляет более 32% всего населения страны.

Репрезентативность выборки обеспечена релевантностью опрошенных (70% – городские жители, 30% – сельские) статистическим данным.

Метод исследования: дистанционный опрос в формате заполнения электронной анкеты на платформе «Yandex Forms».

Выборка: квотная выборка, включает в себя 358 анкет, распределены по двум возрастным категориям: возраст 16–24 лет (217 анкет) и 25–40 лет (141 анкета).

Ошибка выборки составляет 4%, что позволяет с определенным уровнем точности распространить выводы на всю генеральную совокупность российской молодёжи в возрасте от 16 до 40 лет.

Период проведения полевых работ: ноябрь 2022 года – март 2024 года.

Вопросы, представленные к анализу, включают в себя открытые, полужакрытые вопросы, а также вопросы с возможностью выбора нескольких вариантов.

- На что вы обращаете внимание при выборе источника информации? (Возможны несколько вариантов ответов.)
- Вы обращаетесь к блогерам при поиске достоверной информации?
- Обязательно ли источнику информации иметь официальную регистрацию СМИ, чтобы считаться достоверным?

- Каким источникам информации с точки зрения актуальности вы доверяете больше? (Возможны несколько вариантов ответов.)
- Какие источники информации вы считаете более достоверными? (Возможны несколько вариантов ответов.)

Результаты

В рамках нашего социологического исследования двум группам респондентов были заданы одинаковые вопросы, чтобы провести сравнительный анализ между поколениями Y (миллениалы) и Z (зумеры) и выявить основные факторы доверия к источнику информации. Первым вопросом для аудитории стал: на что вы обращаете внимание при выборе источника информации (ответ предполагал возможность выбора нескольких вариантов) (рис. 1). На первом месте в этом вопросе для двух поколений оказывается формат подачи – его выбрало 63% миллениалов и 83% зумеров. Популярность источника информации также находится на втором месте у двух групп респондентов – 59% и 65% соответственно. На третьем месте у миллениалов оказываются отзывы – 34% ответивших прислушиваются к рекомендациям окружения при выборе источника информации. Для зумеров контент-тематики оказываются важнее, чем рекомендации – 57% респондентов выбирают средство информации исходя из интересов к определенной теме. Объем информации влияет на выбор источника контента примерно одинаково у двух «цифровых поколений» – 33% у миллениалов и 39% у зумеров. Если говорить про наличие лицензии – современные поколения не придают этому значение, этот пункт был на последнем месте у зумеров (17% опрошенных) и на предпоследнем у миллениалов (11%). В отличие от миллениалов, зумерам важно, кто является «лицом» средства информации, и кто представляет публикуемый контент (так ответили 27% респондентов).

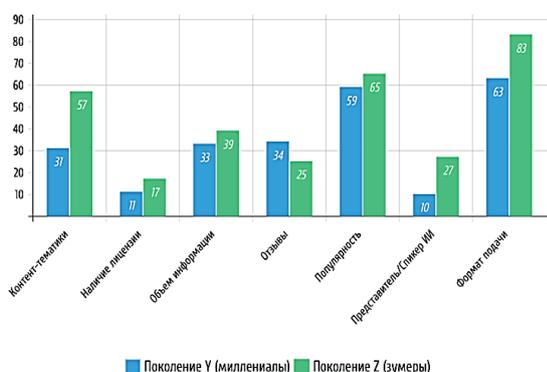

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На что вы обращаете внимание при выборе источника информации (Можете выбрать несколько вариантов)», % опрошенных

Источник: составлено авторами.

Продолжая тему человекоцентричности и доверия молодого поколения лидерам мнений, нами был задан следующий вопрос: обращаетесь ли вы к блогерам при поиске достоверной информации? (рис. 2). Как и предполагалось, исходя из предыдущих ответов, зумеры больше, чем миллениалы обращаются к блогерам, чтобы удостовериться в правдивости той или иной информации – 26% против 18%. О факторах и аспектах доверия к блогерам у поколений Y и Z говорят исследователи И.М. Богдановская, А.Б. Углова, Н.Н. Королева в своей работе о психологических факторах доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи. Так, авторы по результатам собственного опроса пришли к выводу, что доверие к блогерам основывается на таких принципах, как стремление к установлению идентичности с конкретными блогерами, т.е. наличие схожих жизненных позиций [9, с. 463].

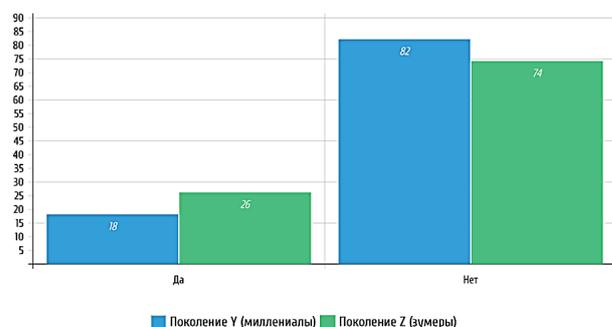

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Обращаетесь ли вы к блогерам при поиске достоверной информации?», % опрошенных

Источник: составлено авторами.

Несмотря на то, что для «цифрового поколения» наличие лицензии не является основополагающим фактором при выборе источника информации, 40% опрошенных миллениалов считают, что источник информации считается достоверным только в случае наличия официальной лицензии СМИ. Среди поколения Z с этим утверждение согласен только каждый четвертый. Что интересно, 30% опрошенных среди двух поколений испытали трудность при ответе на этот вопрос в связи с тем, что недостаточно осведомлены о существовании лицензии и правилах регистрации СМИ в Роскомнадзоре, а также о правах, обязанностях и преимуществах официально зарегистрированного источника информации.

Следующим вопросом мы поставили задачу выяснить, каким источниками доверяют поколения Y и Z, если вопрос заходит об актуальности информации (рис. 3). Ожидаемо, что классические форматы средств массовой информации – печатные издания и радио занимают у «цифрового поколения» последние строчки. При этом, радио для миллениалов остается действующим источником

с актуальной информацией, в отличие от зумеров – 11% против 5%.

На графике мы можем увидеть, что лидером в этом вопросе становятся интернет-платформы – так ответили 66% миллениалов и 77% зумеров. К интернет-платформам мы относим все средства массовой информации, которые размещают контент в сети «Интернет», а также онлайн-версии СМИ.

На втором месте у миллениалов в качестве актуального и оперативного источника информации находится телевидение – 49%, в то время как только 20% зумеров обращаются к ТВ. Поколение Z в этом вопросе привыкли доверять социальным сетям – 68% считают, что этот источник информации дает актуальную информацию. Для 44% респондентов миллениалов социальные сети также являются важным каналом для оперативного получения контента. Тот факт, что социальные медиа становятся одним из ведущих источников для получения информации, подтверждают результаты исследования об аудитории социальных сетей, сделанные компанией «Mediascope» в 2024 году. Так, аналитики пришли к выводу, что 47% всего времени в интернете аудитория проводит в социальных медиа, таких как: социальные сети, блоги, YouTube, Rutube, Telegram. Если мы возьмем для анализа одну из самых популярных социальных медиаплатформ в России – Telegram (74% среднесуточных пользователей читают Telegram-каналы, по результатам этого же исследования компании «Mediascope»), то мы увидим, что 58% популярных Telegram-каналов – новостные и политические («Аудитория социальных медиа» Mediascope Cross Web, вся Россия, десктоп и мобайл, население 12+, март-май 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3DzQCr> (дата обращения: 01.10.2024)).

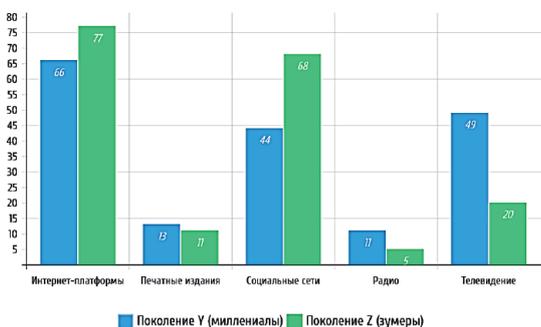

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каким источниками вы доверяете больше в плане актуальности информации (Можете выбрать несколько вариантов)», % опрошенных

Источник: составлено авторами.

Ключевым вопросом в анкете стал: какие источники информации вы считаете более достоверными (с возможностью выбора нескольких вариантов ответа). Здесь мы видим в целом кри-

тическое отношение более взрослого поколения миллениалов к достоверности источников (рис. 4). Телевидение в этом вопросе у миллениалов лидирует – ему доверяет 42%, чего нельзя сказать про зумеров – 25%. При этом, зумеры предпочитают обращаться за достоверной информацией именно к интернет-платформам – так ответило 77,4% респондентов. Что интересно, зумеры склонны доверять печатным изданиям больше, чем миллениалы – 19% против 12%.

Влияние социальных сетей и здесь играет большую роль в развитии критического мышления более молодого поколения Z: более половины опрошенных доверяют информации, которая публикуется в социальных сетях. В то время, только 12% миллениалов доверяют социальным сетям. Эти результаты подтверждают данные социологического исследования, сделанное ранее коллегами Юдиной Е.Н. и Алексеенко И.В. в статье «Молодежь в пространстве социальных сетей Интернета: итоги социологического опроса». Авторы презентовали результаты социологического опроса молодой аудитории в возрасте 18–35 лет, направленные на выявление отношения молодежи к социальным сетям. Обращаясь к полученным данным, мы видим, что 44% респондентов относятся с сомнением к информации, которая публикуется в социальных сетях и всегда перепроверяют полученные новости [10, с. 124].

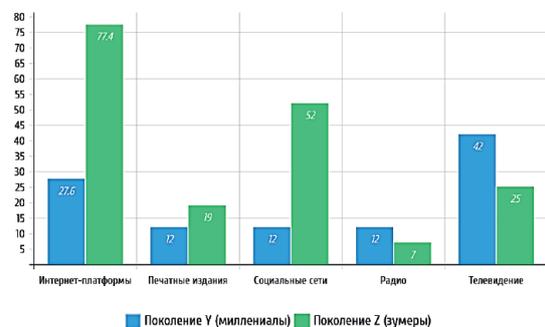

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие источники информации вы считаете более достоверными (Можете выбрать несколько вариантов)», % опрошенных

Источник: составлено авторами.

Обсуждение

Результаты нашего исследования показали, что миллениалы и зумеры, которых мы называем «цифровое поколение» имеют в большинстве своем схожие поведенческие мотивы и мнения относительно факторов доверия к источнику информации. Тот факт, что социальные сети для более молодого поколения зумеров становится приоритетным источником информации подтверждается также в исследовании Даутовой Р.В., Белоусовой Е.Д. о медиабезопасности молодежи. Так, в качестве

респондентов выступили студенты первого и второго курсов, т.е. поколение Z, которые все в 100% соотношении единогласно ответили, что в качестве основного источника информации выбирают именно социальные сети. При этом, анализ ответов подтверждает, что в основу проверки достоверности получаемой информации кладется анализ числа и качества источников, публикующих ту или иную новость. 61,7% опрошенных отметили, что для подтверждения достоверности новости, должно быть не меньше трех источников и только 4,2% считают проверку достоверности новостей таким способом нецелесообразным решением. Это говорит о достаточно высоком уровне медиакультуры и критического мышления у «цифрового поколения» [11, с. 3].

Данные нашего исследования также выявили закономерность, что поколение миллениалов склонны искать актуальную и достоверную, на их взгляд, информацию на интернет-платформах и сайтах. Своими результатами мы подтверждаем выводы авторов Никитиной Т.И. и Никитина А.А. в статье об основных аспектах медиапотребления у российской молодежи. Так, исследователи представили данные собственного социологического опроса, где 49% респондентов в возрасте 25–34 (представители поколения Y) относятся с большим доверием к новостным, аналитическим и официальным сайтам в интернете [12, с. 40]. Эта тенденция может быть связана с тем, что развитие новостных интернет-ресурсов проходило одновременно с периодом взросления поколения миллениалов, а именно 2010-е гг. К тому же представители поколения Y предпочитают изучать информацию на компьютерах и ноутбуках, на которых удобнее потреблять контент с сайтов, в отличие от гаджетов.

Заключение

Проведенный социологический опрос «цифрового поколения» определил определенные паттерны, сходства и различия в факторах доверия к медиа между поколениями Y и Z. Оба поколения демонстрируют высокий уровень взаимодействия с цифровым пространством, способны взаимодействовать с различными цифровыми платформами и всеми видами контента, отдавая предпочтение интернет-платформам и социальным сетям в вопросах актуальной и достоверной информации. Также, при выборе источника информации респонденты двух поколений в первую очередь обращают внимание на формат подачи, так ответило 73% всех опрошенных. Популярность источника и контент-тематика также важны для обеих групп респондентов, а отзывы окружения больше влияют на выбор миллениалов. Зумерам важно, кто является «лицом» средства информации, в то время как миллениалам этот аспект менее интересен. Важным выводом исследования стал

тот фактор, что для молодой аудитории перестает иметь значение наличие официальной лицензии СМИ, чтобы выбирать тот или иной источник информации, у зумеров этот показатель несколько выше – 17% против 11% у миллениалов. Однако, каждый третий респондент считает, наличие лицензии СМИ – обязательный атрибут достоверности информации. Гораздо важнее поколениям Y и X, чтобы медиаканал был интересен и отвечал их интересам и потребностям. При этом, мы видим, что более молодое поколение зумеров склонны больше доверять источникам информации в целом, в отличие от миллениалов, которые настроены более критично в вопросах достоверности информации в различных источниках.

Влияние блогеров на доверие к получаемой информации постепенно растет у «цифрового поколения», но не на таком высоком уровне, чтобы говорить о замещении блогерами СМИ. За подтверждением правдивости информации обращается каждый четвертый зумер и каждый пятый миллениал. Касательно выбора источника информации с самым актуальным и оперативным контентом, как и предполагалось, «цифровое поколение» предпочитает обращаться к интернет-платформам (71%), при этом зумеры больше доверяют социальным сетям, что также отражает современные реалии.

Важным итогом исследования стал ответ на вопрос о достоверности информации. В целом, миллениалы более скептически относятся к достоверности источников информации по сравнению с зумерами. Телевидение лидирует в качестве достоверного источника у миллениалов, тогда как зумеры предпочитают интернет-платформы и печатные издания. При этом социальные сети пользуются большим доверием у зумеров. Такая разница в выборе источников информации может быть связана с тем, что представители этих поколений выросли в разной информационной среде и имеют разный опыт взаимодействия с медиа.

Таким образом, сегодня цифровая грамотность как никогда играет ведущую роль в формировании привычек потребления информации у «цифрового поколения». Она позволяет молодым людям быстро адаптироваться к изменяющимся условиям медиасреды, выбирать наиболее подходящие для них источники информации, а также критически оценивать получаемые данные.

Литература

1. Strauss W., Howe. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069, William Morrow, New York, 1991.
2. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Текст: электронный // Психология и бизнес. – URL: <https://psycho.ru/library/2581> (дата обращения: 01.10.2024).

3. Abbasi M. A., Amran A., Khan R. et al. (2023). Linking Corporate Social Irresponsibility to Workplace Deviant Behavior: A Comparative Analysis of Generation Z and Generation Y, *Current Psychology*, 1–18.
4. Pichler S., Kohli C., & Granitz N. (2021). DITTO for Gen Z: A framework for leveraging the uniqueness of the new generation. *Business Horizons*, 64(5), 599–610.
5. Полуэхтова И.А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) // *Знание. Понимание. Умение*. 2022. № 3. С. 90–107.
6. Горбат О.П. Состояние и особенности медиакультуры современной молодежи // *Библиосфера*. 2022. № 4. С. 72–80.
7. Сумская А. С., Сverdlov С.А. «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. No 3 (189). С. 32–48.
8. Twenge J. FAQ's. How is iGen different from the Millennials? – URL: <http://www.jeant-twenge.com/fags> (дата обращения: 01.10.2024).
9. Богдановская И.М., Углова А.Б., Королева Н.Н. Психологические факторы доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. No 3. С. 451–467.
10. Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. Молодежь в пространстве социальных сетей Интернета: итоги социологического опроса // *Теория и практика общественного развития*. 2023. No 11. С. 120–126.
11. Даутова Р.В., Белоусов Е.Д. Медиаиммунитет как необходимое условие медиабезопасности молодежи в социальных сетях // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. No 2 (128). Февраль. С. 1–6.
12. Никитина Т.И. и Никитин А.А. Основные аспекты влияния трансформации медиасреды на медиапотребление российской молодежи // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023. № 3 (60). С. 38–43.

COMPARATIVE ANALYSIS OF MEDIA TRUST FACTORS IN AUDIENCE Y AND Z: GENERATIONAL ASPECT

Shumilina P.D.

Don State Technical University

This article is devoted to a comparative analysis of the factors of media trust and the peculiarities of content consumption among the “digital” generations Y – (millennials) and Z – (zoomers), who today are between the ages of 16 and 40. According to the data of the Federal State Statistics Service for 2023, more than 48 million citizens of the studied age group live in the Russian Federation, which is more than 32% of the total population of the country. The object

of the study was representatives of the “digital” generations Y and Z. The main purpose of the study is to identify similarities and differences in the media consumption of “digital youth” of two generations – Y and Z, as well as to analyze the factors of trust in information sources. The author pays special attention to the analysis of the results obtained in the course of his own sociological research. The research methodology is an in-house sociological remote survey of 358 people aged 16 to 40 years in the Rostov region. The analysis of the results showed that the younger generation, when choosing an information channel, is primarily interested in the format of presentation and popularity of the source, while the availability of an official license plays one of the last roles for them. It was also concluded that the younger generation of zoomers are more human-centered than millennials, and more often turn to bloggers in search of relevant content. For reliable and up-to-date information, both young generations, as expected, turn to Internet platforms, leaving traditional channels such as television and the print press at the end of the list. The study of the interaction of the younger generation with the digital space may have prospects for further study of new media consumption habits. Analyzing the differences in information perception between generations Y and Z is necessary to understand future trends in this area. The results of the study can also be used to develop programs and activities aimed at improving digital literacy, developing critical thinking and forming an informed approach to media consumption among the younger generation.

Keywords: media space; media; mass media; trust in media; Internet consumption; content; young audience; media channel.

References

1. Strauss W., Howe. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*, William Morrow, New York, 1991.
2. Shamis E., Antipov A. *Theory of Generations* // *Text: electronic // Psychology and Business*. – URL: <https://psycho.ru/library/2581> (accessed: 01.10.2024).
3. Abbasi M. A., Amran A., Khan R. et al. (2023). Linking Corporate Social Irresponsibility to Workplace Deviant Behavior: A Comparative Analysis of Generation Z and Generation Y, *Current Psychology*, 1–18.
4. Pichler S., Kohli C., & Granitz N. (2021). DITTO for Gen Z: A framework for leveraging the uniqueness of the new generation. *Business Horizons*, 64(5), 599–610.
5. Poluekhtova I.A. Media consumption practices of Russian youth in a digital society (based on the results of an empirical study) // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2022. No. 3. P. 90–107.
6. Gorbat O.P. The state and features of the media culture of modern youth // *Bibliosphere*. 2022. No. 4. P. 72–80.
7. Sumskaia A.S., Sverdlov S.A. “Analog” and “digital” generation of the media audience: the role of communicative and cultural memory in the transformation of media practices // *Bulletin of the Ural Federal University*. Ser. 1: Problems of education, science and culture. 2019. Vol. 25, No. 3 (189). P. 32–48.
8. Twenge J. FAQ's. How is iGen different from the Millennials? – URL: <http://www.jeant-twenge.com/fags> (date of access: 01.10.2024).
9. Bogdanovskaya I.M., Uglova A.B., Koroleva N.N. Psychological factors of trust in popular video bloggers among modern youth. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18. No. 3. Pp. 451–467.
10. Yudina E.N., Alekseenko I.V. Young people in the space of social networks on the Internet: results of a sociological survey // *Theory and practice of social development*. 2023. No. 11. Pp. 120–126.
11. Dautova R.V., Belousov E.D. Media Immunity as a Necessary Condition for Media Safety of Young People in Social Networks // *International Research Journal*. 2023 No. 2 (128), February. P. 1–6.
12. Nikitina T.I. and Nikitin A.A. Key Aspects of the Impact of Media Environment Transformation on Media Consumption of Russian Youth // *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023. No. 3 (60). P. 38–43.

Ценности как фактор формирования профессиональной репутации (в контексте теории графов)

Шутова Марина Вадимовна,

старший преподаватель кафедры связи с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ»
E-mail: mvshutova@etu.ru

Изучение профессиональной репутации как научно-теоретического понятия обнаруживает богатую исследовательскую традицию, вместе с тем, вопрос социологических факторов формирования профессиональной репутации оставляет пространство для исследования. Для изучения аспектов формирования социальных ожиданий при оценке профессиональных репутаций перспективным представляется подход прагматической социологии в работах Л. Болтански, Л. Тевено и Э. Кьяпелло. В его рамках мы можем перейти от простой фиксации разнообразия оценочных суждений, ценностей и принципов справедливости к вопросу об их возможном сочетании и взаимодействии в социальном опыте. Цель исследования проследить эти системы ценностей и понять, как и через какие «споры» преодолеваются ценностные разногласия различных графов (порядков величия) при формировании профессиональной репутации на врачей-хирургов. Эмпирической базой послужили материалы пилотажного исследования, проведенного в октябре 2023 г. методами опроса и глубинного интервью. Исследование показало, что профессиональная репутация является собой компромисс научно-технического, рыночно-сетевого и репутационного графов, с их ценностями измеримости и широкой популярности, верифицируемости и высокой стоимости, сложной достижимости и желанности.

Ключевые слова: профессиональная репутация, ценности, теория графов, цифровой мир, факторы формирования репутации.

Актуальность и постановка проблемы

До наступления всеобщей цифровизации в «закрытых индустриях» (сферах профессиональной деятельности, имеющих свою автономию: медицине, науке юриспруденции и пр.) только специалисты определяли критерии оценки профессионализма внутри своего поля. Клиентам же – «профанам» – данные о профессиональной репутации того или иного индивида передавались как тайное, «сакральное» знание и получить их можно было только через личные связи. Медиатизация изменила эту картину, но никак не упростила оценку профессиональной репутации для тех, кто находится вне тесного профессионального сообщества. Более того, произошло усложнение ситуации. Феномен раскачанных личных брендов, подтвержденных широким признанием в виде лайков и фолловеров, обладает свойством провоцировать сомнения в собственных суждениях. Ситуация с трендом на усиление значимости персональных брендов усугубилась появлением требований к сотрудникам публично демонстрировать свой профессионализм и принадлежность к определенной организации (наиболее часто эти требования распространены в сфере услуг). Повышение значимости персональных брендов и трудовая мобильность порождают новые социальные ожидания от «настоящего эксперта» и его профессиональной репутации. Подобные ожидания обнаруживают свою актуальность как на рынке работодателей, так и внутри профессионального сообщества, влияя на сложившиеся ценности и нормы. Все перечисленные факторы – установка на персональный бренд, профессиональная мобильность и медиатизация создали условия, влияющие на формирование репутации и ее восприятие. В этой связи встает вопрос о научно-методологических основаниях исследования репутации и ее критериев.

История вопроса

Поиск новых релевантных подходов в теоретическом осмыслении проблемы профессиональной репутации приобретает особенное значение в науке. Репутация рассматривалась в работах Э. Дюркгейма (в рамках эмпирического подхода) и М. Вебера (в контексте социальной интеграции и контроля). Р. Мертон рассматривал репутацию как социальный ресурс, упоминая репутацию как своеобразный «капитал», влияющий на возможности и привиле-

гии индивида в обществе. Репутация рассматривалась им как важный аспект социального статуса индивида. Р. Мертон обращает внимание на роль социальных норм и ожиданий в формировании репутации индивида в обществе, и то влияние, которое оказывают социальные институты и структуры на оценку и восприятие индивидов в социуме. Он использовал понятие «реакции окружающих» для объяснения того, как поведение индивида может влиять на его репутацию. Согласно его теории социальных ролей, репутация формируется на основе того, насколько хорошо индивид соответствует ожиданиям и требованиям, предъявляемым к его социальной роли [1]. Т. Парсонс в работе «Системы социальной теории» [2, с. 226, 234, 299–303] подчеркивал важность социальных норм и ценностей для поддержания стабильности в обществе. Репутация рассматривалась им как один из инструментов социального контроля и поддержания социального порядка. Т. Парсонс выделил роль обратной связи в процессе формирования и поддержания репутации. Он отметил, что репутация индивида в обществе в значительной мере определяется реакцией окружающих на его социальное поведение. Основатель символического интеракционизма Г. Мид в работе «Разум, Я и Общество» [3], разрабатывая понятие «роли», утверждал, что репутация индивида зависит от того, насколько успешно он выполняет свою социальную роль. Г. Мид также подчеркивал, что люди оценивают друг друга на основе соответствия своим ролям и социальным нормам. П. Бурдьё внес вклад в понимание репутации в контексте социологии знания, опубликовав работу «Правила искусства: генезис и структура литературных полей» [3], где анализировал поле литературного искусства и профессиональные практики, сложившиеся там, подчеркивая роль репутации, престижа и социокультурного капитала. П. Бурдьё рассматривал репутацию как часть социокультурного капитала, который формируется в результате взаимодействия акторов. Понятие репутационного капитала получило широкое распространение в социологии управления и социологии организаций за последние 30 лет как в России, так и зарубежом [5, 6, 7].

В современном цифровом обществе представление о репутации стало более сложным и объективированным. Это означает, что репутация включает в себя онлайн-отзывы, оценки, комментарии и другие формы обратной связи, оказывающие иногда синхронно, а иногда и асинхронно, и разрушительно влияние на личную и профессиональную жизнь индивида. Например, если кто-то публикует в интернете фото учительницы в бытность ее студенткой в откровенном купальнике, в обнимку с молодыми людьми, то это может нанести урон профессиональной репутации почтенного педагога. Кроме того, «цифра, которая ничего не забывает» дала возможность отслеживать эволюцию и развитие социальных связей, процессы построения

репутации онлайн. Дж. Донат гарвардский исследователь медиа-коммуникаций пишет: «В прошлом большинство транзакций и разговоров были эфемерными. Сказанные слова быстро ускользали в прошлое, возрождаясь только в том случае, если одна из сторон желала воспроизвести их по памяти. Сегодня проводится много дискуссий онлайн, и все они хранятся в архиве. Мне не нужно слушать чужой рассказ о том была ли ваша аргументация умелой или вежливой. Я могу увидеть это сама. ... Если я могу увидеть события прошлого своими глазами, значит, потенциально получение сведений о событиях прошлого через других людей, возможно предвзятых, или отягощенных корыстными интересами уже не актуально – устарела ли репутация? ... Однако репутация – это нечто большее, чем просто предвзятые репортажи. Даже когда факты события ясны, их интерпретация может иметь важное значение» [8]. Как отмечает Р. Данбар: «Наша способность делиться информацией о репутации делает общество возможным. Репутация является основой для вознаграждений и санкций, она усиливает преимущества хорошего поведения и издержки плохого» [9].

Целый ряд исследователей рассматривают построение репутации в сети как экономическую деятельность. Так, например А. Херн в своей статье «Структурируя чувства: Web 2.0, онлайн-ранжирование, рейтинги и экономика цифровой репутации» прослеживает влияние онлайн-рейтингов и ранжирования на основе лайков, дизлайков и отзывов на восприятие и формирование репутации, управление мнениями и превращение наших сетевых реакций в монетизируемый актив [10]. Г. Ориги – итальянский философ, занимающийся исследованием вопросов построения доверия и репутации с точки зрения социальной и политической эпистемологии, отмечает, что сейчас мы имеем как будто два типа существования репутации, два «облака», которые иногда пересекаются, а иногда противостоят друг другу, но редко друг друга игнорируют. Имеется в виду репутация индивида «вообще» – облако мнений, слухов и сплетен, и репутация профессионала (эксперта), которая фиксируется в рейтингах, отзывах, баллах (как э-баллы врача) и других индикаторах разнообразных цифровых систем [11]. Бесчисленные рейтинговые системы, характеризующие современное общество и аккаунты в социальных сетях, перекрестные ссылки, смешивающие личные и профессиональные роли индивида, способствуют пересечению формальной и неформальной репутации в наших социальных отношениях и ролях. Подчеркивая, как и предыдущие исследователи, важность репутации для эффективного функционирования экономики и электронной коммерции, Г. Ориги также отмечает, что не всегда полученные «оценки» обладают объективностью, не всегда выглядят достоверно в глазах общественности,

но всегда оказывают на нас свое влияние, т.к. современное общество одержимо репутацией: «Репутация, являясь не просто мнением, выступает публичной репрезентацией того, что мы полагаем мнением других... Как по сути коммуникативная природа репутации, так и ее первостепенное значение для социального порядка становятся очевидными, когда мы понимаем репутацию как наше мнение о более или менее авторитетных мнениях других – иными словами, как мнение второго порядка, как то, во что мы верим, во что мы должны верить». Рассматривая феномен репутации эксперта, Г. Ориги выделяет 4 социальных индикатора на основе которых мы строим свое представление об эксперте: авторитет, сила влияния, статус и ценности, особо подчеркивая, что это не только ценности профессионального сообщества, которому принадлежит индивид, но и ценности общего порядка: «Когда дело доходит до доверия к эксперту, существуют как эпистемические, так и неэпистемические ценности» [12].

Ценности эпистемические и неэпистемические, т.е. внутрипрофессиональные и общегуманистические – вот мерило, которое позволяет нам соотнести социальную информацию, лежащую в основе профессиональной репутации индивида и сформировать ожидания к поведению представителя той или иной профессии. Исследуя систему регуляторов социального действия, Н.Л. Захаров разработал этическую модель социальных регуляторов, согласно которой социальные ожидания общественности в области профессионального поведения включают в себя экзистенциальный идеал, экзистенциальные нормы, инструментальные цели и инструментальные нормы. Индивид усваивает эти нормы в процессе личной и профессиональной социализации, именно на их основе должно строиться его профессиональное поведение: «Индивиды, чьи действия идеально отформатированы, при взаимодействии вновь и вновь будут воссоздавать заданные (этим форматированием) отношения. В задачу форматирования входит построение такого образа мышления индивидов, которое будет определять их ожидаемое поведение. Такой строй мышления индивидов должен иметь общие характеристики, критерии оценки действительности, типичные ограничения и т.п. Таковыми являются нормы и ценности, регулирующие поведение индивидов» [13]. Чем дальше саморепрезентация индивида отстоит от идеала, тем ниже его профессиональная репутация. В этой связи можно провести параллели между инструментальными профессиональными нормами, которые складываются в ходе развития профессии как таковой, под влиянием прогресса и социотехнической трансформации общества, и эпистемическими нормами. Большое значение также имеет мысль о том, что профессиональные инструментальные нормы соподчиняются экзистенциаль-

ному идеалу и экзистенциальным нормам. Таким образом вопрос о теоретической рефлексии феномена профессиональной репутации имеет свою традицию, но при этом вопрос социологических факторов формирования профессиональной репутации оставляет пространство для исследования, что особенно актуально для развития социологии управления [14].

Обоснование эффективности социологии градов как методологического подхода

Для изучения аспектов формирования социальных ожиданий при оценке профессиональных репутаций перспективным представляется подход прагматической социологии в работах Л. Болтански, Л. Тевено и Э. Кьяпелло. В его рамках мы можем перейти от простой фиксации разнообразия оценочных суждений, ценностей и принципов справедливости к вопросу об их возможном сочетании и взаимодействии в социальном опыте.

В «Критике и обосновании справедливости» Л. Болтански и Л. Тевено успешно продемонстрировали сосуществование разных принципов справедливости, которым, тем не менее, удается достигать легитимного согласия в рамках одного общества [15]. Л. Болтански и Л. Тевено разработали теорию «градов», т.е. моделей справедливого социально-политического устройства. Практической же реализацией градов в социальной действительности являются соответствующие миры (вдохновения, патриархальный, гражданский и др.). В каждом мире действуют свои критерии оценки правильного, должного поведения, экзистенциальные идеалы и нормы согласно соответствующему граду, которому этот мир принадлежит. В мире Вдохновения ценится творческий подход, оригинальность, спонтанность, эмоциональность. Патриархальный мир основан на привязанности к близкому окружению, к своим; здесь ценятся авторитет, традиции, взаимодоверие, личные отношения. Для мира Репутации имеют значение престиж, известность, признание, слава, почет. Гражданский мир основан на солидарности, равенстве, общих интересах. Рыночный мир ориентирован на конкурентные отношения. В мире Науки и техники ценится профессионализм, компетентность, научность, эффективность, организаторские способности. Каждый мир конституируется типичными объектами (приборы, товары, предметы искусства, дом и т.д.) и типичными представителями (инженер, предприниматель, художник, кинозвезда и т.д.). Все объекты и люди квалифицируются в согласии с соответствующим высшим принципом и выстраиваются иерархически в зависимости от степени обладания значимым качеством. В «Новом духе капитализма» Л. Болтански и Э. Кьяпелло, исследуя неокapитализм, концентрируются на механизмах изменения

современной системы трудовых и профессиональных ценностей. Авторы вводят новый, – проектный, (сетевой) град и показывают, что идеологическое обоснование нового капитализма использует риторику общего блага, возрастания свободы и самореализации [16].

В модели Л. Болтански и Л. Тевено разные миры взаимодействуют в конкретной ситуации или социальной организации и являются соизмеримыми, и исследователи могут проследить столкновение принципов различных миров и их возможные комбинации в рамках той или иной социальной ситуации или явления. Таким образом, теоретический подход социологии градов позволяет рассмотреть влияние экзистенциального идеала и экзистенциальных норм на формирование профессиональной репутации.

Профессиональная репутация как результат «компромисса» ценностей

Поскольку профессиональная репутация лежит в основе личного бренда, обозначим, что личный бренд невозможен без соответствия и массовому, и «корпоративному» представлению о профессиональном идеале. В то же время внутренняя жизнь сложных индустрий недоступна тем, кто находится вовне. Поэтому пересечение представлений о «правильном» может быть достигнуто только на высоком (идеологическом) уровне представления о профессии и поведении профессионала – представителя той или иной индустрии. На том уровне, когда и в глазах коллег, и в глазах людей «внешних», т.е. находящихся за пределами специализированной сферы, профессиональное поведение учитывается в качестве определяющей идею общего блага, а также механизмы защиты корпоративной и профессиональной идентичности. Предполагается, что в профессиональной репутации как явлении социальной реальности сталкиваются миры нескольких градов:

- научно-технического. Здесь мы говорим о профессионализме, соответствии некоторым требованиям и доказанной эффективности индивида в рамках своей профессии;
- рыночно-сетевого. Персональный бренд – объект желания и способ значительно увеличить свою стоимость на рынке труда;
- репутационного. Репутация как социальное явление – основа этого типа града.

Следуя логике авторов теории градов, попробуем описать профессиональную репутацию. Каждый из градов является некой целостной этической системой, обладающей своим регулятивным принципом. «Порядки величия» различных градов есть не что иное, как системы ценностей. Наша задача – проследить эти системы ценностей и понять, как и через какие «споры» преодолеваются ценностные разногласия различных градов. От-

метим, что в рамках каждого из градов репутация мыслится как диспозитив различного назначения. В рамках рыночного града она – инструмент повышения стоимости труда индивида. В границах репутационного града она и есть сама цель. В пространстве же научно-технического града репутация не что иное, как подтверждение соответствия индивида требованиям не только профессионального сообщества, но и общества в целом.

Социологический анализ профессиональной репутации

Материалы и методы. В качестве эмпирической базы выступают данные пилотажного эмпирического исследования, целью которого было выявление основных характеристик профессиональной репутации существующих в сообществе хирургов. Исследование включало в себя опрос с открытыми вопросами и 4 глубинных интервью. Объект исследования – представления хирургов (урологического и онкологического профиля) о том, как и на основе чего создается профессиональная репутация, время проведения – октябрь 2023 г., выборка невероятная, метод снежного кома, объем выборки 172 человека. Основу анализа профессиональной репутации составили следующие направления: признаки профессионала; представления о способах (инструментах) приобретения широкой профессиональной известности в среде коллег; распространение профессиональной репутации.

Профессиональная репутация в научно-техническом граде

Взаимодействие, обусловленное «техническими» потребностями городского индивидуализированного общества, – это взаимодействие профессиональных ролей и статусов участников интеракции. Мы обращаемся не мужчине или девушке, а к менеджеру, врачу или инженеру-программисту. Ожидания от поведения другого строятся на основе профессиональной роли специалиста и наших ожиданий от нее. В ситуации обращения за профессиональной помощью пациент в своих ожиданиях отдает приоритет, прежде всего, профессионализму врача, остальные же особенности взаимодействия (например, черты характера, семейный статус и т.п.) имеют значение, но не являются настолько первостепенными. Мы ожидаем в первую очередь профессиональной помощи. Поэтому говоря о базе ценностей, определяющей профессиональную репутацию другого, мы сосредоточимся, в первую очередь, на ценностях научно-технического града и том понимании общего блага, которое сложилось внутри него. Согласно Л. Болтански и Э. Тевено, в научно-техническом граде высшим благом выступает «полезность» – способность индивида удовлетворять потребностям сообщества с минимальным

расходом средств. «Порядок в научно-техническом мире основан на эффективности людей и вещей, их результативности, производительности, их способности обеспечить нормальное функционирование, приносить пользу, отвечать потребностям» [15, с. 196]. Рассмотрим ценности научно-технического града, нашедшие отражение в признаках профессиональной репутации. Отвечая на вопрос, какие признаки профессионализма становятся основой репутации хирурга в профессиональном сообществе респонденты выделили следующий топ-три качеств: узкоспециализированные компетенции (101%), личностные характеристики, связанные с трудолюбием и обучением (95%) и коммуникативные навыки взаимодействия с коллегами и пациентами (43%).

Как отмечают Л. Болтански и Л. Тевено «Достоинство человека в научно-техническом мире – это рабочий потенциал, рабочая сила. Эта способность находит выражение в труде, в котором реализуется энергия деятельной личности» [15, с. 321]. В перечислении неотъемлемых личностных качеств, необходимых хирургу для завоевания высокой профессиональной репутации, – «трудолюбие, дисциплина» занимают первое место (13%). Объекты научно-технического мира: инструменты, средства, задействованные в производственной задаче; умение пользоваться технологиями, специфические профессиональные навыки, все это – ценность, определяющая величие индивида в рамках научно-технического мира. Владение инструментарием повышает профессиональную репутацию субъекта. Респонденты в своих ответах уделили особое внимание как необходимости владения специальными «мануальными навыками» (10%), умению «работать на новом оборудовании» (2%), «точности движений, скорости» (2%), так и косвенным признакам, свидетельствующим о наличии у индивида таких навыков – «оснащенности клиники» (2%) и «работа в крупных центрах» (1%).

Интересно понимание Л. Болтански и Л. Тевено понятия ответственности в рамках научно-технического града и его воплощение в профессиональной репутации хирурга. Ответственность научно-технического мира – это умение предвидеть будущее и управлять им. «Великий, – отмечают исследователи, – находится в отношении с простым в силу «ответственности, которую он несет» за производство, в силу владения будущей ситуацией.» [15, с. 324]. 7% респондентов отметили, что хирург с высокой профессиональной репутацией умеет принимать на себя «ответственность за принятые решения». Двое информантов в рамках глубинного интервью пояснили, что хороший хирург еще до операции просчитывает различные варианты ее течения и имеет план действий на каждый из них. «Крутой профессионал имеет проработанный план действий, ориентируется в любой потенциальной критической ситуации» (уролог 5 лет

практики). «Я готовлюсь к каждой операции, отслеживаю кейсы на youtube и websurge, планирую тактику для каждого отдельного случая» (онколог, 9 лет практики).

Временным ориентиром научно-технического града служит будущее. «Прогресс – это формула инвестиции в научно-техническом мире. Он связан с вложением, инвестированием (в обычном смысле этого слова), которое уравнивает «затратность усилий» «по времени и деньгам» и «рентабельность в средние сроки», которую эти усилия обеспечивают. «Инвестиции открывают путь новому развитию.»» [15, с. 324]. Эта устремленность в будущее нашла свое отражение как среди личностных качеств присущих хирургу с высокой репутацией, так и среди профессиональных. «Способность к самообразованию» (13%) занимает второе место в топе личностных качеств, «жажда к познанию нового, увлеченность» (7%) – третье, а среди профессиональных качеств 5% респондентов отмечает «инновационность и критическое мышление для оценки инноваций». Устремленность в будущее является и жертвой¹, которую приносит субъект для достижения признания своей профессиональной репутации. Хирург с высокой профессиональной репутацией должен жить практически только работой и постоянно инвестирует в будущее, т.к., отмечают респонденты, это человек, который имеет «большой опыт операций» (22%), «ведет активную научную, исследовательскую деятельность» (6%), «предан своему делу» (5%), «постоянно профессионально развивается» (3%), «делится своим опытом с коллегами» (9%), «умеет делиться опытом качественно» (5%), ведет профессиональный блог, постоянно практикует (не делает перерывов в практике) и перерабатывает. Такая тотальная вовлеченность в профессиональную реализацию уже не предполагает элементов других градов в мире профессионала с высокой репутацией. У профессионального признания нет конечной точки, это постоянно раскручивающаяся спираль. Поддержание высокого уровня профессионализма хирурга и подтверждение его репутации – это постоянное саморазвитие, освоение новых навыков и технологий и ежедневная практика, которую было бы правильно дополнять собственными исследованиями. Высокая профессиональная репутация требует дальнейшей передачи опыта, наличия учеников, создания школы, развития этой школы и т.д. Высокая профессиональная репутация открывает двери в «крупные центры», привлекает для сотрудничества производителей оборудования, предлагающих гранты на апробацию и клинические исследования, и, таким образом, становится инструментом развития карьеры хирурга.

¹ Жертва, требуемая для достижения величия, предполагает отречение от элементов других градов.

Профессиональная репутация в рыночно-сетевом граде

Высшее благо рыночного града – это роскошь как таковая: «... не производство предметов роскоши, а сама роскошь, само изобилие приносит пользу всем» [15, с. 135]. Для того, чтобы обмен происходил, объект обмена должен быть предметом желаний и страсти для членов сообщества. Казалось бы, профессиональная репутация как атрибут личности не может быть элементом товарного обмена. Это утверждение звучит верно для традиционного капитализма. Но современный сетевой мир экономики знаний не предполагает отделения личности от рабочей силы, как это было во времена конвейерных предприятий. Современные идеи труда напрямую связаны с понятием самореализации [17, 18 с. 147–150]. Однако в контексте общего блага «самореализация имеет смысл лишь как свершение чего-либо» [16 с. 722]. Самореализация не обладает самостоятельным существованием, раскрывает себя только в рамках ценностей коллектива, то есть индивид реализуется в чем-то, что имеет смысл как общее благо. Современные формы труда, предполагающие дистант, мобильность и высокую самостоятельность (отстраненность) индивидов от организации требуют как защиты сотрудников, так и защиты самой организации, на которую они работают. Основой такой защищенности выступает доверие. Л. Болтански и Э. Кьяпелло обращаются к современной литературе по менеджменту. На основе ее анализа исследователи приходят к выводу о том, что одним из регулятивных механизмов, обеспечивающий требуемую защищенность становится профессиональная репутация. «Понятие репутации играет здесь центральную роль, поскольку, с одной стороны, оно лежит в основе занятости, – отличная репутация – это лучший способ обеспечить себе непрерывную занятость, – а с другой, оно позволяет оказывать особенно эффективное нормализующее воздействие на людей, с которыми имеешь дело». [16, с. 186].

Свободные ответы на вопрос, как некто приобретает высокую профессиональную репутацию, распределяются на три класса: осознанные стратегические действия, направленные на повышение своего профессионального статуса (22%), действия, направленные на личное продвижение – PR (49%) и внутренние факторы, связанные с профессиональным поведением индивида, его профессиональными качествами (57%). Подобное распределение показывает, что профессиональные качества или черты личности, важные для профессии, имеют в представлении сообщества ведущее значение, хотя не помогут личности создать свою репутацию без действий, направленных на самопродвижение. Наиболее часто среди таких необходимых профессиональных качеств, без которых невозможно получить профессиональную извест-

ность, респонденты называли трудолюбие (13%), научную работу (7%), опыт и самосовершенствование (6%) и наставничество (5%). Среди стратегических действий, направленных на повышение своего профессионального статуса чаще всего, упоминались связи или работа с уже известными профессионалами (9%) и умение преподнести себя другим, работать с публикой (6%). Действия, направленные на самопродвижение (PR) более консолидированы в представлениях опрошенных, среди них чаще всего упоминались необходимость вести социальные сети (14%), выстроенная политика продвижения (9%), активность в интернете (7%) и необходимость присутствовать на сайтах-агрегаторах отзывов пациентов (6%). Как видно из ответов, хирурги считают, что профессиональная репутация складывается из обширной практики, овладения новым (знания, навыки, научные открытия), наставнической деятельности и публичной активности, направленной не только на профессиональное сообщество, но в равной степени и на широкую общественность в целом.

Л. Болтански и Э. Кьяпелло отмечают, что репутация выступает одним из ведущих регулятивных инструментов во взаимоотношениях покупателя и продавца: «В подобных случаях важно, чтобы между покупателем и продавцом установились доверительные отношения ... Орудие покупателя – это **репутация** продавца, дорожка которой тот будет стараться оправдать доверие» [16, с. 239]. Опрос респондентов показал, что 52% хирургов со стажем 5–10 лет, 44% хирургов со стажем свыше 10 лет и 37% хирургов со стажем менее 5 лет ведут свой видеоархив операций с целью продвижения личного бренда. 31% опрошенных сказали, что размещают свои операции в социальных сетях и на популярных видеохостингах, 40% указали мессенджеры. Часть опрошенных (53%) согласилась конкретизировать места размещения видео своих операций и мастер-классов, наиболее популярным местом размещения стали тематические группы в телеграмм (23%), второе место заняла визуальная социальная сеть, запрещенной в России организации Meta (22%), третье место досталось Youtube (10%) и замыкает список предпочтений российская социальная сеть ВКонтакте (6%). В глубинных интервью респонденты отвечали, что предпочитают размещать видео операций на Youtube, т.к. там к ним имеют доступ и коллеги, способные оценить мастерство, и потенциальные пациенты. «Я знаю, что люди ко мне приходят, посмотрев мои операции на ютубе» (хирург-эндоскопист, 15 лет стажа). Интересно отметить, что респонденты глубинных интервью проявили полную незаинтересованность в специализированных закрытых социальных сетях для врачей – «Доктор на работе», «ВрачиРФ» и других закрытых для широкой публики ресурсах. Точно так же никто из опрошенных не упомянул эти профессио-

нальные ресурсы. Предпочтение, которое респонденты отдают общедоступным социальным сетям в противовес специализированным, закрытым для профанов, можно рассматривать как подтверждение тезиса Л. Болтански, Э. Кьяпелло о том, что превращение самореализации в товарную стоимость требует постоянного обоснования через концепцию освобождения от любых ограничений. Оперативные манипуляции на человеческом организме не самое простое для восприятия неподготовленным человеком видео, но это не останавливает хирургов, желающих подтвердить и провозгласить свой профессионализм, от размещения этих записей на общедоступных ресурсах.

Чтобы приобрести высокую репутацию хирург должен не только постоянно инвестировать свои личные ресурсы (время, деньги) в профессиональное развитие, но и поддерживать необходимые связи с другими, уже получившими профессиональное признание, коллегами, а также сам регулярно выступать наставником: проводить мастер-классы и учить других как в непосредственном оффлайн-взаимодействии, так и за счет размещения видео своих операций в интернете. Наставничество хоть и не занимает самые первые строки в размышлениях респондентов о профессиональной репутации, но всегда входит в топ-5 ответов. На вопрос, как вы узнаете о новых звездах в своей профессиональной среде, было получено 235 ответов (рис. 1). Первые три строчки заняли «отзывы коллег, сарафанное радио» (упомянули 43% респондентов), «конференции и мастер-классы» (37%) и социальные сети (19%).

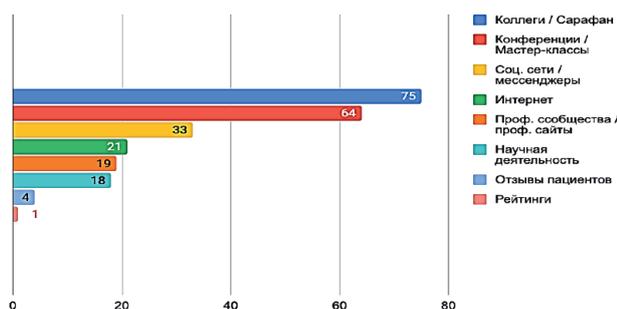

Рис. 1. Источники получения информации о высокопрофессиональных коллегах

Профессиональная репутация в репутационном граде

Величие человека в репутационном граде зависит только от мнения других, и чем больше людей оказывают индивиду доверие и признают его интересным, заслуживающим внимания, тем более он велик: «Именно благодаря мнению устанавливается эквивалентность, так как величие каждого зависит от мнения других: «успех зависит во многом от реакции общественного мнения». Релевантность

людей в мире репутации определяется их способностью образовывать публику, «мнение которой преобладает». Публика «формирует мнение» и в конечном итоге является единственной «истинной» реальностью: «Разве мнение не есть реальность?» [15, с. 281].

Согласно докладу главного внештатного хирурга Минздрава РФ А. Ревитшвили на 2021 г. в России зафиксировано 5475 взрослых практикующих хирургов урологического профиля [19]. YouTube аккаунт Э. Галямова (заведен в мае 2018 г.), одного из авторитетных в профессиональном сообществе хирургов-урологов (его имя занимает 2-е место в ответе на вопрос: «Кто из практикующих российских специалистов является для вас авторитетом в профессии?») насчитывает на январь 2024 г. 7750 подписчиков, а общее количество просмотров превысило 418000 [20]. Большинство роликов – видео операций, обложки для роликов в большинстве своем никак не оформлены, и сразу демонстрируют органы. В тоже время описание канала полностью посвящено зрителям (публике) и их реакция: «Спасибо всем, кто ценит то, чем мы занимаемся. Ваша позитивная реакция самая приятная награда за наше творчество». У Д. Шкарупы (16-е место в ответе на вопрос: «Кто из практикующих российских специалистов является для вас авторитетом в профессии?») 78600 подписчиков на YouTube (заведен в июле 2014), в описании аккаунта указано: «Здесь мы выкладываем много интересного как для коллег, так и для пациентов» [21]. У видео, ориентированного на пациентов сделаны нейтральные обложки, с указанием темы ролика, но видео операций, также в большинстве никаких обложек не имеют. При этом некоторые видео операций набирают незначительно меньше просмотров, чем видеолекции для пациентов, что подтверждает их популярность не только среди профессионалов (пациентоориентированное видео «упражнения кегеля» – 879 тыс. просмотров, видеоролик с демонстрацией операции «Vaginal cuff prolapse repair» – 813 тыс. просмотров). Таким образом можно констатировать, что для формирования высокой профессиональной репутации хирургу важно представлять себя в социальных сетях, авторитет хирурга в профессиональном сообществе может быть выше или ниже, но без публичной деятельности уже почти не мыслится.

Профессионалы, стремящиеся к широкой известности не только среди коллег, учитывают тот факт, что популярность требует доступности: «любое действие, направленное на общественное мнение, должно ориентироваться на наименее просвещенную часть публики. Это означает, что одна и та же информация должна быть предоставлена как наиболее просвещенной, так и менее просвещенной публике» [15, с. 285]. Насколько отдельно взятый профессионал стремится не просто к высокой профессиональной репутации, а к по-

строению личного бренда, приобретению массового признания, легко определить, изучая аккаунты известных специалистов в социальных сетях: чем проще стиль изложения, чем ярче заголовки, тем больше объект изучения получает массовой популярности [22]. Из 113 человек (65% от общего числа респондентов), которые делятся своими видеозаписями операций, 36% респондентов делают это не реже раза в месяц, а 32% делятся видео «часто и регулярно». Из тех, кто ответил, что они сами не делятся видеозаписями операций 22% заявили, что они не делают этого потому, что поручают это коллегам. Наиболее популярные каналы распространения видеозаписей операций это – социальные сети (26%) и мессенджеры (40%), из которых большую часть занимает телеграмм (24%).

Одним из мощных инструментов репутационного града, верифицирующим величие индивида в индустриальную эпоху выступали опросы общественного мнения: «Все более частое обращение к опросам общественного мнения позволило выявить следующее: обнародование результатов, показывающих, что большинство людей разделяет такое-то мнение (реп. град), усиливает мнение этих людей, в некотором роде является его поручительством и влияет (реп. град) на мнение других» [15, с. 478]. Сейчас наряду с опросами общественного мнения такую же функцию выполняют лайки и подписчики. Они являются и инструментом научно-технического мира (как его продукт), и мостиком между научно-техническим миром и миром репутации, верифицируя право персоны на значимость высказываемого мнения. Всеобщая поддержка, выраженная в лайках и подписчиках, может рассматриваться как форма ручательства за мнение. Хирурги предпочитают вести личные аккаунты, а не аккаунты клиник, в которых они работают. Из 76 респондентов, согласившихся поделиться сведениями о том, как и где они продвигают себя 40% ведут свои личные аккаунты, 10% размещают видео в группах профессиональных сообществ в социальных сетях и только 3% постят результаты своей работы в аккаунтах учреждений, в которых работают. Стремление утверждать в первую очередь личностную профессиональную репутацию и ориентацию клиентов (пациентов) на выбор конкретного специалиста (себя), а не организации подтверждают и другие исследования [22, 23]. Мнение других, выраженное в лайках, подписчиках и рейтингах становится реальностью, с которой как сам субъект профессиональной репутации, так и его коллеги, и пациенты могут (или должны) соотносить себя или свои действия. Профессиональные конференции по-прежнему являются мощным инструментом порождения и подтверждения профессиональной репутации: 32% респондентов отметили, что узнают о новых звездах в профессии на подобных мероприятиях, но дальнейшее развитие профессиональ-

ной репутации требует взаимодействия с широкой общественностью, и здесь в ход идут социальные сети и мессенджеры. По сути дела, хирурги, занимающиеся активным самопродвижением, идут против сложившегося профессионального канона медицины, как довольно закрытой профессии. И это тоже укладывается в требования репутационного града: «Величие зависит от известности. Существа мира репутации являются великими, поскольку они выделяются, являются заметными, известными, признанными, прославленными (они «лишены банальности»). Их заметность зависит от того, насколько они бросаются в глаза, привлекают к себе внимание, являются убедительными и говорящими сами за себя» [15, с. 282]. Хирурги, стремящиеся к высокой профессиональной репутации, нарушают не только ценностный корпоративный канон медицины, выходя в открытое медиапространство, но и ценностные представления о сакральности человеческого тела, размещая в общем доступе неприкрытые нейтральными обложками видео операций. Заинтересованность широкой общественности в их публикационной активности подтверждается цифрой просмотров в десятки раз превосходящей, как количество действующих на данный момент хирургов урологов, так и студентов этой специализации. Профессиональная репутация хирурга в глазах пациентов напрямую связана с его публичной активностью, что подтверждает постоянный поток запросов на лечение, которые получают хирурги, активно ведущие свои социальные сети, в директ. Таким образом, три главных ценности репутационного града – массовость, доступность и отказ от сокрытия профессиональных секретов проявляется в действиях, которые хирурги считают необходимыми для получения профессиональной репутации: наличие собственных, именных аккаунтов с большим количеством подписчиков, которые составляют не только и не столько коллеги, публикации с максимально доступным изложением, суть которых может понять и «профан», публичная демонстрация профессионального мастерства и наставничество.

Выводы

Подводя итог исследования, можно выделить несколько основных моментов. Изучение профессиональной репутации как научно-теоретического понятия обнаруживает богатую исследовательскую традицию, вместе с тем позволяет расширять рамки методологических подходов в его осмыслении. В нашей работе подобной попыткой стало рассмотрение профессиональной репутации с точки зрения теории градов Л. Болтански, Л. Тевено и Э. Кьяпелло. Профессиональная репутация в современном мире – это компромисс научно-технического, рыночно-сетевого и репутационного градов. Чем выше про-

фессиональная репутация, чем шире известен ее обладатель, тем на большую стоимость своих услуг он может рассчитывать. Рыночная оценка непостоянна, по мере того как потребность большинства в услуге меняется, будет меняться и ее стоимость, но наличие профессиональной репутации становится фундаментом того, что стоимость услуг такого профессионала будет заметно выше среднего по рынку и поток клиентов к специалисту с высокой профессиональной репутацией будет значительно превышать количество запросов к его менее известному коллеге. Высокая профессиональная репутация, организованная по принципам цифрового мира равна личному бренду. Для того, чтобы иметь высокую профессиональную репутацию, мало признания коллег, необходимо подтверждать ее в первую очередь количественными методами посредством рейтингов, количества подписчиков, просмотров и лайков в социальных сетях, что является ценностью научно-технического града. Но идеи накопления, присущие рыночному граду распространяются сейчас и на виртуальное накопление в том числе. Теперь мы меряем благосостояние не только владением недвижимостью или деньгами, но и популярностью в социальных сетях, среди широкой публики, что является ценностным атрибутом репутационного града. Таким образом, профессиональная репутация является собой равнобедренный треугольник компромисса научно-технического, рыночно-сетевого и репутационного града, с их ценностями измеримости и широкой популярности, верифицируемости и высокой стоимости, сложной достижимости и желанности (личный бренд – объект стремлений). Профессиональная репутация стала вполне измеримой, субъекту репутации необходимо регулярно демонстрировать свою эффективность и профессиональные компетенции. Широкая известность сама по себе становится инструментом повышения эффективности, более быстрого (по сравнению с субъектами меньшей известности) достижения результата, за счет «веса», величия мнения субъекта профессиональной репутации. К атрибутам кодирования профессиональной репутации как компромисса трех градов относятся: непрерывающаяся демонстрация владения профессиональным мастерством (мастер-классы и научные исследования в случае хирургов), наличие широкого признания, подтвержденного рейтингами, просмотрами и подписчиками не только в рамках узкопрофессиональных ресурсов, но в общем доступе, чаще всего в социальных сетях, востребованность индивида и его *мнения* по тому или иному вопросу с высокой профессиональной репутацией.

Литература

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

2. Parsons Talcott (1951). The social system Glencoe, Ill.: Free Press, 575. – URL: <https://www.ebooksread.com/authors-eng/talcott-parsons/the-social-system-sra.shtml> (дата обращения: 02.01.2024).
3. Mead George H. (1972). Mind, Self and Society from the standpoint of a social behaviorist Chicago: The University of Chicago Press, 401. – URL: <http://tankona.free.fr/mead1934.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).
4. Bourdieu, Pierre (1992). Les règles de l'art: genèse et structure du champ littéraire. – P.: Seuil, 480 p. (Libre examen. Politique).
5. Weigelt K. (2008). Reputation and corporate strategy: a review of recent theory and applications K. Weigelt, C. Camerer (eds) Strategic Management J, 9, 443–454.
6. Дорошко В.Н. (2016). Контент-анализ отечественных и зарубежных подходов к определению понятий «деловая репутация» и «репутационный капитал». Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, № 2 (95), 149–155.
7. Стрельникова Л. В. (2003). Социальный капитал: типология зарубежных подходов. Общественные науки и современность. 2, 33–42.
8. Donath J. (2008). Is reputation obsolete? The Publius Project. – URL: http://publius.cc/reputation_obsolete (дата обращения: 19.01.2024).
9. Dunbar Robin I.M. (1996). Grooming, Gossip, and the Evolution of Language. – Cambridge, MA: Harvard University Press.
10. Hearn A. (2010). Structuring Feeling: Web 2.0, Online Ranking and Rating, and the Digital 'Reputation' Economy. Ephemera. 10. (3/4), 421–438.
11. Origg G. (2017). Reputation: What It Is and Why It Matters. Princeton, NJ: Princeton University Press.
12. Origg G. (2022). The Social Indicators of the Reputation of an Expert, Social Epistemology, 36 (5), 541–549.
13. Захаров Н.Л. (2021) Организационное поведение государственных служащих. – М.: Инфра-М, 236 с.
14. Захаров Н.Л., Воронцов А.В., Кузнецов А.Л. (2023) Методологические основания социологии управления Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2, 251–267.
15. Болтански Л., Тевено Л. (2013) Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. – М.: НЛО, 576 с.
16. Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) Новый дух капитализма. – М.: НЛО, 976 с.
17. Секерин В.Д., Горяинова А.И., Семенова В.В. (2022) Особенности трудовой мотивации сотрудников поколения Z Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 4, 69–75.
18. Захаров Н.Л., Кузнецов А.Л., Перфильева М.Б. (2020) Становление современной системы трудовых отношений Ижевск: Издательство ИЖГТУ имени М.Т. Калашникова, 168 с.
19. Хирургическая помощь в Российской Федерации в 2021 году главный-хирург.рф. – URL: <https://главный-хирург.рф/images/uploads/2022/2022-04-26/pomosh-2021.pdf> (дата обращения: 21.01.2024).
20. Эдуард Гальямов Youtube.com. – URL: <https://www.youtube.com/@DrEduardGalliamov> (дата обращения: 21.01.2024).

21. Дмитрий Шкарупа Youtube.com. – URL: <https://www.youtube.com/@shkarupadd/featured> (дата обращения: 21.01.2024).
22. Шутова М.В., Рочева Я.С. (2022) Веб-ресурсы в профессиональной практике врача-хирурга, *Дискурс*. 8 (6), 85–100.
23. Shutova M.V., Rocheva Ya.S. (2021). Digital mediatization in medicine: new models of clinic-to-doctor patient interaction, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 26 (4), 722–729.

VALUES AS A FACTOR OF PROFESSIONAL REPUTATION FORMATION (IN THE CONTEXT OF CITIES THEORY)

Shutova M.V.

Saint Petersburg Electrotechnical University

The study of professional reputation as a scientific and theoretical concept reveals a rich research tradition. At the same time, the issue of sociological factors in the formation of professional reputation leaves room for research. It looks promising to rely on the pragmatic sociology approach represented in L. Boltanski's & L. Thévenot's works to study aspects of formation of social expectations when assessing professional reputation. Under this scientific attitude, we can move from simply recording the diversity of value judgments, values, and principles of justice to the point of their possible combination and interaction in social experience. The purpose of the study, is to trace these value systems and understand how and through which 'Disputes' the value differences of different cities («orders of worth») are overcome. And to identify the main characteristics of the professional reputation of surgeons existing in the community. The materials of a pilot research conducted in October 2023 based on survey and in-depth interview methods became the empirical basis of the study. Study showed that professional reputation is a triangle of compromise between scientific and technical, market-network and reputational cities, with their values of measurability and wide popularity, verifiability and high cost, difficult achievability and desirability.

Keywords: professional reputation, values, theory of cities, reputation management, digital world, reputation' formation factors.

References

1. Merton R. *Social Theory and Social Structure* / Robert Merton. – М.: ACT: ACT MOSCOW: KHRANITEL, 2006. – 873 p.
2. Parsons Talcott (1951). *The social system* Glencoe, Ill.: Free Press, 575. – URL: <https://www.ebooksread.com/authors-eng/talcott-parsons/the-social-system-sra.shtml> (accessed: 02.01.2024).
3. Mead George H. (1972). *Mind, Self and Society from the standpoint of a social behaviorist* Chicago: The University of Chicago Press, 401. – URL: <http://tankona.free.fr/mead1934.pdf> (accessed: 08.01.2024).
4. Bourdieu, Pierre (1992). *Art rules: the genesis and structure of literary culture*. – P.: Seuil, 480 p. (Libre examen. Politics).
5. Weigelt K. (2008). Reputation and corporate strategy: a review of recent theory and applications K. Weigelt, C. Camerer (eds) *Strategic Management J*, 9, 443–454.
6. Doroshko V. N. (2016). Content analysis of domestic and foreign approaches to defining the concepts of "business reputation" and "reputation capital". *Bulletin of the F. Skorina Gomel State University*, No. 2 (95), 149–155.
7. Strelnikova L. V. (2003). Social capital: a typology of foreign approaches. *Social sciences and modernity*. 2, 33–42.
8. Donath J. (2008). Is reputation obsolete? *The Publius Project*. – URL: http://publius.cc/reputation_obsolete (access date: 01/19/2024).
9. Dunbar Robin I.M. (1996). *Grooming, Gossip, and the Evolution of Language*. – Cambridge, MA: Harvard University Press.
10. Hearn A. (2010). Structuring Feeling: Web 2.0, Online Ranking and Rating, and the Digital 'Reputation' Economy. *Ephemera*. 10. (3/4), 421–438.
11. Origgi G. (2017). *Reputation: What It Is and Why It Matters*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
12. Origgi G. (2022). The Social Indicators of the Reputation of an Expert, *Social Epistemology*, 36 (5), 541–549.
13. Zakharov N.L. (2021) Organizational behavior of civil servants. – М.: Infra-M, 236 p.
14. Zakharov N.L., Vorontsov A.V., Kuznetsov A.L. (2023) Methodological foundations of the sociology of management *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2, 251–267.
15. Boltanski L., Thevenot L. (2013) Critique and justification of justice: Essays on the sociology of cities. – М.: NLO, 576 p.
16. Boltanski L., Chiapello E. (2011) The new spirit of capitalism. – М.: NLO, 976 p.
17. Sekerin V.D., Goryainova A.I., Semenova V.V. (2022) Features of labor motivation of employees of generation Z *Bulletin of the State University of Education. Series: Economics*. 4, 69–75.
18. Zakharov N.L., Kuznetsov A.L., Perfil'eva M.B. (2020) Formation of a modern system of labor relations *Izhevsk: Publishing house of Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov*, 168 p.
19. Surgical care in the Russian Federation in 2021 *glavnyy-hirurg.rf*. – URL: <https://galnik-hirurg.rf/images/uploads/2022/2022-04-26/pomosh-2021.pdf> (date of access: 21.01.2024).
20. Eduard Galyamov Youtube.com. – URL: <https://www.youtube.com/@DrEduardGalliamov> (date of access: 21.01.2024).
21. Dmitry Shkarupa Youtube.com. – URL: <https://www.youtube.com/@shkarupadd/featured> (date of access: 21.01.2024).
22. Shutova M.V., Rocheva Ya.S. (2022) Web resources in the professional practice of a surgeon, *Discourse*. 8 (6), 85–100.
23. Shutova M.V., Rocheva Ya.S. (2021). Digital mediatization in medicine: new models of clinic-to-doctor patient interaction, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 26 (4), 722–729.

Теория-театр-зрелище-перформанс

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В этой статье автор стремится иначе, чем принято, взглянуть на глубинное единство и глубинное противостояние трех разных категорий, трех миров – научной теории, театра и зрелища. Они единого корня, но разной судьбы. Зачатые в единстве, они сотворили себе разную культурную траекторию. Их сопоставление и разграничение, по мнению автора, позволит лучше прояснить природу некоторых привычных явлений.

Время по-новому заставляет читать и перечитывать то, что было написано однажды. Почему такое возможно? Потому что хороший театр и хорошая теория – они о вечном. А зрелище и балаган – о сиюминутном. Вечности нужен не восторг или адреналин, а правда и дух. Духовное – главное измерение театра и теории. Чувственное – основное пространство зрелища. Оно наполнено иллюзиями и скоротечностью. Духовное выскует, критикует, исследует, проникает в сущность.

Теория и театр – великие исследователи. И не только окружающего мира, но и самого зрителя. Посещение серьезного спектакля и приобщение к серьезной теории изменяет нас изнутри. Мы не можем остаться прежними. Активировавшееся в нас духовное начало в момент общения с ними автоматически произвело в нас мощную работу, высветив для нас – в окружающем мире и внутри нас – что-то новое, что раньше было во мраке. А развлекательное зрелище способно на это?

Ключевые слова: теория, театр, зрелище, наука, культура, зритель.

Теорию и театр роднит этимология. Целый ряд очень важных для нашей культуры слов имеют общее происхождение: θεός (бог, божество), θεωρία (теория), θέατρον (театр), θεώρημα (теорема), θεωρητικός (теоретик), θεολογία (богословие), θεόκρατος (теократия), θεομαχία (теомахия¹), θεογονία (теогония), θεομανής (теомания² [1]), θεανтроπία (богочеловечество), θεατροκρατία (театрокрация), θέμα (тема³), Θέμις (Фемида, правосудие, управление по закону), θεοσοφία (теософия), θεόμορφος (теоморфизм⁴), θεός+ δίκη (теодиция), θεός+ κρατειν (теокразия⁵), θεός+ πάθος (теопатия⁶), θεουργία (теургия⁷).

Как видим, от первоначального θεός возникло множество слов, обогативших русский язык, и символизирующих собой некую духовно-религиозную «начинку». Именно она определяет содержание указанных терминов. Нахождение в этом ряду театра, θέατρον, поначалу вызывает удивление, так как нынешний театр в форме зрелища с божественным не имеет ничего общего.

Немного о самой теории. Термин «теория», исходя из его древнегреческого происхождения, несет какую-то театральную-красочную нагрузку, связанную с зрелищами, зрителями, шоу, воодушевлением, карнавалом. Все это больше подходит для городского социума, нежели для замкнутой деревенской общины. Да и античный театр не в селе родился. Так что теория вполне городского происхождения.

Буквально теория (θεωρία) означает «зрелище», «взгляд» – заранее и хорошо продуманную инсценировку событий, определенный взгляд на вещи. Теория отражает реальность избирательно и под определенным углом зрения. Она отсекает второстепенное и оставляет главное. Второстепенных деталей, попадающих в поле нашего зрения, так много, что они создают хаос. Отсортировать главное и организовать их в непротиворе-

¹ Теомахия – в античном язычестве: борьба с богами или борьба между богами.

² Теомания – религиозное помешательство, мнимое вдохновение.

³ θέμα – не только вопрос (для обсуждения), тема, но также расположение небесных светил (в момент чьего-либо рождения).

⁴ Теоморфизм – учение Священного Писания о человеке как образе и подобии Божьему.

⁵ Букв. «богосмещение», поклонение различным богам.

⁶ Теопатия – страдания во имя своего бога; религиозный фанатизм.

⁷ Теургия – практика общения с духами и богами; вид магии.

чивое целое призвана научная теория, поэтому ее можно воспринимать как своеобразный интеллектуальный фильтр, но фильтр очень сложно организованный, поскольку над его созданием трудятся порой несколько поколений ученых, десятки научных коллективов. В частности, примеры научной теории в физике – это теория элементарных частиц и квантовая теория.

В естественных и инженерных науках система теорий более гомогенная, в социальных и гуманитарных – более гетерогенная, как праздничное шествие. Здесь можно обнаружить самые разные формы знания: эмпирические факты, законы и закономерности, статистические тенденции, принципы, гипотезы, формализованные и неформализованные теории, квази- и псевдотеории и т.д. Вот почему в широком смысле теорию можно определить как «знание принципов».

В методологической литературе можно найти множество определений научной теории: совокупность логически связанных между собой абстрактных понятий, которые переводятся в переменные, наделяемые эмпирическими признаками, а также в совокупность гипотез, которые подвергаются эмпирической проверке; иерархически организованная система предложений и гипотез, находящихся в отношении выводимости [2]; совокупность утверждений о реальном мире, которые описывают связь переменных. В узком смысле научная теория – логически связанная система общих и частных понятий (переменных), которая описывает небольшой фрагмент социальной реальности при помощи совокупности гипотез, проверяемых в репрезентативном эмпирическом исследовании.

Греческое слово, породившее наш театр (θέατρον), имеет два значения – *представление* и *здание*. То и другое имеет общий корень θεός. Античный театр как здание создавался в качестве места для проведения религиозных, а позже и политических представлений. В V в. до н.э. пьесы или, по крайней мере, танцы и песни хора исполнялись на афинской *агоре* – городской площади. Для этого было отведено специальное место – *орхестра* – круглая площадка, находившаяся посредине пространства агоры. Позднее пьесы ставились в *театрах*, поначалу очень примитивных. Одеон Перикла – первый *крытый театр*, построенный в середине V века до н.э. в древнегреческих Афинах и являющийся прародителем всех современных концертных залов.

Пространство театра делилось на три части: скамьи для публики, расположенные амфитеатром, *орхестра* для танцев и песен хора, *скена*, представлявшая собой *крытое* сооружение с дверями и возвышением, на котором выступали актеры и где крепились декорации. *Скена* чаще всего символизировала царский дворец, а *орхестра*, т.е. круглая площадка между сценой и ам-

фитеатром, изображала агору. Около 300 до н.э. греческие театры представляли собой сцену под *открытым* небом, окруженную с трех сторон зрительскими местами, поднимавшимися ступенями вверх. У подножия холма располагались круглая *орхестра* – площадка для хора и *скена* – помещение для актеров и реквизита. *Актеры* (только мужчины) носили *маски* и *котурны* – обувь на высокой подошве. *Скена* была многоярусной, перед ней находились сценические подмости – *проскений*. Для зрителей строились прекрасные и вместительные помещения – как открытого, так и закрытого типа. Театр Диониса в Афинах был рассчитан на 20 000 зрителей, в Эпидавре – на 14 000, в Дельфах – на 5000.

Посещение театра было важным культурным и религиозным обрядом, объединявшим всех зрителей через сопереживание персонажам – *катарсис*. Государство быстро осознало важность театрального искусства и оказывало ему всяческую поддержку: специальные жюри отбирали лучшие *пьесы* и возлагали на богатых граждан обязанность финансировать постановки. Спонсоры театра богатые граждане, которые выбирали пьесы и награждали соревновавшихся между собой драматургов. Во время театрального представления, как правило, в течение 8–9 часов показывали три трагедии и одну драму сатиров. Все они имели мифологический сюжет. Победители получали не только почет и уважение сограждан, но и материальную поддержку государства.

Театр, помимо культурных, выполнял и политические функции, художественными средствами толкуя мифологические сюжеты. Например, в «Орестее» Эсхила отражен переход от материнского права к отцовскому. Как только театр перестал быть местом отправления ритуалов, в театре-помещении чего только не происходило, в том числе и то, что сегодня мы относим к массовым зрелищам. Религиозно-возвышенный дух театра как представления сузился до одного вида – трагедии и драмы. Если не считать симфонические концерты, оперы и хоровые пения. Таким образом, в древнегреческих трагедиях агора, или орхестра, была местом пересечения двух начал: *ойкоса* родовой семьи и *полиса* граждан. Семья и общество – два социальных начала, которые символизировали драматическое пространство сцены.

В Древней Греции театры посещали не только аристократы. Театр – один из самых демократических институтов приобщения людей к культуре, который со временем был оттеснен водевилем и кино. Театр вышел на улицу и там как театр умер. Заниматься народным искусством мог кто угодно. Бедноте выдавались деньги для того, чтобы в день представления она могла не заботиться о своем пропитании. Однако чаще простонародье довольствовалось карнавалами, уличными гуля-

нями, ярмарочными представлениями. На смену приобщению к высокой культуре пришло приобщение к культуре массовой.

Приведённый кластер понятий заставляет автора сделать вывод о том, что «исходной площадкой» для формирования двух понятий – «театр» и «теория» – служит не зрелище, а божественность, или боговдохновенность (проявление высшей духовности). Точнее сказать, не только или не столько зрелище как чувственно-наглядный процесс, но также либо в первую очередь поиск духовного начала в театре и в теории. Разберемся с этим подробнее.

Зрелище, происходящее от древнерусского зърти, зрю – видеть, вижу – обозначает воспринимаемое с помощью взгляда, например, красивый лунный пейзаж или след метеорита в небе. Причастная форма с суффиксом -л- дала глаголу «зреть» с суффиксом -щу-е- существительное «зрелище». Слова «зрелище», «взгляд», составляющие этимологию теории, очень уместны: на основе одной и той же совокупности фактов в науке может быть создано несколько теорий, и все они по-разному оценивают эти факты, и каждая по-своему оказывается права, приводя в доказательство собственную систему аргументов. Точно так же одни и те же факты разные люди воспринимают по-разному. Неизвестно, отчего зависит подобный плюрализм – от особенностей человеческой психики, специфики познания или онтологического устройства реального мира, – но факт остается фактом: несколько теорий, иногда с противоположных позиций, могут объяснять один и тот же факт. Причем подобное наблюдается не только в социологии, которую представители других дисциплин считают незрелой наукой, еще весьма далекой от идеалов строгой науки, но и в почтенной физике, а также в экономике или психологии.

Чувственно наглядный образ, поражающий наши органы восприятия – онтологический фундамент зрелища. Но одновременно театра и теории. Последняя присоединяет к чувственно воспринимаемому умопостижимое. Второй уровень проникновения вглубь вещей в театре и теории становится главной доминантой. Если бы зрелище как театральная постановка не затрагивало нашу душу, разум и нравственные чувства, то тогда и в театр ходить нечего.

Корень теории и театра – *зримость*. Роли и понятия должны быть ясными либо прояснять нечто, что непонятно зрителям или читателям, какую-то сущность, скрытую от глаз. Теория и ее понятия для того и создана – познание сущности явления, открытие того, что скрыто в вещах, событиях, процессах и явлениях. Стало быть, связь понятий с метафорами самая непосредственная. То же самое делает театр. Автор постановки через образы и роли стремится донести до зрителя высокие

идеи, нравственные проблемы, поучения. Заставляет зрителя задуматься, сопереживать, приобрести новый опыт, воспитаться и социализироваться.

Общество как театр и как теория одновременно. Теория как наука и как искусство одновременно, но существующие в разных измерениях. В одном измерении теория – наука, в другом – искусство, образ реальности. Математические вычисления в ней играют скорее вспомогательную роль как сцена, декорации, подмости, сценарий, распределение ролей и режиссура.

Научная теория, как и постановка в театре, подчинена одной теме или идее. Это не уличное шествие или представление – разношерстное, не управляемое и ненаправленное. Сводить театр к зрелищу неправильно. В русском слове «зрелище» есть что-то принижающее, балаганное, чего в греческом «театре» нет. Он – трагическое и создан ради трагедий. Во всяком случае, первоначально. Театр призван служить храмом высокого искусства, а не площадного развлечения. Только в этом случае происходит катарсис, отмеченный древними греками в качестве важнейшего результата приобщения к высокому искусству. А какой след оставляет в нас ток-шоу, эстрадный концерт или цирковое представление?

Теория – тоже жанр серьезный. Но это относится к полноценной научной теории крупного масштаба, раскрывающей строение вселенной или механизмы происхождения видов на Земле. Существует великое множество очень скромных, «одноактных» теорий, созданных под конкретный случай. Маленьких пьес много и в современном театре. Теория как совокупность обобщённых положений даёт пищу для ума. Умопостижение мира – это тоже «зрелище». Но не как увеселение, а как раскрытие тайн и загадок бытия, стремление объяснить себе последовательность событий, которые на первый взгляд кажутся ничем не связанными. Теория призвана служить храмом высокой науки. Система безупречных по ясности понятий, связанных логикой и математикой, подкрепленных проверяемыми в эксперименте гипотезами, представляет собой высочайшее достижение – и напряжение одновременно – человеческого духа. И она производит в нас катарсис – очищение от суетного, неправдоподобного, лживого.

Таким образом, театр и теория из зрелища для чувств становятся зрелищем для разума и души. Они не оставляют нас прежними, такими, какими были до общения с ними. Театр и теория преобразуют нас, что-то выправляют, куда-то направляют. Направляют снизу вверх, а не по горизонтали, от одного места в чувственном пространстве к другому, как это происходит при созерцании зимнего пейзажа или флеш-моба.

Зрелище утратило первоначальный смысл быть результатом видения, созерцания, слежения или зрения. В эпоху массового искусства «зрелище» служит синонимом «представлению», театральному, уличному, концертному, цирковому. Часто оно употребляется в качестве прилагательного: зрелищные мероприятие, зрелищные виды искусства, зрелищное событие. Иными словами, нечто яркое, запоминающееся, поразившее воображение. За такими сюжетами гонятся журналисты. Им необходимо не типичное, а сенсационное, т.е. из ряда выходящее. Зрелищные искусства или изобразительные его виды, к коим относят живопись и скульптуру, требуют присутствия зрителя, являющегося полноправным соавтором действия. Театр без зрителя – не театр, а «театрон», т.е. помещение, где происходит постановка и куда вечером приходят люди, а пока что служащее складом для размещения бутафории и реквизита.

Зритель необходим не только театру, но и теории. Научная теория создается не ради кабинетного знакомства с ней автора. Она обращена к широкой аудитории и создается «для народа». Она просвещает его, пополняет сокровищницу наших знаний, помогает открывать неизвестное и совершенствует практическую деятельность человека. Вначале с ней знакомится научное сообщество – круг избранных «театралов», сведущих в данном вопросе, критически вскрывающих недочеты, проверяющих и перепроверяющих истинность слов и безошибочность выводов. Это самая преданная, объективная и заинтересованная вместе с тем публика. Лишь много позже, после прохождения всех этапов критики и проверки, научная теория становится достоянием широкой общественности, т.е. выставляется на всеобщее обозрение в статьях, монографиях и учебниках как очередное завоевание человеческой мысли.

Сомнительные теории, равно как и уличные пьески, не проходят через критическое очищение специалистами, где они могли бы и не выдержать испытания, а сразу выставляются на всеобщее обозрение. Они живут недолго, поражают воображение широкой аудитории, но прибавить что-то в сокровищницу знаний человечества они не могут.

Зритель как соавтор и интерпретатор увиденного, услышанного и прочитанного – источник существования театра и теории. Автор пьесы или научной теории мог задумать одно и вкладывал свой смысл в свое произведение, но зрители и читатели увидели в них совсем (или частично совсем) другое, свое. Таков неизбежный контекст человеческой коммуникации: мы произносим одно, остальные слышат другое. Мы вкладываем один смысл в свои слова, а напарники вкладывают в них другой. Мы злимся и негодуем, разъясняем или извиняемся, поправляем себя и виним за произнесенные, показавшиеся кому-то смертельно

обидными, слова. Но без их участия совместное общение произойти не может. Не со стенкой же мы говорить собираемся. Хотя она уж точно ничего не исказит.

В коммуникативный акт, а постановка пьесы и создание научной теории является именно таковым, мы вступаем с определенной иллюзией – быть понятыми, услышанными, прощенными. Мы ищем в других понимания и сочувствия. Без этого нет смысла что-либо творить. Но получаем ли мы то, на что надеемся? Очень часто нет. Но упорно продолжаем идти по этому пути. И во второй раз мы, наученные горьким опытом непонимания или лжепонимания, сделаем то же самое. Но на этот раз умнее, хитрее, изощреннее.

Восприятие зрителем с недоверием и скептицизмом творения, созданного не им, обычное и психологически объяснимое явление. Оно присуще человеку от природы – как биологической (в силу врожденной настороженности к любому новому как таящему в себе потенциальную угрозу), так и социальной (общение с людьми учит нас доверять привычному, знакомому, традиционному или безусловно авторитетному).

Сопrotивление идущим со сцены образам и ролевым моделям поведения, вполне законный скепсис к прочитанному в научной, а тем более полунучной, статье есть необходимый субстрат театра и теории. Автор постановки или теории заранее знает о зрительском недоверии и стремится быть как можно более убедительным. Он еще раз прочитывает написанное, безжалостно вымарывая надуманное и неправдоподобное, переписывает целые фрагменты или вообще уничтожает созданное. И все с одной-единственной целью – завоевать доверие его величества зрителя: достучаться до его сознания, проникнуть ему в сердце, вызвать похожие чувства и мысли.

Какие только театральные техники не применяют столичные училища при подготовке будущих актеров. Главные среди них – вживание в роль и в образ. У них только одна цель – быть правдоподобным в исполняемом образе. Правдиво донести до зрителя тот образ, который еще раньше был правдиво прописан драматургом – основа всех основ. Она включает две операции: написание правдоподобного художественного образа и правдивое изображение его на сцене. Хорошо написанное, но плохо сыгранное ведет к провалу так же, как плохо написанное, но хорошо сыгранное. Зритель не поверит.

Парадокс в том, что он пришел в театр не ради театральных поз и эффектов, но ради жизненной истины. Через пьесу зритель хочет получить правдивый ответ на свои нравственные проблемы. Хорошая пьеса учит и социализирует, просвещает и воспитывает. А за театральными позами зритель идет не в театр, а в цирк, на улицу, в балаган. Там мир зрелищ.

Зритель – это соавтор, хранитель и искажитель театральных пьес и научных теорий. Он толкует и перетолковывает, верит и сомневается. Аудитория – крайне зыбкая почва, непредсказуемая, в чем-то очень косная, а в чем-то слишком авангардная. В ней, как в трясине, можно утонуть автору и актерам. До нее приходится тянуться автору или режиссеру. Но только она – единственный потребитель и ценитель сотворенного. Смена вкусов и предпочтений аудитории, смена поколений зрителей позволяет одну и ту же пьесу ставить снова и снова, но уже под другим углом зрения, в новой трактовке, новыми режиссерами. Вечная жизнь хорошей пьесы обусловлена скоротечностью вкусов и предпочтений публики, неодинаковостью ее ожиданий в каждую историческую эпоху. Бессмертная слава покоится на смертности и текучести.

Не только в театре, но и в науке происходит нечто похожее. Что только не делали с теорией относительности: многие пытались ее понять, но безуспешно; немногие пытались ее опровергнуть, но безрезультатно. А самое главное – у нее бесконечное число применений в других физических теориях и моделях, уравнениях и расчетах. Новые теории либо прямо выводятся из нее, либо строятся с условием согласия с ней. Через сто лет после ее появления физики с гордостью произносят: моя космологическая модель обнаружила еще одно следствие из великой теории. В то же самое время режиссеры в разных странах соревнуются между собой, кто лучше поставит «Войну и мир» – с новым смыслом и больше отвечающим духу времени.

Зрелищные представления существуют только в момент их исполнения. Они исчезают навсегда с окончанием спектакля. Цирковой клоунаде или театрализованному празднику нужны сиюминутные зрительские реакции. Второй раз вы уже не пойдете сюда. Второй раз они пройдут для другой аудитории. А у серьезного театра есть своя преданная аудитория, которая в новой постановке той же пьесы изыскивает неожиданные обертоны и новые повороты смысла. Так и к хорошему роману мы возвращаемся в жизни не один раз. Ради картин Рембрандта можно приходить в Пушкинский не единожды, но второй раз услышать с эстрады те же самые шутки вряд ли кому захочется.

Театр и теория – это то, что открывается взору. Зрелище – то, что привлекает взор. Чувства текучи, восприятие изменчиво, а дух постоянен. Зрелище – вырожденная форма театрального действия. Спортивное соревнование – полное драматизма, мужества, напряжения всех сил и, наконец, подлинности состязание талантов и характеров. А спортивное зрелище? Это как бы всерьез, а на самом деле понарошку. Олимпийские игры в Древней Греции и бои гладиаторов в Римской им-

перии – это зрелища, поскольку вызывали у зрителей трепет, подъем душевных сил, всплеск адреналина. Но не только зрелище как последовательность театрализованных действий и поз. Это прежде всего реальная жизнь с кровью, потом и смертью. Здесь все взаправду. Потому театр и спорт в античности – прежде всего «школа гражданственности», институт социализации, воспитание чувств, тренировка духа. Бои гладиаторов имели также и политическое значение – утверждение превосходства властей Рима над жизнями других народов и самоутверждение граждан Рима в своих правах распоряжаться судьбами варваров.

Когда спорт превращается в зрелище, его формула «сделать то, что никто не делал» трансформируется в другую формулу – «делать то, что нравится публике». Присутствие на спортивном состязании, скажем, чемпионате мира, побуждает зрителей переживать тот же накал страстей и затраты физической энергии, что и у спортсменов. В спортивном зрелище как коммерческом предприятии зрители затрачивают только деньги, заранее зная, что их будут развлекать. Никакого катарсиса здесь нет. Люди пришли не поболеть, а отдохнуть. Участники и соучастники превратились в массовом зрелище в производителей и потребителей.

Драки футбольных фанатов – лучшее свидетельство истинности спортивного состязания. Проигрыш любимой команды вызывает всплеск эмоций, горе преданных поклонников, которые все равно не разлюбят свою команду. Футбольный матч – форма катарсиса. Подставные матчи вызывают только гнев и раздражение. Болельщики покидают стадион подавленными, понимая, что соревнование было не настоящим. Она стало коммерческой сделкой, театрализованным представлением. Они винят во всем руководство команды, но не игроков. Из игроков они ненавидят тех, кто изображает игру, бережет себя, ведет немужественно на поле. Он нарушает нравственные нормы спорта.

Шельмовать и притворяться, играть не по-настоящему могут и актеры в театре. Их освистывают, на них не ходят. И в науке отвергают не настоящие теории, созданные не по правилам, нарушающие неписанный устав науки – правила научного метода, например, когда подтасовывают или искажают результаты эксперимента, когда ученый дает субъективную или пристрастную оценку фактов или приходит не к тем выводам.

Истинная форма и превращенная форма науки – такие же полярности, как театрального действия и зрелища, как боевая атака и военный парад. При этом из первой сферы во вторую переключаются те же слова, но поменявшие смысл или написание: театрального и театрализованное, спектакль и «спектакль». Сходство переверты-

шей с оригиналом создает иллюзию подлинности у того, что не является таковым. Оно маскирует не оригинал под оригинал.

Превращенная форма, маскирующая ложь под истину, присутствует в самых разных сферах общественной жизни. Разгневанные проигравшие своей команды болельщики могут подраться с противником, выплеснув негативную энергию. Но когда драки становятся регулярным способом существования фанатов, то средство превращается в цель. Все мгновенное меняется: драки ради драк, вызываемые малейшим поводом или намеренно спровоцированные, тренировки фанов-бойцов, специальная экипировка и вооружение. Произрастает особая разновидность молодежной субкультуры, где истинные эмоции, ценности и модели поведения, например, преданность любимой команде при ее неудачах, смешиваются с неистинными, в том числе готовностью участвовать в специально организованных побоищах фан-бригад.

Превращенные формы чего-либо получают приставку псевдо-, квази-, анти-, лже- или «около». «Околоспортивная» толпа участников фан-движения, псевдонаучные теории и учения, околонучные знания и эксперименты, псевдонаучные практики. Околонучные дискурсы посвящены обсуждению параллельных миров, вечного двигателя, НЛО, концу света и многому другому, что притягательно для профанов, потрясает воображение, добавляет адреналина.

Настолько часто научные исследования фальсифицируются, их результаты искажаются, что обыватель уже не знает, чему и кому верить. Скептицизм начинает превалировать над доверием. И не только профаны, но и специалисты с трудом разбираются в потоке все возрастающей информации. Отличить ложь от истины становится практическим невозможным делом.

В потоке постмодернистских и авангардных спектаклей зритель уже не в силах отличить подлинно театральное от театрализованного. Обычные граждане все чаще не доверяют сообщениям, поступающим якобы от ученых. Скептицизм в отношении науки толкает людей верить чему-то другому – альтернативным учениям, нетрадиционной медицине, иррациональным верованиям. Те привлекают их рецептами мгновенного выздоровления, доступным объяснением самых таинственных загадок, шокирующим утверждениями и фактами. Зрелищность вытесняет подлинность.

Теория и театр подчиняются или функционируют по общим ценностным критериям – красота, истина, добро. Театральная постановка, прежде всего драма и трагедия, должна отражать правду жизни, пусть и своими, художественными средствами. Критерий истины для нее не менее важен, чем для научной теории. Научная теория и математические уравнения должны соответствовать критерии

рию красоты. Красота – это краткость, стройность, убедительность, истинность. Красота – идеал для театра.

Стало быть, театр – это место, где присутствуют зрители, а теория – это сам зритель, внимательно смотрящий на окружающий мир и замечающий в нем какие-либо закономерности. Это разные явления: ты сам смотришь или тебе показывают. В первом случае субъект активен, во втором – пассивен. Театр – сфера эмоционального, теория – сфера рационального. Оба слова имеют общий корень – зрелище. В одном случае зрелище – это представление-развлечение, которое смотрят те, кто в нем не участвует. В другом – зрелище как зрение, обзор, наблюдение, внимательное и серьезное, т.е. умственная конструкция не для развлечения, а для познания. Хотя театр тоже помогает познанию – мира людей и самих себя. Измеритель теории – научная новизна, театра – эмоциональная новизна.

Театр – место для публичных обзоров. Теория – предмет для публичных обзоров. Спектакль (собственно зрелище) – действие для публичных обзоров. У постановок классического театра есть литературные источники – произведения Эсхила, Шекспира или Пушкина. У современного перформанса их нет, это спонтанные сиюминутные импровизации одного автора-исполнителя. Теория и театр основаны на игре слов. Метафизика также. Игра словами – что это? Сущность существенна, форма формальна, диалектика формы и содержания – понятия и выражения, у которых нет эмпирического референта.

Литература

1. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910.
2. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: учеб. для высших учебных заведений. М., 1995. С. 124.

THEORY-THEATRE-SPECTACLE-PERFORMANCE

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

In this article, the author seeks to take a different look than is customary at the deep unity and deep opposition of three different categories, three worlds: scientific theory, theatre, and spectacle. They have the same root, but different fates. Conceived in unity, they have created different cultural trajectories for themselves. Their comparison and distinction, in the author's opinion, will help to better clarify the nature of some familiar phenomena. Time makes us read and reread in a new way what was written once. Why is this possible? Because good theatre and good theory are about the eternal. And spectacle and farce are about the momentary. Eternity needs not delight or adrenaline, but truth and spirit. The spiritual is the main dimension of theatre and theory. The sensual is the main space of spectacle. It is filled with illusions and transience. The spiritual seeks, criticizes, explores, penetrates into the essence. Theory and theater are great researchers. And not only of the surrounding world, but also of the spectator himself. Visiting a serious performance and becoming familiar with serious theory changes us from

the inside. We cannot remain the same. The spiritual principle that was activated in us at the moment of communication with them automatically produced powerful work in us, highlighting for us - in the surrounding world and within us - something new that was previously in the dark. And is an entertaining spectacle capable of this?

Keywords: theory, theater, spectacle, science, culture, spectator.

References

1. Dictionary of foreign words included in the Russian language. Chudinov A.N., 1910.
2. Batygin G.S. Lectures on the methodology of sociological research: textbook for higher educational institutions. Moscow, 1995. Page 124.

Меры поддержки семей с детьми в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральном округе

Лукьянец Артем Сергеевич,

к.э.н., ведущий научный сотрудник, заместитель директора по инновационному развитию ИДИ ФНИСЦ РАН
E-mail: artem_ispr@mail.ru

Данное исследование концентрирует внимание на региональных мерах поддержки семей с детьми в национальных субъектах Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов, оценивая их эффективность в контексте демографической ситуации. В фокусе внимания – сравнительный анализ региональных программ по стимулированию рождаемости, включающее в себя такие инструменты, как материнский капитал, ежемесячные выплаты, льготы, социальные контракты. Особое внимание уделяется выявлению практик, способствующих повышению рождаемости, а также определению проблем и недостатков существующей политики. Поддержка семей с детьми – важнейший приоритет государственной политики, обозначенный Президентом РФ. На региональном уровне федеральные меры дополняются комплексом местных льгот и выплат. Результаты исследования позволят разработать практические рекомендации по совершенствованию региональных мер поддержки семей с детьми, направленные на повышение рождаемости, снижение детской смертности и улучшение демографической ситуации в СКФО и ДФО. В частности, в работе исследуются принципы и методы управления системой социальной защиты, анализируются виды социальной помощи, предоставляемой семьям детям. Особое внимание уделяется основным мерам национального проекта «Демография», направленным на улучшение качества жизни семей с детьми. Рассматриваются особенности функционирования системы социальной защиты семей с детьми на региональном уровне. Подчеркивается важность финансовых инструментов социальной поддержки для семей с детьми и необходимость их дальнейшего развития с учётом успешных практик, применяемых в разных регионах страны.

Ключевые слова: демографические процессы, национальные проекты, регионы России, семейная политика, материнский капитал.

Введение

Демографическая ситуация в России характеризуется низкой рождаемостью и высокой смертностью, что создает серьезные проблемы для долгосрочного социально-экономического развития страны. Особую актуальность этот вопрос приобретает для регионов с неблагоприятной демографической ситуацией. В регионах Северного Кавказа и Дальнего Востока, помимо общих проблем, характерных для России наблюдаются дополнительные сложности, связанные с социально-экономическими условиями, миграционными процессами и рядом культурных особенностей, свойственных данным регионам. В контексте решения демографических проблем возрастает роль социальной-демографической политики, направленной на обеспечение поддержки семьям с детьми и создание условий для достижения их благополучия. На государственном уровне реализуется ряд проектов, направленных на повышение рождаемости, среди них, материнский (семейный) капитал (федеральный и региональный), ежемесячные и единовременные выплаты на детей, налоговые льготы [1]. Однако для достижения устойчивого демографического роста необходима реализация комплексных мер, учитывающих региональную специфику и адаптированных к особенностям каждого региона.

Социологические исследования современных российских семей с детьми выявляют комплекс взаимосвязанных проблем: материальных, жилищных и социальных. Несмотря на их взаимообусловленность, значимость каждой для развития семьи диктует необходимость отдельного анализа, субъективные оценки стабильно выделяют материальные и жилищные трудности как ключевые факторы, ограничивающие рождаемость в стране – эта тенденция сохраняет актуальность на протяжении длительного периода.

Решение отложить или отказаться от рождения детей зачастую мотивируется ожидаемым снижением уровня жизни семьи. В современных экономических и геополитических условиях наличие детей существенно увеличивает риск обнищания и каждое последующее рождение ребенка усугубляет данную тенденцию, погружая семью в более глубокую бедность [2].

В этом контексте особое внимание привлекает анализ региональных мер поддержки семей с детьми в национальных субъектах Северо-

Кавказского и Дальневосточного федеральных округов. Эти регионы демонстрируют различные демографические тенденции и имеют свою уникальную социально-экономическую специфику, учитывая особенности демографического, социального и культурного фона. В данной статье предлагается провести комплексный анализ региональных мер поддержки семей с детьми в СКФО и ДФО, выявить наиболее эффективные практики и определить перспективы развития семейной политики в этих регионах.

В работе были применены общенаучные методы в рамках статистического, структурного и институционального анализа. В исследовании были использованы сравнительно-типологические, аналитические и статистические методы. Исследование основывается на данных Росстата, федеральных и региональных органов власти, СМИ, полученной из открытых источников. Комплексное использование данных методов позволит получить наиболее полную и объективную картину состояния семейной политики в национальных субъектах СКФО и ДФО, выявить проблемы и предложить эффективные решения для улучшения демографической ситуации в регионах.

Северо-Кавказский федеральный округ: обзор региональных мер поддержки семей с детьми

Региональные меры поддержки семей с детьми в СКФО направлены на стимулирование рождаемости и укрепление семейных ценностей. Они включают в себя как денежные выплаты, так и ряд социальных услуг. Несмотря на то, что региональные программы оказывают положительное влияние на демографическую ситуацию в регионе, сразу стоит констатировать, что регионы нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании, чтобы еще эффективнее решать проблемы в сфере демографии.

Социально-экономическая ситуация в субъектах СКФО характеризуется рядом сложностей, обусловленных, прежде всего, неоднородностью демографических тенденций. В то время как некоторые субъекты федерального округа демонстрируют относительно высокую рождаемость, другие сталкиваются с проблемой суженного воспроизводства населения, что в перспективе может привести к развитию депопуляционных трендов. Эта неоднородность усложняет разработку эффективных мер поддержки семей [3–4]. Кроме того, наблюдается рассогласование между репродуктивными намерениями и их реализацией. Молодежь декларирует желание иметь много детей, однако в крупных городах происходит трансформация представлений о семье и детях, что влияет на реализацию этих намерений. Немаловажную роль играет и невысокий уровень благосостояния населения, что создает дополнительные трудности для

семей с детьми. В регионах с высокой рождаемостью наблюдается дефицит мест в детских садах, школы работают в условиях перегрузки, а высокий уровень безработицы и низкие зарплаты существенно осложняют жизнь семей. Таким образом, сложность демографической ситуации в национальных Республиках Северного Кавказа для семей с детьми обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, требующих принятия системных мер для их решения.

В рассматриваемых субъектах создана система поддержки многодетных семей, которая включает различные льготы как для детей, так и для взрослых членов семей, что вместе с этническими особенностями и традициями способствует повышению уровня рождаемости и обеспечивает благоприятные условия для детей.

Северо-Кавказский федеральный округ активно реализует программы поддержки семей с детьми, направленные на повышение рождаемости и улучшение благосостояния населения. Различные регионы СКФО предлагают свои программы, включающие как финансовую помощь, так и социальные льготы. Ставропольский край, к примеру, уделяет особое внимание поддержке семей с детьми через региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей на территории Ставропольского края», в рамках которого, молодые родители могут рассчитывать на ежемесячную выплату в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка до достижения им возраста 3 лет. Также предусмотрена ежемесячная денежная выплата при рождении третьего ребенка и (или) последующих детей до 3 лет [6].

Республика Дагестан обладает развитой системой поддержки семей с детьми. Меры, принимаемые в данном субъекте, включая как денежные выплаты, так и меры обеспечения семей отдельными видами материальных благ, всецело направлены на достижение благоприятных условий развития детства [5].

Помимо федерального материнского капитала, размер которого в 2024 г. зависит от того, какой по счёту ребёнок и когда он родился или был усыновлён (первый ребёнок родился или усыновлён до 2020 года, второй – в 2020 году и позже – 833 024,74 руб. на второго; оба ребёнка родились до 2020 года – 630 380,78 руб. на второго; единственный ребёнок родился с 1 января 2020 г. – 630 380,78 руб.; первый ребёнок родился с 1 января 2020 г. – 630 380,78 руб., и появился второй – ещё 202 643,96 руб.; первый и второй ребёнок родились до 2007 года, третий – в 2020 году или позже – 833 024,74 руб. на третьего¹ в Дагестане выплачивается региональный материнский капитал в следующих размерах: 10 000 руб. за пятого и каждого последующего ребёнка; 300 000 руб.

¹ Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ с дополнениями (дата обращения: 13.09.2024).

за десятого и каждого последующего ребёнка; 20 000 руб. при одновременном рождении двух детей; 100 000 руб. при одновременном рождении трёх и более детей. Важно отметить, что условия и порядок оказания мер социальной поддержки в регионе определяется исходя из среднедушевого дохода семьи [9]. Это позволяет адресно направлять помощь тем, кто в ней больше всего нуждается. Также стоит отметить, что размеры пособий и выплат ежегодно индексируются с учетом уровня инфляции, что позволяет отчасти сохранить их покупательную способность.

В Республике Адыгея региональный материнский капитал составляет 50 000 рублей (100 000 рублей с 2025 г.) при рождении третьего или последующего ребенка. Обязательным условием получения выплаты является регистрация родителей по месту жительства на территории Республики Адыгея. Также с 2025 г. вводится дополнительная единовременная выплата в размере 25 000 рублей при рождении первого или второго ребенка матерью в возрасте до 25 лет включительно¹.

Карачаево-Черкесская Республика реализует комплекс мер, направленный на поддержку семей с детьми, стремясь стимулировать рождаемость и обеспечить благополучие многодетных семей. К примеру, многодетные семьи получают ежемесячную денежную выплату на топливо, если их жилье не подключено к центральному отоплению, а также ежемесячную компенсацию за проезд и питание детей, обучающихся в школах и профессиональных училищах. Важным инструментом поддержки является республиканский материнский капитал, назначаемый при рождении четвертого и последующих детей. С 1 октября 2023 г. размер выплаты был увеличен с 105 000 до 150 000 рублей по инициативе главы республики, демонстрируя стремление оказывать максимально возможную помощь семьям с большим количеством детей. В 2024 году в Карачаево-Черкесии предоставляется республиканский материнский капитал в размере 150 000 рублей за рождение (усыновление) четвертого или последующего ребёнка. Право на получение возникает с 1 января 2012 года у россиянок, постоянно проживающих в республике.

В Республике Кабардино-Балкария размер регионального материнского капитала составляет 250 000 рублей, который предоставляется гражданам РФ, проживающим в республике, родившим (усыновившим) и воспитывающим пятерых и более детей, в том числе пятого и последующего ребенка, родившегося не ранее 1 января 2008 г. Капитал предоставляется в виде именного сертификата и может быть направлен только на улучшение жилищных условий. Помимо указанной ре-

гиональной выплаты, семье может быть также выплачено единовременное пособие при рождении у одной матери одновременно трех и более детей в размере 50 000 рублей на каждого ребенка².

В Республике Ингушетии нет программы регионального материнского капитала, но действует региональная поддержка многодетных семей, выплаты по которой зависят от числа детей. Выплаты предусмотрены семьям, в которых не менее 5 детей со следующей градацией: при рождении пятого ребенка семья получит 5 000 рублей, на каждого последующего ребенка сумма увеличивается на 2 000 рублей. Т.е. при рождении, например, 7-го ребенка выплата составит 9 000 рублей. Отдельные выплаты предусмотрены при рождении двойни и тройни. При рождении одновременно двух детей – 30 000 рублей, а при рождении одновременно трёх и более детей – 100 000 рублей³.

В Чеченской Республике региональный материнский капитал отсутствует, но предусмотрены выплаты многодетным семьям, т.е. семьям с тремя и более несовершеннолетними детьми. Согласно закону Чеченской Республики от 30 декабря 2023 года № 73-ПЗ «О многодетной семье в Чеченской Республике и мерах по ее социальной поддержке» многодетные семьи имеют право на получение следующих выплат: выплаты ежемесячного пособия на каждого ребенка из многодетных семей в размере 350 рублей; единовременная выплата на каждого ребенка при рождении одновременно трех и более детей в размере 100 000 рублей⁴.

В Северной Осетии программа регионального семейного капитала была закрыта 31 декабря 2018 г. Региональный семейный капитал выплачивался при рождении в семье третьего и последующего ребенка в размере 50 000 рублей, которые можно было направить на улучшение жилищных условий на территории Республики Северная Осетия-Алания, лечение детей, приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, подготовку детей к школе и погашение

² Постановление Правительства КБР от 25 сентября 2023 г. № 202-ПП «О внесении изменения в форму № 3 приложения к государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Социальная поддержка населения Кабардино-Балкарской Республики» <https://pravitelstvo.kbr.ru/documents/postanovleniya/postanovlenie-pravitelstva-kbr-ot-25-sentyabrya-2023-g-202-pp-o-vnesenii-izmeneniya-v-formu-3-prilozheniya-k-gosudarstvennoy-programme-kabardino-balkarskoy-respubliki-sotsialnaya-podderzhka-naseleniya-kabardino-balkarskoy-respubliki.html> (дата обращения: 20.09.2024)

³ Постановлением Правительства Республики Ингушетия от 02.02.2009 года № 26 «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей» (с изменениями от 07.08.2024) <https://docs.cntd.ru/document/819085878?marker> (дата обращения: 11.09.2024).

⁴ Закон Чеченской Республики от 30 декабря 2023 года № 73-ПЗ «О многодетной семье в Чеченской Республике и мерах по ее социальной поддержке» <http://publication.pravo.gov.ru/document/2000202401030005> (дата обращения: 11.09.2024).

¹ ГТРК Адыгея: <https://adygtv.ru/41597/> (дата обращения: 05.09.2024)

задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг. Из действующих региональных программ поддержки семей с детьми можно выделить единовременную выплату в 50 000 рублей, матерям впервые родившим ребенка в возрасте до 26 лет, а также предоставление субсидии на приобретение жилья семьям при рождении (усыновлении) трех и более детей одновременно в Республике Северная Осетия-Алания в размере стоимости 18 квадратных метров на каждого новорожденного (усыновленного) ребенка и средней стоимости 1 квадратного метра жилья в республике¹.

Таким образом, в отношении регионов Северного Кавказа, можно констатировать, что адресность поддержки, основанная на учете среднедушевого дохода семьи, позволяет эффективно использовать ресурсы и оказывать помощь наиболее нуждающимся.

Региональные программы Дальневосточного Федерального округа: анализ и сравнительный обзор

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке, к сожалению, остается сложной и характеризуется рядом негативных тенденций. Регион столкнулся с проблемой оттока населения, низкой рождаемостью и высокой смертностью. Несмотря на усилия государства по привлечению жителей и стимулированию рождаемости, Дальний Восток продолжает терять население. Отток связан с поиском лучшей жизни, более высоких зарплат и развитой инфраструктуры в других регионах России [11].

Молодежь, получив образование, зачастую не видит перспектив на Дальнем Востоке и уезжает в поисках возможностей для самореализации. Низкая рождаемость также является серьезной проблемой, связанной с социально-экономическими факторами, такими как недостаток доступного жилья, высокая стоимость жизни и отсутствие уверенности в будущем. Высокая смертность обусловлена недостаточной развитостью системы здравоохранения, особенно в отдаленных районах, а также неблагоприятными климатическими условиями и распространенностью вредных привычек. В результате наблюдается естественная убыль населения, которая усугубляется миграционным оттоком. Несмотря на сложности, государство предпринимает меры по улучшению демографической ситуации на Дальнем Востоке: вводятся программы по привлечению специалистов, развитию инфраструктуры, поддержке молодых семей и стимулированию рождаемости. Однако для достижения реальных результатов

¹ Постановлением Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 12 апреля 2016 г. № 125 «О Порядке предоставления субсидии на приобретение жилья семьям при рождении (усыновлении, удочерении) трех и более детей одновременно в Республике Северная Осетия-Алания».

необходимы комплексные меры, направленные на повышение уровня жизни, создание новых рабочих мест и улучшение качества жизни населения. Только создав благоприятные условия для жизни и развития, можно ожидать изменения демографической ситуации на Дальнем Востоке в лучшую сторону [12].

Регионы Дальнего Востока активно поддерживают семьи с детьми, предлагая различные меры помощи, направленные на создание благоприятных условий для рождения и воспитания подрастающего поколения [13]. В Приморском крае действует система единовременных выплат и региональный материнский капитал. При рождении первого ребенка семья получает 36 420 рублей, а если мама моложе 25 лет, то к этой сумме добавляется доплата в размере 13,5 тыс. рублей. Амурская область, в свою очередь, фокусируется на здоровье будущих родителей и поддержке студенческих семей. Программа «Сертификат молодой семьи» направлена на обследование здоровья молодежи, планирующих рождение ребенка, что способствует раннему выявлению и профилактике возможных проблем. Студенческие семьи могут рассчитывать на помощь в устройстве ребенка в детский сад, предоставление жилья и составление индивидуального учебного графика, что позволяет молодым родителям совмещать учебу и воспитание детей. Для снижения очереди в дошкольные учреждения действует программа «Сертификат школьника», которая предусматривает софинансирование из регионального бюджета оплаты частных детских садов для детей от 1,5 лет [14–15].

В Еврейской автономной области семьи с детьми получают комплексный и развитый подход к социальной защите. С появлением второго ребенка семья получает право на региональный (дальневосточный) материнский капитал, размер которого составляет не менее 30% от федерального материнского капитала или 249 907,42 рублей. Он выплачивается семьям, в которых второй ребенок был рожден или родится в период с 01.01.2019 по 31.12.2026 [16]. А с рождением третьего и последующих детей семье предоставляется областной материнский (семейный) капитал в размере 120 тысяч рублей. Эти средства можно направить на улучшение жилищных условий, образование детей и другие важные цели, способствуя благополучию и стабильности семьи².

Социально-демографическая политика Еврейской автономной области направлена на поддержку семей с детьми, юридически она опирается на закон ЕАО «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» и соответствующее постановление правительства. Склады-

² Постановление правительства Еврейской автономной области «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» от 29.06.2011 № 965-ОЗ

вающийся правовой фундамент гарантирует получение областного материнского (семейного) капитала гражданам Российской Федерации, постоянно проживающим на территории области не менее года до рождения (усыновления) второго ребенка [17].

Кроме того, в рамках государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» молодые семьи с детьми, включая неполные семьи с одним родителем-гражданином РФ, получают возможность воспользоваться социальной выплатой для приобретения жилья или строительства собственного дома [18]. Эта программа, успешно реализованная в 2022 году благодаря финансированию из федерального бюджета, дает молодым семьям реальную перспективу обретения собственного жилья, что является важным шагом на пути к стабильности и независимости. Не менее значимым элементом поддержки является компенсация родительской платы за детский сад в размере 100% для детей из многодетных семей. Тем не менее, важно помнить, что многодетные семьи могут воспользоваться только одной мерой поддержки из нескольких предлагаемых, выбрав наиболее подходящую для их конкретной ситуации [19–20].

В Республике Саха (Якутия), помимо федерального материнского капитала, действуют дополнительные региональные программы поддержки семей с детьми. Региональный (дальневосточной) материнский капитал при рождении второго ребенка составляет 249 907,42 рубля. Собственно республиканский материнский капитал «Семья» в размере 300 000 рублей выплачивается при рождении третьего или последующего ребенка для семей, постоянно проживающих в Якутии не менее 5 лет. Помимо этого, предусмотрен республиканский Целевой капитал «Дети столетия» в размере 110 775 рублей при рождении (усыновлении) ребенка. Для многодетных семей, отказавшимся от земельного участка предусмотрена единовременная выплата в 200 000 рублей. Кроме рассмотренных мер поддержки, в арсенале социально-демографической политики Республики Саха (Якутия) имеется ряд льгот и социальных выплат семьям с детьми, с невысокими доходами. Их суть заключается в компенсации затрат на приобретение школьных принадлежностей и детских товаров.

В Республике Бурятия в 2024 году также выплачивается региональный (дальневосточной) материнский капитал при рождении второго ребенка 249 907,42 рубля не зависимо от материального положения семьи. На уровне субъекта, предусмотрен республиканский материнский (семейный) капитал за третьего или последующих детей, если среднедушевой доход семьи ниже 1,5 прожиточного минимума. Сейчас его размер составля-

ет 71 085,49 рублей. Помимо указанных выплат, в рассматриваемом субъекте РФ осуществляется поддержка многодетных семей. Например, такие семьи освобождаются от уплаты транспортного налога на один автомобиль мощностью до 200 л.с., бесплатное посещение 1 раз месяц государственных театров и бесплатный проезд (не более 60 поездок в месяц) в общественном городском и пригородном транспорте для детей, а также однократное предоставление земельного участка, семьям, нуждающихся в жилых помещениях¹.

Чукотский автономный округ из всех ранее рассмотренных субъектов, обладает наиболее разветвленной и детализированной системой поддержки семей с детьми, включая и многодетные семьи. Из-за большого перечня мер материальной поддержки, в рамках данной статьи, указать все из них не представляется возможным. В этой связи выделим наиболее значимые, с нашей точки зрения, меры поддержки семей с детьми.

Как и во всех субъектах дальневосточного федерального округа, в Чукотском автономном округе выплачивается региональный (дальневосточной) материнский капитал при рождении второго ребенка 249 907,42 рубля не зависимо от материального положения семьи. Также предусмотрен региональный материнский (семейный) капитал для семей, имеющих трёх и более детей, проживающих на территории округа в размере 167 608 руб. При этом с 1 января 2025 года данная выплата предоставляется на каждого третьего и последующего ребенка. Кроме указанных мер внимания заслуживают внимание такие меры, как: единовременная социальная выплата на приобретение жилого помещения семьям, имеющим 4 и более ребенка – от 300,0 тыс. руб. до 5 млн руб.; социальная выплата в размере 50% (55% семьям, имеющим ребенка – инвалида) от стоимости жилья, но не более 3,0 млн. руб. при отсутствии жилья в собственности и 2,5 млн. руб. при наличии жилья в собственности; единовременная выплата на погашение основного долга по ипотечным жилищным кредитам многодетным семьям – не более 500 т.р.; единовременная выплата семьям в связи с одновременным рождением в них двух и более детей – 500 000 руб.; единовременная выплата при рождении ребенка – 69 718 руб..²

Все рассмотренные меры в первую очередь направлены на стимулирование рождаемости и создание благоприятных условий для жизни семей и показывают некоторые результаты. Вместе с тем анализ существующих программ выявляет необходимость разработки механизмом адресно-

¹ Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия: https://egov-buryatia.ru/minsoc/include/RUS/MSP_mnogodet/ (дата обращения: 10.09.2024).

² ГБУ «Чукотский окружной комплексный центр социального обслуживания населения»: <https://cson-chukotka.ru/svreg> (дата обращения: 15.09.2024).

сти и индивидуальности при определении потребностей каждой конкретно взятой семьи.

Одной из основных проблем остаётся размер выплат, который зачастую не соответствует реальным потребностям семей в условиях растущей инфляции. Кроме того, охват программ поддержки не всегда является достаточно широким, оставляя за пределами внимания ряд нуждающихся категорий. Для повышения эффективности региональной политики в сфере поддержки семей с детьми целесообразно рассмотреть возможность индексации размера выплат с коэффициентом, опережающим инфляцию в 1,5–2 раза, расширения действующих программ, упрощения процедуры получения льгот и внедрения механизмов более комплексной поддержки семей с низким уровнем дохода. Такие меры позволят сделать региональную политику более эффективной и далее способствовать улучшению демографической ситуации в регионе.

Заключение

Проведенный анализ мер поддержки семей с детьми в регионах Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов выявляет общую, но весьма тревожную тенденцию. Несмотря на активные усилия, предпринимаемые на региональном уровне, оба округа сталкиваются с серьезными демографическими вызовами. Отток населения, особенно молодежи, низкая рождаемость, не компенсирующая естественную убыль, и высокая смертность, обусловленная рядом социально-экономических факторов, создают сложную демографическую ситуацию. Региональные программы поддержки семей, включающие единовременные выплаты, материнский капитал, помощь в получении образования и жилья, безусловно, играют важную роль в смягчении негативных тенденций, можно констатировать их значимость, тем не менее не вполне эффективную в условиях депопуляционных трендов.

Для достижения реальных и долгосрочных результатов необходим более комплексный подход, ориентированный на решение глубинных социально-экономических проблем, которые лежат в основе демографического кризиса. В этой связи, для регионов СКФО и ДФО рекомендуется приоритетное развитие экономики и создание новых рабочих мест, так как наличие стабильной и хорошо оплачиваемой работы является ключевым фактором привлекательности региона для жизни. Необходимо создавать благоприятные условия для развития бизнеса, привлекать инвестиции и развивать перспективные отрасли экономики, способные обеспечить высокооплачиваемые рабочие места и удержать молодежь. Также важно повышать доступность жилья, разрабатывая программы, направленные на снижение его стоимости, увеличение доступности ипотеки и предо-

ставление льгот молодым семьям при приобретении жилья. Развитие инфраструктуры, в том числе образования, здравоохранения, культуры и спорта, не только повысит качество жизни населения, но и сделает регионы более привлекательными для проживания.

Особое внимание следует уделить развитию инфраструктуры в отдаленных районах. Существующие меры поддержки молодых семей необходимо расширять и совершенствовать, увеличивая размер финансовой помощи, расширяя льготы на жилье и образование, а также развивая систему дошкольного образования.

Доступность и качество медицинских услуг являются важным фактором здоровья населения и продолжительности жизни, поэтому необходимо повышать качество и доступность медицинских услуг, особенно в отдаленных районах, а также проводить профилактические мероприятия, направленные на снижение смертности. Наконец, регионам необходимо разрабатывать целевые программы по привлечению и удержанию квалифицированных специалистов в различных отраслях экономики, предоставляя жилье, подъемные пособия, льготы на обучение и другие меры поддержки.

Только комплексный подход, направленный на улучшение социально-экономической ситуации и создание наиболее комфортной среды для жизни и работы, позволит добиться положительных изменений в демографической ситуации регионов и создаст желаемую положительную перспективу. Инвестиции в человеческий капитал – это инвестиции в будущее региона и страны в целом. Устойчивое демографическое развитие является ключевым фактором успешного развития государства, и регионы Северного Кавказа и Дальнего Востока играют в этом значительную роль.

Литература

1. Партина В.В. Специфика молодой семьи и её основные проблемы. Люберцы. 2017. 127 с.
2. Верещагина А. В, Самыгин С. И, Кикоть А.С. Молодая семья в России и специфика ее адаптации: проблемы социологического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 21–25.
3. Абдулаева З. З., Мамаева А.З. Анализ обеспеченности жильем молодых семей в Республике Дагестан: проблемы и пути решения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 7 (129). С. 146–153. DOI:10.26726/1812-7096-2021-7-146-153.
4. Абдулаева, З.З. Основные направления повышения уровня конкурентоспособности и востребованности женского труда в регионах СКФО / З.З. Абдулаева // Экономика и предпри-

- нимательство. 2020. № 8(121). С. 456–460. EDN: XFCOM
5. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Демографический состав населения на Северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4–1. С. 13–17.
 6. Габараева М.Р. Влияние социальных пособий на семейно-брачное поведение в республике Северная-Осетия Алания // Социодинамика. 2022. № 8. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.8.38541.
 7. Бобков В. Н, Одинцова Е. В, Чашина Т.В. О социальных гарантиях участников Специальной Военной Операции и членов их семей // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1 (54). С. 138–146. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-138-146.
 8. Журавлева М. А, Людмила И.Б. Приоритеты государственной политики по организации социальной защиты участников СВО // Государственная служба. 2023. № 4 (144). С. 88–93. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-4-88-93
 9. Гимбатов Ш. М, Кутаев Ш. К Хаджалова Х. М, Абдулаева З. З, Абдулманапов П.Г. Социальные и демографические проблемы формирования трудового потенциала Северного Кавказа // Народонаселение. 2023. № 1. С. 135–146. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.11
 10. Завялова А. А., Бородина А.В. Решение проблем молодой семьи в рамках государственной политики (на примере Республики Дагестан) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. № . 1. С. 30–39.
 11. Буланова М.А. Оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 111–119.
 12. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165–187.
 13. Анисимова О.А. Репродуктивные стратегии молодых семей на примере Хабаровского края // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10–2. С. 61–65. DOI:10.24412/2500-1000-2022-10-2-61-65
 14. Придвижкин С. В., Шилиманов М.Н., Ильюшин А.А. Обеспечение жильем молодой семьи: аренда или ипотека // Дискуссия. 2018. № . 3 (88). С. 55–62.
 15. Минакир П. А., Найден С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефицит идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3 (107). С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302
 16. Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация в Хабаровском крае: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46.
 17. Найден С.Н., Бравок П.С. Доступность жилья: опыт реализации национальных проектов и региональных программ на Дальнем Востоке // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–2. С. 889–895.
 18. Найден С. Н., Грицко М.А., Буревая Н.С. Оценка развития социальной инфраструктуры в условиях реализации национальных проектов: опыт Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 64–82. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-64-82.
 19. Найден С.Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 24–36. DOI 10.22394/1818–4049–2020–93–4–24–36.
 20. Чернолуцкая Е.Н. Государственные программы развития Дальнего Востока и демографическая динамика в дальневосточном приграничье в конце XX – начале XXI в. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 76–93. DOI 10.24411/2658–5960–2019–10006

MEASURES TO SUPPORT FAMILIES WITH CHILDREN IN THE NORTH CAUCASUS AND FAR EASTERN FEDERAL DISTRICTS

Lukyanets A.S.

Institute for Demographic Research FCTAS RAS

This study analyzes regional support measures for families with children in the North Caucasus and Far Eastern Federal Districts, assessing their effectiveness in the context of the demographic situation. The focus is on a comparative analysis of regional programs to stimulate fertility, which includes such tools as maternity capital, monthly payments, benefits, and social contracts. Special attention is paid to identifying practices that contribute to increasing fertility and reducing child mortality, as well as identifying problems and shortcomings of existing policies. Support for families with children is the most important priority of state policy, outlined by Russian President. At the regional level, federal measures are complemented by a set of local benefits and payments. The results of the study will allow us to develop practical recommendations for improving regional measures to support families with children, aimed at increasing the birth rate, reducing child mortality and improving the demographic situation in the North Caucasus Federal District and the Far Eastern Federal District. In particular, the paper examines the principles and methods of managing the social protection system, analyzes the types of social assistance provided to children and mothers. Special attention is paid to the main measures of the national Demography project aimed at improving the quality of life of families with children. The features of the functioning of the social protection system for families with children at the regional level are considered. The importance of financial instruments of social support for families with children and the need for their further development, considering successful practices applied in different regions of the country, is emphasized.

Keywords: Demography, national projects, regions of Russia, family policy, maternity capital.

References

1. Partina V.V. Specificity of a young family and its main problems. Lyubertsy. 2017. 127 p.

2. Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Kikot A.S. Young family in Russia and the specificity of its adaptation: problems of sociological discourse // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2017. No. 11. Pp. 21–25.
3. Abdullayeva Z.Z., Mamaeva A.Z. Analysis of housing provision for young families in the Republic of Dagestan: problems and solutions // *Regional problems of economic transformation*. 2021. No. 7 (129). Pp. 146–153. DOI:10.26726/1812-7096-2021-7-146-153.
4. Abdullayeva, Z.Z. The main directions for increasing the level of competitiveness and demand for female labor in the regions of the North Caucasus Federal District / Z.Z. Abdulaeva // *Economy and Entrepreneurship*. 2020. No. 8 (121). P. 456–460. EDN: XFCOM
5. Averin A. N., Ponedelkov A.V., Stelmakh S.A., Omelchenko I.V. Demographic composition of the population in the North Caucasus // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021. No. 4–1. P. 13–17.
6. Gabaraeva M.R. The influence of social benefits on family and marital behavior in the Republic of North Ossetia-Alania // *Sociodynamics*. 2022. No. 8. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.8.38541.
7. Bobkov V. N., Odintsova E.V., Chashchina T.V. On social guarantees for participants in the Special Military Operation and their family members // *Social and labor research*. 2024. No. 1 (54). P. 138–146. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-54-1-138-146.
8. Zhuravleva M. A., Lyudmila I.B. Priorities of state policy for organizing social protection of SMO participants // *Public service*. 2023. No. 4 (144). P. 88–93. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-4-88-93
9. Gimbatov Sh. M., Kutayev Sh.K. Khadzhalova H.M., Abdulaeva Z.Z., Abdulmanapov P.G. Social and demographic problems of the formation of the labor potential of the North Caucasus // *Population*. 2023. No. 1. P. 135–146. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.11
10. Zavyalova A. A., Borodina A.V. Solving the problems of a young family within the framework of state policy (on the example of the Republic of Dagestan) // *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 30–39.
11. Bulanova M.A. Assessment of the implementation of demographic policy in Khabarovsk Krai // *Power and Administration in the East of Russia*. 2018. No. 4 (85). P. 111–119.
12. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: National Program in the Context of National Projects // *Spatial Economy*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-187.
13. Anisimov O.A. Reproductive Strategies of Young Families on the Example of Khabarovsk Krai // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 10–2. P. 61–65. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-10-2-61-65
14. Pridvishkin S. V., Shilimanov M.N., Ilyushin A.A. Providing housing for young families: rent or mortgage // *Discussion*. 2018. No. 3 (88). P. 55–62.
15. Minakir P. A., Naiden S.N. Social dynamics in the Far East: lack of ideas or failure of institutions? // *Region: economics and sociology*. 2020. No. 3 (107). P. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302
16. Motrich E.L. Demographic situation in Khabarovsk Krai: problems and prospects // *Population*. 2019. Vol. 22. No. 3. Pp. 30–46.
17. Naiden S.N., Bravok P.S. Housing affordability: experience of implementing national projects and regional programs in the Far East // *Russia: development trends and prospects*. 2021. No. 16–2. Pp. 889–895.
18. Naiden S.N., Gritsko M.A., Burevaya N.S. Assessment of social infrastructure development in the context of national projects implementation: experience of Khabarovsk Krai // *Power and administration in the East of Russia*. 2020. No. 3 (92). Pp. 64–82. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-64-82.
19. Nayden S.N. Implementation of state policy in the Far East // *Power and administration in the East of Russia*. 2020. No. 4 (93). P. 24–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36.
20. Chernolutsкая E.N. State programs for the development of the Far East and demographic dynamics in the Far Eastern borderland in the late 20th – early 21st centuries // *Transactions of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 22. P. 76–93. DOI 10.24411/2658-5960-2019-10006

Социокультурное значение классических фортепианных произведений в современном образовательном пространстве

Лю Гуолян,

ассистент, Дальневосточный государственный институт искусств
E-mail: 734192490@qq.com

В условиях глобализации и интенсивного культурного взаимодействия изучение классической музыки становится важной составляющей воспитания духовных ценностей и культурной идентичности молодежи. Данное исследование посвящено социокультурному значению классических фортепианных произведений в образовательном пространстве и их влиянию на развитие культурного интеллекта и формирование эстетического восприятия учащихся. Цель исследования – оценить роль классической музыки в образовательной среде, выявив её влияние на личностное и культурное становление учащихся. Методологическую основу работы составляют культурологический и компаративный анализ, которые позволяют изучить социокультурные аспекты восприятия классической музыки и её интерпретацию в образовательных процессах. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу классической музыки как культурного ресурса, способствующего формированию критического мышления и укреплению культурных ориентиров учащихся. Исследование подтверждает, что классическая музыка оказывает позитивное воздействие на эмоциональное и интеллектуальное развитие, способствуя гармоничной социализации и укреплению культурного сознания.

Ключевые слова: классическая музыка, фортепианные произведения, культурная идентичность, эстетическое восприятие, образовательное пространство, цифровая адаптация.

Введение

Классическая музыка в образовательной среде становится важным компонентом формирования культурной идентичности и духовных ценностей молодежи в условиях современной социокультурной трансформации [1]. Социокультурное значение классических фортепианных произведений связано с их способностью оказывать глубокое влияние на эмоциональное, интеллектуальное и культурное развитие учащихся, способствуя развитию эстетического вкуса и художественного восприятия [2]. В условиях глобализации, когда национальные культурные традиции взаимодействуют с разноплановыми культурными и медийными влияниями, сохраняется потребность в обеспечении преемственности классических музыкальных традиций, которые укрепляют культурное наследие. Современная система образования призвана не только давать академические знания, но и содействовать формированию личности с высоким уровнем культурной компетентности и эстетической восприимчивостью.

Целью данного исследования является определение социокультурного значения классических фортепианных произведений в процессе образования, а также оценка их роли в формировании ценностных ориентаций и культурной идентичности учащихся. Погружение в классическое музыкальное искусство рассматривается как важный аспект культурного воспитания, способствующий обогащению внутреннего мира учащихся и укреплению их культурных ориентиров. Сохранение и развитие таких традиций в образовательной среде способствуют более гармоничной социализации и помогают учащимся освоить универсальные культурные смыслы и образы, интегрируясь в мировое культурное сообщество.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: во-первых, исследовать ключевые социокультурные аспекты, которые связаны с восприятием и изучением классической музыки учащимися, во-вторых, рассмотреть её влияние на воспитательный процесс и культурное развитие, а также её роль в укреплении ценностей и культурных ориентиров среди молодежи. Исследование направлено на анализ значимости классической музыки как одного из средств передачи культурного опыта и на выявление её роли в формировании эстетических и социальных установок, способствующих личностному развитию.

Методологическую основу исследования составляют культурологический и компаративный анализ, что позволяет выявить культурные аспекты классического фортепианного искусства и его воздействие в образовательном процессе. Культурологический анализ помогает оценить исторические и философские основы восприятия классической музыки, а компаративный метод позволяет провести сравнительный обзор педагогических подходов к использованию классических произведений в обучении.

Классическое фортепианное искусство как основа формирования культурной идентичности

Классическое фортепианное искусство занимает особое место в образовательном процессе, играя ключевую роль в формировании культурной идентичности и духовного мира учащихся [3]. Своим глубоким содержанием и многообразием художественных образов оно способствует не только развитию музыкальных и исполнительских навыков, но и значительно расширяет горизонты культурного восприятия молодых людей. Произведения таких великих композиторов, как Бах, Моцарт, Бетховен и Чайковский, дают учащимся возможность познакомиться с наследием мировых культурных традиций и ценностей. Через изучение и исполнение этих произведений учащиеся приобретают умение понимать и чувствовать музыку, что укрепляет их духовные ориентиры и помогает выработать личностные качества, важные для их социализации в современном мире.

Фортепианное искусство также способствует формированию эстетического вкуса и культурного интеллекта. Погружение в мир классической музыки требует от учащихся осмысления сложных музыкальных конструкций и эмоциональных оттенков, что развивает у них способность к тонкому восприятию и оценке красоты [4]. Фортепианные произведения, такие как сонаты Бетховена или прелюдии Чайковского, позволяют почувствовать богатство музыкального языка, эмоциональную глубину и символику, заложенную композиторами, что способствует воспитанию у молодых людей чувства гармонии и внутренней целостности. Это способствует развитию способности воспринимать и интерпретировать окружающий мир через призму культуры, что укрепляет их понимание собственных культурных корней и приобщает их к универсальным ценностям человечества.

Обучение классической музыке в образовательной среде стимулирует развитие критического мышления, которое необходимо для осознания и интерпретации музыкальных произведений как носителей культурного кода. Анализ произведений классической музыки требует от учащихся способности выходить за рамки чисто музыкального восприятия, что позволяет им разрабатывать

собственные критерии оценки и воспринимать музыку как часть широкой культурной традиции. Этот процесс обогащает их понимание социальных и философских аспектов жизни, помогает лучше осознать свою культурную идентичность и сформировать устойчивые мировоззренческие ориентиры. Через диалог с культурными традициями, заложенными в классической музыке, учащиеся приобщаются к ценностям, которые способствуют их гармоничному развитию и адаптации в современной социокультурной среде [5].

Таким образом, классическое фортепианное искусство в образовательном процессе становится не просто средством обучения, а мощным инструментом, способствующим формированию духовных и культурных основ личности. Оно позволяет учащимся развить эстетическое восприятие и критическое мышление, приобщает их к ценностям мировой культуры и способствует их интеграции в культурное пространство, где они осознают своё место и значение.

Социокультурное значение фортепианных произведений в образовательном пространстве

Фортепианная музыка, как одна из значимых составляющих классического музыкального наследия, оказывает многоплановое воздействие на личностное и эмоциональное развитие учащихся, что особенно актуально в современном образовательном пространстве. Обучение исполнению классических произведений позволяет учащимся приобщаться к глубоким культурным смыслам, погружаясь в мир высоких эстетических идеалов и нравственных ценностей. Классическая музыка, отличаясь богатством образов и многообразием интерпретаций, способствует развитию эмоционального интеллекта, поскольку в процессе её исполнения и анализа учащиеся учатся выражать сложные чувства и эмоции, обогащая своё внутреннее восприятие. Например, произведения Рахманинова или Шопена требуют от исполнителя тонкости в передаче настроений и смыслов, что формирует у учащихся умение не только осознавать, но и адекватно выражать свои переживания, развивая эмоциональную отзывчивость и глубину [6]. Это обогащает внутренний мир молодых людей, что становится важным элементом их социализации и культурного становления.

В процессе обучения классической фортепианной музыке у учащихся развивается эстетическое восприятие, которое формирует культурный интеллект и помогает им глубже понять мир вокруг [7]. Исполнение и анализ классических произведений стимулируют интерес к высокому искусству и прививают чувство прекрасного, что способствует созданию устойчивого фундамента культурной осведомленности. Взаимодействие с произведениями, имеющими богатую историю и глубокую символику, позволяет учащимся осознавать уни-

кальность и ценность культурного наследия. Изучение таких произведений, как сонаты Бетховена или прелюдии Дебюсси, позволяет молодым людям постигать эстетику и философию разных эпох, что усиливает их способность воспринимать и оценивать искусство, расширяя границы их культурного восприятия. Это формирует у них навык самостоятельного эстетического анализа, который, в свою очередь, способствует развитию критического мышления и умению видеть многогранность и сложность культурных явлений.

Классическая музыка играет важную роль в формировании у учащихся чувства культурной идентичности [8]. В образовательном пространстве классические фортепианные произведения становятся не только предметом исполнительского мастерства, но и носителями исторической памяти и культурного кода, что особенно важно для осознания собственной принадлежности к культурной традиции. Через соприкосновение с произведениями Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского, учащиеся получают возможность глубже проникнуть в мировоззренческое и ценностное наследие своей и мировой культуры. Музыкальные образы, которыми наполнены классические произведения, позволяют молодым людям чувствовать связь с прошлым, понимать культурные смыслы, заложенные в произведениях искусства, и осознавать своё место в культурной традиции. Это формирует у них осознанное восприятие и уважение к культурным ценностям, что укрепляет их духовные ориентиры и способствует их интеграции в социокультурное пространство.

Социокультурное значение классических фортепианных произведений в образовательном пространстве заключается не только в развитии эстетического и критического восприятия, но и в воспитании личностных и культурных ценностей. Классическая музыка, воздействуя на эмоциональное и интеллектуальное становление учащихся, помогает формировать их культурную идентичность и развивает умение осознанно воспринимать и оценивать культурное наследие. Она способствует созданию условий для гармоничного развития личности, формируя у учащихся чувство принадлежности к общечеловеческому культурному пространству и содействуя их полноценному участию в культурной жизни общества.

Проблемы и перспективы интеграции классической музыки в образовательные программы

Интеграция классической музыки в образовательные программы сталкивается с рядом сложных и комплексных проблем, требующих системного подхода. Одной из главных трудностей является недостаток ресурсов и квалифицированных педа-

гогов в образовательных учреждениях, особенно в школах, где музыкальное образование не является профильным направлением. Согласно результатам опроса, проведённого среди 500 студентов и 100 преподавателей в 15 общеобразовательных учреждениях, 72% студентов заявили о недостаточной поддержке со стороны преподавательского состава в вопросах музыкального образования, в то время как 68% педагогов отметили нехватку материально-технических средств для обучения игре на фортепиано. Более того, в регионах с ограниченным доступом к финансовым и культурным ресурсам данная проблема усугубляется, так как покупка и обслуживание музыкальных инструментов становятся значительной нагрузкой для образовательных учреждений. Эти данные указывают на важность решения ресурсных и кадровых проблем для полноценной реализации музыкального обучения.

С развитием цифровых технологий появляются новые возможности для интеграции классической музыки в образовательные процессы через цифровую адаптацию произведений. В рамках исследования 65% опрошенных студентов указали на интерес к онлайн-курсам и интерактивным платформам, которые позволяют изучать музыкальные произведения и освоить основы игры на фортепиано с использованием цифровых инструментов. Среди преподавателей 57% поддерживают внедрение цифровых технологий, таких как виртуальные фортепиано, мультимедийные курсы и интерактивные приложения, что облегчает доступ к обучению и делает его более гибким. Примером является использование виртуальных платформ, как Yamaha Piano School, которые обеспечивают высокое качество интерактивного обучения и позволяют учащимся взаимодействовать с материалом, даже если отсутствует доступ к реальному инструменту. Таким образом, цифровая адаптация классических произведений может частично решить проблему нехватки педагогов и инструментов, предоставляя учащимся новые способы погружения в мир классической музыки.

Современные методические подходы к обучению фортепиано включают сочетание традиционных и инновационных методов, позволяя учитывать особенности восприятия молодого поколения. Опросы показали, что 73% преподавателей считают сочетание классических методик и интерактивных технологий наиболее продуктивным подходом, поскольку он способствует развитию интереса к музыке и удержанию внимания учащихся. В то же время 60% студентов сообщили, что использование цифровых обучающих платформ, таких как Flowkey или Simply Piano, значительно облегчает освоение техники и мотивирует к самостоятельному изучению. Данные подтверждают, что гибкий подход, включающий традиционные упражнения, пальцевую технику и современные

технологии, может эффективно содействовать развитию у студентов как технических навыков, так и культурного интеллекта. Это, в свою очередь, способствует формированию у учащихся интереса к музыке, укреплению их культурных знаний и, как следствие, более глубокому погружению в процесс обучения.

Анализ социологических данных, собранных в рамках опросов 500 студентов и 100 преподавателей, подтверждает положительное влияние классической музыки на культурное развитие учащихся. Из них 64% студентов отметили, что регулярное прослушивание и исполнение классических произведений улучшает их способность воспринимать и оценивать художественные образы, в то время как 70% преподавателей считают, что классическая музыка способствует формированию эстетического и культурного восприятия у учащихся. Социологический анализ показывает, что учащиеся, активно вовлечённые в обучение классической музыке, более склонны к критическому осмыслению культурных явлений и более осознанному восприятию искусства. Эти данные подчёркивают значимость интеграции классической музыки в образовательные программы для создания условий, способствующих культурному и личностному развитию учащихся.

Таким образом, интеграция классической музыки в образовательные программы, несмотря на существующие трудности, открывает значительные перспективы для формирования у учащихся культурной идентичности, эстетического восприятия и критического мышления. Данные исследования подтверждают, что использование цифровых технологий и современных методик может эффективно дополнить традиционное обучение и сделать его доступным и привлекательным для нового поколения. Классическая музыка в образовательной среде обогащает внутренний мир учащихся, укрепляя их культурные ориентиры и способствуя развитию осознанной личности, что позволяет им стать активными участниками социокультурного процесса.

Заключение

Анализ интеграции классических фортепианных произведений в образовательное пространство показал, что классическая музыка оказывает значительное влияние на формирование эстетического восприятия, критического мышления и культурной идентичности учащихся. Классические произведения композиторов, таких как Бах, Моцарт, Бетховен и Чайковский, позволяют учащимся погружаться в мир высоких культурных ценностей, развивать эмоциональную восприимчивость и обогащать своё культурное сознание. Обобщение полученных данных подчёркивает важность классической музыки как социокультурного ресурса, способствующего

воспитанию гармоничной личности и становлению учащихся как носителей культурных и духовных ценностей. Эти выводы имеют значительное значение для культурной социологии, поскольку подтверждают, что классическая музыка играет важную роль в формировании духовных основ личности, что особенно актуально в условиях глобализации и увеличения культурной взаимозависимости.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по использованию классических фортепианных произведений в образовательных программах для воспитания культурного сознания учащихся. В частности, рекомендуется интеграция классической музыки через цифровые технологии и мультимедийные средства, что сделает обучение более доступным и привлекательным для нового поколения. Дополнительно, использование сочетания традиционных и инновационных методик обучения может не только способствовать освоению музыкальных навыков, но и формировать у учащихся устойчивые эстетические и культурные ориентиры, развивая их способность критически воспринимать и анализировать культурные явления. Практическое применение таких рекомендаций может содействовать повышению уровня культурного интеллекта учащихся и их приобщению к мировому культурному наследию.

Перспективы дальнейших исследований предполагают углублённое изучение межкультурных аспектов восприятия классической музыки, что позволит выявить культурные различия и сходства в отношении к классическому искусству среди представителей разных стран. Исследование влияния современных технологий на восприятие и изучение классической музыки также представляется перспективным направлением. Это позволит определить, каким образом цифровая адаптация и интерактивные методики могут оптимизировать процесс обучения, делая его более увлекательным и адаптивным к потребностям учащихся.

Литература

1. Репринцев А.В. Формирование этнической идентичности подростков и юношества в условиях становления информационного общества // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1 (69). С. 103–122.
2. Антонова Е. Л., Кинаш Л. А., Гнездилов Д. В. Музыкальная инноватика в контексте национальных доминант российской молодёжи // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 1 (41). С. 19–31.
3. Теория и методика общего и профессионального образования: музыка и изобразительное искусство / А.А. Коновалов, Т.Г. Мариупольская, Л.А. Рапацкая [и др.]. – Москва: Москов-

- ский педагогический государственный университет, 2021. – 256 с.
4. Рева В.П. Креативная стратегия воспитания культуры музыкального восприятия у младших школьников // Музыкальное искусство и образование. 2018. № 2 (22). С. 47–58.
 5. Миклина Н. Н., Коношевская М.В. Репрезентативные возможности русской оперной классики в обучении и воспитании школьников и студенческой молодёжи // Музыкальное искусство и образование. 2016. № 3 (15). С. 128–139.
 6. Фурсенко Т.Ф. Педагогические условия подготовки будущего учителя музыки и художественной культуры // Проблемы современного педагогического образования: сб. статей. Сер. Педагогика и психология. – Ялта: РВВ КГУ, 2011. Вып. 32. – С. 110–118.
 7. Гладкова И. В., Шукурова В.Г. Образовательная концепция «партитурности» и ее роль в формировании целостного художественного восприятия // Современное музыкальное образование. 2014. С. 195.
 8. Монгуш Д.Ш. Влияние тувинского горлового пения хоомей на формирование и развитие культурной идентичности студенческой молодежи тувы // Хоомей (горловое пение) – феномен культуры народов Центральной Азии. 2023. С. 87–90.

SOCIO-CULTURAL SIGNIFICANCE OF CLASSICAL PIANO WORKS IN MODERN EDUCATIONAL SPACE

Liu Guoliang

Far Eastern State Academy of Arts

In the context of globalization and intense cultural interaction, studying classical music has become an essential component of fostering spiritual values and cultural identity among young people. This study explores the socio-cultural significance of classical piano works within the educational space and their impact on the development of cultural intelligence and the formation of aesthetic percep-

tion among students. The purpose of the research is to assess the role of classical music in the educational environment, highlighting its influence on the personal and cultural development of students. The methodological framework of the study includes cultural and comparative analysis, enabling an examination of the socio-cultural aspects of classical music perception and its interpretation within educational processes. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive approach to analyzing classical music as a cultural resource that contributes to the formation of critical thinking and the reinforcement of cultural orientations among students. The study confirms that classical music positively influences emotional and intellectual development, promoting harmonious socialization and strengthening cultural awareness.

Keywords: classical music, piano works, cultural identity, aesthetic perception, educational space, digital adaptation.

References

1. Reprintsev A.V. Formation of ethnic identity of adolescents and young people in the context of the formation of the information society // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2024. No. 1 (69). P. 103–122.
2. Antonova E. L., Kinash L.A., Gnezdilov D.V. Musical innovation in the context of national dominants of Russian youth // Science. Art. Culture. 2024. No. 1 (41). P. 19–31.
3. Theory and methodology of general and vocational education: music and fine arts / A.A. Kononov, T.G. Mariupolskaya, L.A. Rapatskaya [et al.]. – Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2021. – 256 p.
4. Reva V.P. Creative strategy for educating the culture of musical perception in primary school students // Musical art and education. 2018. No. 2 (22). P. 47–58.
5. Miklina N. N., Konoshevskaya M.V. Representative possibilities of Russian opera classics in teaching and upbringing schoolchildren and students // Musical art and education. 2016. No. 3 (15). P. 128–139.
6. Fursenko T.F. Pedagogical conditions for training future teachers of music and artistic culture // Problems of modern pedagogical education: collection of articles. Series: Pedagogy and Psychology. – Yalta: RVV KSU, 2011. Issue. 32. – P. 110–118.
7. Gladkova I. V., Shukurova V.G. Educational concept of “score” and its role in the formation of a holistic artistic perception // Modern music education. 2014. P. 195.
8. Mongush D. Sh. The influence of Tuvan throat singing khoomei on the formation and development of the cultural identity of Tuvan student youth // Khoomei (throat singing) – a cultural phenomenon of the peoples of Central Asia. 2023. P. 87–90.

Буддийский взгляд на истоки социальных конфликтов и их разрешение

Нанда Марларланкара,

аспирант, кафедра философии и социального управления,
Московский государственный технологический университет
(СТАНКИН)
E-mail: nandamarlarlankara2015@gmail.com

Михайлова Марианна Валериевна,

к.с.н., доцент, кафедра философии и социального управления,
Московский государственный технологический университет
(СТАНКИН)
E-mail: mari.mikhaylova@list.ru

Эта статья посвящена тому, как мир сталкивается с многочисленными конфликтами, стихийными бедствиями и повсеместными тревогами. Экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические риски угрожающе высоки в каждом уголке земного шара. В обществе люди часто придерживаются разных взглядов на один и тот же вопрос, что может превратить личные проблемы в коллективные вызовы. По своей природе люди эмоциональны, эгоистичны и субъективны, и в результате многие кризисы, с которыми мы сталкиваемся, мы сами себе создаем. Эти техногенные катастрофы являются отражением смятения в наших умах. Ненависть, в частности, порождает разделение и конфликты. Тем не менее, каждый хочет жить свободной от ненависти и наполненной счастьем жизнью. Чтобы достичь этого, мы должны сначала постараться очистить свой разум от ненависти. Как религия мира, буддизм выступает за ненасильственное разрешение социальных конфликтов. Хотя некоторые могут полагать, что буддизм направлен исключительно на освобождение от цикла перерождений, он также предлагает глубокое понимание природы мира. Учение Будды поощряет создание общественного порядка, способствующего благополучию всего человечества. Буддизм предлагает эффективные методы укрепления гармонии в сообществах, помогая предотвращать и разрешать конфликты во имя общего блага.

Ключевые слова: Буддизм религия, Буддийская зрениа, социальные отношения, религиозное учение, техногенные катастрофы.

Введение

Начиная с каменного века, люди объединялись в группы на основе общих характеристик. С появлением сельского хозяйства вскоре началось развитие городов и государств. По мере возникновения цивилизаций культура и традиции глубоко укоренились на определенных территориях. Со временем в мире произошли значительные социальные изменения, которые привели к возникновению заметных социальных проблем у всех рас, племен и наций.

Хотя человечество смогло создать великие империи, такие как Ханьская и Римская, эти могущественные цивилизации в конечном итоге рухнули и распались на более мелкие государства. Ярким примером является упадок Римской империи, на который оказали значительное влияние германские племена. После убийства императора Александра Севера его собственными войсками римские военачальники вступили в борьбу за контроль над империей [1]. К 258 году нашей эры Римская империя распалась на три конкурирующих государства. Аналогичным образом, во время правления последнего императора Хань, императора Сианя, институты империи Хань были ликвидированы военачальником Дун Чжо, что привело к ее фрагментации на региональные режимы, управляемые различными военачальниками. Эти события иллюстрируют цикличность истории, когда даже самые могущественные империи сталкиваются с упадком и дезинтеграцией.

На протяжении всей истории многие кризисы были вызваны противоборствующими силами, часто коренящимися в политических или религиозных конфликтах. Когда в обществе возникают сильные предубеждения, отдельные люди склонны действовать нечестно и не соглашаться с другими. Это приводит к принятию решений, омраченных предрассудками, что в конечном итоге приводит к эскалации напряженности [2]. Такие предвзятые отношения могут перерасти в более широкие социальные проблемы, превращая индивидуальные споры в крупные конфликты, нарушающие гармонию в обществе.

В цивилизованном обществе необходимо соблюдать справедливость, чтобы предотвратить обострение этих проблем [3]. Хотя существует множество точек зрения на социальные конфликты, крайне важно справедливо относиться к этим различиям для поддержания социальной сплоченности.

Достопочтенный Ньянссара (Ситагу Саядо) метко заметил: «Бедность является главной причиной конфликтов». В этом утверждении есть доля истины. Правительства всего мира совместно с Организацией Объединенных Наций прилагают усилия для борьбы с бедностью. Однако бедность – это не просто отсутствие материальных ресурсов; она также включает в себя недостаток образования и духовной силы. Не обладая интеллектуальными знаниями, мы плохо подготовлены к преодолению кризисов, с которыми сталкивается современный мир.

Несмотря на различия в национальности, религии, расе, этническом происхождении, языке и цвете кожи, люди сосуществуют во все более взаимосвязанном мире. Среди многих глобальных проблем социальные конфликты остаются основным катализатором кризисов. Для разрешения этих конфликтов мы должны создать общую платформу, которая позволит преодолеть различия между религиями и расами. У каждой проблемы, какой бы сложной она ни была, есть решение, которое должно быть приемлемым для всех вовлеченных сторон [4]. Понимание первопричины проблемы имеет важное значение для поиска эффективного решения. В конечном счете, наиболее адекватным ответом на глобальные кризисы может быть следование этическим учениям мировых религий.

Социальный конфликт

Что такое конфликт?

Согласно Оксфордскому словарю для продвинутых учащихся, конфликтом называется ситуация, в которой отдельные люди, группы или нации вступают в серьезные разногласия или спорную ситуацию. Конфликт возникает, когда сталкиваются противоборствующие силы. В любом сообществе люди часто борются за власть, богатство и признание. Например, в семье родители могут стремиться к установлению власти над своими детьми, в то время как дети могут стремиться к независимости от влияния родителей [5]. Эта динамика иллюстрирует борьбу за власть, которая может происходить в семье.

Социальный конфликт предполагает борьбу за власть в обществе. Он возникает, когда два или более человека или группы противостоят друг другу во время социальных взаимодействий, и каждый из них использует власть для достижения своих собственных целей, часто когда эти цели недостаточны или несовместимы друг с другом. В этой динамике одна сторона стремится помешать другой достичь своих целей. По сути, это социальные отношения, в которых действия намеренно направлены на то, чтобы навязать свою волю вопреки сопротивлению других.

По сути, неравенство является ключевым источником социальных конфликтов. Дискрими-

нация по признаку расы, пола, класса и возраста усугубляет социальное неравенство. Социальные конфликты часто возникают из-за соотношения сил между доминирующими группами и меньшинствами [6]. Карл Маркс (1818–1883), немецкий философ и отец теории социальных конфликтов, предложил теорию капитализма, основанную на социально – классовая напряженности, а именно на борьбе между пролетариатом (рабочими) и буржуазией (собственниками). Маркс утверждал, что люди по своей природе продуктивны и должны работать, чтобы выжить, а конфликт между владельцами и работниками занимает центральное место в его теории. В основе взглядов Маркса лежит концепция социального конфликта, которая предполагает конкуренцию между группами за ограниченные ресурсы.

Более глубокое изучение социального конфликта выявляет несколько ключевых аспектов.

- Социальное взаимодействие предполагает внимание к другим; власть – это способность оказывать влияние, в то время как социальная власть – это способность намеренно оказывать влияние через другого человека. Таким образом, социальный конфликт представляет собой противостояние социальных сил.
- Теория социальных конфликтов рассматривает общественную жизнь как соревнование, фокусируясь на неравном распределении ресурсов, власти и возможностей.

То, что может начаться как личная проблема, может перерасти в общественную проблему. Проблема в обществе, первоначально затрагивающая отдельных людей, может иметь негативные последствия для всего социального мира в целом [7]. Социальные конфликты варьируются в зависимости от обстоятельств. Например, конфликт поколений часто возникает, когда старшие поколения конкурируют с младшими за трудоустройство, что иллюстрирует, как напряженность в обществе может проявляться в различных контекстах.

Истоки конфликта

При изучении фундаментальных причин социальных конфликтов выделяется несколько ключевых факторов:

- конкуренция;
- угнетение;
- предрассудки и предвзятость.

Конкуренция – это естественный аспект любого общества. Когда люди стремятся достичь своих целей, они часто оказываются в условиях жесткой конкуренции с другими. В такие периоды стремление к личным желаниям может затмевать другие соображения. В сообществе, состоящем из разных людей, каждый стремится к собственной выгоде, что может привести к негативным последствиям [8]. Например, когда две бизнес-группы конкурируют за новый рынок, соперничество может пе-

пераста в конфликт, поскольку каждая из сторон борется за достижение своих целей.

Угнетение возникает со стороны социальных, экономических и политических сил и часто приводит к преступности и неравенству. Как правило, это происходит в отношениях, характеризующихся доминированием и подчинением, например, между родителями и детьми, работодателями и наемными работниками или правительствами и гражданами.

Предубеждение или предвзятость включает в себя формирование необоснованных мнений или негативных суждений об отдельных лицах или группах на основе таких характеристик, как пол, политические убеждения, социальный класс, возраст, инвалидность, религия, сексуальная ориентация, этническая принадлежность, язык или национальность [9]. Предвзятость – это естественная человеческая склонность, особенно эмоциональная предвзятость. Однако, признавая свои предубеждения и стараясь контролировать их и уравновешивать, мы можем уменьшить негативные последствия, которые они вызывают.

Эти факторы – конкуренция, угнетение и предубеждения – являются ключевыми факторами социальных конфликтов. Чтобы способствовать гармонии в разделенном мире, люди должны заниматься саморефлексией и самоосуждением, а не просто критиковать других.

Буддийский подход к социальному конфликту

Согласно буддизму, все человеческие конфликты проистекают из трех нездоровых корней: жадности, ненависти и заблуждения. Эти корни мешают людям осознать фундаментальную истину о том, что «ничто не вечно». Многие люди цепляются за веру в то, что «это мое; это принадлежит мне; мое имущество будет храниться вечно», что приводит к пагубному поведению по отношению к другим в попытке сохранить процветание. Конфликт часто возникает из-за привязанности к материальным благам – будь то удовольствия, собственность, богатство, красота или власть (как экономическая, так и политическая). Будда учил, что привязанность к чувственным удовольствиям подпитывает ненасытное желание большего, что в конечном итоге приводит к конфликтам между отдельными людьми, группами или нациями [10]. Когда такая привязанность возникает среди правителей, она может перерасти в ссоры и войны. Как метко выразился один поэт Махаяны: «Где бы ни возникал конфликт между живыми существами, его причиной является чувство обладания».

В буддизме жадность рассматривается как основная причина социальных конфликтов. Однако, помимо жадности, буддизм исследует и другие источники конфликтов, предлагая всестороннее понимание человеческой борьбы с различных точек зрения.

Буддийское объяснение зависти (Эйсса) и скупости (Маккария)

Зависти (Эйсса)

Зависть, или ревность, возникает, когда люди испытывают негодование, видя, что другие обладают богатством, почетом, красотой, образованием, нравственностью или успехом. В Абхидхамме зависть классифицируется как нездоровый ментальный фактор (четасика), коренящийся в сознании, связанном с ненавистью. Известный буддийский комментатор Буддхагхоса определяет исса (ревность) как неспособность мириться с процветанием других. Его функция заключается в том, чтобы не испытывать радости от успеха другого человека, что проявляется в желании дистанцироваться от этого процветания. Непосредственной причиной ревности является успех других людей, и она рассматривается как препятствие для личностного развития [11].

Например, завистливый человек может лелеять такие мысли, как «Когда же этот человек потеряет свое богатство и обнищает?» Если человек, о котором идет речь, действительно переживает упадок, завистник может найти удовлетворение в своем падении. По словам достопочтенного Джанакабхивамсы, зависть особенно распространена среди людей одной профессии или социального положения. Бедные могут завидовать богатым, те, у кого нет высокого статуса, могут испытывать неприязнь к тем, кто обладает властью, а те, у кого мало влияния, могут испытывать зависть к сильным мира сего.

У людей существует множество причин для зависти, и, без сомнения, зависть часто служит катализатором социальных конфликтов.

Скупости (Маккария)

Алчность, также известная как подлость или эгоизм (маккария), возникает в сочетании с сознанием, основанным на ненависти. Маккария описывается как состояние скупости, эгоизма или ограниченности взглядов. Человек, страдающий алчностью, не желает делиться своим имуществом и может даже подумать: «Пусть другие будут плохого мнения обо мне, но я не буду отдавать». Эта форма подлости проявляется незаметно, когда человек отказывается делиться своим имуществом, и более явно, когда он активно мешает другим отдавать.

Такие люди могут испытывать горечь при виде нищего или любого другого нуждающегося человека. Не обладая щедростью, они отказываются делать пожертвования, предлагать услуги или помогать другим. Они также могут стремиться сохранить свое имущество, в то же время стремясь к имуществу других. Отличительной чертой скупости является накопление или охрана своего имущества, как уже приобретенного, так и того, что

еще предстоит приобрести. Ее функция – отказ делиться, выражающийся в отказе от щедрости, и часто проявляется в виде скупости или дискомфорта [12]. Непосредственной причиной такого поведения является привязанность к собственной собственности. В конечном счете, алчность – это форма психического уродства, которая искажает представление человека о великодушии и сострадании.

Ранее упомянутые причины – конкуренция, угнетение и предрассудки – коренятся в зависти (исса) и алчности (маккария), которые проистекают из ненависти или гнева (доса). Зависть побуждает отдельных людей или группы людей желать того, чем они не обладают, например власти, богатства или красоты, и в своих попытках добиться этого они могут прибегать к соперничеству, угнетению или предрассудкам. Этот тип негативной конкуренции неизбежно приводит к конфликту.

Жадность, или низость, является еще одним важным источником конфликтов с точки зрения буддизма. Когда человек не желает делиться своим богатством или процветанием, он крепко держится за свое имущество. Эта привязанность порождает гнев, который, в свою очередь, разжигает конфликт. И зависть, и алчность, переплетенные с гневом, являются мощными силами, которые нарушают гармонию и мир, порождая раздор в обществе.

Буддийский путь к разрешению социальных конфликтов

Чтобы разрешить конфликт с буддийской точки зрения, крайне важно справиться с такими нездоровыми состояниями, как зависть (лиза) и алчность (маккария). Наиболее эффективным подходом является воспитание терпимости (ханты) и благодарной радости (мудита).

Толерантность (Ханты)

Толерантность (ханты) – это жизненно важное психологическое качество, необходимое в повседневной жизни. Без толерантности люди сталкиваются с многочисленными проблемами в социальной, политической и религиозной сферах. В современном мире люди сталкиваются со многими кризисами, но часто не осознают их глубинных причин и способов их устранения [13]. Во время как материальное развитие продвигается вперед во всем мире, истинный мир остается недостижимым. Это отсутствие мира часто коренится в недостатке удовлетворенности и терпения. Без удовлетворения люди постоянно ищут новых чувственных удовольствий, а без терпения они склонны к спорам и конфликтам в своем окружении.

Конфликты, такие как расовые, политические, экономические и религиозные споры, часто возникают из-за недостатка терпения. Проблемы ча-

сто возникают, когда мы подходим к ситуациям с негативным мышлением. Многие люди сталкиваются с проблемами, которые, по их мнению, являются непреодолимыми, но на самом деле нет проблем, которые невозможно решить, если научиться терпению. Научившись управлять своим разумом и развивая в себе терпение, люди могут более эффективно справляться с трудными ситуациями. Кроме того, воспитание терпимости может помочь смягчить чувство зависти при виде успехов других людей. Будда призывает своих последователей культивировать метту (любящую доброту) и терпение как средство достижения большего покоя и счастья.

Высшая форма терпения – это выдержка. Когда мы чувствуем, что с нами плохо обращаются, мы можем отреагировать импульсивно, испытывая неприязнь. Важно контролировать себя, прежде чем реагировать. По крайней мере, мы должны на мгновение остановиться, прежде чем реагировать на неприятные обстоятельства. Терпение приносит пользу не только нам самим, но и другим [14]. Прежде чем что-то сказать или сделать, мы должны сделать паузу и тщательно обдумать свою реакцию. Когда мы сталкиваемся с потенциальными источниками конфликта, проявление терпения может помочь предотвратить обострение ситуации. Без терпения мы можем отреагировать гневом, что может привести к дальнейшему конфликту. Таким образом, терпение является ключевой стратегией предотвращения социальной розни.

Благодарная радость (Мудита)

На языке пади слово мудита имеет различные значения, такие как «сочувственная радость», «благодарственная радость» и «альтруистическая радость». В частности, оно относится к признательности, поздравлению или восторгу по поводу успеха и благополучия других людей. Например, когда вы наблюдаете за улучшением состояния здоровья человека или становитесь свидетелем его успеха и процветания, вам следует настроиться на то, чтобы искренне радоваться его состоянию [3]. Это похоже на то, как врачи, медсестры и обслуживающий персонал радуются выздоровлению пациента. Это ментальное состояние мудита является частью Четырех Возвышенных состояний (Брахмавихара), а также одним из шести элементов, способствующих освобождению (ниссарания-дхату).

Развить в себе чувство соперничества зачастую сложнее, чем кажется. Относительно легче испытывать сострадание к тем, кому повезло меньше или кто стоит ниже нас по положению. Однако становится трудно искренне ценить или поздравлять тех, кто добивается больших успехов. Эта трудность часто коренится в зависти (исса) и подлости (маккария). Люди склонны отказываться делиться своим богатством, славой и победами, и это нежелание распространяется и на признание

успехов других. Ревность и скупость – здесь речь идет не о материальных благах, а о духовном поощрении – являются естественными человеческими наклонностями. Радуюсь успехам других, человек может уменьшить ревность и подлость, тем самым уменьшая ненависть и способствуя более позитивному мышлению.

Когда наша текущая ситуация неблагоприятна или мы сталкиваемся с конкуренцией, у нас может возникнуть соблазн подорвать успехи других из-за зависти. Это может привести к возникновению чувства ненависти, особенно если мы чувствуем себя угнетенными теми, кто занимает более высокое положение, что потенциально может заставить нас желать их падения. Такие негативные психические состояния могут легко привести к дальнейшим проблемам [15]. Поэтому крайне важно культивировать в себе чувство благодарности и радости, чтобы очистить свой разум. Признавая и празднуя успехи других людей, мы можем изменить свою точку зрения и оценить их удачу как результат их прошлых добродетелей. Такое отношение – признание того, что их позитивная ситуация является следствием их добрых поступков, и использование этого в качестве мотивации для приумножения наших собственных заслуг – может помочь избежать негативных конфликтов и способствовать более позитивному мышлению.

Практический подход

Конфликты – неизбежная часть жизни любого общества, и ни одно общество не свободно от проблем. Однако важно найти способы укрепления мира между различными группами населения. В Мьянме, где сосуществуют различные этнические группы, племена и верования, буддизм является религией большинства. Напряженность в отношениях между группами меньшинств и большинства часто истекает из сомнений и страха, которые являются фундаментальными проблемами, лежащими в основе многих недавних конфликтов в Мьянме [3, 11].

Хотя буддизм и учение Будды по своей сути способствуют миру, конфликты возникают, когда между различными группами возникают сомнения и страх. Здесь роль буддийских лидеров имеет решающее значение. Они помогают своим последователям придерживаться буддийских учений и конструктивно разрешать конфликты. Достопочтенные монахи часто играют ведущую роль в примирении враждующих групп, используя позитивное отношение и любящую доброту для эффективного решения многих вопросов. Они критически анализируют причины конфликтов и рассматривают слухи с обоснованной точки зрения.

Вопреки некоторым представлениям, большинство буддистов в Мьянме, как правило, исповедуют терпимость и следуют наставлениям монахов. Буддийские и другие религиозные лидеры часто

участвуют в дискуссиях по урегулированию постконфликтных ситуаций, работая сообща над созданием общей основы для мира [16]. Укрепляя взаимное уважение и устраняя барьеры, они способствуют предотвращению эскалации конфликтов и созданию основы для взаимопонимания и примирения.

Заключение

С точки зрения буддизма, социальные конфликты происходят из нездоровых состояний ума, таких как жадность, ненависть и заблуждения, проявляющихся в виде зависти, скупости, конкуренции, угнетения и предрассудков. Эти силы нарушают гармонию, сея раздор внутри отдельных людей, семей, сообществ и наций. Буддизм учит, что конфликт возникает из-за привязанности к материальным благам и ложной веры в постоянство. Решение заключается в воспитании терпимости (кханти) и благодарной радости (мудита), которые противодействуют ревности, эгоизму и гневу.

Буддизм предлагает практический подход к разрешению социальных конфликтов путем развития самосознания, сострадания и понимания. Контролируя свои реакции, проявляя терпение и участь радоваться успехам других, мы уменьшаем внутреннее смятение, которое подпитывает внешние конфликты. Буддийские лидеры играют решающую роль в укреплении мира, особенно в различных обществах, где они учат людей следовать этическим принципам и разрешать разногласия посредством диалога и взаимного уважения.

В конечном счете, буддийский путь разрешения социальных конфликтов делает упор на внутреннюю трансформацию. Устраняя коренные причины конфликтов внутри себя, мы создаем условия для мира, гармонии и сосуществования в обществе. Это внутреннее очищение, основанное на этическом образе жизни и осознанности, предлагает вечный подход к созданию более гармоничного и справедливого мира.

Литература

1. Дхаммананда, К. Шри. (1993). Во что верят буддисты. Тайбэй: Корпоративный орган Образовательного фонда Будды.
2. Харви, Питер. (2003). Введение в буддийскую этику: основы, ценности и проблемы. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
3. Леди, Саядо (перевод на английский У Ньяны). (2011). Руководство по Дхамме. Махараштра: Научно-исследовательский институт Випассаны.
4. Оксфордский словарь для учащихся. (2005) 7-е издание, издательство Оксфордского университета.

5. Уолш, Морис. (1995). Длинная речь Будды. Бостон: Издательство «Мудрость».
6. Райт, Лора. (2008). Спокойный разум и открытое сердце: Обретение внутреннего покоя с помощью размышлений, ведения дневника и медитации. Альбукерке, Нью-Мексико: Издательство Bristlecone Publishing.
7. Дэвидс, Т. У. Р. и Карпентер, Дж. Э. (1985). Дигханкая. Том II. Оксфорд, очерки.
8. Дхаммананда К. С. (2017). Во что верят буддисты. Тайвань.
9. Нанамоли, монах (2010). Путь очищения (Вишуддхимагга). Канди: Би-би-си.
10. Рахула, У. (2016). Что думал Будда. Коломбо: Центр буддийской культуры.
11. У Аие Маунг (2016). Будда и буддизм. Янгон: Издательство Ян Аунга.
12. Уордер, А.К. (2017). Индийский буддизм. Дели: Нарендер Пракаш.
13. Бодхи, монах (ред. и пер.), Учение Будды о социальной и общинной гармонии.
14. Антология бесед из Палийского канона, Сомервилл, Массачусетс: Wisdom Publications, 2016.
15. Кеманандо Б., Буддизм и мир, Калькутта: Лазо Принт, 1995.
16. Макконнелл, Джон А., Осознанное посредничество: руководство для буддийских миротворцев, Бангкок: Буддийский исследовательский институт, Буддийский университет Махакула, 1995 г. Палитха, Махарамбевеве, Разрешение конфликтов.

BUDDHIST PERSPECTIVE ON THE ORIGINS OF SOCIAL CONFLICT AND ITS RESOLUTION

Nanda Marlankara, Mikhailova M.V.
Moscow State Technological University

This article focuses on how the world is facing multiple conflicts, natural disasters, and widespread anxiety. Economic, environmental, geopolitical, social and technological risks are dangerously high in every corner of the globe. In society, people often hold different views on the same issue, which can turn personal problems into collective challenges. By nature, people are emotional, selfish, and subjective, and as a result, many of the crises we face are self-created.

These man-made disasters are a reflection of the confusion in our minds. Hatred, in particular, breeds division and conflict. Nevertheless, everyone wants to live a life free from hatred and filled with happiness. To achieve this, we must first try to clear our minds of hatred. As a religion of peace, Buddhism advocates nonviolent resolution of social conflicts. Although some may believe that Buddhism is aimed solely at liberation from the cycle of rebirth, it also offers a deep understanding of the nature of the world. The Buddha's teaching encourages the creation of a social order conducive to the well-being of all mankind. Buddhism offers effective methods to strengthen harmony in communities, helping to prevent and resolve conflicts for the common good.

Keywords: Buddhism religion, Buddhist point of view, Social relations, Religious teaching, Man-made disasters.

References

1. Dhammananda, K. Sri. (1993). What Buddhist Believe. Taipei: The Corporate Body of the Buddha Educational Foundation.
2. Harvey, Peter. (2003). An Introduction to Buddhist Ethics: Foundation, values and issues. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Ledi, Sayadaw (English Translation by U Nyana). (2011). The Manual of Dhamma. Maharashtra: Vipassanā Research Institute.
4. Oxford Learner's Dictionary. (2005) 7th Edition, Oxford University Press.
5. Walshe, Maurice. (1995). The Long Discourse of the Buddha. Boston: Wisdom Publication.
6. Wright, Laura. (2008). Quiet Mind Open Heart: Finding Inner Peace through reflection, journaling, and meditation. Albuquerque, New Mexico: Bristlecone Publishing.
7. Davids, T. W. R. and Carpenter, J. E. (1985). Dighanikaya. Vol. II. Oxford, PTS.
8. Dhammananda K. S. (2017). What Buddhist Believe. Taiwan.
9. Nanamoli, Bhikkhu (2010). The Path of Purification (Visuddhimagga). Kandy: BPS.
10. Rahula, W. (2016). What the Buddha Thought. Colombo: Buddhist Culture Center.
11. U Aye Maung (2016). Buddha and Buddhism. Yangon: Yan Aung Publishing House.
12. Warder, A.K (2017). Indian Buddhism. Delhi: Narender Prakash.
13. Bodhi, Bhikkhu (ed. and trans.), The Buddha's Teachings on Social and Communal Harmony.
14. An Anthology of Discourses from the Pali Canon, Somerville, MA: Wisdom Publications, 2016.
15. Khemanando B., Buddhism and Peace, Calcutta: Lazo Print, 1995.
16. McConnell, John A., Mindful Mediation: A Handbook for Buddhist Peacemakers, Bangkok: Buddhist Research Institute, Mahaculabodhi Buddhist University, 1995. Palitha, Maharambewewe, Conflict Resolution.

Информационная культура личности как социальное явление

Ханова Руфина Вильсоновна,

к.ф.н., доцент кафедры философии и культурологии,
Уфимский университет науки и технологий
E-mail: khanova.r@bk.ru

В статье рассмотрена информационная культура личности как социальное явление. Информационная культура предстает как выражение информационного мировоззрения, мышления и поведения. Информационная культура личности как социальное явление помогает человеку участвовать в освоении всего богатства культуры.

Цель статьи – рассмотрение информационной культуры личности как социального явления, затрагивающей сегодня всю совокупность форм общественной жизни.

Рассмотрение структуры информационной культуры личности позволяет сделать методологический прорыв в сфере обучения и самообразования. Этому способствует интеграция информации в систему знаний, норм и ценностей. Информационная культура личности как социальное явление связана с познанием связи мира информации с духовной культурой, означающей то, что не потребляется до конца, а вечно осваивается.

Ключевые слова: информация, культура, структура и функции информационной культуры, духовная культура, социальное явление.

Наращение роли информации, информационных технологий и информационной деятельности в различных сферах общественной жизни во второй половине XX века способствовали возникновению информационной культуры. Информационная культура личности затрагивает всю совокупность форм общественной жизни. Исследователи разрабатывают понятие «информационная культура» с 80-х годов XX века.

Информационная культура личности, социальных групп/ сообществ и общества – уровни информационной культуры, которые выделяют при ее рассмотрении как субъекта и носителя информационной культуры. Исследователи отмечают, что функциональная сторона информационной культуры содержит уровни жизнедеятельности людей: «индивидуальный (обеспечивает включенность каждого человека в общекультурную жизнедеятельность общества); уровень социальной группы (отражает культурную интеграцию и дифференциацию людей); цивилизационный (вбирает в себя глобальные проблемы общекультурного развития человеческой цивилизации)» [6].

Категория «информационная культура» – универсальная, ее базовыми основаниями выступают равнозначные термины «информация» и «культура», находящиеся в диалектической взаимосвязи.

Существует многообразие подходов, концепций, определений информационной культуры. Учёные считают, что нельзя рассматривать информационную культуру личности с учетом ее одностороннего рассмотрения, и информационная культура как феномен изучается в междисциплинарном контексте и содержит следующие направления научных исследований: философские, социологические, социокультурные, технико-технологические и др. Все возможные подходы заслуживают внимания, ведь в каждом определяются существенные характеристики информационной культуры. Эти подходы взаимодополняют друг друга и способствуют полному и глубокому представлению об информационной культуре. Информационный подход исходит из содержания информационной деятельности и представляет информационную культуру как набор умений и навыков сбора, обработки и анализа информации для удовлетворения своих информационных потребностей. Культурологический подход рассматривает информационную культуру широко, как всю информацию, накопленную человечеством, являющуюся достоянием мировой культуры. Информационная культура рассматривается «как способ жизнедеятель-

ности человека в информационном обществе, как составляющая процесса формирования культуры человечества (способы и результаты информационной деятельности), как процесс гармонизации внутреннего мира человека в ходе освоения всего объема социально значимой информации» [5, с. 27]. Отметим, социокультурную роль личности, ведь человек и культура находятся в неотделимой взаимосвязи, культура не существует без человека.

Информационная культура в рамках общей культуры социума, организующая социальную жизнь посредством информационной среды, рассматривается В.Б. Гухманом. «Внешняя информационная культура есть культура коммуникации и управления (данных и команд). Внешняя информационная культура общества и личности безотрывно связана с их внутренней информационной культурой, под которой понимается культура познания (знания)» [3, с. 271].

Вне информационной культуры взаимодействие в информационном обществе невозможно. Процесс формирования информационной культуры предстает как непрерывный в течение все активной творческой деятельности человека, в результате которого личность должна приобрести способность целенаправленно создавать и совершенствовать личную информационную среду и использовать его для самореализации.

Образование как фактор формирования информационной культуры личности включает и технико-технологическую и социокультурную стороны. Образование – обучение, овладение знаниями, и воспитание, формирование духовных ценностей личности, нравственной личности. Следовательно, цель современного образования – формирование личности как носителя информационной культуры. Понятие «информационная культура» подчеркивает связь мира информации с духовной культурой.

Формирование культуры обращения с информацией, культуры ее потребления – важная задача современной жизни. Формирование информационной культуры – важный элемент в структуре личности. В современных условиях это обязательное условие в подготовке нравственного и физически здорового, конкурентоспособного специалиста. Новые знания, умения, навыки, привычки, убеждения, мировоззрение, особый стиль мышления – таковы требования информационной культуры к молодым людям сегодня. Информационная культура включает систему взглядов, этических установок, норм и правил, здесь информация рассматривается как социальная ценность, передаваемая с помощью материального носителя. Информация, рассматриваемая как социальная ценность, предполагает культурный, духовный уровень человека.

«Информационная культура личности – одна из составляющих общей культуры человека; сово-

купность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий» [2, с. 65], – отмечает Н.И. Гендина.

Информационная культура – совокупность знаний и представлений, накопленных человечеством в процессе своего развития, осваиваемых индивидом на определенных этапах формирования личной (персональной) информационной культуры; составляющая общей культуры личности, общества/определенной части общества, проявляющаяся в процессе работе с информацией, ее получении, накоплении, переработки, создании на этой основе качественно новой информации, ее трансляции и практического использования; специфический аспект «социальной жизни, предмет, средство и результат социальной активности, а также процесс сохранения созданного и производства, распространения и потребления объектов культуры; сложившийся в ходе эволюции общества методический аппарат оперирования социальной информацией» [7, с. 85].

Исследователи отмечают многоуровневое строение информационной культуры в её функциональном и субъектном планах, определяемое мировоззренческими, психологическими, морально-этическими, социальными и технологическими аспектами. В качестве основных компонентов информационной культуры личности выделяют «ценностно-смысловую и содержательный (деятельностно-практический) компоненты, реализующиеся на практике в тесной взаимосвязи, порождая синергетический функциональный эффект. Эти компоненты являются теми укрупненными функционально-содержательными блоками информационной культуры, которые помогают систематизировать работу по её формированию и диагностике одновременно и совместно с формированием интеллектуальной, нравственной, правовой, эстетической, творческой и др. культурами личности» [1, с. 101–102]. Структура информационной культуры включает следующие виды культур и их элементы: коммуникативную, лексическую, книжную, читательскую, интеллектуальную, информационно-технологическую, информационно-правовую, мировоззренческую, нравственную, библиографическую.

Гносеологическая (познавательная), коммуникативная, регулятивная (нормативная), креативная (творческая), интегрирующая, адаптационная, аксиологическая (ценностная), семиотическая, релаксационная, воспитательная, сигнификативная, передачи социального опыта – функции, которые выполняет информационная культура.

Информационная культура интегрирована в контекст общей культурной среды общества,

входит «в жизнь индивида, общества, государства, мира», так как воздействие информации огромно и «приводит к изменению многих социально-экономических, образовательных, духовных представлений, освоение которых приводит к новым детерминантам» [4, с. 214] и индетерминантам.

Информационная культура личности лишь в том случае выступает как социальное явление, когда она оказывается связанной с креативной, коммуникативной, нормативной функциями. При этом регулятивная функция информационной культуры связана с объединением человеческого сообщества в единую систему, где гуманные ценности играют главенствующую роль.

Литература

1. Бобрышов С.В., Горбатовская Н.Н. Сущностно-содержательные, структурные и функциональные основы и параметры проявления и формирования информационной культуры личности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 4 (67). С. 96–106.
2. Гендина Н.И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подходы к решению проблемы // Открытое образование. 2007. № 5. С. 58–69.
3. Гухман В.Б. Философия информации / В.Б. Гухман. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. – 311 с.
4. Козилова Л.В., Гуськова С.К. Информационная культура: понятие, сущность и методология анализа // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. С. 213–218.
5. Нестерова Л.В. Формирование информационной культуры будущих инженеров лесного комплекса в процессе гуманитарной подготовки: дис. ... канд. пед. наук. Брянск, 2003. – 227 с.
6. Полякова Г.В. Информационная культура в современном обществе: философский анализ: автореф. дисс. ...канд. филос. наук. – М., 2015. – 35 с.

7. Пронина Л.А. Информационная культура как фактор развития информационного общества // Аналитика культурологии. 2008. № 1 (10). С. 75–91.

PERSONAL INFORMATION CULTURE AS A SOCIAL PHENOMENON

Khanova R.V.

Ufa University of Science and Technology

The article considers the information culture of a person as a social phenomenon. Information culture appears as an expression of an informational worldview, thinking and behavior. The information culture of the individual as a social phenomenon helps a person to participate in the development of the entire wealth of culture. The purpose of the article is to consider the information culture of an individual as a social phenomenon affecting the entire set of forms of social life today. Consideration of the structure of an individual's information culture makes it possible to make a methodological breakthrough in the field of education and self-education. This is facilitated by the integration of information into the system of knowledge, norms and values. The information culture of a person as a social phenomenon is associated with the knowledge of the connection of the world of information with spiritual culture, which means that it is not consumed to the end, but is eternally mastered.

Keywords: information, culture, structure and functions of information culture, spiritual culture, social phenomenon.

References

1. Bobryshov S.V., Gorbatskaya N.N. Essential and substantial, structural and functional foundations and parameters of personality and formation of information culture of personality // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2018. No.4 (67). pp. 96–106.
2. Gendina N.I. Information literacy and information culture of personality: international and Russian approaches to solving the problem // Open education. 2007. No.5. pp. 58–69.
3. Gukhman V.B. Philosophy of information / V.B. Gukhman. – 2-e ed., additional and revised. – Moscow; Berlin: Direct Media, 2018. – 311 p.
4. Kozilova L.V., Guskova S.K. Information culture: concept, essence and methodology of analysis // Modern pedagogical education. 2023. No. 4. pp. 213–218.
5. Nesterova L.V. Formation of information culture of future engineers of the forest complex in the process of humanitarian training: dis. ... candidate of pedagogical sciences. Bryansk, 2003. – 227 p.
6. Polyakova G.V. Information culture in modern society: philosophical analysis: abstract. diss. ...Candidate of Philological Sciences. – M., 2015. – 35 p.
7. Pronina L.A. Information culture as a factor in the development of the information society // Analysis of cultural studies. 2008. No. 1 (10). pp. 75–91.

Исследование феномена кросс-культурной торговли в научном дискурсе: аспекты оценки влияния социальных процессов Китая на мировую экономику

Чжан Хэ,

к.э.н., преподаватель, Научно-исследовательский центр регионального экономического сотрудничества Китая (Синьцзян) и Центральной Азии, Синьцзянский университет финансов и экономики
E-mail: 2695694838@qq.com

Исследован вопрос распространённости публикаций по культурной торговле, с учетом встречаемости в них публикаций со словом China на основе тестирования терминов «cross-cultural trade», «intercultural trade», «transcultural trade», «cultural trade» на десятилетних интервалах времени с помощью Google Scholar. Показано, что в результате этих экспериментов наиболее мощным кластером публикаций оказался кластер, порожденный первым термином, в котором доля публикаций со словом China составила 54%. Это говорит о том, что в глобальном масштабе лидером по изучению культурной торговли и её реализации на практике является Китай. На основе вышеуказанного кластера публикаций изучен вопрос истории зарождения культурной торговли и некоторых методов по её изучению и моделированию. Выделен формализованный метод антрополого-этнографического изучения культурной торговли, который мог бы быть использован при её гравитационном моделировании и прогнозировании.

Ключевые слова: кросс-культурная торговля, культурная торговля, история культурной торговли, Китай, Google Scholar.

Введение

Торговля на дальние расстояния зарождалась как кросс-культурная торговля, так как племена обменивались продуктами добытыми или произведенными в своей культурной среде. Племена жили изолировано друг от друга, поэтому их культурные среды сильно отличались друг от друга. Ценность культурных товаров варьируется для потребителей разного происхождения. Обмен этими культурными ценностями приводил к лучшему взаимопониманию и доверию между племенами.

Эта культурная близость, естественно, влияет на двустороннюю торговлю культурными товарами [7, 11, 12]. Она определяется тремя факторами – общим языком, соседством и колониальными связями [11], которые сейчас широко используются при гравитационном моделировании кросс-культурной торговли.

В более общем плане было обнаружено, что торговые потоки культурных товаров и услуг увеличивают общую торговлю при наличии всех вышеупомянутых трёх факторов [7].

В частности, лингвистические отношения оказались стимулом для потоков информационно-емкого контента, а колониальные связи доказали, что они увеличивают двусторонние потоки культурного наследия в общей двусторонней торговле [17].

В работе [8] была изучена взаимосвязь между культурными различиями и объемом торговли культурными товарами и показано, что культурная близость снижает транзакционные и коммуникационные издержки между торговыми партнерами, что, следовательно, расширяет торговлю.

Также показано, что язык и торговля, несомненно, взаимосвязаны [13], особенно когда обрабатываемые продукты основаны на словах или подразумевают вербальную форму выражения, например, в газетах, книгах, фильмах или музыке.

Другим важным фактором при общей и кросс-культурной торговли является географическое расстояние, которое символизирует затраты, влияющие на объёмы этой торговли. Кроме того, хотя географическое расстояние остается постоянным с течением времени, его сдерживающий характер со временем снижается из-за достижений человечества. Например, открытие Суэцкого канала в 1869 году существенно снизило цены на морские перевозки на две трети и привело к взаимос-

Данная статья представляет собой поэтапный результат исследования тендерного проекта Научно-исследовательского центра регионального экономического сотрудничества Китая (Синьцзян) и Центральной Азии (№ : XJEDU2024J103).

вязи культур и развитию ранее немыслимых экономических отношений [16].

Географическая близость остается решающей в международной торговле, поскольку пространственные и региональные исследования подтвердили положительные экономические выгоды, которые дает близость между развитыми регионами и странами [3].

Одной из основных трудностей исследования торговли культурными индустриями является отсутствие многостороннего определения культурных продуктов и услуг. Институт статистики Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры предоставляет классификацию, основанную на «Гармонизированной системе», которая классифицирует товары по уровню их культурного содержания и разделяет их на основе процессов производства (т.е. культурный или творческий). Более того, этот институт определяет культурную торговлю как «экспорт и импорт материальных и нематериальных активов, передающих культурный контент, который может принимать форму товара или услуги» [19].

Далее приведём классификацию основных культурных товаров ЮНЕСКО (табл. 1).

Таблица 1. Классификация основных культурных товаров (core cultural goods) ЮНЕСКО

1. Heritage Goods	1.1. Collections and collectors' pieces
	1.2. Antiques of an age exceeding 100 years
2. Books	2.1. Printed books, brochures, leaflets, etc.
	2.2. Children's pictures, drawing or coloring books
	2.3. Newspapers and periodicals
3. Other printed matter	3.1. Printed music
	3.2. Maps
	3.3. Postcards
	3.4. Pictures, designs
4. Recorded media	4.1. Gramophone records
	4.2. Discs for laser-reading systems for reproducing sound only
	4.3. Magnetic tape (recorded)
	4.4. Other recorded media for sound
5. Visual arts	5.1. Paintings
	5.2. Other visual arts (statuettes, sculptures, lithographs, etc.)
6. Audio-visual media	6.1. Video games used with a television receiver
	6.2. Photographic and cinematographic film, exposed and developed
Source: UNESCO cultural goods classification (2005) [19].	

Далее мы протестируем с помощью Google Scholar основные англоязычные термины, которые характеризуют культурную торговлю, оценим долю публикаций, в которых встречается слово

Китай (China) и проделаем анализ ключевых работ, полученных в результате этих экспериментов, по истории культурной торговли.

Материалы и методы

В расширенном поиске Google Scholar мы будем тестировать четыре англоязычных термина, которые описывают культурную торговлю: cultural trade, cross – cultural trade, intercultural trade, transcultural trade. Эти термины будут также тестироваться вместе со словом China, чтобы увидеть, какая доля публикаций относится к китайской культурной торговле.

Эти эксперименты будут проведены на десятилетних интервалах времени, чтобы увидеть зарождение данной тематики и тренды в её публикационной активности. После этих экспериментов с четырьмя терминами будет выбран ключевой термин, который будет взят для изучения истории зарождения культурной торговли и истории её исследований.

Результаты и обсуждения

Эксперименты в Google Scholar по тестированию англоязычных терминов по культурной торговле

Динамики роста публикаций, в которых встречается термин «cross-cultural trade», включая его встречаемость вместе со словом China, при их поиске на десятилетних интервалах времени в Google Scholar, приведена в таблице 2. Из неё видим, что зарождение кластера публикаций, порожденного этим термином, произошло в 60-х годах 20 века, при этом очень сильный рост публикаций (в 13 раз) произошел в 80-ые годы 20 века, а далее их рост шёл в геометрической прогрессии с её знаменателем равным приблизительно 2,5.

Таблица 2. Динамика роста публикаций, в которых встречается термин «cross-cultural trade», включая его встречаемость вместе со словом China, при их поиске в Google Scholar

Годы	Cross-cultural trade 27.10.2024	Cross-cultural trade+China 27.10.2024
1950–1959	0/0	0
1960–1969	5/0	3
1970–1979	12/0	4
1980–1989	158/36	81
1990–1999	440/7	279
2000–2009	1050/13	651
2010–2019	2750/59	1410
2020–2023	1340/9	680
Всего	5755/124	3108

В итоге общее количество публикаций в этом кластере до 2023 года включительно составило

5755, из них публикаций, в которых встречается слово China было 54%.

В итоге общее количество публикаций в этом кластере до 2023 года включительно составило 5755, из них публикаций, в которых встречается слово China было 54%.

Динамики роста публикаций, в которых встречается термин «intercultural trade», включая его встречаемость вместе со словом China, при их поиске на десятилетних интервалах времени в Google Scholar, приведена в таблице 3. Из неё видим, что зарождение кластера публикаций, порожденного этим термином, произошло в 50-х годах 20 века, при этом рост публикаций этого кластера был очень медленным.

В итоге общее количество публикаций в этом кластере до 2023 года включительно составило 614, из них публикаций, в которых встречается слово China было 33%.

Таблица 3. Динамика роста публикаций, в которых встречается термин «intercultural trade», включая его встречаемость вместе со словом China, при их поиске в Google Scholar

Годы	Intercultural trade + China 27.10.2024	Intercultural 27.10.2024
1950–1959	2/0	1
1960–1969	3/0	1
1970–1979	2/0	1
1980–1989	13/0	4
1990–1999	57/0	12
2000–2009	119/3	41
2010–2019	271/4	92
2020–2023	147/3	50
Всего	614/10	202

Динамики роста публикаций, в которых встречается термин «transcultural trade», включая его встречаемость вместе со словом China, при их поиске на десятилетних интервалах времени в Google Scholar, приведена в таблице 4. Из неё видим, что зарождение кластера публикаций, порожденного этим термином, произошло в 60-х годах 20 века, при этом рост публикаций этого кластера был медленнее, чем в предыдущем кластере.

В итоге общее количество публикаций в этом кластере до 2023 года включительно составило 118, из них публикаций, в которых встречается слово China было 34,8%.

Эксперименты, казалось бы, с базовым термином «cultural trade, привели к неудовлетворительным результатам, так как они включали результаты прошлых трёх поисков, а также публикации с нерелевантными терминами «agricultural trade», «horticultural trade» и др.

Итак, мы выяснили, что наиболее крупным кластером англоязычных публикаций по культурной

торговле является кластер, порождённый термином «cross-cultural trade». Поэтому рассматривать вопросы по истории зарождения культурной торговли и истории её изучения целесообразно на основе этого термина.

Таблица 4. Динамика роста публикаций, в которых встречается термин «transcultural trade», включая его встречаемость вместе со словом China, при их поиске в Google Scholar

Годы	Transcultural trade 27.10.2024	Transcultural trade + China 27.10.2024
1960–1969	6/0	1
1970–1979	6/0	0
1980–1989	6/0	1
1990–1999	8/0	3
2000–2009	12/0	5
2010–2019	43/3	14
2020–2023	43/2	17
Всего	118/5	41

История зарождения и изучения культурной торговли

Ключевой работой по истории кросс-культурной торговли является монография Филлипа Кертена [6]. Он пишет, что в далеком прошлом Геродот рассказывал нам о торговле на западных или северных берегах Африки, где люди сдавали товары для обмена в знакомом, но изолированном месте вдали от поселения. Сделав это, люди уходили. Появлялась вторая группа людей, оставив еще одну кучу товаров для торговли, и в свою очередь уходили. Первые возвращались, оценивали стоимость товара и производили обмен или нет, по своему желанию. Торговля происходила в пограничной зоне между двумя народами, не говорящими на языке друг друга и, по сути, даже не вступавшими в физический контакт. Эта молчаливая торговля, как ее описывали Геродот и многие другие путешественники, была исключительным подходом к межкультурному обмену. Когда появились города и концентрированные поселения, странствующие или постоянно проживающие пришельцы начали торговать, преодолевая культурные и политические границы.

Обычно торговец был членом определенного общества, которое установило торговые связи с несколькими общинами, разнообразными по языку и культуре. При нахождении в торговой диаспоре, для торговца было важно сохранить культуру, религию и язык места своего происхождения, поскольку ассимилироваться с чужой культурой, культурой проживания означало потерять свои внешние связи и особую функцию в качестве межкультурной границы. Хотя такие торговые диаспоры, в конечном итоге, подорвали основу сво-

его существования, они заняли основополагающее и непреходящее место в мировой истории с древнейших времен до девятнадцатого и даже двадцатого веков. Список таких торговых диаспор длинный, и в анналах мировой торговли имеется впечатляющее число таких диаспор. Из Ливана финикийцы распространились на запад через Средиземное море в Северную Африку, Иберию и атлантические берега Африки. Греки расселились по побережью Средиземного и Черного морей. Столетия спустя арабы и персы рассеялись по восточному побережью Африки в тридцатисорока каменных городах, простирающихся от Сомали до Софалы [6].

Автор также отмечает, что истоки торговых диаспор кроются в обычных преимуществах торговли между регионами с различной обеспеченностью ресурсами. Таким образом, в Африке окраина пустыни – Сахель, где пустыня встречается с саванной, является важной межкультурной торговой зоной, как и другая сторона саванны, где она выходит на тропический лес. Он также пишет, что историки торговли, воспитанные в школе неоклассической экономики, в написании своей истории склонны развивать тему, согласно которой торговля имеет место, когда дифференциальные производственные издержки не нейтрализуются транспортными издержками [6].

С. Гош [10] в своей работе акцентирует внимание на теме торговли на большие расстояния, пересекающей культурные или цивилизационные границы. Три аналитические модели подчеркивают важность торговли на большие расстояния: 1. типология обмена Карла Поланьи; 2. концепция торговой диаспоры по определению Филлипа Куртина; 3. мир-системный подход, используемый Андре Гундер Франком, Иммануэлем Валлерстайном и другими учеными.

Автор отмечает, что, по мнению Поланьи, человечество осуществляет три основных типа обмена. В эгалитарных, безгосударственных обществах преобладает взаимный обмен социальными объектами. В той степени, в какой в обществах такого типа имеет место торговля на дальние расстояния, это обмен подарками. С развитием экономического излишка и формированием структур социальной и политической власти взаимность уступает место сбору и последующему перераспределению социальных объектов элитными группами. Обмен на большие расстояния в таких обществах является нерыночной или «управляемой» торговлей и осуществляется в нейтральных «торговых портах». Наконец, в современных капиталистических обществах рыночный обмен становится правилом, а торговля ведется в соответствии с законами спроса и предложения [10].

Как отмечает Франческа Тривеллато [18], ученым, который ввел в историографический лексикон понятия-близнецы «кросс-культурная торгов-

ля» и «торговая диаспора», был Филипп Куртин [6]. До и после Куртина к изучению кросс-культурной торговли были привлечены и другие квинтэссенциальные исследователи, в первую очередь, Фернан Бродель, который никогда прямо не использовал это выражение, но в его работе о досовременном капитализме [4] торговля рассматривается как средство взаимодействия между далекими народами и далекими регионами, а также как главный источник перемен.

Джерри Х. Бентли [2] для целей своего масштабного анализа принимает «цивилизацию» (один из самых спорных терминов Броделя) за синоним «культуры» и показывает существование огромных культурных сфер, разделенных широкими промежутками, которые торговля, миссионерская деятельность и военная экспансия помогли сблизить. Он изучает целое тысячелетие, предшествующие 1492 году, и широкими мазками рисует процессы миграции, преобразований, экономической экспансии и формирования государств, которые изменили геополитический и культурный ландшафт планеты до прихода Запада [18].

Также следует отметить фундаментальный труд С.Д. Гойтейна [9], который изучал кросс-культурную торговлю в Средиземноморье на примере еврейских общин арабского мира.

Гойтейн, Куртин, Бродель и Бентли, по мнению Франческа Тривеллато [18], лишь самые известные имена из плеяды ученых, которые исследовали многогранную связь между торговлей, политикой и религией, но в других эпохальных исследованиях Иммануила Валлерстайна [20] и Джанет Л. Абу-Льюгод [1], посвященных географии межрегиональной и межконтинентальной торговли, выдвигаются противоположные тезисы о сроках и структурных особенностях интегрированной мировой системы и коммерческого доминирования в ней Европы [18].

Иммануил Валлерстайн [20], начиная с 1960-х годов занимался вопросами общей теории социально-экономического развития. Он был автором мир-системной теории, созданной под влиянием французского историка Фернана Броделя [4].

Ключевая идея мир-системной теории заключается в том, что искусственная «изоляция историй» национальных государств, их изучение скорее с точки зрения сравнительного анализа как примеров параллельного, но практически самостоятельного развития, а не исследование взаимосвязей и взаимообусловленности, практически исключает правильное понимание хода, а следовательно и результатов и перспектив такого развития. В своей работе он писал Иммануил Валлерстайн [20]:

«Мы говорим здесь не о мировых (или всемирных) системах, экономиках, империях, а о системах, экономиках, империях, которые сами по се-

бе есть мир... Миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам.»

Но все вышеуказанные историки по кросс-культурной торговле не обратили внимание на уникальный труд Мердока и Уайта [14], в котором предложена стандартная кросс-культурная выборка (Standard Cross-Cultural Sample, SCCS). Эта выборка состоит из 186 антропологически описанных обществ, в которой сведено к минимуму культурное родство, поэтому из каждой культурной области выбиралось только одно общество. Каждое общество точно определено во времени и пространстве.

Другими словами, стандартная кросс-культурная выборка содержит наиболее хорошо описанное общество в каждой из 186 культурных провинций мира, выбранное таким образом, чтобы культурная независимость каждой единицы с точки зрения исторического происхождения и культурной диффузии могла считаться максимальной по отношению к другим обществам в выборке.

Часто выбранный временной период совпадает с самым ранним высококачественным этнографическим описанием. Таким образом, SCCS в первую очередь является выборкой доиндустриальных обществ.

Кодировка этнографических элементов выборки предоставляет другим ученым проводить формализованный анализ статистическими методами.

В этой связи следует сказать, что оригинальная статья, опубликованная вышеуказанными авторами в журнале *Ethnology* в 1969 году, представила первые результаты исследований Центра кросс-культурного кумулятивного кодирования (Cross-Cultural Cumulative Coding Center, CCCCC), подразделения, созданного в 1968 году Мердоком и Уайтом в Университете Питтсбурга при поддержке Национального научного фонда. Центр был организован таким образом, чтобы предложить ученым репрезентативную выборку известных и хорошо описанных культур мира, каждая из которых «привязана» к наименьшей идентифицируемой подгруппе рассматриваемого общества в определенный момент времени, и предоставить первый набор кодированных данных для выборки.

Выборка Мердоком и Уайтом, имеет преимущества, поскольку обеспечивает её размер, достаточно большой для проверки многомерных гипотез, но достаточно маленький, чтобы обеспечить полное кодирование разными авторами; с указанием дат и фокусных групп и с богатой этнографической библиографией и множественными рейтингами качества данных, которые облегчают кумулятивное кодирование сравнительных данных по широкому кругу тем.

Хотя SCCS максимизирует относительную независимость выборочных случаев, статья 1969 года также предоставляет стандартные контрольные элементы проблемы Гальтона для исторической независимости случаев и демонстрирует с помощью иллюстраций их использования, что контрольные элементы проблемы Гальтона необходимы для получения достоверных статистических выводов даже при относительно большой кросс-культурной выборке.

SCCS послужил основой для кумулятивной серии данных, закодированных разными авторами в сотнях публикаций по многим различным типам общественных характеристик. Кумулятивные этнографические коды и кодовые книги публикуются в электронном журнале *World Cultures*, который добавляет географические координаты и компьютерное картирование через SPSS и программу журнала MAPTAB, написанную Дугласом Р. Уайтом. SCCS и его база данных SPSS и кодовые книги в настоящее время содержат более 2000 переменных, предоставленных почти сотней различных исследований и таким же количеством авторов. Эти переменные включают переменные из Этнографического атласа Мердока в форме, наиболее полезной для проверки гипотез, поскольку они сопоставлены со стандартными выборочными обществами [19].

Ввиду важности этой работы и малоизвестности её для исследователей по кросс-культурной торговле приведем характеристики рассматриваемой выборки.

186 обществ, включенных в стандартную выборку, распределены относительно равномерно по шести основным регионам мира следующим образом: А. (Sub-Saharan Africa) 28; С. (Circum-Mediterranean) 28; Е. (East Eurasia) 34; I. (Insular Pacific) 31; N. (North America) 33; S. (South and Central America) 32.

Относительная политическая сложность по основным регионам мира (Relative Political Complexity by Major World Regions) описана следующими характеристиками обществ: Безгосударственные общества (Stateless Societies); Общества с минимальными государствами (Societies With Minimal States); Общества с малыми государствами (Societies With Small States); Общества с большими государствами (Societies With Large States).

Правила происхождения (родства) по основным регионам (Rules of Descent by Major Regions): Амбилинейный (Ambilineal); Двусторонний (Bilateral); Матрилинейный (Matrilineal); Патрилинейный (Patrilineal).

Диапазон установленных дат для выборочных обществ (Relative Political Complexity by Major World Regions) принят следующим: 1750 to 1B.C.; A.D.1to1500; A.D.1501to1600; A.D.1601 to1700; A.D.1701 to 1800; A.D.1801 to1850; A.D.1851 to 1900; A.D.1901 to 1950; A.D.1951 to 1965.

Все 186 обществ были распределены по вышеуказанным характеристикам, а также все они в привязке к географическим координатам были показаны на шести географических картах.

Далее авторы рассуждают о том, как выделение отличительных мировых областей в качестве страт выборки может в лучшем случае минимизировать, но не устранить культурные сходства между соседними областями, которые являются результатом исторических влияний общего происхождения и культурной диффузии.

Наиболее эффективным способом ответа на возражения Гальтона является измерение силы таких сходств на конкретных наборах переменных. Там, где конкретные переменные показывают высокое сходство между соседними или исторически (например, лингвистически) связанными обществами, следует изучить корреляции между переменными, чтобы выяснить, были ли они раздuty историческим умножением схожих культурных форм [19].

На основе работы [19] большой коллектив авторов под руководством М.Л. Бартона [5] сильно продвинули методологию Г.П. Мудрока.

Они предложили рассматривать девять новых регионов и расширили количество обществ до 351, проделали сравнение с обществами Г.П. Мудрока и показали, что их региональная классификация значительно улучшает классификацию Г.П. Мудрока. Очень важно, что авторы стали рассматривать географические расстояния между обществами и построили матрицу попарных расстояний.

Это открывает, на наш взгляд, путь для использования гравитационных моделей кросс-культурной торговли на основе рассматриваемого этнографо-антропологического подхода. А как известно, гравитационные модели кросс-культурной торговли являются основным трендом при анализе этой торговли [12, 13, 17].

Но для реализации гравитационного моделирования кросс-культурной торговли нужна дополнительная эмпирика, связанная с экономической мощностью обществ и взаимной торговли между ними.

Заключение

Таким образом, мы исследовали вопрос распространённости публикаций по культурной торговле, с учетом встречаемости в них публикаций со словом China на основе тестирования терминов «cross-cultural trade», «intercultural trade», «transcultural trade», «cultural trade» на десятилетних интервалах времени с помощью Google Scholar. Все кластеры публикаций зародились в 50–60-х годах прошлого века, при этом кластер публикаций, порождённый термином «cultural trade» оказался не репрезентативным, так как он включал в себя публикации

не только трёх предыдущих кластеров, но и публикации с терминами «agricultural trade», «horticultural trade», которые не относятся к вопросам культурной торговли.

Показано, что в результате этих поисков наиболее мощным кластером публикаций оказался кластер, порождённый первым термином, в котором доля публикаций со словом China составила 54%. Это говорит о том, что в глобальном масштабе лидером по изучению культурной торговли и её реализации на практике является Китай.

На основе вышеуказанного кластера публикаций изучен вопрос истории зарождения культурной торговли и некоторых методов по её изучению и моделированию. Выделен формализованный метод антрополого-этнографического изучения культурной торговли, который целесообразно использовать при её гравитационном моделировании и прогнозировании.

Литература

1. Abu-Lughod, J.L. (1989). *Before European Hegemony: The World System, A.D. 1250–1350*. New York and Oxford: Oxford University Press.
2. Bentley, J.H. (1993). *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. New York: Oxford University Press.
3. Beugelsdijk, S., M. Klasing, M. Milionis P. (2018). Value Diversity and Regional Economic Development. *The Scandinavian Journal of Economics*, 121(1):153–181. doi:10.1111/sjoe.12253. (дата обращения: 10.09.2024).
4. Braudel, F. (1981–1984). *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century*, trans. Siân Reynolds, 3 vols. New York: Harper and Row.
5. Burton, M. L., Moore, C. C., Whiting, J. W., Romney, A. K., Aberle, D. F., Barcelo, J. A., ... & Linnekin, J. (1996). Regions based on social structure. *Current Anthropology*, 37(1), 87–123. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Michael-Burton-7/publication/249179301_Regions_Based_on_Social_Structure/links/59287b90aca27295a80584c2/Regions-Based-on-Social-Structure.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
6. Curtin, P.D. (1984). *Cross-Cultural Trade in World History*. London: Cambridge University Press. 293 p. – URL: <https://archive.org/details/crossculturaltra0000curt> (дата обращения: 10.08.2024).
7. Disdier, A.-C., Tai, S.H. Fontagné, L., Mayer, T. (2010). Bilateral Trade of Cultural Goods. *Review of World Economics*, 145 (4):575–595. doi:10.1007/s10290-009-0030-5. (дата обращения: 14.09.2024).
8. Felbermayr, G. J., Toubal, F. (2010). Cultural Proximity and Trade. *European Economic Review*, 54 (2):279–293. doi:10.1016/j.euroecor-ev.2009.06.009. (дата обращения 14.09.2024).

9. Goitein, S.D. (1967–1993). *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*, 5 vols. Berkeley: University of California Press.
10. Gosch, S. (1994). Cross-Cultural Trade as a Framework for Teaching World History: Concepts and Applications. *The History Teacher*, 27(4), 425–431. <https://doi.org/10.2307/494506> (дата обращения: 10.09.2024).
11. Helpman, E., Melitz, M., Rubinstein, Y. (2008). Estimating Trade Flows: Trading Partners and Trading Volumes. *The Quarterly Journal of Economics*, 123(2):441–487. doi:10.1162/qjec.2008.123.2.441 (дата обращения: 10.08.2024).
12. Kaimann, D., Del Bono, M. (2020): The Impact of Cultural Proximity and Digital Dissimilarity on Cultural Trade. *The International Trade Journal*, 34(5), 447–469. DOI: 10.1080/08853908.2020.1716893 (дата обращения: 10.08.2024).
13. Melitz, J., Toubal, F. (2014). Native Language, Spoken Language, Translation and Trade. *Journal of International Economics*, 93(2):351–363. doi:10.1016/j.jinteco.2014.04.004. (дата обращения: 01.10.2024).
14. Murdock, G. P., White, D. R. (1969). Standard Cross-Cultural Sample. *Ethnology*, 8(4):329–369. (2006 On-line edition). – URL: <https://escholarship.org/uc/item/62c5c02n> (дата обращения: 10.09.2024).
15. Polanyi, K., Arensberg, C.M., Pearson, H.W. eds. (1957). *Trade and Markets in Early Empires*. Glencoe: Free Press. – URL: <https://archive.org/details/in.gov.ignca.36501/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 10.09.2024).
16. Pomeranz, K., Topik, S. (2018). *The World that Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to the Present*. New York: Routledge.
17. Ro'i, L., Sénégas, M.-A. (2012). Bilateral Trade, Colonial Heritage and Common Currency Arrangements an Oceanian Perspective. *International Economics*, 129:63–98. doi:10.1016/S2110-7017(13)60049-9. (дата обращения: 20.09.2024).
18. Trivellato, F. (2014). Introduction: The Historical and Comparative Study of Cross-Cultural Trade', in Francesca Trivellato, Leor Halevi, and Catia Antunes (eds), *Religion and Trade: Cross-Cultural Exchanges in World History, 1000–1900*. New York; online edn, Oxford Academic, 23 Oct. 2014. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199379187.003.0011> (дата обращения: 12.09.2024).
19. UNESCO (2005). *International Flows of Selected Cultural Goods and Services, 1994–2003*. Montreal: Institute for Statistics.
20. Wallerstein, I. (1973–1989). *The Modern World-System*, 3 vols. New York: Academic Press.

STUDY OF THE PHENOMENON OF CROSS-CULTURAL TRADE IN SCIENTIFIC DISCOURSE: ASPECTS OF ASSESSING THE INFLUENCE OF CHINESE SOCIAL PROCESSES ON THE WORLD ECONOMY¹

Zhang He

Central Asia Regional Economic Cooperation Research Center, Xinjiang University of Finance & Economics

The question of the prevalence of publications on cultural trade, taking into account the occurrence of publications with the word China in them on the basis of testing the terms «cross-cultural trade», «intercultural trade», «transcultural trade», «cultural trade» on ten-year time intervals with the help of Google Scholar is investigated. It is shown that, as a result of these experiments, the most powerful cluster of publications was the cluster generated by the first term, in which the share of publications with the word China was 54%. This suggests that globally the leader in the study of cultural trade and its realisation in practice is China. Based on the above cluster of publications, the history of the origin of cultural trade and some methods to study and model it are studied. A formalised method of anthropological and ethnographic study of cultural trade is highlighted, which could be used in its gravity modelling and forecasting.

Keywords: cross-cultural trade, cultural trade, cultural trade history, China, Google Scholar.

References

1. Abu-Lughod, J.L. (1989). *Before European Hegemony: The World System, A.D. 1250–1350*. New York and Oxford: Oxford University Press.
2. Bentley, J.H. (1993). *Old World Encounters: Cross-Cultural Contacts and Exchanges in Pre-Modern Times*. New York: Oxford University Press.
3. Beugelsdijk, S., M. Klasing, M. Milionis P. (2018). Value Diversity and Regional Economic Development. *The Scandinavian Journal of Economics*, 121(1):153–181. doi:10.1111/sjoe.12253. (date of access: 09/10/2024).
4. Braudel, F. (1981–1984). *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century*, trans. Siân Reynolds, 3 vols. New York: Harper and Row.
5. Burton, M. L., Moore, C. C., Whiting, J. W., Romney, A. K., Aberle, D. F., Barcelo, J. A., ... & Linnekin, J. (1996). Regions based on social structure. *Current Anthropology*, 37(1), 87–123. – URL: https://www.researchgate.net/profile/Michael-Burton-7/publication/249179301_Regions_Based_on_Social_Structure/links/59287b90aca27295a80584c2/Regions-Based-on-Social-Structure.pdf (accessed: 10.09.2024).
6. Curtin, P.D. (1984). *Cross-Cultural Trade in World History*. London: Cambridge University Press. 293 p. – URL: <https://archive.org/details/crossculturaltra0000curt> (accessed: 10.08.2024).
7. Disdier, A.-C., Tai, S.H. Fontagné, L., Mayer, T. (2010). Bilateral Trade of Cultural Goods. *Review of World Economics*, 145(4):575–595. doi:10.1007/s10290-009-0030-5. (date of access: 09/14/2024).
8. Felbermayr, G. J., Toubal, F. (2010). Cultural Proximity and Trade. *European Economic Review*, 54(2):279–293. doi:10.1016/j.euroecorev.2009.06.009. (date of access: 09/14/2024).
9. Goitein, S.D. (1967–1993). *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*, 5 vols. Berkeley: University of California Press.
10. Gosch, S. (1994). Cross-Cultural Trade as a Framework for Teaching World History: Concepts and Applications. *The History Teacher*, 27(4), 425–431. <https://doi.org/10.2307/494506> (access date: 09.10.2024).
11. Helpman, E., Melitz, M., Rubinstein, Y. (2008). Estimating Trade Flows: Trading Partners and Trading Volumes. *The Quarterly Journal of Economics*, 123(2):441–487. doi:10.1162/qjec.2008.123.2.441 (accessed 08/10/2024).

¹ This article is a phased research result of the bidding project of the China (Xinjiang) and Central Asia Regional Economic Cooperation Research Center (No.: XJEDU2024J103).

12. Kaimann, D., Del Bono, M. (2020): The Impact of Cultural Proximity and Digital Dissimilarity on Cultural Trade. *The International Trade Journal*, 34(5), 447–469. DOI: 10.1080/08853908.2020.1716893 (access date: 08/10/2024).
13. Melitz, J., Toubal, F. (2014). Native Language, Spoken Language, Translation and Trade. *Journal of International Economics*, 93 (2):351–363. doi:10.1016/j.jinteco.2014.04.004. (access date: 10/01/2024).
14. Murdock, G. P., White, D. R. (1969). Standard Cross-Cultural Sample. *Ethnology*, 8(4):329–369. (2006 On-line edition). – URL: <https://escholarship.org/uc/item/62c5c02n> (access date: 09/10/2024).
15. Polanyi, K., Arensberg, C.M., Pearson, H.W. eds. (1957). *Trade and Markets in Early Empires*. Glencoe: Free Press. – URL: <https://archive.org/details/in.gov.ignca.36501/page/n5/mode/2up> (access date: 09/10/2024).
16. Pomeranz, K., Topik, S. (2018). *The World that Trade Created: Society, Culture, and the World Economy, 1400 to the Present*. New York: Routledge.
17. Ro'i, L., Sénégas, M.-A. (2012). Bilateral Trade, Colonial Heritage and Common Currency Arrangements an Oceanian Perspective. *International Economics*, 129:63–98. doi:10.1016/S2110-7017(13)60049-9. (date of access: 09/20/2024).
18. Trivellato, F. (2014). Introduction: The Historical and Comparative Study of Cross-Cultural Trade', in Francesca Trivellato, Leor Halevi, and Catia Antunes (eds), *Religion and Trade: Cross-Cultural Exchanges in World History, 1000–1900*. New York; online edn, Oxford Academic, 23 Oct. 2014. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199379187.003.0011> (access date: 09/12/2024).
19. UNESCO (2005). *International Flows of Selected Cultural Goods and Services, 1994–2003*. Montreal: Institute for Statistics.
20. Wallerstein, I. (1973–1989). *The Modern World-System*, 3 vols. New York: Academic Press.

Влияние цифровизации на сущностные изменения в структуре научного знания

Березовская Ирина Петровна,

к.ф.н., доцент кафедры «История, философия, политология и социология», Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I;
к.ф.н., доцент Высшей школы общественных наук,
Гуманитарный институт Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: ipberozovskaya@mail.ru

В статье поднимается вопрос о сущностных изменениях в структуре научного знания под влиянием цифровых технологий, подчеркивается необходимость комплексного исследования данного вопроса. Обозначено, что под влиянием цифровизации меняются средства и методы научного познания, объект, субъект научного исследования. Цифровые технологии изменяют такой метод научного познания, как моделирование. На основе математических моделей изучаемых объектов возникают виртуальные лаборатории – это специальное программное обеспечение, которое позволяет ученым работать с физическими объектами и проводить эксперименты в виртуальной среде. Основными средствами становятся информационные технологии. Вместе с изменением средств и методов познания происходит и изменение и объекта исследования. Основным объектом научного исследования становятся большие данные, характерными чертами которых выступает большой объем, неструктурированность и многообразие.

Ключевые слова: цифровая трансформация, научное знание, цифровые технологии, моделирование, виртуальные лаборатории.

Введение

Современные достижения в области науки и технологий стали основой значительных изменений в жизни людей и общества, обусловленных цифровыми преобразованиями. Наука, лежащая в основе разработки цифровых технологий, также подверглась их влиянию и стала полем их применения. Вопрос о том насколько радикально под влиянием цифровизации изменяется коренная сущность науки можно считать открытым. Несомненно, что происходящее приносит новые и достаточно принципиальные моменты в формы организации и функционирования науки. В этой связи ряд исследований пишут о цифровой трансформации в научной области, отмечая, что это «изменение под воздействием цифровых технологий всех аспектов общественных отношений, связанных с производством, оборотом и использованием научных знаний» [9, с. 10]. В силу этого повышается актуальность исследований, направленных на изучение направлений, результатов и перспектив вовлеченности науки в цифровые трансформации. Следует отметить, что объем публикаций о цифровой трансформации науки уступает объему публикаций о цифровой трансформации тех или иных сфер общества. С одной стороны, это связано с представлением о неочевидности сущностных изменений научной сферы [9]. С другой стороны, имеет место пока еще формирование предпосылок комплексного осмысления цифровых изменений в науке, направленных на прояснение вопроса о наличии или отсутствии сущностных изменений в науке и системном описании этих изменений. Исходя из этого, вопрос о трансформации науки можно считать открытым.

Имеет смысл рассматривать три основных вектора трансформации: научное знание, научная деятельность и наука как социальный институт. Для того, чтобы формировать картину цифровой трансформации науки, необходимо рассмотреть какие изменения происходят с наукой в каждом из аспектов ее проявления.

Ряд исследователей указывают на то, что в сфере научной коммуникации происходят сущностные изменения [3, 6, 7, 13]. Не редко обсуждается вопрос цифровой трансформации научной деятельности [10, 12, 14]. Значительное количество исследований посвящено изучению изменений, которые происходят в образовательной сфере под влиянием внедрения новых информа-

ционных технологий в образовательный процесс [11, 15, 16, 17]. В русле исследований, которые обращены к вопросу сущностных изменений в структуре научного знания, особый интерес вызывают работы Шиповаловой Л.В. «О субъекте научной деятельности в цифровую эпоху» [18], Платоновой С.И. «Эпистемологические трансформации науки в цифровую эпоху» [8] и «Развитие метода абдукции в цифровой науке» [9].

Данное исследование ориентировано на прояснение тех изменений, которые происходят в структуре научного знания.

Обсуждение

Под влиянием цифровизации меняются средства научного познания. Основными средствами становятся инфомационные технологии – «совокупность методов и программно-технических средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, обработку, хранение и отображение информации» [4] и программируемый автомат для обработки данных – компьютер, которые выполняют не только функции калькуляции, хранения и распространения информации, но и функцию контроля над процессами. Цифровизация научного знания предполагает переход к новой парадигме научных исследований, когда «значимые научные результаты могут быть получены только на основе анализа огромных массивов, накопленных в конкретных предметных областях данных, которые в настоящее время приобретают статус одного из важнейших стратегических ресурсов» [8, с. 94]. Таким образом вместе с изменением средств происходит и изменение и объекта исследования. Основным объектом становятся большие данные, характерными чертами которых выступает не просто большие объемы, но и неструктурированность и многообразие [2]. Необычайное количество информации, создаваемой и сохраняемой в цифровом формате, требует разработки новых методов обработки и хранения данных. Облака, большие данные и искусственный интеллект становятся важными инструментами для обработки научной информации, позволяя исследователям анализировать и интерпретировать данные на новом уровне. Эти технологии не только ускоряют проведение исследований, но и меняют сам подход к ним, делая возможным решение задач, которые ранее казались неразрешимыми.

Цифровой трансформации подвергаются не только объект научного исследования, но субъект. Субъектно-объектное противостояние, определяющее познавательные отношения в классической науке, основывалось на картезианском виде миропонимания. Появление неклассической концепции научного познания, где абсолютный субъект заменяется неклассическим субъектом-наблюдателем, произошло благодаря квантовой механике. В постнеклассической науке измене-

ния, касающиеся субъекта постнеклассической науки, выражаются через такие понятия, как «сетевой субъект», «распределенный субъект» и «целостный субъект» [12]. Как указывает Л.В. Шиповалова, «Первая характеристика, определяющая субъект научного познания в цифровую эпоху, имеет корни в эпохе становления новоевропейской науки... Научно-технологический разум, завершающий формирование в эпоху цифровых технологий, исходит из предположения бесконечного актора, не встречающего сопротивление в своей творческой деятельности, не ожидающего сторонних эффектов, рассчитывающего на точно предсказанный результат как математического экспериментального естествознания» [18, с. 28]. Однако проблема заключается в том, что человеческий разум не является бесконечным, и из-за этого он неизбежно сталкивается с ограничениями своей свободы. Абсолютная свобода субъекта цифрового научного познания, столкнувшись со своими барьерами, становится свободой множественной.

Цифровизация научного знания подразумевает переход к новой парадигме в проведении исследований. В этом контексте стоит отметить статью Д. Бойда и К. Кроуфорда под названием «Критические вопросы для больших данных» [1] где авторы задают ряд провокационных вопросов о больших данных. Они рассматривают большие данные как соединяющий элемент между технологиями, аналитикой и мифологией. Согласно мнению этих исследователей, большие данные могут претендовать на объективность и точность, однако это не всегда соответствует действительности, так как они подвергаются субъективным интерпретациям.

В методологии научного знания, начиная с Нового времени используются индуктивные, дедуктивные и абдуктивные методы. И если вопрос эпистемологическая стратегия индуктивных и дедуктивных умозаключений не претерпела существенных изменений в современных цифровых реалиях, чего не скажешь об абдукции. Абдуктивный метод новоевропейской науки основывался на формулировании объясняющих гипотез исходя из небольшого числа данных, а абдуктивное умозаключение в цифровой науке построены на гипотезах, основанных на больших объемах данных. Кроме того, абдукция новоевропейской науки работала с математически организованными данными, тогда как современная наука, использующая цифровые технологии, оперирует алгоритмически структурированными данными, не ограничиваясь анализом и выявлением определенных взаимосвязей, а устанавливает их в качестве отправной точкой для формулирования объясняющих гипотез, которые впоследствии подлежат дедуктивной проверке [9].

Информационные технологии изменяют методы научного познания, прежде всего – метод мо-

делирования. Моделирование начало использоваться еще в древности, и в научном познании, начиная с Нового времени, благодаря математизации научного знания получило универсальных характер. Основная характеристика моделирования заключается в том, что оно представляет собой метод опосредованного познания, осуществляемого через использование моделей – объектов-заместителей. Эти модели функционируют как своеобразные инструменты исследования, позволяя изучающему взаимодействовать с ними, чтобы глубже понять исследуемый объект. Математическое моделирование постепенно «встраивается» в структуры цифрового мира, образуется компьютерное моделирование. В компьютерном моделировании выбор модели и разработка ее реализации осуществляется в формате, совместимом с компьютерным исполнением. «Успешные исследования с помощью моделирования – это не просто подсчет цифр. Они используют различные методы, чтобы сделать выводы на основе этих цифр. Моделирование творчески использует вычислительные методы, которые могут быть основаны только внематематически и внетеоретически» [5].

На основе математических моделей изучаемых объектов возникают виртуальные лаборатории – это специальное программное обеспечение, которое позволяет ученым работать с физическими объектами и проводить эксперименты в виртуальной среде. В 1977 году была первая версия «Виртуальной лаборатории физиологии», названная «Виртуальная лаборатория физиологии». На тот момент главное внимание акцентировалось на технологических основах физиологических исследований XIX века, что привело к созданию базы данных, содержащей соответствующие тексты и изображения. В 1998 году, после ряда усовершенствований, была разработана концепция, используемая по настоящее время, а в 1999 году вышел компакт-диск. В этот период фокус сместился с физиологии на другие области, такие как науки о жизни, искусство и литература. Проект трансформировался из простой базы данных в платформу для историографических исследований и был представлен на конференции, посвященной использованию Всемирной паутины в научных и технических исторических исследованиях, организованной Фондом Альфреда П. Слоуна в Стэнфорде. В 2000 году проект стал частью исследовательской инициативы «Экспериментализация жизни», финансируемой Фондом Volkswagen, после чего ему была посвящена презентация на конференции «Виртуальные исследования? Влияние новых технологий на научную практику» в Швейцарской высшей технической школе Цюриха. В 2002 году в интернете появилась первая версия «Виртуальной лаборатории». С 2008 года «Виртуальная лаборатория» зарегистрирована как журнал под ISSN 1866-4784.

Виртуальные лаборатории могут моделировать различные условия и сценарии, позволяя исследователям проводить эксперименты, которые были бы невозможны в реальной жизни из-за финансовых или технических ограничений. Это делает виртуальные лаборатории незаменимыми инструментами для научных исследований, они позволяют экономить время и ресурсы, которые могли бы быть затрачены на поиск, приобретение и установку оборудования, позволяют обеспечить безопасность исследователей, поскольку можно избежать потенциально опасных ситуаций, которые могли возникнуть в реальной лаборатории, а с развитием искусственного интеллекта виртуальные лаборатории предоставляют возможности предсказывать результаты экспериментов.

Под воздействием цифровых технологий происходят изменения в самом процессе получения научного знания. Научный познавательный процесс в самом общем виде можно представить таким образом: научное наблюдение – гипотеза – эксперимент – теория – новое фундаментальное знание, но в связи с развитием компьютерного моделирования, следует включить в эту схему его как значимый дополнительный компонент.

Выводы

Рассматривая вопрос о том, какие сущностные изменения происходят в структуре научного знания, следует обратить внимание, что под воздействием информационных технологий происходят изменения с объектом и субъектом научного знания. Что касается методов научного исследования, то имеет смысл говорить об их трансформации. Особого внимания в этом отношении стоит обратить на изменение роли абдукции в достижении научного знания и тем, трансформациям, подвергнутым которым оказалось моделирование. «Встраиваясь» в структуры цифрового мира, математическое моделирование постепенно преобразуется в компьютерное моделирование, на основании которого возникает особый метод исследования – виртуальные лаборатории.

Литература

1. Boyd D., & Crawford K. (2012) Critical Questions for Big Data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No 5. P. 662–679.
2. Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts // *Big Data & Society*. 2014. Vol. 1 (1). P. 1–12.
3. Горшенин А. К., Зацаринный А.А. Цифровизация науки: платформенный подход // *Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: сб. науч.*

- тр. участников VI Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием (г. Москва, 04–06 июня 2019 г.) / под ред. И.В. Ильина. – Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2019. – С. 91–96.
4. Дагаргулия И.Б. Понятие информационной технологии // Наука XXI века. № 7. 2018. – URL: <https://nauka21veka.ru/articles/tekhnicheskie-nauki/ponyatie-informatsionnoy-tekhnologii-1530043898/> (дата обращения: 13.09.2024).
 5. Информационные технологии и компьютерные системы. – URL: https://imuz-atet.ucoz.ru/ITPD/it_i_kom_sistemy.pdf (дата обращения: 15.09.2024).
 6. Кармышкин А. Цифровая трансформация началась с науки [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3813230> (дата обращения: 29.09.2024).
 7. Коммуникации в условиях цифровых изменений. Под ред. А.Д. Кривоносова. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции Санкт-Петербург 28–29 ноября 2023 года.
 8. Платонова С.И. Эпистемологические трансформации науки в цифровую эпоху // Манускрипт. 2021. № 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistemologicheskie-transformatsii-nauki-v-tsifrovuyu-epoxy> (дата обращения: 18.09.2024).
 9. Платонова С.И. Развитие метода абдукции в цифровой науке // Философия науки. № 2. 2021. С. 69–82.
 10. Попова С.М. К вопросу о понятии цифровой трансформации науки // Тренды и управление. 2019. № 4. С. 1–16.
 11. Рабинович П.Д., Заведенский К.Е., Кушнир М.Э., Храмов Ю.Е., Мелик-Парсаданов А.Р. Цифровая трансформация образования: от изменения средств к развитию деятельности // Информатика и образование. 2020;(5):4–14.
 12. Руденко А.В. Цифровизация научной деятельности / А.В. Руденко // Экономика, управление, право и общество: Материалы VII межрегиональной научно-практической сетевой интернет-конференции. Симферополь, 20 октября 2022 года. – Симферополь: Типография «Ариал», 2023. – С. 138–141.
 13. Семёнов Е.В. Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания / Е.В. Семёнов, Д.В. Соколов, Б.Н. Гайдин // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 210–232.
 14. Серяпина Ю.С. Цифровая трансформация науки: взгляд изнутри // «Научный аспект № 5–2024» – Педагогика. – URL: <https://na-journal.ru/5-2024-pedagogika/12159-cifrovaya-transformatsiya-nauki-vzglyad-iznutri> (дата обращения: 27.09.2024).
 15. Уваров А.Ю. Модель цифровой школы и цифровая трансформация образования // Исследователь/Researcher. 2019. № 1–2 (25–26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-tsifrovoy-shkoly-i-tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya> (дата обращения: 12.10.2024).
 16. Цифровизация как драйвер роста науки и образования: монография. Петрозаводск: Международный центр науч. партнерства Черникова И.В. Эволюция субъекта научного познания // Вопросы философии. № 8. 2014. С. 65–75.
 17. Шаухалова Р.А. Совершенствование высшего образования с использованием информационных технологий / Р.А. Шаухалова, З.С. Фаргиева, А.М. Даурбекова и др. // Проблемы педагогики. 2016. № 7 (18). С. 41–44.
 18. Шиповалова Л. В. О субъекте научной деятельности в цифровую эпоху // Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография / науч. ред. и сост. А.А. Аргаматовой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. – Москва: Русское общество истории и философии науки, 2019. – С. 23–38.

INFLUENCE OF DIGITIZATION ON ESSENTIAL CHANGES IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Berezovskaya I.P.

St. Petersburg State Transport University of Emperor Alexander I, St. Petersburg Polytechnic University

The article raises the question of essential changes in the structure of scientific knowledge under the influence of digital technologies, highlights the need for a comprehensive study of this issue. It is indicated that under the influence of digitalization, the means and methods of scientific knowledge, the object, the subject of scientific research are changing. Digital technologies are changing the method of scientific knowledge, such as modeling. Based on mathematical models of the objects under study, virtual laboratories are emerging – this is special software that allows scientists to work with physical objects and conduct experiments in a virtual environment. Information technology is becoming the main means. Along with the change in the means and methods of cognition, there is also a change in the object of research. The main object of scientific research is big data, the characteristic features of which are large volume, unstructured and diversity.

Keywords: Digital transformation, scientific knowledge, digital technologies, modeling, virtual laboratories.

References

1. Boyd D., & Crawford K. (2012) Critical Questions for Big Data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 662–679.
2. Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts // *Big Data & Society*. 2014. Vol. 1 (1). P. 1–12.
3. Gorshenin A.K., Zatsarinny A.A. Digitalization of Science: A Platform Approach // *Actual Problems of Global Studies: Russia in a Globalizing World: Collection of scientific papers from the*

- participants of the VI All-Russian Scientific and Practical Conf. with International Participation (Moscow, June 4–6, 2019) / edited by I.V. Ilyin. – Moscow: Interregional public organization for assistance in studying and promoting the scientific heritage of N.D. Kondratyev, 2019. – P. 91–96.
4. Dagargulia I.B. The concept of information technology // Science of the XXI century. No. 7. 2018. – URL: <https://nauka21veka.ru/articles/tekhnicheskie-nauki/ponyatie-informatsionnoy-tekhnologii-1530043898/> (date of access: 13.09.2024).
 5. Information technology and computer systems. – URL: https://imuz-atet.ucoz.ru/ITPD/it_i_kom_sistemy.pdf (date of access: 15.09.2024).
 6. Karmyshkin A. Digital transformation began with science [Electronic resource]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3813230> (date of access: 09/29/2024).
 7. Communications in the context of digital changes. Ed. A.D. Krivosov. Collection of materials of the VII International scientific and practical conference St. Petersburg, November 28–29, 2023.
 8. Platonova S.I. Epistemological transformations of science in the digital age // Manuscript. 2021. No. 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistemologicheskie-transformatsii-nauki-v-tsifrovuyu-epohu> (date of access: 09/18/2024).
 9. Platonova S.I. Development of the abduction method in digital science // Philosophy of science. № 2. 2021. P. 69–82.
 10. Popova S.M. On the concept of digital transformation of science // Trends and Management. 2019. № 4. P. 1–16.
 11. Rabinovich P.D., Zavedensky K.E., Kushnir M.E., Khramov Yu.E., Melik-Parsadanov A.R. Digital transformation of education: from changing means to developing activities // Computer Science and Education. 2020; (5): 4–14.
 12. Rudenko A.V. Digitalization of scientific activity / A.V. Rudenko // Economy, management, law and society: Proceedings of the VII interregional scientific and practical network Internet conference. Simferopol, October 20, 2022. – Simferopol: Arial Printing House, 2023. – P. 138–141.
 13. Semenov E.V. Digital transformation of scientific communications: a scientific journal in the format of an electronic publication / E.V. Semenov, D.V. Sokolov, B.N. Gaidin // Science Management: Theory and Practice. 2022. Vol. 4, No. 2. P. 210–232.
 14. Seryapina Yu.S. Digital transformation of science: a look from the inside // “Scientific aspect No. 5–2024” – Pedagogy. – URL: <https://na-journal.ru/5–2024-pedagogika/12159-cifrovaya-transformatsiya-nauki-vzglyad-iznutri> (date of access: 09/27/2024).
 15. Uvarov A. Yu. Digital School Model and Digital Transformation of Education // Researcher. 2019. No. 1–2 (25–26). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-tsifrovoy-shkoly-i-tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya> (accessed: 10/12/2024).
 16. Digitalization as a Driver of Growth in Science and Education: monograph. Petrozavodsk: International Scientific Partnership Center Chernikova I.V. Evolution of the Subject of Scientific Knowledge // Questions of Philosophy. No. 8. 2014. Pp. 65–75.
 17. Shaukhalova R.A. Improving Higher Education with the Use of Information Technologies / R.A. Shaukhalova, Z.S. Fargieva, A.M. Daurbekova, et al. // Problems of Pedagogics. 2016. No. 7 (18). P. 41–44.
 18. Shipovalova L.V. On the Subject of Scientific Activity in the Digital Age // Social and Digital Studies of Science: Collective Monograph / scientific ed. and compiled by A.A. Argamakova, E.V. Maslanova, V.V. Slyusareva, T.M. Khusyainova. – Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2019. – P. 23–38.

Применение идей Хо Ши Мина о всестороннем развитии человека в период перехода к социализму в современном Вьетнаме

Чан Тхи Нгок,

аспирант кафедры философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: tranthingoc.herzen@gmail.com

Кожурин Антон Яковлевич,

д.ф.н., профессор, кафедра философии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: ankozburin@yandex.ru

Объектом исследования в данной статье являются идеи Хо Ши Мина о всестороннем развитии человека и их использование Коммунистической партией Вьетнама в период перехода к социализму в современном Вьетнаме. Подвергнув научному анализу идеи Хо Ши Мина о всестороннем развитии человека, авторы обобщили, проанализировали и показали стратегические направления и взгляды Партии и Государства на развитие человека в современном Вьетнаме. В результате исследования идей Хо Ши Мина о всестороннем развитии человека в статье подчеркиваются цель, содержание и методы всестороннего развития вьетнамского человека. Партия и Государство Вьетнама используют и развивают эти идеи в условиях современного развития страны.

Ключевые слова: идеи Хо Ши Мина, Коммунистическая партия Вьетнама, развитие человека, современный Вьетнам, всестороннее развитие человека, развитие культуры, социалистический человек.

Взгляды Хо Ши Мина на всестороннее развитие человека

К. Маркс считал, что всестороннее развитие человека является неизбежной тенденцией и результатом освобождения и развития человечества, инициированного и возглавляемого рабочим классом. Применяя и развивая идеи К. Маркса, председатель Хо Ши Мин предложил научный и современный подход к всестороннему развитию вьетнамского человека. В произведении «Дорога к революции» он выделил 23 качества «революционера», включающие все необходимые для революционера черты и способности. В своем Завещании Хо Ши Мин писал: «Партия должна заботиться о воспитании революционной морали у людей, готовить их как наследников социалистического строительства, обладающих и “красным”, и “специализированным” образованием. Воспитание будущего поколения революционеров – очень важная и необходимая задача» [10, с. 662].

Во-первых, цель всестороннего развития вьетнамского человека

Всестороннее развитие вьетнамского человека является предпосылкой для создания процветающего и счастливого общества. Хо Ши Мин подчеркивал: «Все, что делается, совершается людьми, и в малом, и в великом, и в ближайшем, и в отдаленном». Народ способен «решать многие проблемы просто, быстро и эффективно, тогда как самые умные люди и большие организации могут долго об этом размышлять и не найти решение» [8]. Поэтому для успешного построения нового общества, в котором народ будет хозяином своей судьбы, необходимо всесторонне развивать вьетнамского человека.

Цель всестороннего развития человека заключается в освобождении его от социального гнета, эксплуатации и отсталости. Важнейшими элементами этого будет формирование новых идей и стиля жизни, ведущих человека к миру свободы и счастья. Освобождение человека происходит через единство базовых сфер его бытия: экономики, политики, культуры и общества. Развитие общества должно основываться на демократической политической системе, на новейшем уровне развития производительных сил и соответствующих им производственных отношениях; на национальной, научной и народной культуре; на равенстве и справедливости, когда народ свободен от угнетения

и страданий и может жить счастливой жизнью. Таким образом, в философии гуманизма и развития Хо Ши Мина центральной является идея освобождения вьетнамского человека. Эта гуманистическая философия исходит из человека, делая его освобождение как целью, так и движущей силой.

Во-вторых, содержание всестороннего развития человека

Общественное развитие требует не только воздействие факторов, создающих стимулы для прогресса, но и их объединения в единое целое, взаимодействующее на множественных уровнях и с разнообразными эффектами. В философии всестороннего развития человека Хо Ши Мина одним из главных аспектов является формирование всесторонней личности, включающей четыре составляющие: «Добродетель» (мораль), «Разум» (интеллект), «Тело» (физическое здоровье) и «Красота» (Истина – Сострадание – Красота). Из всех этих факторов Хо Ши Мин прежде всего подчеркивал важность «добродетели», чтобы человек обладал чистой душой. Мораль и добродетель должны проявляться в повседневных социальных отношениях между людьми.

Интеллект также играет ключевую роль, так как он влияет на осознание и действия, придавая силу как человеку, так и обществу. Человек должен осваивать и эффективно применять достижения человечества в культуре, науке и технике, а также создавать и развивать новые знания для решения возникающих на практике проблем. Хо Ши Мин отмечал, что когда люди получают доступ к знаниям мирового уровня, их мировоззрение и жизненные установки расширяются, что способствует общественному прогрессу. Взаимосвязанное развитие общества требует повышения способностей человека для удовлетворения потребностей нового общества. Для всестороннего интеллектуального развития Хо Ши Мин подчеркивал важность образования в духе революционных идеалов и культурных знаний для народа.

Физическое здоровье, по мнению Хо Ши Мина, является фундаментальной основой всестороннего развития человека и долгом каждого патриота. Развитие каждого человека – это основа для развития всего общества, потому что «здоров каждый гражданин – здорова вся нация», «слаб каждый человек – слаба вся нация... сильный народ – процветающая страна» [11, с. 241].

Что касается аспекта «Красоты» (Истина – Сострадание – Красота), то Хо Ши Мин утверждал, что каждый человек стремится к Истине, Состраданию и Красоте, и чем более цивилизованно общество, тем выше стремление к прекрасному. Он всегда поощрял и создавал условия для того, чтобы каждый человек мог совершенствовать свою личность и становиться полезным гражданином, способствующим развитию общества. Хо Ши Мин говорил: «Каждый хороший человек, каждый до-

брый поступок – это прекрасный цветок, а вся наша нация – это прекрасный сад».

Более того, развитие человека является как целью, так и движущей силой развития вьетнамского общества. Хо Ши Мин считал, что цель освобождения человека связана с освобождением нации и построением социалистического государства. В социалистическом государстве человек полностью свободен и демократичен. Для достижения цели построения социализма необходимо опираться на народ как основу для освобождения человека. Народ не только является рабочей силой, создающей материальные ценности для общества, но и играет роль как цели, так и движущей силы общественного развития. «Для строительства социализма сначала нужны социалистические люди», «чтобы создать социалистических людей, необходимы социалистические идеи» [12, с. 123]. Поэтому для достижения цели развития человека необходимо развивать системы социальных ценностей, которые независимы от экономического прогресса. Прогресс цивилизованного общества заключается не только в экономическом развитии, но и в социальных ценностях. Путь развития и соответствующие экономические, социальные, культурные и моральные политики должны соответствовать человеку. Через это человек осознает, оценивает и совершенствует свой образ жизни и личность, создавая огромный стимул для общественного развития.

Таким образом, всестороннее развитие вьетнамского человека, согласно идеям Хо Ши Мина, включает такие элементы, как мораль, интеллект, физическое здоровье и красоту, формируя качества и способности человека (мораль и талант) и его волю, что носит глубоко гуманистический характер. Каждый из этих элементов занимает свою важную позицию, но все они взаимосвязаны. Уровень развития любого из этих элементов зависит от других элементов. Физическое здоровье – это основа для развития других качеств и способностей человека. Моральные качества являются «корнем», основой, направляющей всю интеллектуальную деятельность человека. Богатство интеллекта и глубокое понимание красоты, добра и величия... являются важными элементами, определяющими уровень и способности всестороннего развития человека. На каждом историческом этапе вьетнамского общества Хо Ши Мин решал диалектические связи между экономикой, политикой, культурой и обществом для того, чтобы развитие каждого человека стало целью и движущей силой процветания страны.

В-третьих, методы всестороннего развития вьетнамского человека

Среди всех методов развития цивилизованного общества, образование является наиболее эффективным способом формирования всесторонне раз-

витых людей, отвечающих необходимым требованиям общества. В письме учителям и ученикам от 24 октября 1955 года Хо Ши Мин ясно изложил основные образовательные принципы, тесно связанные между собой, которые служат основой для всестороннего развития качеств и способностей вьетнамского человека: «Образование для детей включает: физическое воспитание для укрепления здоровья; умственное воспитание для повторения изученного и освоения новых знаний; эстетическое воспитание для различения красивого и некрасивого; моральное воспитание для любви к Родине, любви к народу, любви к труду, любви к науке и любви к общественному достоянию (пять видов любви)» [6].

Хо Ши Мин подчеркивал, что в каждом человеке существуют как позитивные, так и негативные качества, поэтому необходимо стремиться к развитию положительного и нового, одновременно избавляясь от отрицательного и устаревшего. Следуя естественному закону развития общества, необходимым средством для достижения этого является успешная организация общественных движений и конкурсов, направленных на поощрение хорошего среди всего народа и постепенное искоренение плохого из социальной жизни. Чем шире и массовее эти движения, тем сильнее сохраняются и развиваются положительные и новые качества, что вносит важный вклад в формирование достойных человеческих характеров. Эти движения также способствуют активизации, инициативности и сознательной самореализации вьетнамцев. Это – ключевой фактор в процессе формирования и развития гармонично развитого человека.

Хо Ши Мин подчеркивал: «Нужно учить их стремлению к самостоятельности и независимости, решимости не уступать другим, решимости не быть рабами... необходимо иметь волю к самостоятельности и независимости, нужно постоянно повышать уровень своей политической, культурной и технической грамотности... нужно быть смелыми, полными решимости и устремленными к постоянному прогрессу» [13]. Без стремления к самосовершенствованию субъектов невозможно достичь успеха в деле всестороннего развития человека.

Применение Коммунистической партией Вьетнама идей Хо Ши Мина о всестороннем развитии человека в период перехода к социализму в современном Вьетнаме

Творчески применяя идеи Хо Ши Мина, в период обновления Коммунистическая партия Вьетнама уделяла особое внимание проблеме человека и его развития. С VI съезда Коммунистической партии Вьетнама (1986), который стал отправной точкой

для реформ, вопрос о всестороннем развитии человека был признан партией важнейшим фактором. Было подчеркнуто значение «человеческого фактора» в экономическом и социальном развитии, а также определены цели построения современного вьетнамского человека. На X съезде Коммунистической партии Вьетнама было утверждено, что социалистическое общество – это общество, в котором «человек освобожден от угнетения и несправедливости, живет в благополучии, свободе и счастье, и всесторонне развивается» » [2, с. 68].

Наследуя и развивая ключевые идеи учения Хо Ши Мина о человеке, в строительстве и защите социалистического Вьетнама, XIII съезд партии обобщил и сформулировал конкретные цели и задачи по всестороннему развитию вьетнамского человека, отвечающие требованиям устойчивого экономического и социального развития страны. В первую очередь, человек ставится в центр внимания, а его всестороннее развитие – в основу этого процесса. Коммунистическая партия Вьетнама провозглашает: «Пробудить стремление к процветанию и счастью страны, дух самостоятельности и развить силу великого национального единства для строительства и защиты Родины. Максимально развивать человеческий фактор, считая человека центром, субъектом, важнейшим ресурсом и целью развития; основывать политику на ценностях культуры и человеческих качествах вьетнамцев как фундаменте и важнейшем внутреннем источнике силы для обеспечения устойчивого развития; внедрять механизмы и политику, направленные на развитие духа служения стране. Все политики Партии и государства должны быть направлены на улучшение материального, духовного благополучия и счастья народа» [1].

Развитие человека – основная задача, показывающая глубокую человечность, цель и движущую силу революционного дела. Человек является субъектом общества и всех видов деятельности. Через практическую деятельность люди способствуют общественному развитию, создают предпосылки к освобождению себя и освобождению общества. С этой точки зрения Коммунистическая партия Вьетнама рассматривает всестороннее человеческое развитие Вьетнама, которое понимается как долгосрочная цель и стратегия. Поэтому человеческое развитие ставится как важная и необходимая проблема и рассматривается в целом ряде практических аспектов. Основное содержание может быть отражено в следующих пунктах:

Во-первых, в аспекте морали. Резолюция IX съезда Коммунистической партии Вьетнама определила: «Формировать всесторонне развитого вьетнамского человека в политической, идеологической, интеллектуальной, моральной и физической сферах, обладающего творческими способностями, чувством общности, добротой, терпимостью, уважением к ценностям, культурным обра-

зом жизни, гармоничными отношениями в семье, сообществе и обществе» [5, с. 114]. Резолюция X съезда партии продолжила данную линию, утверждая: «Необходимо формировать и совершенствовать ценности и личность вьетнамского человека, защищать и развивать культурную самобытность нации в период индустриализации, модернизации и международной интеграции. Следует воспитывать культурные ценности среди молодежи, учащихся и студентов, особенно такие, как жизненные идеалы, образ жизни, интеллектуальные способности, моральные качества и культурные ценности вьетнамского человека» [2, с. 106].

Во-вторых, в аспекте интеллекта. Интеллект является основой и важнейшей частью духовной жизни, играя решающую роль в формировании человека. В условиях нынешней интеграции, с целью реализации задач индустриализации и модернизации страны, Коммунистическая партия Вьетнама поставила задачу и потребность усилить роль образования и подготовки кадров в развитии социально-экономического потенциала. Образование и подготовка кадров сегодня заявлены в качестве приоритетной государственной политикой. Развитие системы образования направлено на повышение уровня образования населения, подготовку рабочей силы и воспитание талантов, как предпосылку для устойчивого развития.

В-третьих, в аспекте физического здоровья. Физическое здоровье – это основа для всех человеческих действий и фундамент всестороннего развития человека. Исходя из убеждения Хо Ши Мина, что «каждый слабый гражданин ослабляет всю нацию», Коммунистическая партия Вьетнама не только считает здоровье основой всестороннего развития, но и признает его самым ценным и важнейшим фактором в строительстве и защите Родины. Забота о здоровье народа – главная задача всей партии и народа Вьетнама, так как «здоровье – это самое ценное достояние каждого человека и общества в целом, важнейший фактор в деле строительства и защиты Родины» [9, с. 523]. В связи с этим было реализовано множество медицинских программ, направленных на улучшение физического здоровья и укрепление здоровья народа.

В-четвертых, развитие аспекта Красоты (Истина – Сострадание – Красота). Партия всегда уделяла особое внимание развитию духа самообразования и самосовершенствования каждого вьетнамца. В первую очередь необходимо, чтобы каждый человек осознавал и уважал традиционные ценности нации, наследовал и развивал их, а также понимал важность самовоспитания и самосовершенствования в соответствии с установленными ценностями. Кроме того, следует формировать у каждого способность оценивать и различать ценности, чтобы различать добро и зло, правильное и неправильное, позитивное и нега-

тивное, направляя человека к Истине, Состраданию и Красоте. В резолюции № 33-NQ/TW от 9 июня 2014 года XI Пленума Центрального Комитета по вопросам построения и развития культуры и человека, соответствующего требованиям устойчивого развития страны, подчеркивается: «Продолжать формирование всесторонне развитого вьетнамца, сосредотачивая внимание на воспитании патриотизма, национальной гордости, морали, образа жизни и характера. [...] Направлять культурную, образовательную и научную деятельность на формирование человека с научным мировоззрением, стремящегося к Истине, Состраданию и Красоте» [3, с. 59].

В-пятых, развитие культурной и духовной жизни человека. Развитие культуры, направленное на всестороннее развитие человека, является одним из основных факторов освобождения духа народа. Коммунистическая партия Вьетнама определила, что революция в области идеологии и культуры является центральной задачей революционного процесса, который направлен на построение новой культуры и соответствующего ему типа человека. Партия эффективно реализует политику «всестороннего и сбалансированного развития всех аспектов культуры, одновременно развивая прекрасные национальные ценности и усваивая культурные достижения человечества, гармонично сочетая экономику и культуру, чтобы культура действительно стала духовной основой общества и движущей силой социально-экономического развития и международной интеграции» [3, с. 126]. Таким образом, создается «прогрессивная культура с национальной самобытностью, процветающие семьи, основанные на прогрессе и счастье, всесторонне развитые люди с интеллектуальными, моральными, физическими и творческими способностями, обладающие гражданским сознанием и соблюдающие закон» [5, с. 105].

Для достижения цели всестороннего развития человека и признания этого развития, как цели и движущей силы устойчивого прогресса, магистральным путем является синтез культуры с экономическим и социальным развитием, что позволит постоянно совершенствовать личность вьетнамца в условиях современности. Экономика и культура связаны диалектическими отношениями, служа основой друг для друга. Развитие экономики само по себе требует развития культуры, а развитие культуры, в свою очередь, становится стимулом для экономического прогресса. Не существует чистой экономики вне культуры, как и культуры вне экономики. Следовательно, необходимо создать гармоничные отношения между экономическим и культурным развитием.

Кроме того, всестороннее развитие человека не может быть отделено от основных прав человека. Гарантия гражданских прав Партией и государством Вьетнама была обозначена на каждом

историческом этапе и она изменяется в соответствии с потребностями времени. В ходе реализации политики обновления Партия поставила человека в центр всех социально-политических проектов, рассматривая его как движущую силу и цель развития. «В Социалистической Республике Вьетнам права человека в политической, гражданской, экономической, культурной и социальной сферах уважаются и выражены через гражданские права, закрепленные в Конституции и законах» [7, с. 31].

Заключение

Можно сделать вывод, что взгляды Хо Ши Мина на всестороннее развитие человека являются научной теоретической основой политики Коммунистической партии Вьетнама в период перехода к социализму в современном Вьетнаме. В последние годы Партия уделяла важнейшее внимание разработке стратегии, направленной на формирование и развитие человека в таких областях, как мораль, интеллект, физическое здоровье и Красоты (Истина – Сострадание – Красота). Кроме того, акцент на развитие культуры и образования в сочетании с общим экономическим и социальным прогрессом привел к значительным результатам.

Для строительства социалистического государства необходимо формировать и развивать новый тип человека. Поэтому Партия поставила человека в центр всестороннего развития, рассматривая его как цель и движущую силу прогресса всего общества. Целью является создание условий и социальной среды, которые способствуют пробуждению патриотических традиций, национальной гордости, веры и стремления к процветанию и счастью страны. Талант, интеллект и моральные качества вьетнамцев признаны важнейшей движущей силой развития страны. Стремление к процветанию и благополучию народа подчеркивается как высшая цель. Человек ставится в центр внимания, при этом гарантируются его права и всестороннее развитие.

Литература

1. До Ван Чьен. Сильно пробуждать патриотизм, волю к самостоятельности, силу национального единства и стремление к развитию процветающей и счастливой страны. Министерство информации и связи (MIC). mic.gov.vn [электронная версия], – Ханой. – 2021. – URL: https://www.mic.gov.vn/mic_2020/Pages/TinTuc/148854/Khoi-day-manh-me-tinh-than-yeu-nuoc-y-chi-tu-luc-tu-cuong-suc-manh-dai-doan-ket-toan-dan-toc-va-khat-vong-phet-trien-dat-nuoc-phon-vinh-hanh-phuc.html. Дата обращения: 7 октября 2024. – Режим доступа: свободный.
2. Коммунистическая партия Вьетнама. Документы 10-го Национального конгресса депутатов. – Издательство: национальное политическое. – Ханой, – 2006. – 325 с.
3. Коммунистическая партия Вьетнама. Документы 11-го Национального конгресса депутатов. – Издательство национальное политическое. – Ханой, – 2011. – 336 с.
4. Коммунистическая партия Вьетнама. Документы 9-го Национального конгресса депутатов. – Издательство национальное политическое. – Ханой, – 2001, 213 с.
5. Коммунистическая партия Вьетнама. Постановление 9-го пленума ЦК Коммунистической партии Вьетнама 9-го созыва о построении и развитии вьетнамской культуры и народа для удовлетворения требований устойчивого развития страны. Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама. Ханой. – 2014 г. Дата обращения: 7 октября 2024. – Режим доступа: свободный.
6. Ле Тхи Май Хоа. Идеи Хо Ши Мина о воспитании. Электронный журнал Пропагандистской комиссии ЦК [электронная версия], – Ханой. – 2021. – URL: <https://tuyengiao.vn/tu-tuong-ho-chi-minh-ve-giao-duc-141394>. (дата обращения: 07 октября 2024). – Режим доступа: свободный.
7. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. – Ханой, – 28 ноября 2013. – 30 с.
8. Нгуен Тхи Ким Зунг. Идеи Хо Ши Мина о формировании вьетнамского человека как синтезе и развитии национальных и человеческих ценностей. Электронная газета «Пропагандистская комиссия Кантхо» [электронная версия], – Ханой. – 2023. – URL: <https://bantuyengiao.cantho.gov.vn/vi/news/hoc-va-lam-theo-loi-bac/tu-tuong-ho-chi-minh-ve-xay-dung-con-nguoi-viet-nam-la-su-ket-tinh-phet-trien-gia-tri-dan-toc-va-nhan> (дата обращения: 07 октября 2024). – Режим доступа: свободный.
9. Тан Куи. Взгляды партии и государства на построение системы здравоохранения для заботы о здоровье народа. Журнал Дэн Ван. danvan.vn [электронная версия]: – Ханой. – 2016. – URL: <http://danvan.vn/Home/Nganh-y-te-voi-cong-tac-dan-van/4434/Quan-diem-cua-Dang-va-Nhan-uc-ve-viec-xay-dung-he-thong-y-te-cham-soc-suc-khoe-nhan-dan>. (дата обращения: 07 октября 2024). – Режим доступа: свободный.
10. Хо Ши Мин. Собрание сочинений: в 15 т. Ханой, 2011. Т. 15. 776 с.
11. Хо Ши Мин. Собрание сочинений: в 15 т. Ханой, 2011. Т. 4. 665 с.
12. Чан Тхи Нгок, Кожурин А.Я., Дао Т. Концепция человека в философии Хо Ши Мина. Вестник МГПУ, серия «Философские науки», № 2 (50),

2024, С. 116–128. <https://doi.org/10.25688/2078–9238.2024.50.2.9>.

13. Чан Тхи Минь Тует. От взглядов Хо Ши Мина о самостоятельности и независимости к внутреннему развитию страны. Электронный журнал Пропагандистской комиссии ЦК, [электронная версия]: – Ханой. – 2021. – URL: <https://tuyengiao.vn/tu-quan-diem-cua-ho-chi-minh-ve-tu-luc-tu-cuong-den-phat-huy-noi-luc-dat-nuoc-hien-nay-138956>. (дата обращения: 07 октября 2024). – Режим доступа: свободный.

APPLICATION OF HO CHI MINH'S IDEAS ON COMPREHENSIVE HUMAN DEVELOPMENT DURING THE TRANSITION TO SOCIALISM IN MODERN VIETNAM

Tran Thi Ngoc, Kozhurin A.Ya.

The Herzen State Pedagogical University of Russian

The object of research in this article is Ho Chi Minh's ideas on comprehensive human development and their use by the Communist Party of Vietnam during the transition to socialism in modern Vietnam. Having subjected Ho Chi Minh's ideas on comprehensive human development to scientific analysis, the authors summarized, analyzed and showed the strategic directions and views of the Party and the State on human development in modern Vietnam. As a result of the study of Ho Chi Minh's ideas on comprehensive human development, the article emphasizes the purpose, content and methods of comprehensive development of the Vietnamese person. The Party and the State of Vietnam use and develop these ideas in the context of the modern development of the country.

Keywords: Ho Chi Minh's ideas, Communist Party of Vietnam, human development, modern Vietnam, all-round development of man, development of culture, socialist man.

References

1. Do Van Chien. Strongly awaken patriotism, the will for independence, the strength of national unity and the aspiration to develop a prosperous and happy country. Ministry of Information and Communications (MIC). mic.gov.vn [electronic version], – Hanoi. – 2021. – URL: https://www.mic.gov.vn/mic_2020/Pages/TinTuc/148854/Khoi-day-manh-me-tinh-than-yeu-nuoc-y-chi-tu-luc-tu-cuong-suc-manh-dai-doan-ket-toan-dan-toc-va-khat-vong-phat-trien-dat-nuoc-phon-vinh-hanh-phuc.html. Date of access: October 7, 2024. – Access mode: free.
2. Communist Party of Vietnam. Documents of the 10th National Congress of Deputies. – National Political Publishing House. – Hanoi, – 2006. – 325 p.
3. Communist Party of Vietnam. Documents of the 11th National Congress of Deputies. – National Political Publishing House. – Hanoi, – 2011. – 336 p.
4. Communist Party of Vietnam. Documents of the 9th National Congress of Deputies. – National Political Publishing House. – Hanoi, – 2001, 213 p.
5. Communist Party of Vietnam. Resolution of the 9th Plenum of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam of the 9th convocation on the construction and development of Vietnamese culture and people to meet the requirements of sustainable development of the country. Electronic newspaper of the Communist Party of Vietnam. Hanoi. – 2014. Date of access: October 7, 2024. – Access mode: free.
6. Le Thi Mai Hoa. Ho Chi Minh's Ideas on Education. Electronic Journal of the Propaganda Commission of the Central Committee [electronic version], – Hanoi. – 2021. – URL: <https://tuyengiao.vn/tu-tuong-ho-chi-minh-ve-giao-duc-141394>. (Accessed: October 7, 2024). – Access mode: free.
7. National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam. Constitution of the Socialist Republic of Vietnam. – Hanoi, – November 28, 2013. – 30 p.
8. Nguyen Thi Kim Dung. Ho Chi Minh's Ideas on the Formation of a Vietnamese Person as a Synthesis and Development of National and Human Values. Electronic newspaper "Propaganda Commission of Can Tho" [electronic version], – Hanoi. – 2023. – URL: <https://bantuyengiao.cantho.gov.vn/vi/news/hoc-va-lam-theo-loi-bac/tu-tuong-ho-chi-minh-ve-xay-dung-con-nguoi-vietnam-la-su-ket-tinh-phat-trien-gia-tri-dan-toc-va-nhan> (date of access: October 7, 2024). – Access mode: free.
9. Tan Quy. Views of the Party and the State on Building a Health Care System to Care for the People. Deng Van Magazine. dangvan.vn [electronic version]: – Hanoi. – 2016. – URL: <http://dangvan.vn/Home/Nganh-y-te-voi-cong-tac-dan-van/4434/Quandiem-cua-Dang-va-Nha-nuoc-ve-viec-xay-dung-he-thong-y-te-cham-soc-suc-khoe-nhan-dan>. (Accessed: October 7, 2024). – Access mode: free.
10. Ho Chi Minh. Collected Works: in 15 volumes. Hanoi, 2011. Vol. 15. 776 p.
11. Ho Chi Minh. Collected Works: in 15 volumes. Hanoi, 2011. Vol. 4. 665 p.
12. Tran Thi Ngoc, Kozhurin A. Ya., Dao T. The Concept of Man in the Philosophy of Ho Chi Minh. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ., series "Philosophical Sciences", No. 2 (50), 2024, P. 116–128. <https://doi.org/10.25688/2078–9238.2024.50.2.9>.
13. Tran Thi Minh Tuyet. From Ho Chi Minh's Views on Autonomy and Independence to the Internal Development of the Country. Electronic Journal of the Propaganda Commission of the Central Committee, [electronic version]: – Hanoi. – 2021. – URL: <https://tuyengiao.vn/tu-quan-diem-cua-ho-chi-minh-ve-tu-luc-tu-cuong-den-phat-huy-noi-luc-dat-nuoc-hien-nay-138956>. (Accessed: October 7, 2024). – Access mode: free.

Симбиоз человека и космоса: роль искусственных спутников Земли в современной научно-технической эволюции

Челозерцев Дмитрий Александрович,

слушатель военной академии связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного
E-mail: dmedved87@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния искусственных спутников Земли на современную научно-техническую эволюцию. Исследуются основные направления использования ИСЗ, от фундаментальных научных исследований до практических применений в различных областях. Особое внимание уделяется эволюции технологий космических аппаратов, их роли в развитии телекоммуникаций, навигации, дистанционного зондирования, метеорологии, мониторинга окружающей среды и других отраслей. Статья предлагает комплексный анализ роли ИСЗ в современной научно-технической эволюции, выделяя ключевые этапы их развития, описывая взаимосвязь между технологическими достижениями в области космической техники и прогрессом в различных областях человеческой деятельности.

Ключевые слова: ИСЗ, научно-техническая эволюция, коммуникации, навигация, метеорология, космические технологии, развитие технологий.

Мы находимся в историческом периоде, когда мир переживает научно-техническую революцию, характеризующуюся стремительными изменениями в области науки и техники, а также в жизни общества в целом. Одним из самых ярких проявлений этой революции является развитие ракетно-космической техники и космических исследований. Космонавтика, в свою очередь, представляет собой синтез всех тех достижений, которые были достигнуты в мировой науке и технике на сегодняшний день.

Космические исследования открывают новую эру в понимании не только космоса, но и многих других научных дисциплин. Это эпоха, когда мы наблюдаем значительные успехи в различных областях науки и техники, таких как физика, астрономия, материаловедение, информатика и даже биология. Например, исследования в области микрогравитации, проводимые на борту Международной космической станции (МКС), позволяют ученым изучать влияние космических условий на живые организмы, что может привести к новым открытиям в медицине и биотехнологии. Разработка и создание ракетно-космических систем, таких как искусственные спутники Земли, пилотируемые космические корабли и межпланетные автоматические станции, значительно ускорили развитие тех областей науки и техники, которые до этого не имели непосредственного отношения к космосу. Например, технологии, разработанные для создания спутников связи, нашли применение в таких сферах, как телекоммуникации и метеорология. Спутники помогают не только в передаче информации, но и в мониторинге климатических изменений, что становится всё более актуальным в условиях глобального потепления. Безусловно, современные достижения в ракетно-космической технике не только обогащают нашу научную базу, но и открывают новые горизонты для междисциплинарных исследований. Например, изучение экзопланет и поиски внеземной жизни требуют интеграции астрономии, физики, химии и даже философии. Уровень развития ракетно-космической техники в разных странах также во многом определяет их потенциал в решении разнообразных задач, которые возникают в современном мире. Страны с развитой космической программой имеют возможность не только проводить научные исследования, но и обеспечивать свою безопасность, развивать экономику и улучшать качество жизни

своих граждан. Например, спутниковая навигация и геоинформационные системы играют ключевую роль в сельском хозяйстве, логистике и управлении природными ресурсами. Таким образом, космонавтика сегодня – это не просто отрасль науки и техники, но и мощный двигатель прогресса, который затрагивает все сферы человеческой деятельности. Мы стоим на пороге новых открытий, которые могут изменить наше понимание о мире и о том, как мы взаимодействуем с окружающей средой. Научно-техническая революция, в которую мы вовлечены, открывает перед нами бесконечные возможности, и только от нас зависит, как мы их используем для блага человечества.

Так, искусственный спутник Земли, являющийся неотъемлемой частью современного мира, представляет собой сложную систему, обладающую широким спектром функций [1, с. 123]. Спутники, небесные тела, вращающиеся вокруг более массивных объектов, делятся на два типа: естественные и искусственные. Естественные спутники, например Луна по отношению к Земле, являются объектами природного происхождения. Искусственные спутники, созданные и запущенные человеком, представляют собой технологические объекты, размещенные на орбите Земли. Они служат для обеспечения различных функций, таких как GPS-навигация, передача теле- и радиосигналов, доступ в интернет, связь и наблюдение за космосом. Раздел науки, посвященный динамике искусственных спутников Земли (ИСЗ), за последние 50 лет достиг значительных успехов. Наряду с этим, были разработаны многочисленные методы и алгоритмы, как приближенные, так и высокоточные, для моделирования движения спутников. Несмотря на богатую историю, до сих пор существует нехватка учебных материалов по этой области. Хотя вышли монографии таких известных ученых, как Каула (1970), Аксенов (1977) и Дубошин (1983) [6, с. 112–145], а также аналитические обзоры Емельянова (1980) и Уральской с Журавлевым (1980) [6, с. 187], полноценных учебников все еще не хватает. Несмотря на то, что в этих работах освещены фундаментальные вопросы динамики искусственных спутников Земли (ИСЗ), глубокая интеграция данной дисциплины в широкий контекст современной научно-технической эволюции остается недостаточно раскрытой. Отсутствие учебников, охватывающих как теоретические основы, так и прикладные аспекты использования ИСЗ, создает значительные трудности для обучения и подготовки специалистов в сфере космонавтики. Фактически, студенты и исследователи лишены возможности получить полное представление о роли ИСЗ в различных областях науки и технологии, о взаимосвязи динамики ИСЗ с развитием систем связи, наблюдения Земли, навигации, а также о возникновении новых направлений науки, связанных с использованием ИСЗ. В свя-

зис этим, на наш взгляд, возникает острая необходимость создания учебного пособия, способного заполнить существующую пробел в литературе. Такой учебник должен быть направлен на системное изложение теоретических и практических аспектов динамики ИСЗ в контексте современной научно-технической эволюции. В первую очередь, учебник должен содержать четкое и доступное изложение основных теоретических положений динамики ИСЗ, включая описание гравитационного поля Земли, влияние возмущающих факторов (атмосферное сопротивление, солнечное давление, гравитационные возмущения от Луны и Солнца), а также механизмы управления движением ИСЗ.

Следующий важный аспект – демонстрация применения динамики ИСЗ в различных областях науки и технологии. Учебник должен рассматривать конкретные примеры использования ИСЗ в системах связи, наблюдения Земли, навигации, а также в космических исследованиях (изучение планет, звезд, галактик) [2, с. 45]. Особое внимание следует уделить современным тенденциям в развитии динамики ИСЗ, таким как создание новых типов ИСЗ (малые спутники, спутники с управляемым орбитальным движением), разработка систем управления ИСЗ с использованием искусственного интеллекта, а также влияние динамики ИСЗ на развитие новых технологий (космический туризм, космическая инфраструктура). Учебник должен быть написан ясным и доступным языком, с использованием иллюстраций, графиков, таблиц и других визуальных материалов, способствующих лучшему пониманию излагаемого материала. Резюмируя можно сказать, что создание учебного пособия по динамике ИСЗ в современной научно-технической эволюции является необходимым шагом для развития космической науки и технологии.

Классическая книга П.Е. Эльясберга «Введение в теорию полета искусственных спутников Земли» заложила фундамент нашего понимания движения небесных тел и стала отправной точкой для освоения космического пространства [6, с. 167]. Но за рамками описания физических законов, лежащих в основе движения спутников, стоит вопрос о более глубоком симбиозе человека и космоса. Искусственные спутники Земли стали не просто инструментом исследования, но катализатором научно-технической эволюции, влияя на множество сфер человеческой деятельности. Их роль выходит далеко за рамки научных экспериментов и наблюдений. Во-первых, спутники обеспечивают глобальную коммуникацию. Системы спутниковой связи, такие как GPS, обеспечивают точную навигацию, играя ключевую роль в транспорте, геодезии, картографии и даже повседневной жизни. Во-вторых, спутники революционизировали дистанционное зондирование Земли. Снимки с высоким разрешением позволяют изучать изменения

климата, контролировать природные катаклизмы, оптимизировать сельскохозяйственное производство и эффективно управлять ресурсами. В-третьих, спутники играют важную роль в развитии технологий. Разработка спутников стимулировала прогресс в электронике, материаловедении, двигателестроении и других областях. Но самое важное – спутники способствуют расширению нашего понимания Вселенной. Космические телескопы, такие как «Хаббл», позволили сделать прорывные открытия в астрофизике и космологии, раскрывая тайны происхождения и эволюции Вселенной [3, с. 56].

Несмотря на то, что практически все учебники по спутниковой геодезии последних лет содержат информацию о динамике ИСЗ, они не всегда дают полное и системное представление о данном разделе небесной механики. Среди зарубежных изданий, посвященных динамике ИСЗ, особенно выделяется книга О. Монтенбрука и Е. Гилла «Спутниковые орбиты. Модели, методы и приложения» (Montenbruck, Gill, 2000) [6, с. 234]. Авторы справедливо отмечают, что ИСЗ стали ключевым элементом в развитии технологий связи и навигации. С помощью спутниковой связи стало возможным обеспечить мгновенный обмен информацией между людьми, расположенными в разных уголках земного шара. Это привело к революции в коммуникациях, сделав доступным высокоскоростной интернет, мобильную связь и цифровое телевидение. Навигационные системы, основанные на использовании спутниковых сигналов, стали неотъемлемой частью нашей жизни. Системы типа GPS, ГЛОНАСС и Galileo позволяют определять местоположение с высокой точностью, что имеет широкое применение в транспортной логистике, геодезии, картографии, сельском хозяйстве и многих других отраслях. Монтенбрук и Гилл также акцентируют внимание на роли ИСЗ в исследовании Земли. Спутниковые наблюдения позволяют изучать изменения климата, отслеживать состояние окружающей среды, прогнозировать стихийные бедствия, анализировать ресурсы планеты [4, с. 76]. Геодезические спутники предоставляют данные для создания точных карт, моделирования земной коры и изучения движения тектонических плит. Кроме того, ИСЗ играют важную роль в развитии космических исследований. Они используются для наблюдения за космосом, изучения других планет, поиска новых небесных тел и проведения различных экспериментов. В заключение авторы подчеркивают, что ИСЗ стали неотъемлемым инструментом современного мира, способствуя научному прогрессу, развитию технологий, улучшению жизни людей и расширению нашего понимания Вселенной. Их вклад в различные сферы человеческой деятельности не оценим, и с каждым годом их значение будет только возрастать.

Исследование научной литературы демонстрирует, что изучение каждого института просто не представляется возможным без обращения к истокам его формирования и последующих ступеней его прогрессивного развития. Именно с истории определённого вопроса, как думается, надлежит изучать конкретный институт. Таким образом, представляется возможным изучить прогрессивное развитие искусственных спутников. Так, в 1954 году Сергей Королёв, выдающийся конструктор и пионер советской космонавтики, выступил с инициативой создания и запуска первого искусственного спутника Земли, используя ракету Р-7. Данное предложение было поддержано высшим руководством СССР. В августе 1956 года ОКБ-1, возглавляемое Королёвым, выделяется из состава НИИ-88 и обретает статус самостоятельной организации, ответственной за разработку и реализацию космических программ. 30 января 1956 года Совет Министров СССР издает постановление № 149–88сс, официально утверждающее проект «Объект Д» – первого искусственного спутника Земли. Этот объект планировалось оснастить научной аппаратурой и вывести на орбиту с помощью ракеты Р-7. Масса спутника должна была составлять 1000–1400 кг, при этом 200–300 кг приходилось на научную аппаратуру. Запуск был запланирован на 1957–1958 годы [4, с. 34]. К июлю 1956 года эскизный проект «Объекта Д» был готов. Начались работы по разработке технической документации и производству элементов спутника. Однако к концу года стало очевидным, что реализация первоначального плана запуска спутника под угрозой срыва. Ключевыми причинами стали сложности в создании научной аппаратуры и более низкий, чем ожидалось, удельный импульс тяги двигателей ракеты Р-7, выявленный в ходе летных испытаний. В ответ на возникшие сложности, 28 января 1957 года ОКБ-1 обратилось в Президиум ЦК КПСС с предложением о разработке и запуске более простого спутника, весом около 100 кг. Запуск планировалось осуществить в апреле-мае 1957 года, до начала Международного геофизического года. Это предложение было поддержано, и 15 февраля 1957 года Совет Министров СССР издал постановление № 171–93, официально утвердив проект «Объекта ПС» – простейшего спутника Земли. Данное решение ознаменовало начало новой фазы в советской космической программе. Переход от сложного, но амбициозного проекта «Объекта Д» к более простому, но реалистичному «Объекту ПС», позволил сократить сроки запуска и увеличить шансы на успех. Данная переориентация привела к знаменательному событию – запуску первого в мире искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года [2, с. 72].

Успешный запуск первого искусственного спутника Земли произвел сенсацию, став знаковым

событием, перевернувшим представление человечества о космосе. Спутник ПС-1, получивший впоследствии название «Спутник-1», стал символом советского технологического превосходства, запустив гонку вооружений в космическом пространстве. Новость о запуске ПС-1 разнеслась по миру со скоростью света, привлекая внимание ученых, политиков и простых людей. В научных кругах начались бурные обсуждения, анализировались данные, изучались траектории движения. Ученые всего мира, в том числе и американские, с интересом следили за полетом первого искусственного спутника Земли. Сообщения о наблюдениях спутника появлялись в научных журналах и газетах, используя телескопы и радиоприемники, ученые пытались уточнить орбиту, сделать новые открытия. Запуск ПС-1 породил волну энтузиазма и вдохновения, оживляя научные исследования и инженерные разработки. Он показал, что человечество способно преодолеть земное притяжение и выйти в космос. Спутник стал прообразом для будущих космических аппаратов, открывая путь к дальнейшим исследованиям космического пространства.

Авангард-1, запущенный в 1958 году, является старейшим искусственным спутником Земли, находящимся на орбите. Несмотря на то, что он уже давно не функционирует, он представляет собой значимый исторический объект, являющийся свидетельством ранних этапов освоения космоса. Среди спутников, находящихся на орбите, KH-11 KENNAN, разработанный в США, выделяется своими размерами и массой. Спутник, относящийся к серии разведывательных аппаратов, весит около 20 тонн и был запущен в различных модификациях около 20 раз [1, с. 85]. Противоположный пример демонстрирует Sprite (ChipSat), миниатюрный спутник с размерами 3,5 сантиметра и массой 5 грамм. Он запускается только в качестве дополнительной полезной нагрузки на более крупных спутниках и выполняет свою миссию в течение ограниченного времени, собирая и передавая данные перед тем, как сгореть в атмосфере.

В 1967 году, в честь 50-летия Октябрьской революции, СССР запустил в эксплуатацию систему спутниковой связи «Орбита». Она основывалась на использовании искусственных спутников «Молния-1» и позволила решить проблему обеспечения телекоммуникационными услугами отдаленных регионов, таких как Крайний Север, Сибирь, Дальний Восток и Средняя Азия, с общей численностью населения 20 миллионов человек [1, с. 88]. До запуска «Орбиты» доступ к телевидению и телефонной связи в этих регионах был ограничен, что затрудняло развитие социально-экономической жизни. Система «Орбита» обеспечивала передачу программ Центрального телевидения, телефонную и фототелефонную связь, а также передачу газетных матриц. Для реализа-

ции подобных задач с использованием наземных средств потребовалось бы сооружение тысяч километров радиорелейных линий, что было непрактично и дорогостояще. Успех системы «Орбита» побудил советских инженеров к разработке более совершенных спутников связи. В результате, в 1969 году был запущен спутник «Молния-2», являвшийся модификацией «Молнии-1» с улучшенной бортовой ретрансляционной аппаратурой. Ключевым отличием «Молнии-2» от предшественника была возможность работы в сантиметровом диапазоне волн. Это обеспечило более высокую пропускную способность канала связи, позволяя передавать больше информации за единицу времени. Спутник связи «Молния-2» использовался для расширения возможностей системы «Орбита» и включения в нее новых пунктов приема, что способствовало улучшению качества связи и ее доступности для жителей отдаленных регионов. Кроме того, «Молния-2» применялась для организации дальней телефонно-телеграфной радиосвязи внутри СССР, обеспечения международного сотрудничества в области связи, а также для передачи программ Центрального телевидения СССР на пункты сети «Орбита». Введение в эксплуатацию систем «Орбита» и «Молния-2» сыграло значимую роль в развитии инфраструктуры связи в СССР. Они продемонстрировали эффективность использования спутников связи для решения задач, недоступных традиционным наземным средствам.

Спутник LAGEOS, запущенный в 1976 году, отличается своей долговечностью, которая обусловлена несколькими факторами [2, с. 35]. Он был спроектирован для изучения движения тектонических плит Земли и не требует технического обслуживания в течение 8 миллионов лет. Корпус и элементы спутника выполнены из латуни и алюминия, а его поверхность покрыта стальной пластиной. Сферическая форма LAGEOS диаметром 60 сантиметров минимизирует влияние аэродинамического торможения и солнечного ветра, а его масса в 410 килограмм и высокая орбита, составляющая 5,8 тысячи километров. В частности, спутниковое телевидение использует геостационарные орбиты, где спутники находятся на высоте около 35786 километров над уровнем моря, вращаясь синхронно с Землей, что в свою очередь, позволяет им постоянно находиться над одним и тем же участком поверхности планеты, что и обеспечивает непрерывную трансляцию. Однако, количество доступных орбитальных позиций ограничено, и их распределение регулируется международными соглашениями. Развитие новых технологий, таких как спутниковая связь высокого разрешения (High Definition) и ультравысокого разрешения (Ultra High Definition), требует постоянного совершенствования законодательной базы. Спутниковое вещание также тесно связано с развитием интернет-

технологий, цифрового телевидения и других медийных платформ, создавая новые возможности и вызовы для международного сотрудничества. Одним из ключевых аспектов деятельности КОПУОС является мониторинг космической среды и предотвращение космического мусора. Спутники, которые больше не функционируют, и фрагменты космических аппаратов представляют угрозу для действующих спутников и могут нарушить работу систем спутниковой связи, в том числе телевизионных. КОПУОС играет важную роль в разработке и совершенствовании международных правовых норм, касающихся космической деятельности, включая спутниковое вещание.

Согласно данным Союза космической индустрии (UCS) [7], количество спутников на орбите Земли демонстрирует устойчивый рост. На начало 2020 года насчитывалось около 5500 спутников, из которых около 4000 были активны. К 1 января 2021 года количество спутников увеличилось до 6500, активных спутников было примерно 3250. В 2022 году количество спутников на орбите приблизилось к 7500, а активных было около 3750. По состоянию на 1 мая 2023 года на орбите Земли находилось более 7500 искусственных спутников, из которых более половины используются в коммерческих целях, преимущественно для обеспечения связи. Десятая часть спутников принадлежит отдельным государствам, а меньшая часть предназначена для военных целей. Регулярные запуски спутников, например, в рамках программы Starlink, увеличивают количество объектов на орбите, и в будущем ожидается достижение числа 42 000 спутников. По данным спутниковой базы данных UCS [8], на 1 мая 2023 года наибольшее количество спутников на орбите принадлежало США – 5184, Китаю – 628, Великобритании – 565 и России – 181. В 2024 году, по прогнозам, количество спутников выйдет за 9000, активных будет около 4500. Статистический анализ показывает, что динамика роста количества спутников на орбите является экспоненциальной.

Познание Вселенной – это одна из самых обширных и захватывающих областей человеческой исследовательской деятельности, которая охватывает множество дисциплин и направлений. Этот процесс познания, основанный на диалектическом подходе, уже привел к множеству значительных открытий и достижений. Космос представляет собой огромную, неисчерпаемую и бесконечно разнообразную лабораторию, созданную природой, в которой происходят процессы, недоступные для изучения на Земле. По мере углубления исследований в этой области становится очевидным, что знания о космосе необходимы не только астрономам, но и многим другим наукам, таким как физика, химия и биология. Данные научные дисциплины, в свою очередь, зависят от информации, получаемой из космоса, и именно это знание способ-

ствует прогрессу и росту производительных сил общества.

Одним из ярких примеров важности космических исследований является изучение космических лучей. Данные высокоэнергетические частицы, попадающие на Землю из глубокого космоса, играют ключевую роль в развитии ядерной физики. Исследования космических лучей помогают ученым в поисках элементарных частиц, таких как кварки и лептоны, а также в создании новых ядерных реакций. Особенно значимыми являются исследования частиц с высокими и сверхвысокими энергиями, которые могут предоставлять ценную информацию о фундаментальных силах природы и условиях, существовавших в ранней Вселенной. Астрофизика и радиофизика также играют важную роль в решении многих актуальных проблем современности. Открытие таких объектов, как квазары и пульсары, стало возможным благодаря использованию астрофизической аппаратуры, установленной на спутниках и орбитальных станциях. Эти мощные источники радиоизлучений не только расширяют наши знания о структуре и эволюции Вселенной, но и помогают понять процессы, происходящие в экстремальных условиях, таких как черные дыры и нейтронные звезды. Такие исследования открывают новые горизонты для понимания физических законов, действующих в космосе, и их применения на Земле.

Космонавтика, в свою очередь, ставит перед прикладными науками ряд сложных задач, которые способствуют прогрессу в различных отраслях техники. Например, технологии, связанные с космическими полетами, требуют значительных усилий в области материаловедения, энергетики, аэродинамики, автоматического управления и многих других научных дисциплин. При этом космонавтика не только ставит перед этими науками новые требования, но и стимулирует их развитие, что приводит к созданию новых технологий и приборов. Современные достижения в области космонавтики, такие как разработка спутников, автоматических межпланетных станций и космических кораблей, имеют значительное влияние на повседневную жизнь. Например, системы дистанционного зондирования Земли, созданные для спутников, позволяют эффективно мониторить состояние окружающей среды, отслеживать изменения климата и управлять природными ресурсами.

Кроме того, исследования в области космоса способствуют развитию новых материалов, которые могут быть использованы в различных отраслях. Например, легкие и прочные композиты, разработанные для космических аппаратов, находят применение в авиации и автомобилестроении. Такие материалы помогают снизить вес конструкций, что, в свою очередь, повышает их эффективность и снижает потребление топлива. Космические исследования также способствуют развитию

новых технологий в области энергетики. Исследования солнечной энергии, проведенные на орбитальных станциях, позволяют создавать более эффективные солнечные панели для использования на Земле. Технологии хранения и передачи энергии, разработанные для космических миссий, могут быть адаптированы для решения проблем, связанных с энергетической безопасностью и устойчивым развитием.

Важным аспектом космических исследований является также их влияние на образование и науку в целом. Исследования в области астрофизики и космонавтики вдохновляют новое поколение ученых и инженеров, способствуя развитию STEM-дисциплин (наука, технологии, инженерия и математика). Программы, связанные с космическими исследованиями, привлекают внимание молодежи и помогают формировать интерес к науке и технологии, что критически важно для будущего человечества. Космос также служит платформой для международного сотрудничества. Совместные проекты, такие как Международная космическая станция (МКС), объединяют ученых и инженеров из разных стран, способствуя обмену знаниями и технологиями.

Сегодня искусственные спутники Земли играют важную роль в жизни человечества, выполняя множество различных функций. Рассмотрим несколько примеров их «профессий», особенно тех, которые связаны с запуском спутников нашей страны. Если в начале космической эры количество запущенных спутников можно было сосчитать на пальцах одной руки, то со временем темпы их запуска значительно увеличились. На сегодняшний день общее число космических аппаратов, выведенных на орбиту, превышает тысячу, и спектр их применения продолжает расширяться.

Как мы выяснили ранее, уже в первом десятилетии активного освоения космоса были разработаны и внедрены первые эксплуатационные спутниковые системы. Во втором десятилетии их значение для хозяйственной деятельности стало особенно заметным. В результате, современное внимание сосредоточено на рентабельности этих систем и их практическом использовании в различных отраслях. На основании проведенного исследования мы выяснили, что одной из самых популярных и востребованных категорий являются спутниковые системы связи. Не стоит забывать и о других функциях спутников, таких как метеорология, навигация и дистанционное зондирование Земли. Спутники метеорологического назначения помогают предсказывать погоду, что крайне важно для сельского хозяйства, авиации и многих других сфер. Навигационные спутники, такие как GPS, стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, позволяя точно определять местоположение и прокладывать маршруты.

Таким образом, познание Вселенной – это не просто исследование космоса, но и важный фактор, способствующий развитию науки, технологий и общества в целом. Космические исследования открывают новые горизонты для понимания законов природы, способствуют созданию инновационных технологий. Все это подчеркивает важность дальнейших инвестиций в космические программы и исследования, которые, в конечном итоге, могут привести к улучшению качества жизни на Земле и расширению наших горизонтов.

Литература

1. Аддитивные технологии в производстве изделий аэрокосмической техники: учебное пособие для вузов / А.Л. Галиновский, Е.С. Голубев, Н.В. Коберник, А.С. Филимонов; под общей редакцией А.Л. Галиновского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 145 с.
2. Базыкин В.В., Искусственные спутники Земли и другие космические объекты – Издательство «Знание» Москва 1966. – 103 с.
3. Лелюхина А.М., Илюшина Т.В., Колевид Т.К. [и др.]; под ред. А.П. Сизова Государственные учёные системы по управлению и развитию территории Российской Федерации: учебное пособие. – М.: КноРус, 2018. – 208 с.
4. Мережковский, Д.С. Вечные спутники / Д.С. Мережковский. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 369 с.
5. Петров В.П., Искусственный спутник Земли – Военное издательство министерства обороны союза ССР Москва, 1958. – 255 с.
6. Циолковский, К.Э. Ракетная техника. Избранные работы / К.Э. Циолковский; под редакцией М.К. Тихонравова. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 337 с.
7. Спутниковая база данных UCS // Электронный ресурс. – URL: www.ucsusa.org (дата обращения: 12.09.2024).
8. Роскосмос // Электронный ресурс. – URL: <https://www.roscosmos.ru/39336/> (дата обращения: 12.09.2024).

THE SYMBIOSIS OF MAN AND SPACE: THE ROLE OF ARTIFICIAL EARTH SATELLITES IN MODERN SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL EVOLUTION

Chelozertsev D.A.

Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny

The article is devoted to the analysis of the influence of artificial Earth satellites on modern scientific and technical evolution. The main directions of the use of artificial intelligence are investigated, from basic scientific research to practical applications in various fields. Special attention is paid to the evolution of spacecraft technologies, their role in the development of telecommunications, navigation, remote sensing, meteorology, environmental monitoring and other industries. The article offers a comprehensive analysis of the role of IP in modern scientific and technological evolution, highlight-

ing the key stages of their development, describing the relationship between technological advances in space technology and progress in various fields of human activity.

Keywords: satellite, scientific and technical evolution, communications, navigation, meteorology, space technologies, technology development.

References

1. Additive technologies in the production of aerospace products: a textbook for universities / A.L. Galinovsky, E.S. Golubev, N.V. Kobernik, A.S. Filimonov; edited by A.L. Galinovsky. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 145 p.
2. Bazykin V. V., Artificial Earth satellites and other space objects – Znanie Publishing House Moscow 1966. – 103 p.
3. Lelyukhina A. M., Ilyushina T.V., Kolevid T.K. [et al.]; edited by A.P. Sizov State scientific systems for the management and development of the territory of the Russian Federation: a textbook. – M.: KnoRus, 2018. – 208 p.
4. Merezhkovsky, D.S. Eternal satellites / D.S. Merezhkovsky. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 369 p.
5. Petrov, V. P., Artificial Earth Satellite – Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR Moscow, 1958. – 255 p.
6. Tsiolkovsky, K.E. Rocketry. Selected works / K.E. Tsiolkovsky; edited by M.K. Tikhonravov. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 337 p.
7. UCS satellite database // Electronic resource. – URL: www.ucsusa.org (date of access: 09/12/2024).
8. Roscosmos // Electronic resource. – URL: <https://www.roscosmos.ru/39336/> (date of access: 12.09.2024).

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

К проблеме искусственного интеллекта: философско-мировоззренческие аспекты

Прохоров-Малясов Георгий Сергеевич,

к.ф.н., доцент кафедры истории и философии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: georpromal@mail.ru

Поскольку работа над созданием искусственного интеллекта (ИИ) продолжает активно развиваться, он все больше становится заметным предметом интереса среди философов. Пересечение ИИ и философии вызывает интригующие дискуссии о последствиях для знаний, этики и самой природы человеческого познания. Философы изучают, как ИИ бросает вызов нашему пониманию сознания и свободы воли, и как эти технологии могут отразиться на восприятии интеллекта человека. С развитием технологий ИИ философы размышляют о его этических и социальных последствиях. Вопросы о моральной составляющей ИИ, ответственности его создателей и влиянии ИИ на занятость и конфиденциальность людей становятся все более значимыми. Это приводит к анализу не только приложений ИИ, но и его роли в современной философии и его потенциальной способности влиять на будущие философские парадигмы.

В работе предложен обзор сложившихся в настоящее время, философско-мировоззренческих взглядов на ИИ в рамках актуального осмысления проблемы ответственной интеграции в общество и необходимости его регулирования для обеспечения полезного и безопасного использования в ближайшем будущем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, философия, разум, сознание, этика, общество.

Философские взгляды на перспективы развития ИИ

Исторически философы, в частности, Аристотель, размышляли о естественном мире и сущности интеллекта, заложив основу для более поздних мыслителей, исследующих проблемы сознания и разума человека, а также области их применения.

В XX столетии работы А. Тьюринга и Дж. Маккарти проложили путь к тому, что сегодня мы признаем в качестве ИИ, инициировав сложные философско-лингвистические дебаты, выходящие за рамки просто технологий, о том, что представляет собой «настоящий» искусственный интеллект.

Углубляясь в философские аспекты ИИ, исследователи фиксируют для себя факт того, как история, этика, мораль, сознание и знания переплетаются с появлением и интеграцией искусственного интеллекта в общество. При этом, философы по-разному рассматривают искусственный интеллект (ИИ), затрагивая различные аспекты его возможностей и последствий.

- *Дартмутское предложение* (конференция 1956 г., на которой Дж. Маккарти ввел термин «искусственный интеллект») – утверждает, что все аспекты обучения или любые другие характеристики интеллекта могут быть точно описаны и смоделированы машиной.
- *«Вежливое соглашение» А. Тьюринга* – предполагает, что, если машина ведет себя так же разумно, как человек, ее следует считать столь же разумной, как человек.
- *Гипотеза физической символической системы* – предполагает, что физическая символическая система обладает необходимыми средствами для общих разумных действий.
- *«Сильная гипотеза ИИ»* – утверждает, что правильно запрограммированный компьютер может обладать разумом в том же смысле, что и человек.
- *Роль моделирования в ИИ* – Д. Сёрл, Д. Деннет и другие признают теоретическую возможность моделирования мозга, но подчеркивают ограничения простого моделирования в понимании интеллекта.
- *За пределами манипуляции символами* – критики, такие как Х. Дрейфус, утверждают, что человеческий интеллект полагается на интуитивные суждения, а не на пошаговую символическую манипуляцию.

- «Сильный ИИ» противопоставляется «слабому ИИ» – этот спор, поднятый Д. Сёрлом, проводит существенное различие между системой, обладающей разумом (*сильный ИИ*), и системой, которая может действовать разумно (*слабый ИИ*). Приведенные взгляды исследователей предлагают широкий спектр философских интерпретаций и дискуссий о природе, потенциале и ограниченности ИИ. Обозначим ряд философско-мировоззренческих аспектов, отражающих это.

Этика и мораль

Этический ландшафт вокруг ИИ изобилует вопросами морали и справедливости. Так, Х. Дрейфус в рамках концепции «феноменологии научения» и критике «символического ИИ» поднял этические проблемы, вытекающие из последствий ИИ для человеческих навыков и их подлинности.

Достаточно велик экзистенциальный риск: некоторые философы выражают обеспокоенность о потенциальных угрозах сверхразумного ИИ, таких как возможность того, что он станет неуправляемым и будет представлять угрозу человечеству, или если системы ИИ становятся все более автономными, то возникают вопросы об их моральном статусе и о том, должны ли они иметь свои «права».

Философы полагают, что понимание этики ИИ охватывает почти все: от конфиденциальности данных до потенциальных предубеждений, запрограммированных в системах ИИ, что отражает универсальные моральные императивы, которые мыслители обсуждали на протяжении столетий.

Сознание и разум. Эпистемология

Разграничение человеческого сознания и симулированного сознания ИИ было и остается философским занятием. Подобные исследования восходят к таким мыслителям, как Г. Лейбниц. Дискуссия вращается вокруг вопроса о том, смогут ли машины когда-либо обладать разумом, подобным человеческому, или же они обречены оставаться сложными, но неодушевленными калькуляторами.

На историческом отрезке исследований от классификации знаний Аристотеля до концепции «формализации здравого смысла» Джона Маккарти философы и разработчики ИИ размышляют о том, как знания представляются и обрабатываются «машиной». Эпистемология в настоящее время переопределяет себя в контексте машин, которые могут учиться, рассуждать и даже учить нас новым способам понимания мира.

Если принять во внимание идеи философов, исследующих человеческий разум, то можно обнаружить, что они глубоко заинтересованы в том, как ИИ бросает вызов и расширяет традиционные взгляды на сознание и познание. Например, Дэни-

ел Деннет, известный философ разума, исследует последствия ИИ для понимания человеческого сознания, однако, он рассматривает системы ИИ не для того, чтобы провести прямые параллели с человеческим разумом, а для того, чтобы понять природу преднамеренности и состояний сознания.

Понимание интеллекта

Интеллект – это больше, чем просто решение проблемы, это адаптивность и понимание сложных нейронных сред. Философы сходятся во мнении, что, хотя ИИ может имитировать определенные аспекты человеческого интеллекта, он пока не полностью воспроизводит глубину психических состояний индивида. Изучая ИИ, человек получает возможность увидеть механизмы, которые могут лежать в основе его собственных когнитивных процессов. Прогресс ИИ бросает вызов человеческому восприятию того, что на самом деле представляет собой интеллект.

Когнитивная наука и искусственный интеллект

Исследования ИИ изучают поведение машин в сравнении с человеческим интеллектом с помощью таких критериев, как знаменитый тест Тьюринга, который оценивает способность ИИ демонстрировать интеллект, неотличимый от человеческого. Текущие исследования ИИ сосредоточены не только на успешном прохождении этого теста, но и на продвижении когнитивных функций ИИ на новые высоты.

Когнитивная наука стремится раскрыть тайны разума человека. Погружаясь в эту область знания представители когнитивистики используют ИИ для моделирования и интерпретации работы разума индивида. Понимание человеческого познания посредством ИИ формирует новые рамки для интерпретации ментальных состояний и поведения. Такое сотрудничество ИИ и когнитивной науки, по мнению ряда мыслителей, является ключом к раскрытию сложной архитектуры человеческого мышления. Философские взгляды на мыслительные процессы ИИ расходятся в двух теориях: *вычислительной* и *коннекционизма*. Согласно вычислительной теории разума мозг человека, по сути, работает как компьютер, а его ментальные состояния соответствуют вычислительным состояниям. Напротив, коннекционизм предполагает, согласно Э. Торндайку, что когнитивные процессы могут быть представлены сетевыми связями, обнаруженными в нейронных сетях. Обе теории представляют убедительные аргументы в пользу того, как ИИ может копировать человеческое мышление.

Технологии, инновации и прогресс

Область применения ИИ постоянно расширяется, а технологические прорывы в этой области перио-

дически преобразуют условия взаимодействия человека с машинами. Мир человека заметно изменяется благодаря инновационным скачкам в области ИИ. Новаторские алгоритмы нейросетей выводят машинный интеллект на новые уровни развития и сферы применения, позволяя ИИ анализировать данные с поразительной точностью. Разработчики ИИ определяют современный технический прогресс, добиваясь успехов в различных социальных областях, таких как здравоохранение, финансы, автономные транспортные средства и др., используя базовую способность ИИ учиться и совершенствоваться с течением времени.

Автономия, контроль и ответственность

Рост возможностей ИИ приводит к динамическому сдвигу в области автономии и контроля. Теперь машины способны выполнять сложные задачи без необходимости постоянного наблюдения со стороны человека, что заставляет формулировать вопросы, связанные с контролем и этикой использования ИИ. Роль человека все больше смещается в сторону наблюдения (управления при необходимости), подготавливая почву для ответственной интеграции ИИ в общество. В ситуациях, когда системы ИИ принимают решения автономно, крайне важно назначить ответственного и подотчетного. В случае, если ИИ причиняет вред, определение того, кто несет ответственность – разработчик, пользователь или сам ИИ – становится насущной проблемой. Например, при эксплуатации автономного транспортного средства возникают вопросы о том, кто виноват в аварии: производитель, программист или ИИ автомобиля?

Конфиденциальность и прозрачность

Право на конфиденциальность личности человека должно быть сбалансировано с необходимостью прозрачности. Способность ИИ анализировать огромные объемы персональных данных подчеркивает необходимость принятия четких решений для защиты личной конфиденциальности. С позиции традиционных человеческих ценностей философы выступают за прозрачные алгоритмы работы ИИ, чтобы индивид мог понять, как и почему система ИИ принимает определенные решения, особенно когда результаты таких действий могут глубоко повлиять на жизнь личности.

ИИ в обществе, праве, экономике

Интеграция ИИ в социально-правовые системы требует разработки и принятия новых законов для решения *этических проблем*. Создание законодательства, регулирующего использование и развитие ИИ, имеет первостепенное значение для защиты прав личности и поддержания общественного доверия.

Участие в обсуждении этики ИИ представителей гуманитарной науки, в первую очередь философов, способно позитивно повлиять на формирование правовых критериев и законодательных рамок, гарантируя их соответствие общественным ценностям и нормам.

В настоящее время мы являемся свидетелями преобразующейся эпохи, в которой искусственный интеллект (ИИ) переопределяет границы человеческого общества и текущей экономической системы капитализации. Приведем ряд примеров.

- *Экономика и бизнес.* ИИ позволяет масштабировать бизнес и внедрять инновационные услуги с меньшими дополнительными затратами по сравнению с человеческим трудом. Стремление к эффективности может обострить существующие *классовые противоречия*, поскольку наиболее прибыльными оказываются такие бизнес-структуры, которые в полной мере овладели технологиями ИИ.
- *Проблема занятости.* Современный рынок труда не защищен от влияния ИИ. Автоматизация под руководством ИИ меняет виды и условия работы, создавая новые рабочие места, делая другие устаревшими и ненужными. Такие изменения формируют заметные социальные опасения по поводу *вреда* определенным секторам работы и требует пересмотра профессиональных навыков и образования для подготовки рабочей силы, интегрированной с ИИ.
- *Повседневность.* Жизнь и потребности современного человека почти ежедневно «переплетаются» с ИИ, и сам этот процесс, возможно сложнее, чем мы способны себе представить. От голосового помощника нашего смартфона до рекомендательных алгоритмов различных приложений и стриминговых сервисов «вездесущность» ИИ меняет индивида и общество в целом, оперативно помогая решать повседневные задачи.

Как уже отмечалось выше в процессе исследования сферы искусственного интеллекта, мы сталкиваемся с противоположными философскими взглядами, которые осмысливают возможности ИИ и его влияние на понимание человеком себя и мира.

Свобода воли и детерминизм в ИИ

Традиционный спор между свободой воли и детерминизмом в ИИ затрагивает важный философский вопрос о том может ли ИИ, особенно разработанный с элементами общего интеллекта, работать с формой свободной воли или он полностью детерминирован, а его действия предопределены его программой? Поиск ответа на этот вопрос и последствия его решения простираются в область этических аспектов разработки ИИ и соответствующей ответственности его создателей.

Будущие направления и прогнозы развития ИИ

При изучении последствий того, что философы прогнозируют относительно эволюции ИИ, можно ожидать, что разговор будет тяготеть к ключевым концепциям, таким как *технологическая сингулярность* и *эволюционная траектория* ИИ. Эти идеи заключают в себе то, как ИИ может кардинально изменить наше будущее.

Термин «*технологическая сингулярность*» относится к ключевому будущему событию, выдвинутому таким мыслителем как Р. Курцвейл, когда ИИ превзойдет человеческий интеллект, что потенциально приведет к непостижимым изменениям в обществе. Наше понимание этой концепции должно включать в себя представление о том, что ИИ способен продолжать совершенствоваться автономно, возможно, экспоненциально.

Эволюционная траектория ИИ, опираясь на идеи Х. Моравека, подразумевает непрерывный процесс адаптации и обучения, который может привести к тому, что машины (роботы) со временем приобретут куда более сложные способности, соответствуя новым возможностям. Ожидается, что ИИ продолжит развиваться, потенциально достигая и превосходя человеческие когнитивные способности, что может привести к ряду неоднозначных результатов – некоторые из них будут весьма полезными, другие – сложными для человеческого общества.

Философский анализ включенности ИИ в социокультурное пространство

При изучении роли ИИ в различных сферах индивидуальной, духовной и социальной жизни человеку раскрываются значимые философские соображения, связанные с использованием ИИ. Они варьируются от этических дилемм до воспитания эмпатии в здравоохранении и влиянии на креативность и инновации в творчестве. ИИ используется для сочинения музыки, создания произведений искусства, написания стихов, бросая вызов представлению о том, что креативность – исключительно человеческое свойство. Философия в рамках эстетики размышляет о том, может ли ИИ быть действительно творческим, подвергая сомнению необходимость дальнейшего существования людей искусства и продолжения их профессиональной деятельности, или он просто имитирует программируемые и усваиваемые им шаблоны.

Диалог между ИИ и философами не является односторонним. Философия, в духе свойственной ей рефлексии, рассуждает о развитии ИИ, формируя этические принципы и концептуальные понятийные рамки, в то время как ИИ предлагает философии новые инструменты для поиска ответов на «вечные» вопросы. По мере изучения этого диалога можно обнаружить, что он углубляет наше

понимание как человеческого, так и машинного интеллекта, обещая прогресс в том, как мы понимаем сложные философские концепции через призму искусственного интеллекта.

Заключение

Философское осмысление последствий применения ИИ обширно и многогранно. ИИ бросает вызов традиционным представлениям об интеллекте и сознании, продвигает светский взгляд на мышление и влияет на общественные ценности и человеческое существование. Он также представляет собой значительный сдвиг парадигмы в когнитивной науке, объединяя технические и философские подходы для переопределения фундаментальных концепций.

ИИ не только решает традиционные философские проблемы, но и преобразует философские теории в практические приложения, подчеркивая глубокую взаимосвязь между ИИ и философией.

Поворот к ИИ в философии подчеркивает необходимость коллаборации философии и технического мышления на пути достижения гармонии между наукой, творчеством, человеком и природой.

Литература

1. Курцвейл Р. Эволюция разума. /Р. Курцвейл. – Эксмо. Большая наука, 2024. – 352 с.
2. Moravec H. Robot: Mere Machine to Transcendent Mind. Oxford University Press, 2000. – 240 p.
3. Патнэм Х. Философия сознания. /Х. Патнэм. – Издательство: М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.
4. Деннет Д. Разум от начала до конца. Новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности. /Д. Деннет. – пер. Соколова М.С. Издательство: Бомбора. Большая наука, 2021. – 528 с.
5. Сёрл Д. Открывая сознание заново. /Д. Сёрл. – пер. Грязнова А.Ф. М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
6. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. /А. Тьюринг. – АСТ, 2018. – 128 с.
7. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии/ Э. Торндайк. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 270 с.
8. <https://psixologiya.org/blog/2504-dartmutskaya-konferenciya-po-iskusstvennomu-intellektu.html> (дата обращения: 15.11.2024). – Текст: электронный.

ON THE PROBLEM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS

Prokhorov-Malyasov G.S.

Kazan State University of Architecture and Civil Engineering

As work on the creation of artificial intelligence (AI) continues to actively develop, it is increasingly becoming a noticeable subject of

interest among philosophers. The intersection of AI and philosophy provokes intriguing discussions about the implications for knowledge, ethics, and the very nature of human cognition. Philosophers study how AI challenges our understanding of consciousness and free will, and how these technologies may affect the perception of human intelligence.

As AI technologies develop, philosophers reflect on its ethical and social implications. Questions about the moral component of AI, the responsibility of its creators, and the impact of AI on employment and privacy of people are becoming increasingly important. This leads to an analysis of not only AI applications, but also its role in modern philosophy and its potential to influence future philosophical paradigms.

The paper offers an overview of the currently established philosophical and ideological views on AI in the context of an up-to-date understanding of the problem of responsible integration into society and the need for its regulation to ensure useful and safe use in the near future.

Keywords: artificial intelligence, philosophy, mind, consciousness, ethics, society.

References

1. Kurzweil R. The evolution of mind. /R. Kurzweil. – Eksmo. Big Science, 2024. – 352 p.
2. Moravec H. Robot: Mere Machine to Transcendent Mind. Oxford University Press, 2000. – 240 p.
3. Putnam H. Philosophy of consciousness. /H. Putnam. – Publisher: Moscow: House of Intellectual Books, 1999. – 240 p.
4. Dennett D. The Mind from Beginning to End. A New Look at the Evolution of Consciousness from a Leading Thinker of Our Time. /D. Dennett. – trans. Sokolova M.S. Publisher: Bombora. Big Science, 2021. – 528 p.
5. Searle D. Rediscovering Consciousness. /D. Searle. – trans. Gryaznov A.F. M.: Idea-Press, 2002. – 256 p.
6. Turing A. Computing machines and intelligence. /A. Turing. – AST, 2018. – 128 p.
7. Thorndike E. Principles of learning based on psychology / E. Thorndike. – Moscow: Publishing house Yurait, 2024. – 270 p.
8. <https://psixologiya.org/blog/2504-dartmutskaya-konferenciya-po-iskusstvennomu-intellektu.html> (date of access: 11/15/2024). – Text: electronic.

Теория молитвы Евагрия Понтийского в контексте русской исихастской практики

Пэй Цзиньпи,

магистр Пекинского педагогического университета
E-mail: jingyipei@163.com

«153 главы о молитве» (Περί προσευχῆς), также известные как «О молитве», являются одним из самых известных произведений в традиции русского исихазма. Автор, Евагрий Понтийский, подробно описывает в этом трактате универсальные практики исихастского подвига, заложив тем самым основу исихастской литературы и оказав значительное влияние на восточнохристианскую исихастскую традицию. Прежде всего, Евагрий стал первым, кто классифицировал духовный опыт на несколько уровней. В «О молитве» он делит молитвенный опыт на три стадии: «духовное делание» (πρακτική), «естественное созерцание» (φυσική) и «богословское созерцание» (θεολογική). Эта классификация глубоко повлияла на Иоанна Лествичника и других позднейших исихастов. Во-вторых, Евагрий ввел в «О молитве» концепцию «соратника» (συνεργός), подчеркивая совместное действие человека и Бога в молитвенном делании, а также абсолютное первенство божественной благодати. Впоследствии идея «синергия» человека и Бога была развита и стала ключевой чертой православного исихазма. Кроме того, Евагрий определяет молитву как «общение» (ὁμιλία) ума с Богом, что подчеркивает важную роль «ума» в молитвенном делании. Эта мысль оказала глубокое влияние на преподобного Максима Исповедника и последующих исихастов. Хотя влияние Оригена привело Евагрия к чрезмерному акценту на умственном аспекте, что привнесло определенные элементы ереси и вызвало резкую критику со стороны Григория Паламы в XIV веке, методы молитвы, изложенные в «О молитве», такие как «непрерывная и напряженная молитва», «краткая и интенсивная молитва» и «усердное погружение в молитву», оказали глубокое влияние на последующую исихастскую традицию.

Ключевые слова: 153 главы о молитве, Евагрий Понтийский, Исихазм, Православие.

Введение

Евагрий Понтийский (Εὐάγριος ὁ Ποντικός, 345–399), пустынный отец IV века, считается одним из самых выдающихся мыслителей раннего аскетизма. Он был учеником каппадокийских отцов и в 381 году участвовал в Первом Вселенском Соборе в Константинополе вместе с Григорием Назианзином [1]. Позже он стал монахом в Египте и в этот период написал множество произведений. Среди них «153 главы о молитве» (Περί προσευχῆς), обычно называемые «О молитве», является одним из самых известных трудов Евагрия и сосредоточивает в себе его мысли о молитве. Это произведение заложило основы аскетической литературы и оказало влияние на всю духовную традицию восточного христианства. В «О молитве» Евагрий очень кратко и четко описывает основные свойства христианской молитвы и выражает свое уникальное понимание богословия, заключающееся в том, что богословие не может основываться только на идеях, концепциях и утверждениях, а должно обязательно основываться на личном опыте общения с Богом. «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты. – богослов» [2]. Опытный аспект богословия у Евагрия укрепляется и в конечном итоге становится необходимой чертой всей православной мысли [3].

Числовая символика «153» и этапы молитвы

Евагрий Понтийский был сильно увлечен числовой символикой и придавал большое значение теоретическому изучению чисел. Основываясь на Пифагорейской теории Фигурных Чисел, он интегрировал Христианское Богословие и разработал уникальную систему Числовых Символов. В предисловии к «153 главам о молитве» он объяснил символическое значение числа «153» и подчеркнул, что это число выбрано не случайно, а является тщательно продуманным символом:

«Разделив сочинение о молитве на сто пятьдесят три [главы], мы послали их тебе, как евангельское воздаяние «, дабы обрел ты приятное услаждение символическим числом, также найдя здесь фигуру треугольника и шестиугольника, указывающие одновременно и на благочестивое ведение Троицы, и на очертание этой вселенной» [2].

Евагрий с помощью числа «153» искусно намекнул на значение молитвы. Прежде всего,

«153» – это треугольное число. Треугольное число – это сумма последовательных натуральных чисел. Как видно на рис 1¹, треугольные числа представляют собой особую числовую последовательность, имеющую форму треугольника [4]. Таким образом, Евагрий применил треугольник, сформированный числом «153», в качестве символа Гнозиса Святой Троицы ($\gamma\nu\omega\sigma\tau\nu$ Τριάδος)² (рис. 1).

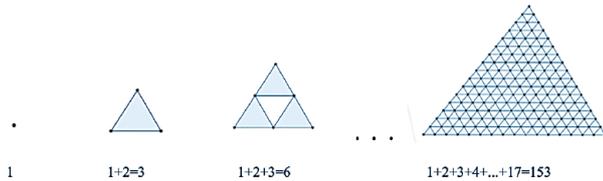

Рис. 1

«153» – это еще и шестиугольное число. Шестиугольное число – это последовательность чисел, которая может быть расположена в форме правильного шестиугольника (рис. 2). Евагрий символически интерпретировал шесть сторон шестиугольника, образованного 153 точками, как космический порядок, установленный Богом в шесть дней творения.

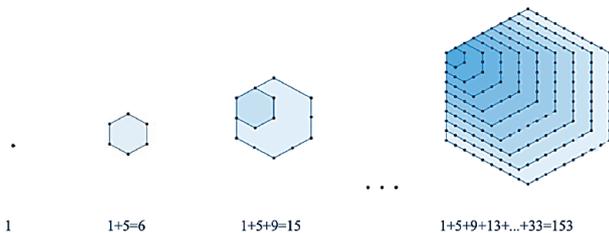

Рис. 2

Поэтому «153 главы о молитве» – это не просто руководство по молитвенной практике и не лишь «слова, написанные чернилами» [2]. На самом деле каждое число и слово в ней указывает на божественное знание и демонстрирует тонкий замысел Бога о Вселенной. Он в предисловии раскрывает правильный способ чтения этого произведения:

¹ Данная схема основана на диаграмме, представленной в работе Harmless William, с внесенными автором изменениями на основе собственного понимания. Оригинальную диаграмму см.: Harmless William. *Desert Christians: An Introduction to the Literature of Early Monasticism*. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 340 с.

² Евагрий считал «Гнозис» ($\gamma\nu\omega\sigma\tau\nu$) корнем всего сущего. Гнозис абсолютно первично и превосходит по способу существования все сотворенные вещи. См. Evagrius. *Kephalaia Gnostika A New Translation of the Unreformed Text from the Syriac*. Translated with an Introduction and Commentary by Ilaria L.E. Ramelli. – Atlanta: SBL Press, 2015. – 78с. Хотя Евагрий не дал подробного объяснения концепции «Гнозис», польский ученый Misiarczyk отметил, что Евагрий ясно интерпретировал это понятие с христианской точки зрения. Данное Божественное Троичное Знание может означать осознание каждой ипостасью Святой Троицы своей сущности и их взаимное видение. Это знание можно понимать как духовное мистическое созерцание. См. Misiarczyk Leszek. *Eight Logismoi in the Writings of Evagrius Ponticus*. – Turnhout: Brepols Publishers, 2021. – 16 с.

«Но поскольку, согласно премудрому Иисусу, вся сугуба, едино противу единого (Сир. 42:25), то прими [мой дар] и по букве, и по духу» [2].

Через особую фигуру, образованную числом «153», Евагрий метафорически изображает отношение Бога к Вселенной. Так же, как правильный треугольник может составить правильный шестиугольник, и мы ясно различаем форму треугольника, так и все творения во Вселенной, будучи созданием Бога, содержат в себе божественное знание и внутренне несут образ Бога. Поэтому Евагрий утверждает, что практика молитвы – это процесс, в котором через познание Вселенной мы приходим к пониманию мистического знания. Он подчеркивает, что это понимание не приобретается через учебу или образование, а достигается через практику, представляя собой интуитивное опытное познание. Таким образом, Евагрий акцентирует двойственность молитвы: «Поэтому и образ молитвы двойственен: один – деятельный, другой – созерцательный» [2].

Евагрий считает, что «молитва» ($\pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma$) является как практическим действием, так и внутренним интуитивным опытом. Он двусмысленно указывает, что ключевым аспектом первого является «количество», то есть обеспечение продолжительности молитвы и стремление к непрерывности молитвы; тогда как ключевым аспектом второго является «качество», то есть обеспечение эффективности молитвы и стремление к сосредоточенности. Эти две стороны молитвы взаимно дополняют друг друга: непрерывная практика является предпосылкой для сосредоточенного интуитивного опыта, а сосредоточенный интуитивный опыт гарантирует непрерывную практику.

В предисловии к «О молитве» Евагрий не только разъяснил числовое символическое значение «153» глав, но и разделил число «153» на две части – «100» и «53», которые соответствуют «практика» ($\tau\rho\alpha\kappa\tau\iota\kappa\acute{\eta}$) и «созерцание» ($\gamma\nu\omega\sigma\tau\iota\kappa\acute{\eta}$). Кроме того, он далее разделил интуитивное созерцание (53) на «естественное любомудрие» ($\phi\iota\sigma\iota\kappa\acute{\eta}$) и «богословское любомудрие» ($\theta\epsilon\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\acute{\eta}$), присвоив им числа «25» и «28» соответственно, что позволило ему создать уровневую градацию духовного опыта молитвы:

«Ибо число сто само по себе – четырехугольно, а пятьдесят три – треугольно и сферично. Двадцать восемь – треугольно, а двадцать пять – сферично, поскольку пятью пять будет двадцать пять» [2].

Во-первых, Евагрий символизирует «практика» ($\tau\rho\alpha\kappa\tau\iota\kappa\acute{\eta}$) числом «100». Он отмечает, что 100 – это квадратное число, то есть число, равное квадрату. Подобно тому, как квадрат сохраняет свою устойчивость благодаря четырем углам, суть духовной практики молитвы заключается в воспитании «четверица добродетелей», чтобы поддерживать «незыблемое положение ума»:

«Если бы кто-нибудь пожелал приготовить благовонный фимиам, то он, согласно закону, сложил бы в равной мере ливан чистый, кассию, оних и стакти (Исх. 30:34). И это есть четверица добродетелей. Когда они наличествуют в полной и равной мере, то ум не будет предан. Душа, очистившись полностью заповедей, приготавливает незыблемое положение ума, делая его способным воспринять искомое состояние» [2].

Во-вторых, Евагрий символизирует «естественное любомудрие» (φυσική) числом «25». Он отмечает, что 25 – это сферическое число, которое, когда возводится в степень, независимо от количества операций, всегда возвращает последнюю цифру к исходному числу. Евагрий использует это как символ постоянного цикла и возвращения во Вселенной:

«...а также в числе двадцать пять имеешь фигуру круга, [обозначающую] посредством кругового вращения времен премудрое ведение века. Ибо время катится неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом и пора за порой, как это мы видим в движении солнца и луны, весны и лета, и т.п.» [2].

В-третьих, Евагрий символизирует «богословское любомудрие» (θεολογική) числом «28». Как и общее число «153», число «28» также является треугольным числом, символизируя Гнозис (γνῶσις). Он подчеркивает, что в естественном знании Вселенной содержится Гнозис о Боге, и поэтому естественное интуитивное знание является путем к ведению Святой Троицы:

«Треугольник же, вероятно, обозначает ведение Святой Троицы. Или иначе: если ты мыслишь число сто пятьдесят три, то оно, вследствие своего обилия и в качестве треугольника, есть [любомудрие] деятельное, естественное и богословское. Оно также есть вера, надежда и любовь, или золото, серебро и драгоценные камни» [2].

В заключительной части Евагрий подводит итоги символического значения числа «153» и разъясняет взаимосвязь между духовной практикой в молитве и богословской верой. Монах начинает молиться под руководством богословия, и с углублением молитвы его богословская вера постоянно развивается и формируется, а углубление веры, в свою очередь, еще больше влияет на его молитвенную практику. Таким образом, молитва является не только духовной практикой, но и выражением богословской веры.

Евагрий оказывает глубокое влияние на последующих мыслителей-аскетов, делая классификацию молитвы. На этой основе Иоанн Лествичник далее уточнил уровни духовного опыта, разделив их на 30 стадий, рассматривая их как лестницу к Богу. Последующие мыслители также на основе работ Иоанна еще больше уточнили духовный опыт. Таким образом, несмотря на то что описание и классификация собственных духовных пережи-

ваний Евагрия были несколько грубыми, и его внимание было сосредоточено в основном на более низких уровнях духовной практики, его описания более высоких уровней интуитивного опыта остаются довольно неопределенными. Тем не менее, несомненно, что он, как первопроходец в области классификации уровней духовного опыта, заложил основу для дальнейшей классификации и совершенствования духовного опыта мыслителей-аскетов в будущем.

Отношение между человеком и Богом в молитвенной практике

Евагрий Понтийский различает широкое и узкое понимание «молитвы» (προσευχή). В широком смысле молитва, то есть молитвенная практика в общем смысле, включает такие аспекты, как «покаяние» (ἐξάγορεύω), «прошение» (αἰτήματος), «восхваление» (ψαλμῳδία) и другие. В узком смысле под молитвой понимается «общение ума с Богом» – это является высшей целью молитвенной практики Евагрия и наиболее идеальным состоянием молитвы.

«Молитва есть беседа ума с Богом. Какого же состояния должен достичь ум, чтобы он был в силах неизменно простираться и к своему Владыке и беседовать с Ним без всякого посредника?» [2].

Евагрий считает, что молитва – «энергия» (ἐνεργεία) ума [2]. В древнегреческом языке это слово означает «жизненная сила», «способность» [5]. В философии данный термин используется для описания фактического проявления или реализации потенциальной способности. Аристотель определяет его как процесс, в котором вещь достигает своей цели или выполняет свою функцию, то есть как сущностное действие или способ проявления. На этом основании он применяет данное понятие древнегреческой философии в христианском богословии и утверждает, что ум обладает способностью непосредственного общения с Богом. Однако после первородного грехопадения ум оказался связан с низшей, страстной частью души (παθητικόν) и поработан «душой», что значительно ослабило его способности. Поэтому, если монах стремится к общению с Богом, ему прежде всего необходимо очистить душу от страстей:

«Душа, очистившись полностью заповедей, приготавливает незыблемое положение ума, делая его способным воспринять искомое состояние» [2].

Здесь два слова, «воспринять» (δέχομαι) и «искать» (ζητέω), раскрывают ключевую мысль Евагрия о молитве: молитва – это совместное действие человеческих усилий и божественной благодати. С одной стороны, человек должен настойчиво «искать» идеальное состояние ума. Эту нисходящую духовную практику Евагрий называет «трактиκή», рассматривая её как необходимое условие для общения с Богом. С другой стороны,

«искание» не всегда ведет к «приятию». В начале «О молитве» Евагрий делится своим личным опытом: «Что же касается меня, то я не отрицаю, что, потрудившись всю ночь, ничего не поймал (Лк. 5:5). Однако, по твоему совету забросив сети [еще раз], выловил множество рыб» [2]. В 29-й главе он снова подчеркивает: «Иногда, лишь только станешь на молитву, сразу начинаешь хорошо молиться, а иногда, и много потрудившись, не можешь достичь цели» [2]. Таким образом, теория молитвы у Евагрия не сводится к спекуляциям и умозрительным заключениям, а представляет собой обобщение личного практического опыта. Молитва – это не только важный способ «поиска», но и необходимое средство для «принятия» благодати. Однако достижение идеального состояния ума не зависит напрямую от степени человеческих усилий, а в большей степени определяется божественной благодатью. Следовательно, ключ к молитве заключается не только в усилиях практики, но и в том, чтобы эта практика служила средством для прошения о Божьей благодати: «Если желаешь молиться, то тебе нужен Бог, дарующий молитву молящемуся» [2]. Кроме того, молитва – это не просто действие или поступок; это выражение человеческого послушания божественному суверенитету и Его святой воле. Молитва – это процесс, в котором человек переходит от «самооправдания» к «оправданию Богом»¹. Именно в этом процессе человек непрестанно открывается перед Богом и становится готовым «принять» божественную благодать.

«Прекраснейшее дело – ведение, ибо оно содействует молитве, побуждая мыслящую силу ума к созерцанию Божественного ведения» [2].

Евагрий глубоко верил в суверенитет Бога и верховенство Его божественной воли. Он считал, что интуитивное познание божественного духовного знания не может быть достигнуто усилиями человека, а требует откровения Божьей благодати, причем благодать Бога играет более ключевую и решающую роль по сравнению с усилиями человека. Эта теологическая вера напрямую формировала его методы молитвенной практики.

«Не молись об исполнении желаний своих, ибо они не всегда созвучны воле Божией. Лучше молись, как тебя научили, говоря: да будет воля Твоя на мне (Мф. 6:10). И во всяком деле так проси Бога, чтобы была Его воля» [2].

Поскольку Божья благодать занимает абсолютное доминирующее положение, очищение души человека, достижение идеального состояния ума и возможность общения с Богом не зависят напрямую от усилий человека, а определяются Божь-

ей волей. Поэтому Евагрий считает, что правильный способ молитвенной практики – это просить исполнения Божьей воли. Он с помощью саморефлексии раскрывает ключевую идею молитвы: «просьба» (αἴτημα):

«Часто, молясь, просил я, чтобы исполнилось то, что казалось мне благом, и, неразумно, упорствуя в прошении, силой понуждал волю Божию, а не предавал [себя] Богу, чтобы Он домостроительно устроил [все], поскольку Он лучше меня ведает, что мне полезно: Однако, получив [просимое], я затем сильно мучился из-за того, что не уповал на волю Божию, ибо [обретенная вещь] обманывала мои ожидания» [2].

Он подчеркивает, что «желание» в молитвенной просьбе – это не человеческая воля, а воля Божья. Монах должен в молитве искать понимания и принятия Божьей воли, а не быть привязанным к осуществлению и удовлетворению своих собственных желаний. Ведь то, что человек обычно считает хорошим, не всегда является настоящим добром; только Бог знает, что действительно является хорошим, и что приносит реальную пользу для духовного роста человека:

«Что является благом, кроме Бога? Поэтому предадим Ему все, касающееся нас, и нам будет хорошо. Ибо Благой, конечно, есть и Податель благих даров» [2].

Он напоминает, что настоящее «добро» можно получить только через послушание Божьей воле. Таким образом, суть просьбы заключается в том, чтобы довериться Богу и «отвергать себя каждый час» [2]. Из-за человеческой ограниченности, человек часто не может отличить, что является истинным добром, или что реально полезно для души. Поэтому наилучший способ – это полностью передать все свои просьбы и решения Богу. В 66-й, Евагрий советует монахам: «Если желаешь молиться, не делай ничего противоположного молитве, дабы Бог, приблизившись [к тебе], сопутствовал с тобой» [2]. В 89-й он снова подчеркивает: «Не желай того, что тебе кажется правильным, но желай того, что угодно Богу, – и будешь безмятежным и благодарным в молитве своей» [2].

Следует отметить, что, хотя Евагрий советует монахам «не делать ничего, что противоречит молитве», это вовсе не подразумевает пассивного ожидания нисхождения Божьей благодати. Напротив, в этом процессе человек проявляет активное участие. Евагрий подчеркивает, что в молитве необходимо сосредоточенное внимание, устремленное к молитве. В этом процессе человек должен претерпеть все трудности, и даже если его просьба не получает ответа от Бога, не должен впадать в уныние, но продолжать сосредоточенно молиться, иначе все труды будут тщетны [2].

«Не печалься, не получая от Бога сразу то, о чем просишь. Ибо Он желает полнее облагодете-

¹ Евагрий подчеркивает, что «самооправдание» (φιλαντία) было первым помыслом, который привел к первородному грехопадению. См. Davis, Stephen J. The Gnostic Chapters: A Critical Edition and Translation of Evagrius Ponticus' Kephalaia Gnostika in Arabic (I) 49, (III) 22, (I) 51. – Leiden: Brill, 2023. – 78с.

тельствовать тебя, постоянно «и на80Слово о молитВЕпряженно молящегося к Нему. Ведь что может быть возвышенной устремленности к собеседованию (προσομιλήν) с Богом и к общению (συνουσία) с Ним?» [2].

Здесь Евагрий не только делится своим личным опытом молитвенной практики, но и выражает свое понимание того, как действует Божественная воля. Он советует монахам рассматривать молитву как возможность общения с Богом, а не как средство для достижения личных желаний или целей. По его мнению, прошение, являясь ключевым элементом молитвы, имеет истинную ценность в том, что оно позволяет человеку спонтанно осознать свои ограничения, включая, но не ограничиваясь тем, что человек не в состоянии истинно различить, что есть истинное благо, не может достичь бесстрастия своими силами и часто подвержен воздействию страстей, что мешает ему сохранить трезвость ума.

Прошение – это признание человеком своих ограничений и благоговение перед верховной властью Бога и Его Божественной волей [2]. Чем больше человек осознаёт свои ограничения и невежество в молитве, тем сильнее он стремится к Божьей благодати и откровению. В этот момент человек максимально предаёт себя в руки Бога, с глубочайшим желанием ожидая откровения истинного знания (Гнозис), что является актом отречения от собственной воли и преданностью Божественной воле. Евагрий называет такую молитву «духовной молитвой», также называя её «молитвой с чувством», и «истинной молитвой». [2] По его мнению, только в таком состоянии ум может осуществить «высшее мышление» и «восходить к Богу». Этот процесс сопровождается «глубоким раздумьем, которое сопровождается благоволением и сокрушением» [2].

«Поистине, познав пределы свои, ты станешь охотно сокрушаться, сетуя на самого себя подобно Исаии: как, будучи нечистым и находясь среди народа такого, то есть среди супротивников, ты дерзашь предстать Господу Саваофу (Ис. 6:5)» [2].

Из-за глубокого осознания своих ограничений монах начинает испытывать благоговение и чувство недостойности, считая себя незаслуживающим «находясь среди народа», незаслуживающим «предстать Господу». Это чувство недостойности порождает печаль, которая коренится в осознании собственных ограничений, что приводит к ощущению, что он не заслуживает Божьей благодати и любви. Однако, чем больше монах искренне чувствует свою недостойность, тем больше он осознает, что многие вещи, которые он раньше считал само собой разумеющимися, на самом деле являются проявлением Божьей благодати, и это вызывает в нем радость и благодарность. Поэтому те, кто по-настоящему считает себя недостойными Божьей благодати, на самом деле и являются ис-

тинными обладателями этой благодати, а те, кто действительно переживает благодать, – это те, кто считают себя наименее достойными её. Евагрий подчеркивает, что, когда монах достигает максимума осознания своей ограниченности, он будет плакать в молитве. Он рассматривает молитву, наполненную слезами, как наилучшее состояние для просьбы [2]. Однако «слезы» не являются результатом усилий человека, а даром Божьей благодати.

«Если ты изливаешь потоки слез в молитве своей, нисколько не превозносись этим, считая себя выше многих. Ибо молитва твоя приняла помощь (свыше), дабы мог ты ревностно исповедовать грехи свои и слезами умилоствовать Владыку. Поэтому не превращай в страсть защиту от страстей, дабы не прогневать Даровавшего тебе благодать» [2].

Размышления Евагрия о взаимоотношениях человека и Бога в молитве оказали глубокое влияние на последующие традиции исихазма. Опираясь на личный опыт, он подчеркивает, что духовный восхождение – это не просто результат человеческих усилий, а результат взаимодействия человеческих усилий и Божьей благодати, при этом в этом процессе Божья благодать играет ведущую роль. Однако человек не должен пассивно ожидать прихода Божьей благодати, а должен активно стремиться ответить на нее, поскольку именно активность человека является ключом к тому, чтобы его молитва была услышана Богом.

Таким образом, для Евагрия ключевым моментом в молитве является постоянная самодисциплина и самовоспитание человека, направленные на принятие и воплощение Божьей воли. В трактате «О молитве» он уже начинает осознавать совместное действие человека и Бога в молитве и вводит концепцию «συνεργός» (сотрудник) для описания этих взаимоотношений. Исходно слово «συνεργία» в древнегреческом языке означало совместную работу, соучастие. Позже это слово стало одним из самых центральных понятий в восточно-православном аскетизме. В VI веке исповедник Максим Исповедник уточнил это понятие, определив его как соединение человеческой силы с Божьей силой. Таким образом, «сотрудничество» (συνεργία) стало ключевым понятием для понимания восточно-православного аскетизма и составило основную характеристику всей православной традиции [3].

Важная роль «ума» в молитве

Евагрий особенно подчеркивает важную роль «ума» (νοῦ) в молитве. Он не определяет молитву как «общение человека с Богом», а рассматривает её как «сообщение ума с Богом», тем самым акцентируя внимание на важности ума в молитве. Евагрий считает, что молитва – это процесс очищения ума.

«Когда ум твой, [возжигаемый] пылкой любовью к Богу, постепенно отрешается от плоти и отворачивается от всех мыслей, исходящих от чувства, памяти и темперамента», и в то же время становится преисполненным благоговения и радости, тогда считай, что ты приблизился к пределам молитвы» [2].

Для исследования важной роли ума в молитве необходимо уточнить несколько ключевых понятий: «ум» (νοῦς), «душа» (ψυχή), «тело» (σάρξ), «страсть» (πάθος) и «мысли» (νοήματα).

Во-первых, на основе теологии Оригена, сочетая её с платоновской триадой души, Евагрий представляет двойную триаду состава человека. Он делит человека на три части: «ум», «душу» и «тело». Одновременно он разделяет «душу» на три составляющие: «разумный», «яростный» и «желательный». При этом первую часть он называет «разумной частью», а две другие – «неразумными частями» [2] (рис. 3).

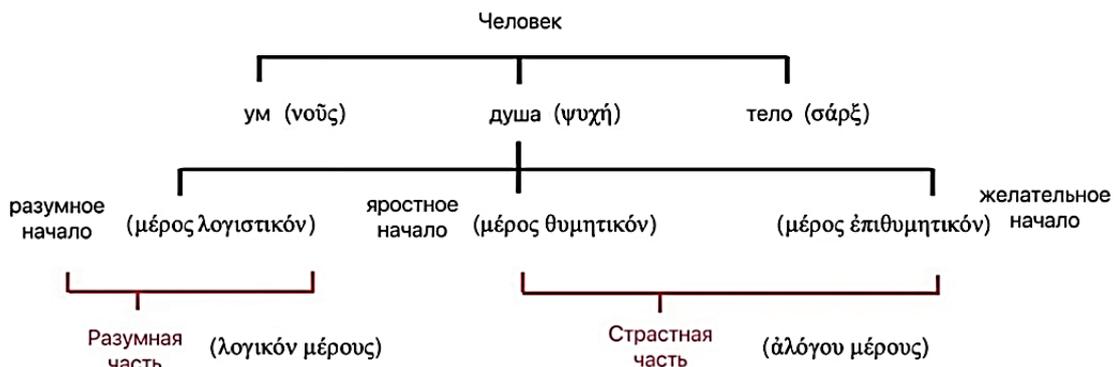

Рис. 3

Первый важнейший элемент антропологии Евагрия – это «ум» (νοῦς). Исходя из теологии Оригена, Евагрий рассматривает ум как первый продукт творения Бога. По его мнению, до первородного греха человек был совершенным и существовал как чистый ум в духовной форме. В это время человек был в единстве с Богом и полностью участвовал в божественном восприятии. Однако из-за движения «воли» (βουλή) ум неосознанно отклоняется и теряет единство с Богом, утрачивает прямое восприятие Бога, впадает в неведение и переживает разрыв, что приводит к кардинальному изменению его существования [6]. Поэтому Евагрий определяет молитву как общение ума с Богом и подчеркивает, что молитва – это способ, с помощью которого ум может действовать в соответствии со своей природой [2]. Следовательно, конечная цель молитвы – восстановить первоначальное состояние чистого ума, вновь сосредоточиться на восприятии Бога и воссоединиться с Богом.

Вторым важным элемент антропологии Евагрия является «душа» (ψυχή). Он считает, что душа – это «ум, который пал из состояния единства с Богом» [7]. Поэтому он делит душу на две части: «разумная часть» (λογικόν μέρος) и «неразумная часть» (ἄλογου μέρος) [2]. На основе платоновской триединой концепции души он дальше

делит «разумное начало души» (μέρος λογιστικόν) на «разумная часть» и «неразумное начало» на смесь из «яростной» (μέρος θυμητικόν) и «желательной» (μέρος ἐπιθυμητικόν). Евагрий подчеркивает, что когда неразумные тенденции души берут верх, ум обжигается и «страдает от нечистых страстей», а когда преобладает разумная часть души, ум сохраняет «незыблемое положение» и возносится к Богу [2]. Следовательно, борьба с нечистыми страстями души в молитве является ключом к восстановлению ума в состоянии единства с Богом.

Третий элемент антропологии Евагрия – это «тело» (σάρξ). Согласно его мнению, после того как чистый «ум» был утрачено в единении с Богом и стало «душой», Бог не оставил человека, а наоборот, увеличил Его внимание к нему. Так как падший разум больше не обладает способностью напрямую воспринимать божественное таинство, Бог дал душе тело через «второе творение» (the second creation), а через шесть дней творения заключил познание в мир, чтобы направить человека через созерцание творения к божественному познанию [6]. Таким образом, он считает, что все творение является путем к Богу, помощником, данным Богом человеку, средством божественного спасения, в основе которого лежит любовь Бога к человеку, а внешним проявлением является «искушение». Чувственное тело, как связующее звено между человеком и всем материальным миром, с одной стороны, легко привлекает душу к сосре-

¹ Данная схема основана на исследовании Лешека Мисярчика, с внесёнными автором изменениями. Греческий текст взят из работы «Eight Logismoi in the Writings of Evagrius Ponticus» (Misiarczyk, Leszek, 2021, стр. 57–63).

доточению на физических желаниях, что приводит к заблуждению ума и неспособности сохранять внутреннее равновесие [2], порождая различные «мысли»¹; с другой стороны, тело – это дар Бога человеку. Именно «искушение» становится путем к Богу. Он не рассматривает тело как наказание за грех, а как инструмент. Через борьбу с мыслями и страстями, вызванными телом, человек получает возможность подняться к Богу. Однако тело, как инструмент для духовного возрастания, в первую очередь служит в начале духовных упражнений, а когда монах достигает более высоких стадий, тело уже не требуется в качестве инструмента [2]. Таким образом, конечной целью молитвенной практики является «отказ от тела» и «освобождение от всего материального», чтобы передать и тело, и душу Богу, с целью через «нематериальную молитву» восстановить первоначальное совершенное и чистое состояние ума [2].

Таким образом, Евагрий рассматривает «ум» как центральный элемент молитвенной практики, полагая, что конечная цель молитвы заключается в очищении ума, восстановлении его способности к непосредственному созерцанию Бога и, в конечном итоге, в достижении единства с Ним. Евагрий особо подчеркивает ведущую роль ума в молитве, и эта идея оказала глубокое влияние на последующую исихастскую традицию и мистическое богословие. Несмотря на то, что в его богословии присутствуют элементы, признанные еретическими, нельзя отрицать важность его глубокого анализа функций ума в молитве, а также систематического руководства по практике молитвы, которые заложили фундамент христианской аскетической традиции [3]. Его теория «восьми помыслов», описывающая внутренние мыслительные процессы человека перед лицом внешних искушений, определила борьбу с этими помыслами и связанными с ними «страстями» как ключевую задачу духовного роста. В восточнохристианской традиции Иоанн Лествичник в своем труде «Лествица» развивает идеи Евагрия, систематизируя духовный опыт борьбы с помыслами. Более того, теория «восьми помыслов» Евагрия, перенесенная на Запад Иоанном Кассианом, оказала значительное влияние на западную христианскую традицию, где в конце VI века папа Григорий I Великий сократил «восьми помыслов» до «семи смертных грехов», которые были окончательно закреплены в западной богословской системе. Что касается мето-

¹ Евагрий подчеркивает, что «мысли» – это очень широкое понятие, охватывающее все мысли в уме и связанные с ними страстные желания, включая «помыслы» (глава 33), «воспоминания» (глава 45), «страсти» (глава 51), «страстные наклонности» (глава 53), «мысли» (глава 54), «желания» (глава 54), «образы» (глава 67), «фантазии» (глава 68), «зрительные образы» (глава 94), «звуки» (глава 9) и другие. Он утверждает, что в молитве необходимо сделать разум «глухим и немым». См. Евагрий. Творения Аввы Евагрия: Аскетические и богословские трактаты. Слово о молитве (11), Пер. и коммент. А.И. Сидорова. – Москва: МАРТИС, 1994. – 77 с.

дов молитвы, Евагрий предложил ряд конкретных и глубоких наставлений, таких как «постоянная и напряженная молитва» (προσκαρτεροῦντα), подчеркивающая неразрывную связь между количеством и качеством молитвы; «краткая молитва» (βραχεῖα καὶ ἐπιτεταμένη προσευχή), эффективная в борьбе с искушениями; а также такие практики, как «усердно занимаешься молитвой», «духовная молитва» и «нерассеянная молитва» [2]. Эти идеи о молитве заняли важное место не только в восточной христианской традиции, но и стали основой христианского мистицизма и аскетической практики. Систематичность и глубина молитвенного учения Евагрия продолжали оказывать значительное влияние как на восточные, так и на западные духовные традиции, предоставляя богатую теоретическую базу и ценное руководство для последующих поколений.

Заключение

Древнегреческая философская мудрость была переосмыслена восточным святоотеческим богословием и, таким образом, проникла в Россию, став важной частью русской религиозной мысли. Изучая учение о молитве Евагрия Понтийского, мы можем увидеть уникальные черты восточного святоотеческого наследия. В отличие от западных теологов, восточные отцы церкви не считали Аристотеля абсолютным авторитетом и не подчиняли религиозную жизнь формальному рационализму и логическому рассуждению. Напротив, находясь под сильным влиянием платоновской традиции, они уделяли особое внимание очищению души и духовному восхождению. В своих трудах восточные отцы описывали «путь восхождения разума» – путь освобождения от оков механического рассуждения и продвижения к более высоким уровням священного умозрения, обладающего моральной свободой [8].

Евагрий и другие восточные отцы церкви переработали греческую философию с христианской точки зрения, превратив её не только в систему знаний, но и в инструмент для практики христианской духовной жизни. Они подчиняли греческую философию христианской цивилизации, интегрируя её в её рамки. Хотя исторические обстоятельства, такие как падение Византийской империи, ограничили развитие «православной философии» в тот период, труды восточных отцов церкви, включая Евагрия, были сохранены и стали важным наследием для последующих поколений, особенно для русской религиозной мысли. Эти идеи, распространившись в России, оказали глубокое влияние на русских мыслителей и в значительной степени сформировали духовную основу России. Как отметил российский философ Сергей Хоружий: «Традиция в своей цельности имеет вполне отчетливые позиции, заведомо чуждые названным уклонам» [9].

Литература

1. Палладий Еленопольский. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. – Москва: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.
2. Евагрий Понтийский. Творения Аввы Евагрия: Аскетические и богословские трактаты. Слово о молитве. Пер. и коммент. А.И. Сидорова. – Москва: MARTIS, 1994. – С. 76–93, 157–204.
3. Сергей Сергеевич Хоружий. Zuo wei xin ren xue ji chu de ling xiu. ZHANG baichun. – Sydney: ROCOR. – 2017. – С. 35. [谢·霍鲁日：《作为新人学基础的灵修》，张百春译。悉尼：ROCOR，2017年，第35页]
4. Harmless William. Desert Christians: An Introduction to the Literature of Early Monasticism. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 340 с.
5. Luo Niansheng, Shui Jianfu. gu xi la yu han yu ci dian. – Beijing: Shangwu Yinshuguan, 2004.. –С. 271. [罗念生、水建馥编：《古希腊语汉语词典》，北京：商务印书馆，2004，第271页]
6. Misiarczyk Leszek. Eight Logismoi in the Writings of Evagrius Ponticus. – Turnhout: Brepols Publishers, 2021.
7. Evagrius, Kephalaia Gnostika A New Translation of the Unreformed Text from the Syriac. Translated with an Introduction and Commentary by Ilaria L.E. Ramelli, Atlanta, SBL Press, 2015.
8. Сюй Фэнлинь. Русская религиозная философия. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006. –5с.[《俄罗斯宗教哲学》，徐凤林著，[M]北京：北京大学出版社，2006，第5页。]
9. С. С. Хоружий. К феноменологии аскезы. –Москва: Издательство гуманитарной литературы. 1998.

THE THEORY OF PRAYER OF EVAGRIUS PONTICUS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN HESYCHASTIC PRACTICE

Jingyi Pei

Beijing Normal University

153 Chapters on Prayer (Περὶ προσευχῆς), also known as On Prayer, is one of the most renowned works in the Russian hesychast tradition. Its author, Evagrius Ponticus, provides a detailed account

of the universal practices of hesychastic asceticism, thereby laying the foundations of hesychast literature and exerting significant influence on the Eastern Christian hesychast tradition. First and foremost, Evagrius was the first to classify spiritual experience into different levels. In *On Prayer*, he divides the experience of prayer into three stages: “spiritual practice” (πρακτική), “natural contemplation” (φυσική), and “theological contemplation” (θεολογική). This classification profoundly influenced John of the Ladder and later hesychast thinkers. Secondly, in *On Prayer*, Evagrius introduced the concept of “cooperator” (συνεργός), emphasizing the cooperative action of both man and God in the practice of prayer, as well as the absolute primacy of divine grace. This idea of “cooperate” between man and God was later developed further and became a defining feature of Orthodox hesychasm. Moreover, Evagrius defines prayer as “communion” (ὁμιλία) of the mind with God, underscoring the important role of the «mind» in prayer. This idea had a profound influence on St. Maximus the Confessor and subsequent hesychasts. Although Evagrius’ Origenist influence led him to overemphasize the mental aspect, introducing certain heretical elements that provoked strong criticism from Gregory Palamas in the 14th century, the methods of prayer outlined in *On Prayer*, such as “persevering prayer,” “short and intense prayer,” and “cultivating the practice of prayer,” which profoundly impacted the later hesychast tradition.

Keywords: 153 Chapters on Prayer, Evagrius Ponticus, Hesychasm, Orthodoxy.

References

1. Pallady of Helenopolis. Lavsaik, or the narrative about the lives of the holy and blessed fathers. – Moscow: Moscow Compound of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 2003.
2. Evagrius Pontic. Works of Abba Evagrius: Ascetic and theological treatises. A word about prayer. Trans. and commentary. A.I. Sidorov. – Moscow: MARTIS, 1994. – P. 76–93, 157–204.
3. Sergei Sergeevich Khoruzhy. Zuo wei xin ren xue ji chu de ling xiu. ZHANG baichun. – Sydney: ROCOR. – 2017. – P. 35. [谢·霍鲁日：《作为新人学基础的灵修》，张百春译。悉尼：ROCOR，2017年，第35页]
4. Harmless William. Desert Christians: An Introduction to the Literature of Early Monasticism. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 340 с.
5. Luo Niansheng, Shui Jianfu. gu xi la yu han yu ci dian. – Beijing: Shangwu Yinshuguan, 2004. –С. 271.
6. Misiarczyk Leszek. Eight Logismoi in the Writings of Evagrius Ponticus. – Turnhout: Brepols Publishers, 2021.
7. Evagrius, Kephalaia Gnostika A New Translation of the Unreformed Text from the Syriac. Translated with an Introduction and Commentary by Ilaria L.E. Ramelli, Atlanta, SBL Press, 2015.
8. Xu Fenglin. Russian religious philosophy. – Beijing: Peking University Press, 2006. – 5 с.[《Asceticism in the Phenomenology of Asceticism》，written in Chinese, [M] Reference: Asceticism in the Phenomenology of Asceticism, 2006, 5 pages.]
9. S. S. Khoruzhy. On the Phenomenology of Asceticism. –Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. 1998.

Трансформация «мифа о Ленине» в советском кинематографе эпохи «оттепели»

Луценко Антон Владимирович,

к.ф.н., доцент, Департамент философии и религиоведения,
Дальневосточный федеральный университет
E-mail: lutsenko_avl@dvfu.ru

В статье анализируется трансформация кинематографического воплощения «мифа о Ленине» в кинематографе периода «хрущевской оттепели». Автор определяет «оттепельные» фильмы о Ленине как «второе поколение» советской киноленинианы, если принять за «первое поколение» фильмы сталинского периода. В статье упоминаются и анализируются характерные черты, свойственные наиболее значимым «оттепельным» произведениям эпохи «оттепели», в которых центральным является образ Ленина. Автор приходит к выводу, что «оттепельная» лениниана в ее кинематографическом воплощении выражала как общую тенденцию гуманизации советской «гражданской религии», так и является довольно очевидным индикатором менее официальных процессов, происходивших в советском обществе и культуре. В качестве вывода постулируется тезис о том, что «миф о Ленине» в эпоху «оттепели» отразил общий запрос советского общества на гуманизацию официального социокультурного нарратива и стержневого для него образа первого советского вождя-демиурга.

Ключевые слова: гражданская религия, миф, социум, советская культура, идеология, официоз, официальное искусство, пропаганда, культ личности.

Советская социально-культурная действительность представляет собой сложный феномен, основой которого являлась марксистско-ленинская, которая, как всякая идеология, представляет собой комбинацию переосмысленной в духе идеологической картины мира реальности и мифов, если под мифом понимать одно из легитимных определений этого термина, фигурирующего, например, в работе российской исследовательницы социокультурной реальности Ж.Ф. Коноваловой [2, с. 13]. В ее работах советский идеологический миф определяется прежде всего как «своеобразное представление о реальности, в котором центральным смыслообразующим элементом выступает образ, обладающий определенным суггестивным воздействием, не имеющий при этом к историческим фактам прямого отношения» [2, 16]. Если принять подобное определение советского культурного мифа в качестве рабочего, можно констатировать, что так называемая лениниана, т.е. свод художественных, документальных и псевдодокументальных произведений о В.И. Ленине, имеет в данном контексте определяющее значение, как один из «несущих элементов» советского идеологического мифа.

Российские и зарубежные исследователи по-разному интерпретируют антропологические, культурные и социальные истоки «ленинского мифа». так, например, российская исследовательница Н.В. Шалаева указывает, что важной частью мифологизации образа Ленина стала не только государственная пропаганда «сверху», но и свойственная менталитету дореволюционного российского крестьянства «вера в доброго царя», и, следовательно, можно говорить о «ленинском мифе» как о феномене исторической преемственности, дальнейшей трансляции фольклорной традиции [7, с. 105]. Российский исследователь С.Л. Фирсов подчеркивает религиозные основания «канонического мифа о Ленине», проводя мысль о типологическом соответствии канонического образа и биографии советского вождя агиографической христианской традиции или общую «идейность» ленинского сюжета [5, с. 46]. Британский историк Р. Сервис полагал, что лениниана вполне укладывается в свойственный тоталитарным идеологиям 20 века паттерн суггестивного воздействия на массы, поверхностно приобщенные к культуре модерна и нуждающиеся в определенной идеологической обработке в духе свойственной модерну

культуры глобальных проектов и больших свершений [3, с. 34]. Российский биограф В.И. Ленина Л.А. Данилкин указывает на принципиальную важность мифологизированного образа Ленина как своеобразного демиурга советской вселенной, «универсальной точки отсчета» для любых свойственных этой вселенной социальных, моральных, художественных и политических ориентиров [1, с. 16]. Очевидно, что все вышеупомянутые трактовки ленинианы затрагивают существенные черты этого феномена, позволяя подойти к его пониманию через сбалансированное взаимодействие многовариантных интерпретаций. Однако представляется целесообразным указать еще на несколько существенно важных типологических черт художественного отражения мифа о Ленине в определенный период советской истории, именуемый «оттепелью» для того, чтобы выявить взаимосвязь советской идеологической мифологии не только со свойственными ей мифами как таковыми, но и с политическими и социальными паттернами, являвшимися актуальными для советского государства и общества второй пол. 50-х – первой пол. 60-х гг. 20 века.

Сюжет по приписываемой Ленину фразе «важнейшим искусством для нас является кино» [5, с. 198] важен не только в контексте выяснения его соответствия исторической действительности, но и как сложившееся в общественном сознании отражение того вполне реального факта, что кинематограф для Советской власти являлся исключительно важным инструментом необходимой мифологизации общественного сознания, позволявшим канонизировать и запечатлеть свойственные советской культурно-политической мифологии образы добра и зла, героики, «правильно понятого» гуманизма и т.п. [4, с. 16]. Кинематографическая в этом контексте играет не только самостоятельную, но и определяющую роль. Как известно, первой итерацией кинематографического воплощения «мифа о Ленине» стали киноэпопеи второй половины 1930-х гг., например, «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», отражавшие сложившуюся к тому времени сталинскую трактовку как образа первого вождя, так и событий Октябрьской революции 1917 г. [6, с. 177] В отличие от других жанров художественного искусства, кинематографическая лениниана, в силу присущего кино массового зрелищного характера, сразу стала не только способом увековечивания канонического образа первого вождя, но и инструментом злободневной политической конъюнктуры. Так, кинолениниана 1930-х гг. оказалась вовлечена в поле активно формирующегося в эти годы «сталинского мифа», средствами художественной образности формируя и закрепляя становившееся в то время официальным соотношением двух главных демиургов «советской вселенной», В.И. Ленина и И.В. Сталина [6, с. 203]. Так, вопло-

тившие образ Ленина в фильмах 1930-х гг. советские артисты Б.В. Щукин и М.М. Штраух представляли такой психологический портрет своего героя, который комбинацией своей очевидной гениальности с известной непрактичностью, добротой и почти беззащитностью перед «ударами в спину» от внутривластной оппозиции, оттенял бы твердую, жесткую и волевою натуру «экранного» Сталина [6, с. 205]. Можно предположить, что своеобразный кинематографический дуэт гениального, но непрактичного и нуждающегося в поддержке Ленина и реалистичного, прагматичного, наделенного железной волей Сталина является основным смыслом первого поколения киноленинианы, пришедшего на вторую половину 1930-х гг.

Кинематографическая версия мифа о Ленине приживает свое второе рождение после смерти И.В. Сталина в 1953 г. Советская идеологическая мифология конца 1940-х – начала 1950-х гг. основывалась уже на канонизированном образе Сталина как главного демиурга «советской вселенной» (напр., в фильмах «Падение Берлина» и «Незабываемый 1919-й») и отводила «мифу о Ленине периферийную роль. Характерно, что первые произведения, входящие в круг оттепельной киноленинианы вышли на экраны в 1956 г., являясь, во многом, художественно-идеологическим подкреплением решений XX съезда КПСС, касающихся разоблачения культа личности Сталина и его последствий. Прямая критика Сталина в фильмах «Они были первыми» (1956, реж. Ю.П. Егоров, в роли Ленина М.Е. Кондратьев) и «Пролог» (1956, реж. Е.Л. Дзиган, в роли Ленина Н.С. Плотников) еще не звучит. Скорее, данные киноленты призваны «напомнить» массовому советскому зрителю о Ленине и его роли в годы революции и Гражданской войны, восстановить каноническое значение его образа в советской идеологической иерархии, заслоненное образом Сталина. В вышеупомянутых фильмах Ленин предстает как гениальным революционером, так и пронзительным «инженером человеческих душ», особое внимание уделяющим ненавязчивому, но подчеркнuto гуманистическому воспитанию советской молодежи первого поколения. Несомненно, что в подобной трактовке образа первого советского вождя отразилось декларируемое XX съездом «движение к борьбе за историческую правду, временно подавленную эксцессами культа личности». Иными словами, в первых вариантах оттепельной киноленинианы образ Ленина не декларативно, но тем не менее явно усваивает свойственные прежде образу Сталина типологические черты «наставника, воспитателя, творца будущего, учителя новых поколений» [7, с. 106].

Следующие «оттепельные» киновоплощения образа Ленина решали несколько иные идеологические и социокультурные задачи. Взятый после XX съезда КПСС курс на гуманизацию советской

общественно-политической жизни потребовал начать с гуманизации центрального советского мифа, т.е. образа первого вождя. Если продолжить замечание С.Л. Фирсова о том, что если в образе Сталина человечность была контаминирована с почти божественной непредсказуемостью [6, с. 180], то оттепельный образ Ленина должен был отличаться подлинной человечностью без всяких оттенков «ветхозаветной способности непредсказуемо карать и миловать», отличавшей официальный «сталинский миф». Например, в кинокартине «Рассказы о Ленине» (1957, реж. С.И. Юткевич, в роли Ленина М.М. Штраух) основной акцент в воплощении образа Ленина делается на его внутреннюю жизнь, богатую не только гениальными решениями и провидческими теориями, но и коррективами прежних теорий, и даже сомнениями. Не случайно, что второй эпизод «Рассказов о Ленине» представляет умирающего вождя в Горках осенью 1923 г. В этом эпизоде Ленин борется с болезнью исключительно силами собственного духа, отказываясь подчиниться смерти до тех пор, пока главное дело его жизни еще не завершено. Верно интерпретировать интенцию сценариста Е. Габриловича и режиссёра С. Юткевича можно только соотнеся «смертного», то есть предельно приближенного к общечеловеческому Ленину с каноническим сталинским мифом, в котором Сталин предстает если не бессмертным, то фактически не знающим слабостей, свойственных «среднестатистической» человеческой природе [8, с. 32]. Дальнейшая тенденция к «очеловечиванию» облика Ленина и приданию ему черт, сближающих его с человечеством, ради которого мифологический Ленин жил и боролся, была трактовка его роли в фильме «В дни Октября» (1958, реж. С.Д. Васильев, в роли Ленина В.И. Честноков), поставленном по книге Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Этот фильм характерен как впервые за долгое время представленными на экране фигурами Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, но и особым акцентом на «мирные» методы убеждения, которыми Ленин подавляет сопротивление внутривластной оппозиции его решениям в канун Октябрьской революции. Таким образом, Ленин предстает не карающим, а переубеждающим демиургом «советского мира», снова вступающая в полемику с онтологически присущей сталинскому мифу готовностью к насилию, рассматривавшейся при жизни Сталина как необходимость, а в годы «оттепели» трактовавшемся как эксцессивное проявление культа личности.

Крайне интересно и показательно дальнейшее движение советской киноленинианы по линии гуманизации образа своего центрального героя. Своеобразного апогея эта тенденция достигает в фильме «Синяя тетрадь» (1963, реж. Л.Б. Кулиджанов, в роли Ленина М.П. Кузнецов). Вышедший на экраны в качестве идеологического обеспече-

ния и закрепления решений XXII съезда КПСС, еще более радикально подошедшего к оценке культа личности Сталина, данный фильм доводит гуманизацию образа Ленина до предела, и в силу этого заслуживает чуть более подробного анализа. Фильм «Синяя тетрадь» был поставлен по одноименной повести Э.Г. Казакевича, которая сама типологически относится к литературе «оттепельного гуманизма». Сюжет как фильма, так и повести ограничивается временем, проведенным Лениным в Разливе, где он скрывался после провала Июльского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде и работал над черновиками книги «Государство и революция». Фильм организован как видимая зрителю площадка для напряженных и бурных дискуссий Ленина как с навещающими его соратниками по партии (Я.Д. Свердловым, Ф.Э. Дзержинским и др.), так и с постоянно живущим бок о бок с вождем в Разливе Г.Е. Зиновьевым (таким образом, впервые в советском кинематографе образ Зиновьева был освещен в соответствии с минимальной исторической правдой). Дискуссии, показанные в фильме «Синяя тетрадь», спровоцировали не менее бурные обсуждения фильма в советской кинокритике, поскольку касались не свойственных советскому мифу сомнений в правильности выбранного исторического пути. Более того, «Синяя тетрадь» в ее кинематографическом воплощении содержит отчетливые евангельские мотивы, аллюзии и коннотации. Уединение в Разливе предстает для Ленина своеобразным аналогом сомнений в Гефсиманском саду для Иисуса Христа [4, с. 15]. Своеобразной параллелью между двумя сюжетами является также и поведение «учеников», которые своими слабостями, с одной стороны, оттеняют решимость центрального персонажа сюжета остаться верным своему жизненному пути до конца, а с другой, усугубляют трагическую ситуацию экзистенциального выбора главного героя. Намеренность и даже нарочитость евангельских аллюзий, свойственных «Синей тетради», проявляется еще и в том, что в обоих случаях главный герой сюжета, оставаясь верным своему идеалу или символу веры в главном, способен на «понятное по-человечески», т.е. делающее образом предельно гуманистическим и близким каждому индивиду сомнение перед решительным шагом (ср. эпизод Моления о чаше в Гефсиманском саду с эпизодом переживания Лениным экзистенциальной тоски после особенно бурного спора Зиновьевым о неготовности страны к революции в «Синей тетради»).

Характерно, что, в соответствии как с «оттепельной» трактовкой истории «культа личности», в согласии с которой Г.Е. Зиновьев не был реабилитирован вплоть до конца 1980-х годов, так и евангельскими коннотациями сюжета, Зиновьев в фильме «Синяя тетрадь» выступает в образе, объединяющим мотивы евангельских образов Фо-

мы Неверного или Иуды. В логике сюжета фильма именно он, единственный среди «учеников» Ленина, не только не верит в конечную победу дела революции, но и смущает своими сомнениями вождя, вынуждая последнего еще и еще раз возвращаться к плану Октябрьского переворота, объясняя не только себе и сомневающемуся Зиновьеву, но прежде всего зрителю, гуманистический смысл готового совершиться переворота мировой истории. Мотив «гонимого» и оттого особенно близкого народному страданию Ленина в «Синей тетради» также содержит отчетливую переключку с некоторыми сюжетообразующими тропами евангельской истории. Объяснение подобным мотивам, казалось бы, совершенно нехарактерным не только для ленинианы, но и для советского идеологического дискурса в целом, как представляется, довольно очевидны. Они связаны главным образом с «оттепельной» тенденцией к предельной гуманизации образа советского вождя. Подобная гуманизация «образа великого человека», наполнение его не только качествами, подчеркивающими не столько могущество и гениальность, сколько «всечеловечность» этого образа, даже его готовность принять на себя освобождение страждущего человечества от зол и пороков, несомненно и неизбежно сближают его с центральным евангельским образом и сюжетом. В сущности, евангельские мотивы в фильме «Синяя тетрадь» в миниатюре повторяют известную коллизию с «моральным кодексом строителя коммунизма», который, как известно, представлял собой свод идеологически перелицованных библейских заповедей.

Еще одним примером «оттепельной» гуманизации образа Ленина, с довольно отчетливыми антисталинскими мотивами, демонстрирует кинофильм «Ленин в Польше» (1965, реж. С.И. Юткевич, в роли Ленина М.М. Штраух). Показателен даже выбор актера на главную роль, поскольку М.М. Штраух, как известно, был одним из ведущих воплощений образа вождя в «кинолениниане» сталинского периода. Фильм С.И. Юткевича отличает, во-первых, весьма смелый, по советским меркам, формальный прием: Ленин является не только главным действующим лицом и единственным нарратором кинокартины, но и сам фильм представляет собой, по сути, развернутый и претворенный в кинообразы монолог Ленина, интернированного австро-венгерскими властями в Галиции в начале Первой мировой войны. Подчеркнем несколько крайне характерных для «оттепельной», гуманистической «киноленинианы» смыслообразующих сюжетных ходов. Во-первых, Ленин в картине С.И. Юткевича выступает практически пацифистом в своем отношении к разразившейся европейской войне. Начальная часть его внутреннего монолога производит впечатлительное оплакивание вождем тех «молодых и лучших сил», которые гибнут в развязанной капитали-

стами мировой бойне [10, с. 73]. Тот факт, что суждения Ленина как реального исторического лица о Первой мировой войне вовсе не были суждениями пацифиста, а напротив, отличались свойственной реальному Ленину энергичной и воинственной утилитарностью, в логике «оттепельной» итерации «ленинского мифа» не только не имеет значения, но и полностью отсутствует. Далее, по сюжету фильма, Ленин вспоминает о своем знакомстве, дружеском общении и спорах с молодым польским крестьянином, который, ненавидя угнетателей и эксплуататоров, понимает эти категории не в марксистском, а в националистическом смысле, надеясь, что начавшаяся война освободит Польшу как от российского, так и от немецкого владычества. Ленин в фильме, с одной стороны, как должно, сетует на то, что не смог до конца убедить своего собеседника-крестьянина в том, что «нет никакой разницы между немецким, польским или русским капиталистом и лавочником... Польский-то, пожалуй, еще страшнее, потому что пьет кровь своих соотечественников, прикрываясь слащавыми фразами о национальном единстве» [10, с. 78]. С другой же стороны, Ленин-«герой фильма» (и мифа) не может не восхищаться любовью молодого крестьянина к своей родине, юношеским романтизмом этого чувства [10, с. 78]. Об отношении Ленина как исторического лица к любым проявлениям национального чувства известно достаточно, чтобы еще раз указать на непреодолимое онтологическое различие исторической реальности и мифологического образа, призванного, к тому же, отвечать требованиям «исторического момента».

Вообще, фильм «Ленин в Польше» именно характерен стремлением к «реабилитации» в «оттепельном» официальном дискурсе как живых человеческих чувств, так и свойственных большинству людей безобидных слабостей. Так, Ленин в фильме, размышляя о происходивших на его глазах знакомстве и последующей женитьбе вышеупомянутого польского крестьянина и его невесты, восклицает, «что не даст догматикам в обиду любовь» [10, с. 80], как одно из самых прекрасных человеческих чувств. Понятно, что актер М.М. Штраух, играя в «лениниане» сталинского периода, не мог произвести ничего подобного, поскольку рядом с Лениным в произведениях этого времени всегда зримо или незримо присутствовал «великий продолжатель» его дела, Сталин, который в логике своего собственного мифа, был свободен от любых черт, делающих его человеческим в смысле «уязвимости» или возможности сравнения «с простыми смертными» [6, с. 147]. Таким образом, Ленин в фильме «Ленин в Польше» не только не имеет черт «небожителя», но и предстает защитником всего истинно прекрасного от сухого и бездушного догматизма, который, как известно, был объявлен на XX съезде КПСС одним из «пе-

режитков культа личности». Ленин-«герой фильма» как бы освящает то своим благословением, то попросту снисходительным отношением качества и смыслы, которых либо не замечала, либо пыталась искоренить официальная идеологическая догматика сталинского периода. Это хорошо видно в одном из эпизодов начала фильма, в котором Ленин вспоминая о своем увлечении кинематографом во время жизни в Кракове, упоминает «несуветную глупость» большей части массовой кинематографической продукции того времени и добросердечно признается в том что, невзирая на низкое качество этих кинокартин, он «смеялся вместе со всеми» (это признание подкрепляется кадрами благодушно смеющегося в переполненном кинозале Ленина) [10, с. 76]. В этой связи уместно говорить об определенной тенденции к оправданию Лениным «оттепельного мифа» и массовой культуры, которая к середине 1960-х годов заняла прочное место в быту большинства советских людей, искоренить ее не представлялось возможным, а, следовательно, Ленин «оттепели» проявлял к ней больше снисходительности, в соответствии с общей установкой на «гуманизацию», свойственной эпохе.

«Оттепельная киноленинана» выступала и в качестве одного из средств идеологического обоснования поворотов и зигзагов советской международной политики первой половины 1960-х годов. В этом отношении особенно интересна кинокартина «на одной планете» (1965, реж. И.С. Ольшвангер, в роли Ленина И.М. Смоктуновский). В этой картине присутствует и уже привычные кинозрителю «оттепельной» эпохи антисталинские мотивы, подкрепляемые, впервые с начала 1950-х годов, появлением Сталина на экране (Ленин в исполнении И.М. Смоктуновского дает Сталину в исполнении А.А. Кобаладзе, суровое наставление о необходимости «доверия к человеку»). Однако еще более характерным представляется беседа экранного Ленина с неофициальным представителем США полковником Робинсом (роль исполнил Н.А. Симонов). Риторика этой беседы, насколько можно судить по документальным историческим свидетельствам, была совершенно несвойственна началу 1918 года, когда происходит действие фильма. Ленин в фильме, беседуя с представителем «крупного американского капитала», не только не предрекает ему скорую гибель капиталистического мира, но и произносит речь, практически слово в слово повторяющую официальную советскую риторику 1960-х годов, когда, особенно после отставки Н.С. Хрущева, наметилась тенденция к появлению доктрины «о мирном сосуществовании двух систем».

Тем самым, «ленинский миф» в кинематографе «оттепельной эпохи» приобрел не только инструментальное и утилитарное значение, как в ле-

ниниане сталинской поры, но и стал органически развиваться в соответствии с более глубинными процессами, происходившими в советском обществе и государстве во второй половине 1950-х-первой половине 1960-х гг. Киновариант «ленинского мифа» сталинской эпохи был отчетливо «мертво-рожденным», поскольку иллюстрировал лишь одну магистральную идею, заключающуюся в приведении образа Ленина в соответствии с его трактовкой «Кратким курсом истории ВКП(б)», одним из авторов которого, был, как известно, лично Сталин. Известная либерализация как общественной жизни, так и советского «официального дискурса» в период «оттепели» сделала центральный советский «миф о Ленине» многогранным средством выражения новых запросов, веяний и исторических тенденций эпохи.

Литература

1. Данилкин Л.А. Ленин: пантократор солнечных пылинок. – М.: Молодая гвардия, 2017.
2. Коновалова Ж.Ф. Миф в советской истории и культуре (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 24.00.01). – М., 2001.
3. Сервис Р. Ленин. – М.: Попурри, 2002.
4. Сторчак М.В. Сакральные сюжеты гражданской религии в СССР // Миссия конфессий. 2023. № 6 (12). С. 14–20.
5. Фирсов С.Л. Ленин: создание мифа. – СПб.: Вита Нова, 2019.
6. Фирсов С.Л. Сталин: миф и образ. – СПб.: Вита Нова, 2021.
7. Шалаева Н.В. Проблема культа личности В.И. Ленина // Власть. 2013. № 5. С. 104–108.
8. Юткевич С.И. Собрание сочинений в 3 тт. – М.: Искусство, 1990.

TRANSFORMATION OF THE “MYTH OF LENIN” IN SOVIET CINEMA OF THE “THAW” ERA

Lutsenko A.V.
Far Eastern Federal University

The article analyzes the transformation of the cinematic embodiment of the “myth of Lenin” in the cinema of the period of the “Khrushchev Thaw”. The author defines the “thaw” films about Lenin as the “second generation” of Soviet film-Leninism, if we take the films of the Stalin period as the “first generation”. The article mentions and analyzes the characteristic features of the most significant “thaw” works of the “thaw” era, in which the central image of Lenin is central. The author concludes that the “Thaw” Leninism in its cinematic embodiment expressed both the general tendency of humanization of the Soviet “civil religion” and is a fairly obvious indicator of less official processes taking place in Soviet society and culture. As a conclusion, the thesis is postulated that the “myth of Lenin” in the era of the “Thaw” reflected the general request of Soviet society for the humanization of the official sociocultural narrative and the core image of the first Soviet leader-demiurge.

Keywords: civil religion, myth, society, Soviet culture, ideology, officialdom, official art, propaganda, cult of personality.

References

1. Danilkin L.A. Lenin: pantocrator of solar dust particles. – M.: Young Guard, 2017.
2. Konovalova Zh.F. Myth in Soviet history and culture (Author's abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in specialty 24.00.01). – M., 2001.
3. Service R. Lenin. – M.: Potpourri, 2002.
4. Storchak M.V. Sacred subjects of civil religion in the USSR // Mission of Confessions. 2023. No. 6 (12). P. 14–20.
5. Firsov S.L. Lenin: the creation of a myth. – St. Petersburg: Vita Nova, 2019.
6. Firsov S.L. Stalin: myth and image. – St. Petersburg: Vita Nova, 2021.
7. Shalaeva N.V. The problem of the personality cult of V.I. Lenin // Power. 2013. No. 5. pp. 104–108.
8. Yutkevich S.I. Collected works in 3 vols. – M.: Art, 1990.

Актуализация идей технократизма в современном контексте политического лидерства

Плужникова Наталья Николаевна,

к.ф.н., доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины»,
Московский политехнический университет
E-mail: pluzhnikova@bk.ru

Матвеев Евгений Александрович,

аспирант кафедры «Гуманитарные дисциплины», Московский
политехнический университет
E-mail: e.a.matveev@mospolytech.ru

В статье исследуется проблематика вхождения в систему политического управления представителей технократической элиты общества, обладающих соответствующим типом мышления и стилем управления массовыми процессами. Особое внимание уделено анализу позитивных и негативных аспектов формирующейся по этому поводу общественной рефлексии, исследованы наиболее массовые и наиболее легко реализуемые в общественной среде причины их возникновения и последующего распространения. Отмечается, что дискурс обсуждения позитивных и отрицательных эффектов технократизации пространства политической деятельности в значительной степени стимулируется НТП и связанными с этим общими изменениями в жизни человека и общества. В заключение дается общая оценка влияния перманентной научно-технической революции настоящего времени на современную культуру и цивилизацию в ракурсе специфических требований, предъявляемых сегодня социумом к сфере политического управления деятельностью индивида и общества.

Ключевые слова: политическое лидерство, лидер, лидерство, технократия, техносфера, факторы развития, опосредованно-технические методы в политике, технократические принципы.

Введение

Информационно-коммуникационная культура современного постиндустриального общества во все более отчетливых формах приобретает принципиально новую историческую особенность, неизвестную предшествующему историческому социокультурогенезу – насыщенность пространства современной культуры и цивилизации техническими устройствами, в основе создания которых оказываются заложены результаты последних научных открытий и достижений. Техника и ее обобществленный образ – техносфера – становятся все более значимыми факторами, определяющие развитие цивилизации и тем самым все более заметно влияющим на современную культуру вообще и на ее конкретные формы в частности, к числу которых относится политическая культура. Результатом такого влияния становится широкомасштабная и разноплановая инвазия опосредованно-технических и технологизированных подходов и методов ведения политической деятельности, последующая реализация которых определенным образом меняет образно-символическое поле современной политической культуры. Эти проявления, смещая внутри ее пространства акценты и переставляя приоритеты, актуализируя новые стили осуществления функций власти и управления в политике, таким образом репрезентируют эту же новую стилистику в образах и имидже политиков новой технократической генерации, голос которых среди подобных им начинает звучать на мировой политической сцене все громче и увереннее – что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Технократизм представляет собой совокупность концепций, приписывающих научно-техническому прогрессу определяющую роль в социальной жизни. Они утверждают, что лишь технократическое управление способно создать более совершенную жизнь общества и человека.

В буквальном переводе с греческого термин «технократизм» означает «власть ремесла, искусства». В XX веке понятием «технократия» нередко обозначали слой научно-технических специалистов, обладающих знаниями для эффективного управления системами высокоразвитого общества.

Главными ценностями технократизма выступают следующие.

1. Основанная на фундаменте научных законов особая роль технократического стиля мышления.
2. Приоритетная роль, отводимая технике, научно-техническому фактору в целом, трактовка научно-технических инноваций как стимула и движущей силы развития общества.
3. Рассмотрение научно-технической элиты специалистов как такой социальной группы, от которой напрямую зависит течение научно-технического и социального прогресса.

Цель исследования оценка масштабов влияния современной техногенной культуры на сферу политики, а также последующая оценка эффективности новых технократических подходов и методов ведения политической деятельности в их сопоставлении с традиционными, при этом особое внимание уделено процессам формирования имиджа политика-технократа в череде сменяемости разнообразных политических реалий современности.

Научный обзор

Исследователи современной политики и культуры [1], [2], [3] отмечают, что прямых коррелянтов между системами «человек – человек», «человек – социум» и «человек – власть» с одной стороны, и системой «человек – машина» с другой стороны, пока не найдено. Но большой интерес вызывают попытки адаптации технических принципов и технократических концепций к сфере осуществления властных полномочий и управления, а также регулирования внутренней жизни и культуры правящего политического сообщества. Уточняя содержательную сторону этой вновь возникшей тенденции, следует отметить, что наибольший интерес вызывают не прагматически-механистические попытки частичной адаптации принципов и концепций первого типа в пространство политической деятельности и культуры, а более глубокое, дальновидное и креативное понимание необходимости внесения назревших корректив в общие процессы развития и эволюции цивилизации, управление которыми исходит главным образом из сферы политики [4]. Поскольку «политика – это искусство возможного», то постоянным соблазном политики является проект перехода всей полноты политической власти в руки «избранных», в связи с чем частные вариации передачи рычагов осуществления властных полномочий в руки «новых избранных», есть явная или тайная суть стремления осуществить такую передачу в руки технократов [5].

Нужно обратить внимание на чрезвычайно возросшую роль техники и технологий в подготовке, организации и реализации любого сценария смены политического режима извне в течение первых двух десятилетий XXI. Принципиально не учитывать этого и добровольно отказаться от использования этих новых возможностей в такого рода про-

цессах – значит заведомо проиграть. В этом отношении система «человек – машина» даст такую фору системе «человек – человек», потому что выполнение команд, отданных ей человеком, не имеет этического измерения (хотя иногда не имеет также и правового.).

Обсуждения и дискуссии

Отличительными чертами деятельности политика-технократа должны быть в первую очередь отмечены такие ее особенности, как рациональность и прагматизм, тяготение к научным подходам и стремлению минимизировать издержки, стремление тесно контролировать процессы реализации собственных целей и намерений на всех стадиях этих процессов, планировать какие-либо изменения прежде всего в координатах повышения эффективности, отладить точность и быстроту работы сложного механизма управления до уровня точности и быстродействия самых передовых видов технических устройств. В наибольшей степени к этому оказывается склонной приходящая в политику научно-техническая интеллигенция – ученые, инженеры, руководители промышленных предприятий, иногда – технические руководители среднего звена – конструкторы, технологи, операторы. За ними стоят имеющиеся у них профессиональные знания и опыт, выстроенные, как правило, на фундаменте качественного высшего или среднего специального образования, что дает им возможность часто бывать привлеченными существующими органами политического руководства в качестве экспертов – то есть именно там, где особенно нужны их знания и опыт для предсказания возможных последствий реализации тех или иных политических решений для природы, для общества, для человека [6].

В большинстве случаев такого рода деятельность носит комплиментарный характер по отношению к основному руслу течения политической жизни и основным направлениям реализации политических преобразований. Таким образом, чертами портрета среднестатистического технократа до его прихода в пространство практической политики являются лояльность, конформность, умение приспособливаться к существующим политическим реалиям как антипод позиции непременно изменить их, рекомендательный характер формируемых ими экспертных оценок и заключений [7].

Современные адепты вхождения технической интеллигенции во власть исходят прежде всего из того, что крайне опасно оставлять не имеющее соответствующих знаний политическое руководство в стороне от современного НТП, поскольку вслед за этим может возникнуть эффект отставания государства и общества в техноёмких и наукоёмких отраслях экономики, и что еще более опасно – отставание в области производства

технически и технологически передовых видов вооружений, развития национального ВПК на уровне самых современных тенденций и достижений НТП в сфере производства оружия и средств защиты от него. Их потенциальные оппоненты обращают внимание сторонников технократизации политического дискурса на возникновение целого ряда «обратных» негативных тенденций, в частности – политизации сферы национальной науки и техники, проникновения в них чисто политического по своему генезу популизма и тем самым, очевидное снижение из-за этого эффективности их функционирования, уменьшения их инновационного потенциала [8].

Реальность технократизации пространства современной политики обнаруживает внутреннюю склонность к систематизации и упорядоченности, в основе которой, по всей видимости, можно обнаружить присущий рациональности и рациональным подходам научно-технического типа детерминизм, привносимый в сферу политики выходцами из технической интеллигенции и научных кругов. На фоне не связанных с точными науками или инженерно-конструкторским типом мышления гуманитариями это уже сейчас формирует особый имидж политика-технократа, отличающего его от «профессиональных» политиканов и популистов в лучшую сторону. Поскольку реалии мировой политики последних лет множатся совершенно абсурдными и дикими примерами целенаправленного занесения в эту сферу людей не просто некомпетентных, но внутренне еще и абсолютно непригодных к этой деятельности, то на настоящее время имеются все основания утверждать запрос о приходе технократов в политику как крайне актуальный и уже назревший [9].

Критическая рефлексия карнавализации и профанации мирового политического дискурса последних лет закономерно приводит к тому выводу, что в своем социокультурном и социально-философском измерении «технократия» как один из возможных вариантов управления социумом предлагает для реализации разнообразных сценариев исторического развития хорошо известные и опробованные ей технически-опосредованные, или технически-связанные знания и методы переустройства сложной общественной системы, прежде всего опирающиеся на достижения НТП [10, 11, 12].

Это последнее добавляет к имиджу современного технократа определенный политический оптимизм, в основе которого чаще всего обнаруживается понимание исчерпанности и ограниченности потенциала развития культурных форм до-технической и технологической эпохи, что на фоне постоянного преобразовательного влияния на культуру современного НТП вполне может быть обозначено как новая технологическая революция в культуре, влекущая за собой неизбежные транс-

формации всего социокультурного контекста существования современной цивилизации, что уже наблюдается вполне отчетливо и объективно. Однако столь же объективно и то, что не только окружаемый техносферой человек вынужден во все большей степени подстраиваться под ее законы – это же касается и всего социального пространства современного общества.

Косвенным, но весьма весомым подтверждением возрастающей актуальности таких интенций является то, что наиболее впечатляющие экономические успехи и прорывы наблюдаются по миру там, где к власти приходят именно технократы, а экономика всегда была и продолжает оставаться фундаментом многих политических возможностей, фундируя своим потенциалом ожидаемый успех также и в сфере политики.

Контрастом на фоне этих, в общем, позитивных оценок выглядят периодически озвучиваемыми некоторыми футурологами прогнозы квази-религиозного и чисто алармистского характера, которые содержательно развивают тему «восстания машин» и порабощения затем человека и человечества техносферой. Имидж «наступающей» в политике «эпохи технократии» и тех, кто ее явно или тайно приближает, рисуется в поле такого рода прогнозов как крайне негативный.

Настороженность и даже отрицательное отношение к современному НТП превалирует как раз в сознании тех общественных слоев, которые искренне страшатся «технократической революции» во власти, мифологемами которой в этом сознании выступают искусственный интеллект и возможное порабощение им человека, управляющий цивилизацией суперкомпьютер, превращающий индивидуальность человека в набор компьютерных данных, программирование развития индивида и общества, компьютеризация и алгоритмизация всего культурного достояния цивилизации и, как следствие – превращение всего будущего человечества в его лживый виртуальный образ, внутри которого физический человек исчезает без следа.

Несмотря на весь этот иррационализм, некоторые государства проводят целенаправленную политику привлечения представителей высшей технической интеллигенции и руководителей сложных технико-технологических организаций в политику. Такими приглашенными технократами, например, были У. Перри, Г. Браун, Д. Шлессинджер в должности министров обороны США. В России к числу таких примеров можно отнести выдвижение на должности политических руководителей таких фигур, как Ю. Рыжов, С. Кириенко, С. Ковальчук, а также целый ряд губернаторов, в т.ч. и ныне действующих [13]. Можно даже отметить некоторое постоянно существующее предпочтение высшего политического руководства по отношению к технической и инженерно-конструкторской элите.

Заключение

Таким образом, технократизм в политике – это форма правления, при которой власть принадлежит техническим специалистам и экспертам. Эксперт и является типом политического лидера. Он принимает политические решения на основе анализа данных.

Основные критерии технократизма: дистанцирование от общественного мнения и опора на экспертное знание и экспертизу при формировании политического курса. Важно, что в технократической политической системе экономика регулируется экономистами, социальная политика – политологами, система здравоохранения – специалистами-медиками, и по аналогии любые другие сферы государственного регулирования ложатся на плечи экспертов в соответствующих областях.

Следует признать, что в современных условиях основной проблемой окажется, скорее всего, не то, как и в какую сторону будет меняться политическая культура, а то, какие глобальные изменения окажутся неизбежны в культуре вообще. Последнее есть поиск ответа на вопрос о том, как изменится положение человека в его гуманитарном пространстве, все более заполняемым техникой, поскольку инспирированная современным НТП научно-техническая революция в культуре, скорее всего, примет перманентный характер. Будущее только ставит перед человеком сегодняшнего времени вопрос о том, как именно и каким образом смогут измениться приоритеты, цели и идеалы его материальной и духовной деятельности в связи с изменением системы управления вследствие усиливающего влияния множатся факторов технизации и технологизации его непосредственного жизненного окружения.

Литература

1. Foresti T. American economics at the turn of the 20(th) century: Thorstein B. Veblen, Alfred Marshall, and the methodological foundations of institutionalism // *Journal of the History of Economic Thought*. 2010. Is. 4. P. 613–615.
2. Кочергин Д. Г. О влиянии технократического мышления на становление постиндустриальной теории // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2011. № 3. С. 107–110.
3. Skrbina D. German Metaphysical Insights Dessauer, Juenger, Heidegger // *Metaphysics of Technology*. 2015. Vol. 94. P. 70–93.
4. Макеев С.В. Технократизм как объект философского исследования и теории (концепции) технократизма как предмет историко-философского анализа // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия «Философские науки». 2008. № 1. С. 114–127.
5. Ефременко Д.В. Техника в политическом измерении: от мегамашин до нанороботов et vice versa // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. № 4. С. 46–63.
6. Костерев А. Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2019. № 58. С. 41–47.
7. Горохов В.Г. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 2012. № 12. С. 3–23.
8. Фарукшин М.Х. Технократия: надежды и риски // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 76–86.
9. Нестеров А. Ю., Горбунов Д.В. Технологическое будущее России: вызов «третьей природы» // *Вестник Самарского университета*. Аэрокосмическая техника, технологии и машиностроение. 2017. № 4. С. 60–71.
10. Вздорова Л.П. Шестой технологический уклад: технократия как возможный режим управления государством // *Евразийское научное объединение*. 2017. № 11. С. 136–138.
11. Azimli A. Technocracy as the Ideology // *Samara National Research University (Samara, Russia – Electronic resource)*. – URL: <https://orcid.org/0000-0002-6682-100X> (дата обращения: 10.10.2024).
12. Кутырев В.А. Прогресс транстехнологий как отрицание человека: критические точки взаимодействия // *Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. 2016. № 6. С. 209–221.
13. Полежаев О. Губернаторы-технократы. Первые результаты новых управленцев России // *Aif.ru* [Электронный ресурс]. – URL: https://aif.ru/politics/russia/gubernatory-tehnokraty_pervye_rezultaty_novyh_upravlencev_rossii (дата обращения: 12.07.2024).

TECHNOCRAT IN MODERN CULTURE: IMAGE AND POLITICAL REALITIES

Pluzhnikova N.N., Matveev E.A.
Moscow Polytechnic University

This article examines the problem of entry into the system of political governance of representatives of the technocratic elite of society, possessing the appropriate type of thinking and style of managing mass processes. Particular attention is paid to the analysis of positive and negative aspects of public reflection emerging on this matter, the most widespread and most easily implemented in the public environment reasons for their emergence and subsequent dissemination are studied. It is noted that the discourse of discussing the positive and negative effects of technocratization of the space of political activity is largely stimulated by scientific and technological progress and the general changes in the life of man and society associated with these. In conclusion, a general assessment is given of the influence of the permanent scientific and technological revolution of

the present time on modern culture and civilization in the context of the specific requirements imposed today by society on the sphere of political management of the activities of the individual and society.

Keywords: political leadership, leader, leadership, technocracy, technosphere, development factors, indirectly technical methods in politics, technocratic principles.

References

1. Foresti T. American economics at the turn of the 20th century: Thorstein B. Veblen, Alfred Marshall, and the methodological foundations of institutionalism // *Journal of the History of Economic Thought*. 2010. Is. 4. P. 613–615.
2. Kochergin D.G. On the influence of technocratic thinking on the formation of post-industrial theory // *Intelligence. Innovations. Investments*. 2011. No. 3. P. 107–110.
3. Skrbina D. German Metaphysical Insights Dessauer, Juenger, Heidegger // *Metaphysics of Technology*. 2015. Vol. 94. P. 70–93.
4. Makeev S.V. Technocracy as an object of philosophical research and the theory (concept) of technocracy as a subject of historical and philosophical analysis // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Philosophical Sciences"*. 2008. No. 1. Pp. 114–127.
5. Efremenko D.V. Technology in the political dimension: from megamachines to nanorobots et vice versa // *Political expertise: POLITEX*. 2012. No. 4. Pp. 46–63.
6. Kosterev A.G. The phenomenon of Soviet technocracy: towards the formulation of the problem (political-ideological and socio-cultural dimensions) // *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2019. No. 58. Pp. 41–47.
7. Gorokhov V.G. Convergence of biological, information, nano- and cognitive technologies: a challenge to philosophy (procedures of the round table) // *Questions of Philosophy*. 2012. No. 12. Pp. 3–23.
8. Farukshin M. Kh. Technocracy: hopes and risks // *Sociological studies*. 2019. No. 5. Pp. 76–86.
9. Nesterov A. Yu., Gorbunov D.V. Technological future of Russia: the challenge of the "third nature" // *Bulletin of Samara University. Aerospace engineering, technology and mechanical engineering*. 2017. No. 4. Pp. 60–71.
10. Vzdrova L.P. The sixth technological mode: technocracy as a possible regime of state governance // *Eurasian Scientific Association*. 2017. No. 11. P. 136–138.
11. Azimli A. Technocracy as the Ideology // *Samara National Research University (Samara, Russia – Electronic resource)*. – URL: <https://orcid.org/0000-0002-6682-100X> (date of access: 10.10.2024).
12. Kutyrev V.A. Progress of transtechnologies as a denial of man: critical points of interaction // *Philosophy of the economy: almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University*. 2016. No. 6. P. 209–221.
13. Polezhaev O. Technocratic governors. The first results of the new managers of Russia // *Aif.ru* [Electronic resource]. – URL: https://aif.ru/politics/russia/gubernatory-tehnokraty_pervye_rezultaty_novyh_upravlencev_rossii (date of access: 12.07.2024).

Правовой нигилизм и современность: ретроспектива и взгляд в будущее

Сирин Сергей Анатольевич,

к.ф.н., доцент, кафедра общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России»
E-mail: tkocmina@gmail.com

В данной статье правовой нигилизм рассматривается как идеология; представлены определения идеологии; основная проблема связана с невозможностью ее законодательного закрепления; охарактеризована идеология советского государства; отмечено, что революционное правосознание, являясь нигилистическим в чистом виде, своим же существованием отрицало нигилизм; делается вывод, что ментальное «наполнение» общественного сознания идеологией, связанной с социально-политическим устройством государства, детерминирует характер существования правового нигилизма.

Ключевые слова: правовой нигилизм, моноидеологичность, мыслеобразование, постмарксизм, идеология, политизированность.

Эволюция воззрений правового нигилизма неразрывно связана с идеологией, трансформацией ее трактовок.

Идеология и ее формирование сталкивается с множеством сложностей и имеет большое количество неразрешенных проблем. Так, с точки зрения нормативно-правового регулирования главной проблемой является невозможность законодательного закрепления идеологии, поскольку не существует единообразного и четкого определения идеологии с точки зрения ее юридического описания. Идеология включает в себя множество компонентов и является понятием политизированным, наднациональным и явно выходит за пределы только юриспруденции, правовой сферы действия законодательства, поэтому она является объектом более широкого толкования, чем это может быть описано нормативно-правовыми актами.

Определение идеологии в юридической доктрине приводится во множестве учеными и исследователями. Так, к примеру, К. Маркс и Ф. Энгельс под идеологией понимали воплощение идей, мыслей, принципов. Идеология «считает, что идеи господствуют над миром, идеи и понятия она считает определяющими принципами, определенные мысли – таинством материального мира» [3]. И здесь в этом определении явно нам встречается отсылка к Канту и его учению об абсолютной идее.

Вместе с тем такой подход одновременно означает и крах материализма, который лежит в основе марксизма и большевизма, поскольку только материальная сущность, согласно материализму, является определяющей и первичной по отношению к остальному бытию. Господство идеи над миром означает, что все же надстройка получает власть над базисом, что указывает на принципиальное несоответствие в учении материалистов. Возможно, в этом скрывалось идеологическая ошибка большевизма и коммунизма, который пытался юридически закрепить идеологию через нормативно-правовую базу, при этом одновременно утверждал о превосходстве материального над нематериальным. Конечно, в этом можно снова увидеть подтверждение диалектического закона единства и борьбы противоположностей, а равно и отрицания отрицания, ведь господство нематериальной идеи над миром отрицает господство материальной сущности бытия.

В то же время господствующее учение марксизма-коммунизма-социализма, построенное на фундаменте материального базиса, допускает внесение нормы об идеологии в Конституцию СССР.

Изучение преамбулы сразу же позволяет ставить вопрос о природе и сущности научного коммунизма. Природа научности коммунизма и сути научного коммунизма вызывает множество сомнений, поскольку коммунизм основан на материалистических научных догмах и концепциях. В связи с чем идеей научного коммунизма мог являться чистый материализм в любых его социальных, экономических, политических и иных проявлениях.

Материализм может быть расценен и как некоторая степень незрелости общественного, научного и иного сознания, так как представление о том, что существует лишь то, что можно потрогать, осязать, услышать, увидеть или иным образом почувствовать является довольно незрелым, инфантильным и «детским» подходом, основанным на сенсуализме в чистом виде. Материалисты игнорируют многие доказательства того, что их же сугубо материальные науки содержат множество фактов того, что материя может проявлять себя не только по доступным человеку чувствам и ощущениям, но и следствиям, которые в отличие от невидимой причины ощущаются сенсуально человеком.

Если признается следствие, которое сенсуально и осязаемо субъектом, то должна признаваться и невидимая и скрытая причина. Однако материалисты во многих случаях не признают такую скрытую причину.

Идеология советского государства была связана с общественно-политическим строем и его постепенным развитием. Это может быть признано ошибочным, поскольку таким образом идеологизируется и сам по себе политический и социальный строй такого государства. Он сам становится частью этой идеологии и начинает представляться как некий идеал. Во многом именно с этим сталкивается и нынешняя российская действительность, когда множество граждан начинают ностальгически идеализировать советскую действительность, мечтая вернуться назад и не видя никакой возможности двигаться вперед и существовать в иных реалиях.

Конечно же, включение политического и социального устройства в идеологию является довольно разумным шагом с точки зрения политического «долгожительства» такой социально-политической системы, как система, включаемая в идеологию. Будучи заложенной на подсознательном уровне в правосознание или же в подсознание в случае отсутствия правосознания, такая интеллектуальная формация превращается в социально-мыслительный стереотип, который раз за разом воспроизводится в общественном сознании и заставляет возвращаться к прежнему социально-политическому устройству.

Можно предположить, что именно такое ментальное «наполнение» общественного сознания идеологией, связанной с социально-политическим

устройством, способно вытеснить правовой нигилизм как умонастроение и образ мышления, поскольку по каким-то причинам, по-видимому, скрытым в глубине подсознания и социальной психологии, нигилизм не способен оказывать отрицательного воздействия на такой тип идеологии.

Что же такое идеи научного коммунизма, которые способны долговременно противостоять нигилизму и не поддаваться отрицанию в общественном сознании. Над этим вопросом предстоит трудиться, очевидно, философии и правоведению.

Вместе с тем здесь стоит вспомнить, что коммунизм в России возник как общественно-политическое устройство именно путем радикального и даже революционного отрицания царского самодержавия. Диалектически отрицание самодержавия привело к военному коммунизму, который трансформировался в коммунизм, стремившийся к социализму. Если следовать далее концепции исторической диалектики, то отрицание социализма трансформируется в самодержавие.

Однако, Маркс и Энгельс представляют этот процесс как закономерный процесс эволюционной трансформации, количественную составляющую которого представляет эволюция, а качественную – революция. Причиной также называются социально-экономические противоречия.

Таким образом, коммунизм по Марксу и Энгельсу не возникает через отрицание, то есть, революция не является следствием и продуктом нигилизма как умонастроения. На наш взгляд, именно в этом допущении содержится тот ключевой момент, благодаря которому нигилизм не смог проникнуть в коммунистическую идеологию советского строя. Маркс и Энгельс, являясь основными идеологами и философами советского строя, прекрасно понимая, каким разрушительным эффектом обладает нигилизм, поставили определенный интеллектуальный и идеологический «барьер» для этого вида умонастроения, чтобы оградить коммунизм и революцию от его разрушающего влияния.

Благодаря этому революционное правосознание и революционное сознание, являясь нигилистическим в чистом виде, своим же существованием отрицали нигилизм, как причину, их породившую. Этим объясняется их долговременное существование. Трансформировавшись далее в идеи коммунизма, в идеи научного коммунизма – своеобразную научную фикцию, нигилистические, по своей природе и происхождению, идеи, смогли приобрести довольно устойчивый базис и образовывать идеологию советского государства.

Это проявлялось на самом высшем уровне марксистской материалистической концепции, которая стала высшей правовой силой и приобрела характер идеологии. Коммунистам удалось объединить все противоречия политико-философского и политико-правового характера, сгладить их и свести в стройную и концептуально-целостную

идеологию, которая исторически, философски и социально являлась абсолютно ошибочной.

Между тем, современная трактовка марксизма как раз опровергает такую концепцию. Так, А. Бадью, Л. Альтюссер и др. считают, что коммунизм не имеет никаких причин и исторических закономерностей в прошлом. Коммунистическое будущее не выступает у них закономерным итогом имманентного развития капитализма. Вместе с тем следует отметить, что социальные и экономические противоречия, накапливаясь и образуя критическую массу, действительно могут являться источником качественного (революционного) скачка, в результате которого один социально-политический строй сменяется другим.

Маркс и Энгельс пытаются усмотреть логику в истории путем анализа смены политических устройств и режимов, выстраивая из этого определенную закономерность и сводя в учение об историческом материализме. По сути, мыслители утверждают, что история сугубо материалистична и поддается человеческой логике. В то же время коммунизм, построенный на идеях марксизма с идеологической точки зрения, пытается в центр своей идеологии возвести идеи марксизма, имеющие сугубо материалистический характер.

А. Бадью [1], являющийся представителем популярной сегодня в Европе школы постмарксизма, утверждает, что история непредсказуема и пронизана серией произвольных и непредсказуемых, непрогнозируемых разрывов. По сути, Бадью агностичен, говоря о том, что историческое знание непознаваемо человеком на базе доступной ему логики. Здесь можно упомянуть и Ницше [4], учение которого также было в некотором смысле агностично, представляя высшую степень нигилизма.

Немецко-австрийский философ утверждал, что закономерности, устанавливаемые человеком тем менее вероятны в своей объективности и действительности, чем менее точно можно количественно измерить входящие в них эмпирические объекты и величины.

К примеру, физические, химические, математические и прочие точные научные закономерности с высокой степенью вероятности можно установить и проверить, поскольку все входящие в них параметры можно охарактеризовать описанными и общепризнанными величинами (ток, магнитное поле, температура, скорость, сила). Однако провести аналогичные величины с общественными и историческими процессами не представляется возможным, так как они с трудом поддаются математическому и иному научному точному измерению и описанию.

Идеология в принципе не поддается измерению точными параметрами, поэтому она является нематериальной концепцией, противоречащей учению материализма.

Говоря о природе идеологии, рассуждая о ее наполнении, необходимо понимать, что идеология не есть учение о чем-либо, она не носит принудительного характера. Она является мыслеобразованием, своего рода умонастроением, поэтому ее ментально-интеллектуальная природа абсолютно идентична природе нигилизма – это умонастроение, способ мышления, который не может являться принудительным. Моноидеологичность советского государства являлась одновременно и его слабостью в том числе, поскольку идеология не терпит навязывания.

Для современной трактовки данного понятия как нельзя лучше подходит егописание из работы И.В. Дайнеко и М.М. Мухина, которые приводят слова словенского философа С. Жижека: «Идеология не просто система идей. Идеология на самом элементарном уровне – это что-то интимное, спонтанное, она – в том, как вы ощущаете мир, как вы организуете свою жизнь, в чем вы видите ее смысл... Идеология – в том, почему вы что-то принимаете, а что-то нет, в манере вашей речи, в том, как вы готовите ужин, как вы развлекаетесь и так далее» [6].

Вместе с тем, если говорить о частичной идеологии, то как можно говорить о недоверии отдельным идеям и ложности отдельных мыслей, если идеология есть умонастроение. Умонастроение, на наш взгляд, означает то, **как** мыслить, а не то, что мыслить. Возникает обоснованное сомнение о том, как способ мышления может быть частично ложным и вызывать частичное недоверие – он либо верен, либо нет. Кроме того, ложность, полная или частичная в отношении способа мышления, также рассматривается, как крайне сомнительная. Вообще, в философском смысле задавать смысл о ложности или правдивости умонастроения – это выглядит крайне сомнительно, поскольку, к примеру, на вопрос о ложности или правдивости нигилизма или правового нигилизма сложно дать однозначный ответ. С другой стороны, как можно описать целый способ мышления определением ложный или истинный?

При этом если ложный способ мышления дает ложные умозаключения, то это может говорить о том, что ложен не способ, но ложен сам первичный материал. Умонастроение является своего рода интеллектуальным инструментом – нигилизм, к примеру, можно воспринимать как идеологический «нож», «бритву Оккама», отсекающую все ненужное. То же самое можно сказать и о критическом мышлении, которое также является формой нигилистического подхода к вещи. Скептицизм также позволяет отсекаать определенную информацию.

Итальянский философ А. Грамши [2] понимает идеологию как средство формирования субъективности, «в той мере, в какой идеологии исторически необходимы, они имеют «психологиче-

скую действенность», «организуют» людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д. «Почвенность» идеологии разрушает материалистическую концепцию относительно базиса и надстройки, поскольку именно идея как движущий мотив всего общественного и государственного начала означает, что идеология фактически «материализуется», и именно идея, положенная в основу государства, дает ключ к его существованию и развитию.

Французский философ Л. Альтюссер [5] дает определение идеологии как системы идей и представлений, которые владеют умом человека или социальной группы.

Данное критическое отношение к идеологии также имеет право на существование и основывается оно на массовости этой идеологии и ее массовом применении в общественном сознании, что неизбежно, по Ницше и теоретикам психоанализа, приведет к фальсификации и искажению самого предмета воспроизводства.

В то же самое время необходимо сказать и несколько слов в защиту нынешнего положения вещей.

Если ранее преамбула Конституции рассматривалась как место идеологического наполнения Основного закона страны, то почему сейчас не может быть принят аналогичный подход? В отличие от научного коммунизма Конституции СССР в Конституции РФ нет и намека на сохранение нигилизма, как способа мышления, поэтому такая преамбула была бы идеологически гораздо более подходящей, нежели ее предшественница.

Таким образом, в будущем, если появится официальная государственная идеология, то возникнет и правовой нигилизм, представителями которого в современных условиях являются эмигранты и иностранные агенты.

Литература

1. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла / пер. с франц. В.Е. Лапицкого. [Электронный ресурс]. – URL: http://royallib.eom/read/badyu_alen/etika_ocherk_o_soznanii_zla.html#0.
2. Грамши А. Тюремные тетради: Ч. 1. М.: Политиздат. 1991. 559 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 3. М. 1955. 572 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М. 1995. 742 с.
5. Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* // Paris: Les Éditions sociales, 1976. P. 67–125.
6. Colta.ru. Интервью В. Корецкого и Д. Рузаева с С. Жижекот от 24 апреля 2013 г. «Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает» [Электронный ресурс]. – URL: <http://archives.colta.ru/docs/20836>.

LEGAL NIHILISM AND MODERNITY: RETROSPECTIVE AND A GLIMPSE INTO THE FUTURE

Sirin S.A.

Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia

In this article legal nihilism is considered as an ideology; definitions of ideology are presented; the main problem is related to the impossibility of its legislative consolidation; the ideology of the Soviet state is characterised; it is noted that the revolutionary legal consciousness, being nihilistic in its pure form, by its very existence denied nihilism; it is concluded that the mental 'filling' of public consciousness with ideology related to the socio-political structure of the state determines the nature of the existence of legal nihilism.

Keywords: legal nihilism, mono-ideological, thought formation, post-Marxism, ideology, politicisation.

References

1. Badiou A. *Ethics. An essay on the consciousness of evil* / trans. from French by V.E. Lapitsky. [Electronic resource]. – URL: http://royallib.eom/read/badyu_alen/etika_ocherk_o_soznanii_zla.html#0.
2. Gramsci A. *Prison Notebooks: Part 1*. Moscow: Politizdat. 1991. 559 p.
3. Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed. Vol. 3. Moscow 1955. 572 p.
4. Nietzsche F. *The Will to Power: An Essay on the Revaluation of All Values*. Moscow 1995. 742 p.
5. Althusser L. *Ideology and Apparatus of Ideology of Ethics* // Paris: Les Éditions sociales, 1976. P. 67–125.
6. Colta.ru. Interview of V. Koretsky and D. Ruzaev with S. Žižek from April 24, 2013. "Ideology is an empty word, that's why it works" [Electronic resource]. – URL: <http://archives.colta.ru/docs/20836>.

Патриотизм как мировоззренческая самоидентификация российской личности

Тумин Александр Юрьевич,

к.ю.н., доцент кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: tumin-msk@mail.ru

В работе изучается патриотизм как элемент мировоззрения и самоидентификации, освещаются его теоретические основы и историческое развитие. В исследовании делается упор на критическое переосмысление данного феномена, на его значение в российской культуре и философии, анализируется вклад различных эпох и философских школ, в частности, рассматриваются идеи Н.А. Бердяева о духовных принципах патриотизма, превосходящих политические и социальные условия.

Статья затрагивает противоречия между национальной и государственной идентичностью, исследует патриотизм в социальных процессах и его взаимосвязь с гражданским обществом и политическим сознанием на разных этапах российской истории.

Ключевые слова: патриотизм, самоидентификация, гражданское общество, культурная идентичность, социально-философский анализ, историческое развитие, мировоззрение, национальное самосознание.

Теоретическое осмысление патриотизма

В исследовании С.В. Килина анализируется генезис и развитие концепции патриотизма в западной и русской философии, освещаются основные этапы и вклад отдельных эпох и мыслителей в формирование как общественного, так и индивидуального патриотического сознания, автор выделяет роль критического переосмысления феномена патриотизма для того, чтобы преодолеть субъективные и абстрактно-рассудочные представления, стремясь к более конкретному, логико-систематическому пониманию данного явления.

По С.В. Килину, патриотизм в европейской культуре начал формироваться в период античности, начиная с чувственно-непосредственного родоплеменного духа, и преобразовывался в «партикулярный», частно-государственный патриотизм, затем обрел форму космополитического государства. То есть, патриотизм в христианской культуре был переосмыслен через духовную всеобщность, в первую очередь – через любовь к Божественному Отечеству, идеалу Царства Небесного, что значительно меняло понятие патриотизма по сравнению с античными представлениями [4].

Средневековье привнесло диалектику между земным и небесным, а новоевропейская философия вновь делала упор на «человеческом» начале, основываясь на роли гуманизма и легитимной политической власти в патриотическом умонастроении; в немецкой классической философии детально изучается диалектика понятия патриотизма, которая стремится объединить эмпирические и метафизические принципы в единое целое.

В русской философии понятие патриотизма развивалось с учетом особенностей русского национального самосознания и под влиянием православия, которое демонстрировало особенности русской духовности и социальной структуры. Таким образом, можно выделить несколько этапов в развитии идеи патриотизма в России:

1. Древняя Русь и формирование понятия патриотизма – начало формирования понятия патриотизма в России связано с периодом Киевской Руси и особенно с принятием христианства – христианская идея о всеобщем братстве изменила представления о патриотизме, внесла в него элементы духовного единства и отказ от языческого национализма, оно содействовало укреплению государственности и идеи

- соборности, что в дальнейшем стало одной из основных черт русского патриотизма.
2. Средневековые и развитие национального самосознания – период Московской Руси характеризуется расширением государственных границ и укреплением идеи централизованного государства; патриотизм начинает ассоциироваться не только с религиозной принадлежностью, но и с защитой от внешних угроз и содействием политической стабильности. Например, такие идеи, как «Москва – третий Рим», характеризуют Россию как защитника православного мира и создают образ рода, который призван исполнить особую историческую миссию.
 3. Просвещение и модернизация – XVIII век принес с собой идеи Просвещения, которые внедрились в российскую культурную и политическую жизнь в период правления Петра Великого и Екатерины II. Далее патриотизм становится связанным с модернизацией страны, стремлением к европейским стандартам в науке, искусстве и управлении. Это время также характеризуется попытками создания национальной самобытности на основе философии, истории и культуры.
 4. XIX век – время интеллектуальных дебатов – в данный период патриотизм в России становится предметом живых дебатов между славянофилами и западниками. Так, славянофилы делали упор на своеобразие русской духовности и в целом культуры, видя в них основу для патриотического самосознания; западники же стремились к более тесной интеграции России с Западом, что рассматривалось ими как путь к ее цивилизационному обновлению.
 5. XX век и советский период – советская эпоха принесла с собой новую интерпретацию патриотизма, связанную с идеями социализма и коммунизма, то есть в это время патриотизм означал прежде всего верность государству и идеям марксизма-ленинизма, но, несмотря на политический контроль, в русской философии оставались тенденции к поиску национального и духовного самоопределения.

Если рассматривать социальную философскую концепцию патриотизма с точки зрения Н.А. Бердяева, то, разрабатывая идею инстинктивного патриотизма, он утверждает, что истинная любовь к Родине происходит из первичного, бескорыстного стремления служить своей стране – без опоры на внешние достижения или политическую обусловленность этой любви. Подлинный патриотизм для него – это не только отсутствие целесообразных причин и оправданий для любви к Отчизне, но и укоренённое метафизическое чувство, возвышающее национальное начало над социальными и государственными интересами [2].

В своих работах Н.А. Бердяев принципиально критикует идею патриотизма, связанного с чисто

политическими и социальными интересами, фокусируясь на внутренней, духовной связи с Родиной, которая должна превалировать. Он рассматривает патриотизм как глубоко личностное выражение общенационального духа и культурной идентичности.

По мнению Бердяева, патриотизм категорически не должен быть утилитарным, оставаясь стойким и непоколебимым, особенно перед лицом серьезных исторических испытаний. Любовь к России, согласно его учению, является абсолютной и не требует никаких материальных обоснований; она превышает любого политического торга и социальных манипуляций, заведомо независима от всяких временных обстоятельств.

К тому же в патриотическом контексте Бердяев рассматривает идею о духовной силе всей нации, которая должна сказываться в безусловной преданности служению Родине. Защита Отечества претворяется в священный долг каждого гражданина, который не должен поддаваться влиянию политической конъюнктуры или внутренних неблагоприятий. Патриотизм у русского философа утверждается не просто как национальное чувство, но как божественное предначертание, неотъемлемое от духовной миссии народа [1].

Нельзя, наконец, не подчеркнуть, что взгляды Бердяева на патриотизм формировались в трагический период истории России, в разгар Первой мировой войны, а затем революционных катаклизмов.

Патриотизм и русская идентичность

Органичной составляющей Бердяевской концепции патриотизма явился вопрос о глубинной, мистической сущности русской национальной идентичности. Отечественный философ отмечает, что национальность не следует понимать как замкнутый и изолированный феномен; она представляет собой часть объемной иерархии бытия: от индивидуального к общечеловеческому и космическому, замыкаясь в идеи абсолютного (Бога). К тому же национальность диалектически соотносится с общечеловеческой культурой, в которую каждая нация добавляет свою оригинальную ценность.

В русской национальной идентичности Бердяев конкретно выделяет её таинственность и мистичность, их невозможно полностью раскрыть или объяснить через чисто рациональные или эмпирические подходы. Подобное понимание оттеняет внутреннее, духовное измерение национальной идентичности, естественно, выходящее за рамки политического или социального содержания.

Более того, русская национальная идентичность, согласно Бердяеву, выражается через антиномию национального и государственного самосознания: Россия описывается как страна, где величайшие государственные начинания сосуще-

ствуют с глубокой аполитичностью и безгосударственностью народа.

Бердяев также осмысляет русскую самобытность через синтетическое понятие «всеобъемлющего Востоко-Запада», указывая на роль России как связующего звена между Востоком и Западом, которое предполагает географическое, культурное и духовное перекрестие, где страна демонстрирует новый тип культурно-цивилизационной интеграции, сохраняя свое собственное лицо.

Тема патриотизма и русской идентичности не утратила интерес современных отечественных философов. Например, И.А. Кушнаренок пишет, что российский патриотизм неотделим от понимания и гражданской идентичности, включающей в себя уважение к традиционному многообразию и историческому опыту страны. Эта связь россиян с Родиной выражается через символы общенационального значения, такие, как флаг, герб и гимн, и является проявлением патриотических чувств, которые инициируют проявление патриотических чувств и эмоциональную привязанность к стране [5].

В то же время они укрепляются и благодаря русской православной церкви, русскому языку, в целом отечественной истории, эффективно подерживая основы нравственных ценностей общества.

Далее, патриотизм в России связан с гражданским сознанием, которое выражается через деятельность общественных организаций и молодежных групп, ориентированных на социальную справедливость и процветание страны. Таким образом, становящееся гражданское сознание укрепляет национальные силы и репутацию России.

А.В. Гулыга анализирует патриотизм как сильное государственно-идеологическое начало, служащее механизмом легитимации власти и инструментом социально-политической интеграции населения в России. Ведь в российской истории патриотизм часто ассоциировался с державностью и национальным самосознанием, особенно начиная от эпохи Петра Великого, который закрепил его значимый статус в государственных законах и воинских документах. При советской власти патриотизм стал важным элементом социалистической идеологии с выраженным упором на пролетарский интернационализм. Другими словами, военная составляющая патриотизма в российской истории последних веков явила большую ценность по сравнению с гражданской ответственностью и, скажем, участием в управлении государством [3].

Патриотизм превращается из массовой эмоции в идеологию, тем более в условиях политических кризисов, когда эмоциональный компонент становится доминирующим в восприятии идей национальной принадлежности и лояльности. Так, в истории России патриотические настроения ча-

сто становятся ответом на коллективные травмы, проявляясь в различных формах в зависимости от социально-политического фона.

Социально-философский анализ патриотизма

Как социальная реальность патриотизм непосредственно проявляется через деятельность общественных организаций, этносов, наций, а также через индивидуальные поступки. В результате общественное патриотическое сознание формируется в рамках интерактивного процесса, не сводясь к механической сумме личных устремлений, а становясь сложной иерархией различных уровней общественного бытия с теоретической и практической активностью людей.

Современные исследования патриотизма как части социальной реальности используют различные методологические подходы, в том числе натуралистический, который рассматривает общество по аналогии с природой и выделяет органичную неизбежность тех или иных социальных процессов. Но намного актуальнее разрабатывать целостную культурно-историческую программу, чтобы она фокусировалась на приоритетах уже сложившихся мировоззренческих норм и ценностей в утверждении патриотизма [8].

С точки зрения патриотизма как общественной реальности усиливается роль идеалов, которые целеполагающе транслируются через образовательные и культурные институты, способствуя формированию социальной солидарности.

Таким образом, между государством и гражданским обществом возникает диалектическая взаимосвязь, при которой гражданское общество патриотически формируется, обладая определенной автономией от государства. А последнее воплощает коллективные интересы через создание структурного и правового поля для деятельности первого [6].

Напомним, что исторически гражданское общество в Европе и Северной Америке развивалось как сфера, радикально отличная от собственно государственной, поскольку личная свобода и частная собственность вполне обеспечивали политическую и экономическую автономию граждан. Вот почему и патриотизм здесь проявлялся через добровольные объединения, отдельные культурные и образовательные программы, естественно, тоже направленные на укрепление и национальной идентичности, и сплоченности общества в целом.

Современные отношения между государством и гражданским обществом сквозь призму патриотизма часто выражаются в поддержке государством социальных инициатив, которые предполагают соответствующее воспитание граждан, – таких, как празднование национальных юбилеев, памятных дат, прямо актуализирующих достойное культурное наследие страны.

Патриотизм и политическое сознание

Исторически сложилось так, что в советский период патриотизм фокусировался на коллективных ценностях и массовом подчинении интересам государства, где личное отступало на второй план. Но постсоветский период с начала XXI века стал характеризоваться ценностным переосмыслением патриотизма в сторону национального суверенитета и оригинального культурного самовыражения.

Сейчас, в условиях специальной военной операции, средства массовой информации особенно активно занимаются распространением патриотических настроений, при этом часто действуя по направлению, заданному государственной политикой, что ведет к созданию такого политического сознания, которое добровольно нацелено на укрепление государственных структур и текущего политического строя. В то же время средства массовой информации становятся надежным мостом между властью и гражданами, так как образуют значимое общественное мнение и конструктивное восприятие политической действительности [7].

Наряду со СМИ система образования и воспитания использует патриотизм как постоянное средство влияния на молодежь, направляя ее восприятие истории и современности в нужное русло для того, чтобы выработать тем самым положительные представления о нашей национальной идентичности и патриотическом долге перед страной.

Но применимы и другие подходы к пониманию патриотизма, когда он может анализироваться, например, через его влияние на личность и гражданскую идентичность.

Впрочем, в социальной философии применяются и анархические методики, но они не могут не исчезать в силу непрерывных изменений политических, социальных и экономических процессов в современном мире.

Заключение

Исследование патриотизма как мировоззренческой самоидентификации российской личности демонстрирует его природу, в которой переплетаются историческое развитие и философские интерпретации. Так, в рамках нашего анализа, начиная с античных времён и до современности, была прослежена трансформация патриотизма от первичных родоплеменных чувств к более высоким формам духовной приверженности и культурной самобытности.

Далее мы отметили, что российский патриотизм, как и было показано в работах Н.А. Бердяева и других русских мыслителей, неразрывно связан с сохранением национальной идентичности, ведь он развивается под влиянием глобализации и мировых процессов, который позволяет воспи-

тывать новые принципы национального самосознания, сохраняя при этом культурную самобытность с точки зрения мирового диалога культур.

Данные рассуждения указывают на то, что современное российское общество испытывает острую потребность в переосмыслении патриотических ценностей – в связи с тем, что процесс направлен на отход от стереотипных представлений к более осознанному и осмысленному виду патриотизма. В этом смысле образовательные и культурные институты занимаются формированием этого нового патриотизма, способствуя его интеграции в социальную реальность как элемента, который служит средством не только социально-политической интеграции и легитимации власти, но и сохранения культурной идентичности и национальной гордости.

Выводы

В рамках проведенного исследования сделаем следующие выводы.

1. Патриотизм – это не только политическая идеология, но и социально-культурная и духовная реальность, то есть отражение как личностных стремлений, так и общественных изменений, которые ставят его в зависимость от исторического фона.
2. Российский патриотизм неразрывно связан с национальной идентичностью, которая развивается под влиянием глобализации и мировых процессов, что открывает новые принципы национального самосознания, которые позволяют сохранять свою собственную специфику в условиях мирового диалога культур.
3. В настоящее время российское общество испытывает потребность в переосмыслении патриотических ценностей, отходя от стереотипных представлений и двигаясь к более осознанному и осмысленному патриотизму, а образовательные и культурные институты формируют этот новый патриотизм.
4. Патриотизм остается элементом политической системы России, служа средством социально-политической интеграции и легитимации власти и в то же время он представляется инструментом сохранения культурной самобытности и национальной гордости.

Литература

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922 / Н.А. Бердяев. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – [4], V, [3]. – 240 с.

3. Гулыга А.В. Творцы русской идеи / А.В. Гулыга. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 333 с.
4. Килин С.В. Этапы развития понятия патриотизма в западно-европейской и русской философии: историко-философский анализ: дис... канд. филос. наук / С.В. Килин. – М., 2023. – 233 с.
5. Кушнарченко И.А. Гражданственность и патриотизм как ценностные основы общественного сознания / И.А. Кушнарченко // Философские исследования и современность: сборник научных трудов. Вып. 4. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского. – 2015. – С. 110–121.
6. Лесняк В.И., Орлов В.Б. Патриотизм как ценность гражданского общества / В.И. Лесняк, В.Б. Орлов // Вестник Югорского государственного университета. – 2006. – № 2 (3). – С. 80–86.
7. Милорава А.Р. Роль СМИ в политическом сознании граждан современной России / А.Р. Милорава // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 182–184.
8. Стрелецкий Я.И., Сидоренко Н.С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ / Я.И. Стрелецкий, Н.С. Сидоренко // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 6. – С. 16–20.

PATRIOTISM AS A WORLDVIEW SELF-IDENTIFICATION OF A RUSSIAN PERSONALITY

Tumin A.Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The work studies patriotism as an element of worldview and self-identification, and highlights its theoretical foundations and historical development. The study focuses on a critical rethinking of this phenomenon, on its significance in Russian culture and philosophy, analyzes in detail the contribution of various eras and philosophical schools, in particular, considers the ideas of N.A. Berdyaev about the spiritual principles of patriotism, surpassing political and social conventions.

The article touches on the contradictions between national and state identity, explores patriotism in socio-philosophical processes and its relationship with civil society and political consciousness at different stages of Russian history.

Keywords: patriotism, self-identification, civil society, cultural identity, socio-philosophical analysis, historical development, worldview, national identity.

References

1. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom: Journalism 1914–1922 / N.A. Berdyaev. – М.: Astrel, 2007. – 1179 p.
2. Berdyaev N.A. The fate of Russia: experiments on the psychology of war and nationality / N.A. Berdyaev. – М.: Publishing house G.A. Leman and S.I. Sakharov, 1918. – [4], V, [3]. – 240 p.
3. Gulyga A.V. Creators of the Russian idea / A.V. Gulyga. – 2nd ed. – М.: Young Guard, 2018. – 333 p.
4. Kilin S.V. Stages of development of the concept of patriotism in Western European and Russian philosophy: historical and philosophical analysis: diss... Ph.D. Philosopher Sciences / S.V. Kilin. – М., 2023. – 233 p.
5. Kushnarenko I.A. Citizenship and patriotism as the value foundations of public consciousness / I.A. Kushnarenko // Philosophical studies and modernity: a collection of scientific works. Vol. 4. – М.: Publishing House of the Academy named after. NOT. Zhukovsky. – 2015. – pp. 110–121.
6. Lesnyak V.I., Orlov V.B. Patriotism as a value of civil society / V.I. Lesnyak, V.B. Orlov // Bulletin of Ugra State University. – 2006. – No. 2 (3). – pp. 80–86.
7. Milorava A.R. The role of the media in the political consciousness of citizens of modern Russia / A.R. Milorava // Young scientist. – 2017. – No. 14 (148). – pp. 182–184.
8. Streletsky Ya.I., Sidorenko N.S. The phenomenon of Russian patriotism: social and philosophical analysis / Ya.I. Streletsky, N.S. Sidorenko // Society: philosophy, history, culture. – 2018. – No. 6. – pp. 16–20.

Влияние интернета на личность человека в современном обществе

Рахконен Марина Евгеньевна,

старший преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: rakhkonen-me@ranepa.ru

Каратаева Тамара Александровна,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории ФЭИ СВФУ, ФГБОУ ВО «Северо-восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»
E-mail: kta_yakutsk@mail.ru

Александрова Ирина Борисовна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры дизайна, конструирования и сервисных услуг, Институт пищевых технологий и дизайна – филиал ГБОУ «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет»
E-mail: irinann1954@yandex.ru

Абоимова Ирина Сергеевна,

к.п.н., доцент, кафедра среднего и графического дизайна, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»
E-mail: i.aboimova@mail.ru

Шаповалова Евгения Владимировна,

к.п.н., доцент кафедры психиатрии и наркологии ДВГМУ «Дальневосточный государственный медицинский университет»
E-mail: Shev72@bk.ru

В данной статье рассматриваются вопросы влияния интернета на личность человека в современном обществе. Актуальность данной темы обуславливается стремительным развитием цифровых технологий и свободного доступа к информации через интернет. На сегодняшний день сложно представить жизнь без интернета или использования электронных гаджетов. Поэтому целью исследования является изучения степени влияния интернета на личность человека, и соответственно, на развитие современного общества. Задачи данной статьи следующие: определить с понятиями «личность», «интернет» и «социальные сети»; проанализировать положительные и отрицательные моменты влияния интернета на личность; описать последствия включенности в социальные сети личности для общества. В ходе исследования были сформулированы следующие выводы: высокая степень влияния интернета на личность зависит от степени вовлеченности человека в социальные сети, что в свою очередь зависит от определенных особенностей личности, а также от качества социального окружения (степени социализации) конкретного человека. Изменение в поведении личности посредством интернет-среды, может способствовать развитию интернет-аддикции, что не может не сказываться на качество жизни и развитие общества в целом. В ходе исследования использовались методы теоретического и литературного анализа.

Ключевые слова: личность, влияние на общество, интернет и социальные сети, интернет – зависимость, общение.

Развитие информационных технологий привели к фундаментальным изменениям во всем обществе. Произошел сдвиг от индустриального этапа к сетевой эре. В нашем мире социальные сети являются жизненно важной инфраструктурой, которая изменила социальную жизнь, а именно общение между людьми. Таким образом, первоначальной целью использования интернета было формирование комфортных условий для жизни людей в обществе. Поэтому, интернет модернизировал бизнес, образование, здравоохранение и даже то, как мы взаимодействуем друг с другом. Он стал одним из ключевых факторов социальной эволюции [1].

Конечно, во многих аспектах использование интернета экономит время, однако чрезмерное использование может привести к негативным последствиям для человека во всех сферах жизни.

Прежде чем, анализировать последствия влияния интернета на человека необходимо определиться с понятием «личность», и «социальные сети». Согласно отечественному подходу к понятию личности, «личность формируется под влиянием воздействий внешней среды, а затем становится независимой от внешних условий, устойчивой к воздействиям среды, при этом личность становится способной активно преобразовывать не только среду, но и саму себя, управлять и обстоятельствами своей жизни, и самой собой» (Л.И. Божович). Соответственно, личность определяется устойчивой жизненной позицией, совокупностью ценностей, моральных качеств, системы целей, убеждений. Таким образом, личность очень сложная комплексная система качеств, особенностей и уникальных характеристик [2].

Личность формируется на протяжении всей жизни. И одним из важных факторов ее развития является взаимодействие с окружающей средой (семья, школа и др.). Поэтому, рассматривать личность необходимо во взаимосвязи с обществом, на развитие которого личность влияет опосредованно через общение. А так как, интернет стал частью социальной жизни, то и анализировать влияние интернета на личность нужно в связке интернет – личность – общество [3].

Первое, что изменилось в процессе развития интернета и социальных сетей – это общение меж-

ду людьми, что в свою очередь повлияло на развитие коммуникационных навыков общения. Например, итоги исследования PR-Technologies (PR – агентство) продемонстрировали, что 73% респондентов даже применяют интернет в кругу друзей и близких людей. В список самых востребованных онлайн-развлечений входят: загрузка музыкальных композиций, просмотр кинолент, а также общение в мессенджерах и социальных сетях [4].

В России на сегодняшний день соотношение пользователей интернета в зависимости от возраста:

- 96% пользователей составляют люди в возрасте от 18 до 24 лет;
- 93% пользователей – люди в возрасте от 25 до 39 лет;
- 69% пользователей – люди в возрасте от 40 до 54 лет;
- 27% пользователей – люди старше 55 лет [4].

Таким образом, мы видим, что всё больше времени именно подростки уделяют компьютерным играм, просмотру телепередач и общению в социальных сетях.

Также, согласно результатам опроса, проведённого в октябре 2022 года, жители России в среднем проводят в интернете более четырёх часов в сутки. Молодые люди проводят в интернете немного больше времени – до пяти часов в день. Также, в исследовании, проведённом компаниями Hootsuite и We are Social, было выявлено, что в России наибольшей популярностью пользуется YouTube. На него приходится 85,4% интернет-пользователей в нашей стране. На втором месте по популярности находится социальная сеть «ВКонтакте» с показателем в 78%. Далее следуют WhatsApp (75,8%), Instagram¹ (61,2%), «Одноклассники» (47,1%) и Viber (42,5%). Facebook² используют 38,9% пользователей, TikTok – 30,3%, Telegram – 24,4% [5].

Соответственно, согласно статистике, в 2022 г. аудитория интернета в России составила 97,5 млн человек или 80% населения страны. То есть, больше половины населения России имеет доступ к интернету и использует социальные сети [6].

В многочисленных современных исследованиях, посвящённых изучению воздействия интернета на общество, личность и психику человека, рассматриваются как положительные, так и отрицательные аспекты этих отношений. В современном мире развитие интернета происходит в основном благодаря быстрому мобильному соединению. Мобильный интернет – это настоящий прорыв. Возможность подключения к интернету через смартфоны и планшеты делает нашу жизнь более мобильной. С помощью мобильного интернета

можно выйти на связь в любое время из практически любой точки земли [7].

Поэтому, возникает риск негативного влияния интернета на личность. В средствах массовой информации нередко можно встретить информацию о том, что активное использование интернета может привести к отчуждению, изоляции и уходу от общества. Однако имеющиеся данные свидетельствуют о том, что интернет для некоторых людей не способствует изоляции и не снижает их способность к общению. Активное использование интернета может быть связано с чувством одиночества и социальной изоляции. Негативные явления в интернете, такие как онлайн-преследование, киберпреследование и интернет-хищничество, затрагивают значительное количество пользователей [4]. Соответственно, интернет становится альтернативой реальному общению, и человек может начать воспринимать виртуальный мир как более реальный, чем реальный, что приводит к отчуждению от других людей.

Напротив, он способствует развитию коммуникабельности, гражданской активности и укреплению семейных и дружеских связей в различных культурах. Так как, с помощью интернета стираются границы между людьми, преодолеваются пространственные и временные ограничения. Социальные сети предоставляют нам множество возможностей для общения и обмена информацией [1].

Для людей, которые подвержены вовлечённости в общение в интернете подвержены риску развития интернет-зависимости (интернет – аддикция). Зависимость от интернета, или интернет-аддикция, – это состояние, при котором человек испытывает непреодолимое желание проводить время в интернете и использовать его ресурсы. На данный момент, злоупотребление интернетом ведёт к данному заболеванию, которое зарегистрировано официально: данное состояние было включено в МКБ-11 (май 2019 г.) как зависимость от видеоигр и азартных онлайн-игр [3].

В последнее время учёные всё чаще изучают связь между индивидуальными особенностями личности и склонностью к интернет-зависимости. Согласно исследованию Kuss и Griffiths, личностные характеристики и поведение в интернете объясняют более 22% случаев интернет-зависимости. Однако пока неясно, какие именно черты личности влияют на развитие интернет-зависимости. По мнению Kuss, повышенная тревожность и использование интернета в основном для покупок снижают вероятность возникновения интернет-зависимости [5].

Также, еще одним негативным эффектом является воздействие на познавательные способности. Есть информация, которая говорит о том, что продолжительное использование интернета может негативно сказаться на когнитивном разви-

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

тии детей, в том числе на формировании навыков запоминания, сосредоточенности, критического мышления, языковых навыков, чтения и обучения [6].

Это можно объяснить тем, что с появлением интернета способ, которым люди обрабатывают информацию, претерпел значительные изменения. Теперь информация всегда доступна в режиме реального времени. Много появляется визуального контента, где представляется информация нелинейно, через отдельные веб-страницы, которые могут быть получены из множества источников. Поэтому для обработки и анализа информации требуются новые модели когнитивных процессов [5].

Таким образом, интернет изменил способ организации, хранения и обработки информации. Если биологическая память развивается интерактивно (непосредственное общение, чтение бумажных книг), конструктивно и взаимосвязано, то компьютерная память позволяет только извлекать информацию, а не анализировать ее привычными способами [2].

Но, с другой стороны, интернет способствует социализации. В современном мире общение в социальных сетях – это один из самых действенных способов общения между людьми. Он предоставляет разнообразные площадки и инструменты для коммуникации, включая электронную почту и мгновенный обмен сообщениями через социальные сети [1].

Кроме того, использование интернета в образовании способствует оптимизации процесса обучения, а также становление профессиональной социализации студента. Учащиеся и преподаватели могут использовать интернет для создания и обмена знаниями, а также для разработки новых методов обучения, которые увлекают и стимулируют воображение учащихся в любое время, в любом месте и с любого устройства. Так появилось смешанное обучение – сочетание онлайн и очного взаимодействия между учителями, так и учениками, создавая новую образовательную социальную коммуникационную среду [6].

Таким образом, социальная сеть – это бездонный кладёзь информации. Для получения доступа к библиотечным фондам, энциклопедиям, художественным коллекциям, архивам новостей и другим информационным ресурсам из любой точки земного шара. Более того, благодаря интернету пользователи перестали быть пассивными потребителями информации, которую им предоставляют традиционные СМИ. Теперь они могут активно выбирать, какие сведения им интересны, когда и как их получать. Также, они могут сами решать, хотят ли они быть в курсе событий [7].

То есть формируется активная творческая позиция личности, когда человек сам может влиять

на свою жизнь, выбирая для себя соответствующую информацию.

Кроме того, использования интернета в образовании, позволяет создать множество образовательных курсов, которые могут развивать необходимые навыки, и эти курсы за счет дистанционного обучения, стали доступны все слоям населения. Таким образом, интернет благополучно влияет на развитие и повышение квалификации сотрудников, а также повышению уровня грамотности всего общества [5].

Необходимо отметить появление нового явления в связи с повышением активности использования интернета: информационная перегрузка. В современном мире, где информации становится всё больше, появилось такое явление, как информационная перегрузка. Оно не связано исключительно с интернетом, а может быть прослежено ещё в литературе XIX века. Однако именно с развитием интернета это явление приобрело новое значение. Информационную перегрузку также описывают как «информационный стресс». Иными словами, информационная перегрузка – это состояние, когда человек не может адекватно понять проблему или принять эффективное решение из-за избытка информации [2].

Говоря о негативном воздействии Интернета на человека, нельзя не упомянуть о его влиянии на здоровье. У людей, которые регулярно пользуются интернетом, часто возникают проблемы со зрением, слухом и сердечно-сосудистой системой. Виртуальное общение, игры и просмотр развлекательных видео негативно особенно негативно сказываются на здоровье людей, в том числе и детей.

Кроме того, индивидуальная восприимчивость использования социальных сетей может повлиять на развитие таких полярных черт характера как агрессивность, экстремистские настроения и др. Это может негативно сказаться на жизни общества, провоцируя формированию преступных групп, или лиц с агрессивным поведением. Что в свою очередь, приводит к необходимости контроля видео и медиа контента в социальных сетях в целях национальной безопасности [2].

Использование интернета и социальные сети соединяются с функциями СМИ. Благодаря интернету многие получают информацию о самых актуальных новостях, которые иногда не успевают попасть в эфир радио или телевидения. Кроме того, стоит отметить, что именно социальные сети и интернет стал дополнительной возможностью развития бизнеса, появляется новая ниша маркетинга: SMM – маркетинг, продвижение товаров через социальные сети, создание и ведение личного бренда. Таким образом, развитие социальных сетей и интернета положительно влияет на экономическую сферу страны, развивая новых амбициозных предпринимателей, которые в свою очередь

развивают малый и средний бизнес в стране. Появляются новые отрасли экономики, как товары ручной работы, развитие маркетплейсов и других платформ [7].

В заключении можно отметить, что использование интернета и социальных сетей существенно изменило нашу повседневную жизнь. Социальные и цифровые технологии повлияли на формирование личности и ее взаимодействие с обществом. В свою очередь, интернет повлиял на развитие самого общества и основные сферы жизнедеятельности: экономическую, социальную, психологическую, и политическую. Положительные и негативные моменты влияния интернета, несомненно, присутствует в жизни современного общества и приводит нас к новым вызовам современной глобализации.

Литература

1. И. Б. Александрова, А.О. Миронова Художественное образование в режиме онлайн: проблемы, векторы развития, перспективы Сборник статей «Инновации в образовании». Материалы IX региональной научно-практической конференции. Мининский университет, Нижний Новгород, 2022. С. 20–23.
2. Герасимова Д.В. Влияние интернета: Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11–4. – С. 649–651. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10618> (дата обращения: 12.12.2020).
3. Шахов Л.М. Интернет и социализация молодежи: Текст. – 2019. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/> (дата обращения: 13.12.2020).
4. Еричев В. В., Аксенова Т.В., Овчаренко Е.С., Еричев И.В., Карапетов С.А., Мафагел Ф.А., Виниченко Е.Л., Шерматова Ю.В., Ляш А.Г. Роль современных интернет-ресурсов в непрерывном медицинском образовании врачей-стоматологов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 4–1. – С. 91–93. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11303> (дата обращения: 29.01.2021).
5. Костюченко М. В., Трутнев А.Ю. Интернет-ресурсы в изучении английского языка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 1. – С. 181–185. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12090> (дата обращения: 29.01.2021).
6. Багенц Д.С. Законодательная профилактика интернет-зависимости // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 9. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=375> (дата обращения: 29.01.2021).

7. Как интернет влияет на нашу жизнь. – URL: <http://skidkiryazan.ru/internetzavisimost-ili-kak-internet-vliyaet-na-nashu-zhizn/>

THE INFLUENCE OF THE INTERNET ON THE PERSONALITY OF A PERSON IN MODERN SOCIETY

Rakhkonen M.E., Karataeva T.A., Alexandrova I.B., Aboimova I.S., Shapovalova E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Far Eastern State Medical University

This article discusses the impact of the Internet on a person's personality in modern society. The relevance of this topic is due to the rapid development of digital technologies and free access to information via the Internet. Today it is difficult to imagine life without the Internet or the use of electronic gadgets. Therefore, the purpose of the study is to study the degree of influence of the Internet on a person's personality, and accordingly on the development of modern society. The objectives of this article are as follows: to define the concepts of "personality", as well as the Internet and social networks; to analyze the positive and negative aspects of the influence of the Internet on the personality; to describe the consequences of an individual's involvement in social networks for society. The following conclusions were formulated during the study: a high degree of influence of the Internet on a person depends on the degree of a person's involvement in social networks, which in turn depends on certain personality traits, as well as on the quality of the social environment (degree of socialization) of a particular person. Changes in a person's behavior through the Internet environment can contribute to the development of Internet addiction, which cannot but affect the quality of life and the development of society as a whole. The study used methods of theoretical and literary analysis.

Keywords: personality, influence on society, internet and social networks, internet addiction, communication.

References

1. B. Aleksandrova, A.O. Mironova. Art education online: problems, development vectors, prospects. Collection of articles "Innovations in education". Proceedings of the IX regional scientific and practical conference. Minin University, Nizhny Novgorod, 2022. Pp. 20–23.
2. Gerasimova D.V. The influence of the Internet: International journal of applied and fundamental research. – 2016. – No. 11 4. – Pp. 649–651. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10618> (date of access: 12.12.2020).
3. Shakhov L.M. The Internet and socialization of youth: Text. – 2019. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/> (date of access: 13.12.2020).
4. Erichev V. V., Aksenova T.V., Ovcharenko E.S., Erichev I.V., Karapetov S.A., Mafagel F.A., Vinichenko E.L., Shermatova Yu. V., Lyash A.G. The role of modern Internet resources in continuing medical education of dentists // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2017. – No. 4–1. – P. 91–93. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11303> (date of access: 01/29/2021).
5. Kostyuchenko M. V., Trutnev A. Yu. Internet resources in learning English // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2018. – No. 1. – P. 181–185. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12090> (date of access: 29.01.2021).
6. Bagents D.S. Legislative prevention of Internet addiction // International journal of applied and fundamental research. – 2010. – No. 3. – P. 9. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=375> (date of access: 29.01.2021).
7. How the Internet affects our lives. – URL: <http://skidkiryazan.ru/internetzavisimost-ili-kak-internet-vliyaet-na-nashu-zhizn/>

Влияние интернета и электронных гаджетов на формирование личности

Чудакова Наиля Муллахметовна,

к.ф.н., доцент, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: chudakova_nelli@mail.ru

Ракитянская Анжела Ивановна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры истории и философии Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского
E-mail: rakityanskayaspb@mail.ru

Александрова Ирина Борисовна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры дизайна, конструирования и сервисных услуг, Институт пищевых технологий и дизайна – филиал ГБОУ «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет»
E-mail: irinann1954@yandex.ru

Свирин Михаил Геннадьевич,

к.п.н., доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и профессиональных дисциплин ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
E-mail: msvirin@yandex.ru

Дутчина Оксана Борисовна,

к.п.н., доцент Высшей школы психологии, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: aksa26@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные вопросы формирования личности под воздействием интернета и электронных гаджетов. Целью статьи является изучение степени влияния интернета и электронных гаджетов на формирование личности. На основании поставленной цели были определены задачи исследования: дать определение «личности», и обозначить основные этапы ее формирования; изучить явление гаджет-зависимости и ее основные характеристики; проанализировать плюсы и минусы влияния интернета и электронных гаджетов на формирование личности. Основными методами исследования являются теоретический и сравнительный анализ литературы. В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

- стремительное развитие интернет-среды существенно повлияло на развитие всего общества в целом, а также на формирование личности каждого индивида;
- социальные сети с одной стороны помогают социализироваться в обществе, с другой стороны происходит замещение живой коммуникации на виртуальную;
- однако, одним из положительных моментов использования интернета и гаджетов является оптимизация образовательного процесса.

Ключевые слова: интернет – зависимость, личность, формирование личности, электронные гаджеты

В современном мире развитие цифровых технологий происходит со стремительной скоростью. Интернет, электронная почта и цифровое телевидение, электронные гаджеты стали неотъемлемой частью нашей жизни. Традиционные средства массовой информации (телевидение, газеты, журналы, радио) уходят на второй план, особенно среди подрастающего поколения. С доступностью интернета общение само по себе стало более интерактивным, удовлетворяя потребности в межличностном общении. На сегодняшний день интернет рассматривается как отдельная среда, которая формирует социальные отношения. Современные технологии, интернет и электронные гаджеты – это и способ общения, и источник информации одновременно [1]. Также, рост сегмента рынка услуг в интернете также повышается. Все больше товаров и услуг можно приобрести дистанционно. Это оказывает влияние не только на экономическую, но и на социальную сферу жизни людей, в том числе через трансформацию способов общения.

Прежде чем рассматривать вопрос о влиянии интернета и электронных гаджетов на формирование личности, необходимо определиться с понятиями «личность» и «формирование личности».

Рассмотрим понятие «личность» в концепции Л.И. Божович, так как в данной концепции личность анализируется как целостная структура. По мнению Л.И. Божович, «личность формируется под влиянием воздействий внешней среды, а затем становится независимой от внешних условий, устойчивой к воздействиям среды, при этом личность становится способной активно преобразовывать не только среду, но и саму себя, управлять и обстоятельствами своей жизни, и самой собой» [2]. Таким образом, понятие «личность» не сводится к понятию «индивида» или «индивидуальности», где описываются лишь определенные характеристики и свойства самой личности.

Соответственно, Л.И. Божович рассматривает личность как определенный уровень психического развития человека, с достижением которого повышается адаптивные возможности к меняющейся внешней среде, а также способности менять внешние условия и себя самого. Личность характеризуется наличием своего мнения, ценностных установок, жизненных целей, сложившейся картиной мира [2]. Все это, делает человека устойчивым к внешним изменениям и позволяет придерживаться своего пути, связанным с основными интересами и потребностями. Таким образом, пове-

дение личности можно описать как активное, исходящее из внутреннего побуждения к действию, а не пассивное (как реакция на внешний раздражитель).

Такая активная позиция личности вырабатывается к взрослому периоду. Но сам процесс формирования личности начинается задолго до достижения взрослого этапа: оно начинается с детского периода и данное формирование проходит как последовательный процесс с определенными этапами [2].

Особую роль в формировании личности играет мотивационная сфера личности, а именно развитие аффективно-потребностной сферы. По мере развития мотивационно-потребностной сферы человека личность начинает действовать из своих сложившихся мотивов, которые опосредуются через влияния окружающей среды. Например, потребность человека в новых впечатлениях, в процессе влияния окружающей среды (воспитании, неформальной и формальных групп, профессиональное становление и др.), преобразовывается в познавательную потребность, а в дальнейшем и особенностью личности. Познавательная потребность лежит в основе не только учебной деятельности, но и в основе формирования личности [1].

Таким образом, психологические характеристики возраста формируются под влиянием различных факторов, включая социальные условия, образ жизни человека, воспитание и его практическую деятельность. В это время происходит поиск нового вида деятельности. И то, какой вид деятельности станет основным в жизни человека, определит его дальнейшее развитие и формирование его личности [3].

Подводя итог вышесказанному, человек становится личностью в первую очередь через деятельность и взаимодействие с другими людьми, группами и обществом. Этот процесс включает в себя усвоение опыта, накопленного обществом. В связи с этим, является интересным и актуальным вопрос о влиянии интернета и электронных гаджетов, начиная с подросткового периода (а также с более раннего возраста), так как именно в это время происходит основной этап формирования личности, ценностных ориентиров, мотивационно-потребностной сферы и др. [2].

Свободный доступ к интернету, использование социальных сетей, а также электронных гаджетов порождает две основные проблемы.

1. Возникновение интернет и гаджет зависимости. В этом смысле особенно интересны факторы, которые влияют на возникновение данной зависимости – определенные характеристики личности является одной из причин.
2. Использование цифровых технологий, социальных сетей в организации учебного процес-

са, а также введение инноваций в образование [1].

Итак, в последнее время всё больше научных работ рассматривают взаимосвязь между чертами и особенностями личности и вероятностью возникновения интернет-зависимости. Согласно исследованиям Kuss, D., Griffiths, M. выяснилось, что влияние особенностей личности и характеристик поведения в интернете на интернет-зависимости составляет более 22% [5]. Однако точно нельзя сказать, какие именно личностные характеристики влияют на формирование интернет – аддикции. По мнению Kuss, D., повышенная тревожность и использование интернета преимущественно для совершения покупок снижает вероятность возникновения интернет-зависимости. В то же время, предпочтение онлайн-игр и открытость новому опыту, наоборот, увеличивают этот риск. Однако, сочетание частых покупок в интернете с активным использованием социальных сетей, высоким уровнем тревожности (невротическим типом личности) и склонностью к неконформизму, напротив, повышает вероятность возникновения интернет-зависимости [6].

Можно предположить, что большинство пользователей социальных сетей – это молодые люди. По информации агентства PR-Technologies (PR – агентство) 86% активных пользователей социальных сетей были в возрасте от 18 до 24 лет [5]. Подростки всё больше времени проводят за компьютерными играми, просмотром телепередач и общением в социальных сетях. По словам Е.Н. Куриленко, игры становятся неотъемлемой частью жизни подростков, заменяя им реальность. Это может привести к негативным последствиям для здоровья и поведения. Если рассматривать с точки зрения медицины, чрезмерное увлечение компьютерными играми может негативно сказаться на зрении и способствовать появлению агрессивного поведения [4].

Кроме того, спутниковое телевидение с большим количеством каналов часто транслирует передачи, которые могут нанести вред психическому здоровью подростков.

Согласно официальным статистическим данным, во всём мире около 10% пользователей испытывают зависимость от интернета. В России этот показатель, по оценкам психиатров, составляет от 4 до 6% [7].

По данным Лаборатории социальных технологий 85% молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет не представляют свою жизнь без смартфона. Половина опрошенных признались, что испытывают психологическую зависимость от портативных музыкальных устройств. Среди других популярных гаджетов можно выделить цифровые камеры, карманные компьютеры, а также портативные DVD-плееры и цифровые диктофоны. В России более

84 миллиона человек в возрасте от 16 лет и старше активно пользуются Интернетом [8].

Такие данные можно объяснить особенностью восприятия подростков социальных сетей отличается от взрослых. Молодые люди и подростки обычно более эмоционально реагируют на события в социальных сетях, в то время как взрослые люди более сдержанны. Подростки придают событиям в сети личный смысл, для них грань между виртуальным миром и реальностью становится менее чёткой [1].

Природа данных изменений кроется в особенности формирования личности на этапе «Я-образ». По мнению, Козлова Н.С. «...если личность стремится одновременно достичь идентичности с другими, создать новый образ Я, стать публичным лицом, и при этом у нее возникает ощущение, что она сможет избежать одиночества, то возникает ощущение становления частью активнейшего сообщества, которое является значимым для нее. И так как все эти процессы легче и, главное, одновременно легче осуществляются в виртуальном мире, то можно предполагать, что виртуальный коллективный субъект, в силу своей большей доступности, может стать более актуальным для личности, чем реальный» [4].

Кроме того, применение социальных сетей позволяет удовлетворить целый ряд потребностей:

- 1) потребность в межличностном общении;
- 2) ощущение психологического комфорта и принятие;
- 3) отдых и развлечение;
- 4) получение новых знаний, формирование новых групп и сообществ (social networking) [8].

Итак, можно сделать вывод о том, что позитивное восприятие интернета и его влияния на формирование личности обусловлено рядом характерных черт: яркими переживаемыми эмоциями, связанными с потребностями межличностного общения, а также потребностью новых впечатлений, и сложностями с подлинной самоидентификацией [7].

Если мы ещё более детально рассмотрим положительные эффекты, которые пользователи отмечают в социальных сетях, то становится очевидно, что наиболее популярными являются следующие аспекты:

- общение, поддержание связи с теми, кто находится далеко;
- расширение кругозора, получение новых знаний о других людях;
- развитие когнитивных способностей, получение информации о событиях;
- развитие эрудиции [5].

Есть и отрицательные последствия использования интернета, и гаджетов:

- использование интернета отнимает много времени и энергии, отвлекая от повседневных задач;

- также, интернет из-за большого количества мультимедийного контента, социальные сети отвлекают также от процесса обучения и освоения знаниями;
- уменьшение живого общения с другими людьми, что ведет к низкой социальной адаптации в обществе, и ограничению коммуникативных навыков;
- потеря социальных контактов;
- искажение восприятия окружающего мира [6].

Для оценки риска интернет-зависимости была разработана анкета «Цифровые предпочтения подростков». Она показала, что процент учащихся, чрезмерно увлекающихся интернетом, довольно высок. Наибольшее количество подростков (46%) предпочитают проводить использовать свои гаджеты (мобильные телефоны) в социальных сетях более четырёх часов в день. Это свидетельствует о том, что они злоупотребляют этим видом досуга и могут иметь признаки интернет-зависимости [8].

Одним из негативных влияний интернета на формирование личности стоит отметить отдельно появление агрессивного поведения, которое стимулируется с помощью соответствующего провоцирующего контента (видеоролики в YouTube, различная реклама и др.). Но также стоит отметить, что высокая восприимчивость к данному контенту зависит во многом от наличия определенных личностных особенностей (предикторы). К таким личностным особенностям можно отнести: враждебность, низкая социальная активность, агрессивность, невротичность и др. [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что влияние интернета и использования гаджетов на формирование личности имеет сложную природу. С одной стороны, может оказать положительное влияние, на формирование личности, так и отрицательное. Главным фактором, определяющим какого характера, будет воздействие является сама личность человека, а именно ее основное свойство устойчивости к изменениям окружающей среды, о котором было сказано выше [1].

Стоит отметить, что использование интернета и социальных сетей в образовательном процессе имеет ряд положительных эффектов на формирование личностных особенностей подростков. Например, умение ориентироваться в большом количестве информации и найти необходимое. Так как, в современном мире информация устаревает стремительно, и традиционные методы обучения не успевают за этим темпом. Использование компьютерных технологий помогает решить эту проблему и вывести образование на новый уровень. Теперь учащийся становится активным участником образовательного процесса. При такой форме взаимодействия преподаватель становится из позиции ментора в позицию консультанта, что развивает у учащегося самостоятельность и независи-

мое поведение, возможность самостоятельно контролировать свою деятельность [4].

Сочетание онлайн уроков и очных занятий называется смешанным обучением. Смешанное обучение доступно не только в средней и высшей школе. Использование информационных технологий в образовании уже стало реальностью, и это закреплено на законодательном уровне, даже в начальной школе.

В завершение краткого анализа необходимо отметить, что информационные технологии оказывают значительное влияние на различные стороны личностного роста, а также преобразовывают привычную социальную реальность. Подростки, которые с ранних лет знакомы с компьютерами, так называемое поколение digital, имеют свои особенности в развитии. У этого факта есть как положительные стороны, так и потенциальные риски. Использование интернета, гаджетов и социальных сетей стало массовым. Дети и подростки активно используют эти технологии, и, как показывает анализ результатов, это влияет на формирование их личности и накладывает определенный отпечаток на дальнейшее развитие [8].

Литература

1. Александрова И.Б., Миронова А.О. Художественное онлайн-образование: проблемы, векторы развития, потенциал // Сборник статей: Инновационная деятельность в образовании. Сборник статей по материалам IX региональной научно-практической конференции. Мининский университет. Нижний Новгород, 2022. С. 20–23.
2. Божович Л.И. Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. 1976. № 6. С. 45–53.
3. В.Г. Каменская, Л.В. Томанов. Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 139–159. – URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2022_n1/Kamenskaya.
4. Тomanov [Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология – 2022. Том 15. № 1].
5. Сорокина А.Б. Интернет в жизни современных детей и подростков: проблема и ресурс [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4, № 1. С. 45–64. – URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76176.shtml>
6. Аудитория Интернета и основные тенденции медиа потребления. Онлайн опрос на апрель 2015 в России. Электронный ресурс. – URL: <http://www.slideshare.net/Trafficsobar/ss-54112539>.
7. Гаджет-зависимость и почему Стив Джобс запрещал своим детям айфоны. Электронный ресурс. – URL: <http://www.oum.ru/literature/raznoe/gadget-zavisimost-pochemu-stiv-jobs-zareshya-detyam-iphony/>.
8. Козлова, Н. С., Сушков, И. Р. (2013) Стремление к публичности и самопрезентации как проявление специфических потребностей, реализуемых личностью в интернет-среде // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 6(ноябрь-декабрь).

THE INFLUENCE OF THE INTERNET AND ELECTRONIC GADGETS ON THE FORMATION OF PERSONALITY

Chudakova N.M., Rakityanskaya A.I., Alexandrova I.B., Svirin M.G., Dutchina O.B.
Russian State Professional Pedagogical University, A.F. Mozhaisky Military Space Academy, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pacific State University

This article discusses the main issues of personality formation under the influence of the Internet and electronic gadgets. The purpose of the article is to study the degree of influence of the Internet and electronic gadgets on the formation of personality. Based on the goal, the objectives of the study were defined: to define the “personality”, and to indicate the main stages of its formation; To study the phenomenon of the gadget – dependencies and its main characteristics; To analyze the pros and cons of the Internet and electronic gadgets on the formation of personality. The main research methods are the theoretical and comparative analysis of literature. In the course of the study, the following conclusions were drawn:

- the rapid development of the Internet environment and electronic gadgets significantly affected the development of the whole society, as well as the formation of the personality of each individual;
- social networks on the one hand help socialize in society, on the other hand, there is a replacement of live communication to a virtual;
- however, one of the positive aspects of using the Internet and gadgets is the optimization of the educational process.

Keywords: Internet – dependence, personality, personality formation, electronic gadgets

References

1. Aleksandrova I.B., Mironova A.O. Artistic online education: problems, development vectors, potential // Collection of articles: Innovative activities in education. Collection of articles based on the materials of the IX regional scientific and practical conference. Minin University. Nizhny Novgorod, 2022. Pp. 20–23.
2. Bozhovich L.I. Psychological patterns of personality formation in ontogenesis // Questions of Psychology. 1976. No. 6. Pp. 45–53.
3. V.G. Kamenskaya, L.V. Tomanov. Experimental Psychology. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 139–159. – URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2022_n1/Kamenskaya.
4. Tomanov [Digital technologies and their impact on social and psychological characteristics of children and adolescents // Experimental psychology – 2022. Vol. 15. No. 1].
5. Sorokina A.B. The Internet in the lives of modern children and adolescents: problem and resource [Electronic resource] // Modern foreign psychology. 2015. Vol. 4, No. 1. Pp. 45–64. – URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76176.shtml>
6. Internet audience and main trends in media consumption. Online survey for April 2015 in Russia. Electronic resource. – URL: <http://www.slideshare.net/Trafficsobar/ss-54112539>.
7. Gadget addiction and why Steve Jobs forbade his children iPhones. Electronic resource. – URL: <http://www.oum.ru/literature/raznoe/gadget-zavisimost-pochemu-stiv-jobs-zareshya-detyam-iphony/>.
8. Kozlova, N. S., Sushkov, I. R. (2013) The desire for publicity and self-presentation as a manifestation of specific needs realized by an individual in the Internet environment // Information humanitarian portal “Knowledge. Understanding. Skill”. No. 6 (November – December).

